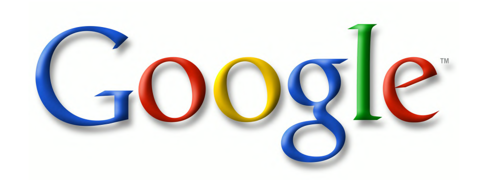
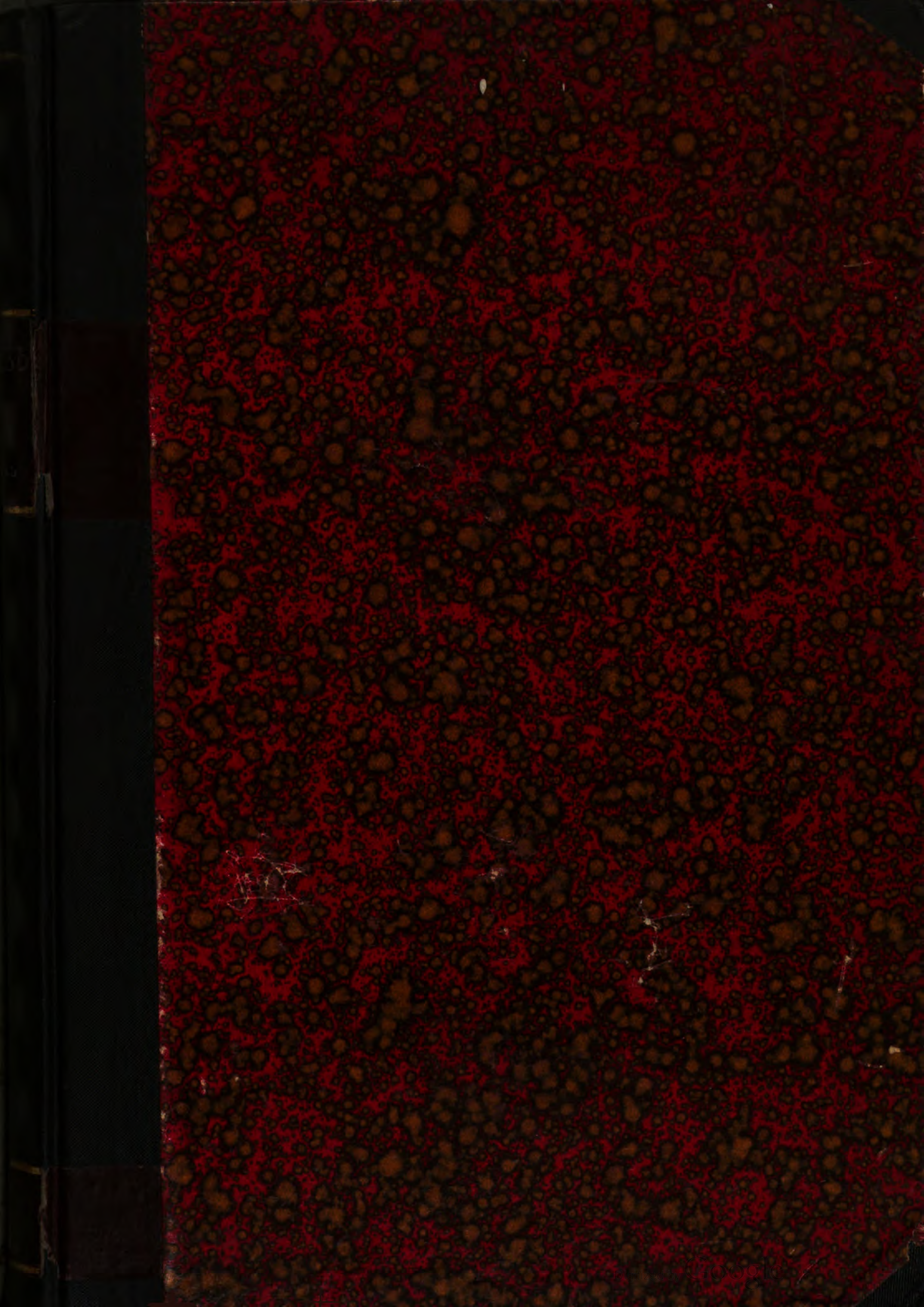
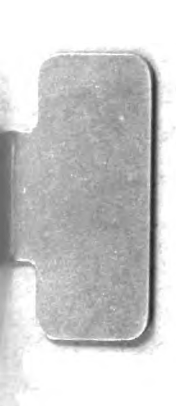
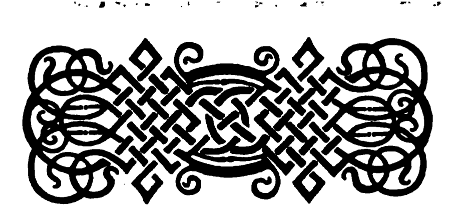

Google

ВОЙНА

ЗА КАВКАЗОМЪ

ВЪ 1855 ГОДУ.

Н. Н. МУРАВЬЕВА.

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗДАНО А. Н. ДЕМИДОВОЮ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Большая Подъяческая, домъ № 39.

1877.

ВОЙНА
ЗА КАВКАЗОМЪ
ВЪ 1855 ГОДУ.

Н. Н. МУРАВЬЕВА.

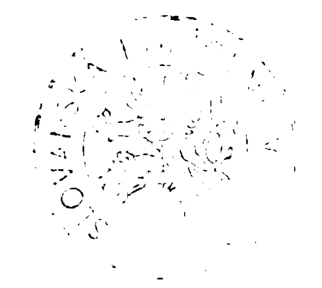
ТОМЪ II.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗДАНО А. Н. ДЕМИДОВОЮ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Большая Подъяческая, домъ № 39.
1877.

СОДЕРЖАНІЕ 3-й ЧАСТИ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРИСТУПЪ 17-го СЕНТЯБРЯ.

I.

II.

III.

IV.

V.

VI.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОТЪ 17-ГО СЕНТЯБРЯ ДО КОНЦА КАМПАНІИ.

I.

II.

III.

IV.

V.

VI.

СОДЕРЖАНІЕ 4-й ЧАСТИ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

КАМПАНІЯ ВЪ МИНГРЕЛІИ.

I.

II.

III.

IV.

V.

ПРИЛОЖЕНІЯ;

ВОЙНА ЗА КАВКАЗОМЪ

въ 1855 году.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРИСТУПЪ 17-го СЕНТЯБРЯ.

I.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ.

Четыре условія, которыя по принятому плану кампаніи, должны были предшествовать приступу Карса, были приведены въ исполненіе, именно: Планъ кампаніи вкратцѣ.

1) Мы заняли дороги ведущія изъ Карса въ Эрзрумъ, чѣмъ прекратили сообщенія между сими городами.

2) Мы обладали Ардеганомъ и Кагызманомъ.

3) Непріятель лишился продовольственныхъ запасовъ, сложенныхъ имъ въ с. Энгли-Кевъ, и

4) Хотя Вели-Паша не былъ разбитъ, но онъ былъ вытѣсненъ изъ укрѣпленнаго лагеря при с. Керпи-Кевъ, и уклонился съ корпусомъ своимъ въ Эрзрумъ.

За тѣмъ для занятія Карса оставалось штурмовать крѣпость; но согласно первоначальному предположенію, не прежде, какъ въ позднюю осень, когда въ гарнизонѣ, изнуренномъ нуждами всякаго рода, оказались бы признаки совершеннаго разслабленія и упадка духа.

Приготовления къ земляннымъ работамъ.

Не взирая на посѣтившую насъ холеру, сытое и хорошо одѣтое войско наше, было весело, бодро и домогалось боя. Блокада была тягостна только для кавалеріи, вся же служба пѣхоты состояла въ содержаніи небольшихъ карауловъ, въ конвоированіи транспортовъ и въ заготовленіи сѣна. Хотя и не предполагалось начинать осады, но при такомъ состояніи войскъ и при свободномъ времени, нѣкоторыя приготовительныя мѣры, на случай надобности въ земляныхъ работахъ, могли способствовать успѣху штурма, коего отдаленную эпоху въ позднюю осень, главнокомандующій не думалъ измѣнять безъ какого-нибудь непредвидимаго тогда погода. Въ семъ предположеніи, приказано было еще въ Августѣ мѣсяцѣ привезти изъ Александрополя два орудія, изъ небольшаго осаднаго парка тамъ имѣвшагося. На первыхъ порахъ, онѣ были поставлены, безъ особеннаго назначенія, на исходящихъ углахъ обводнаго вала, ограждавшаго близъ с. Гани-Кевъ госпитали и тяжести, собранныя, въ такъ называемомъ, Княжемъ-Дворѣ. Кромѣ того, изъ Тифлиса приведенъ былъ еще резервный саперный баталіонъ, коего часть была поставлена въ Александрополѣ, а другая оставлена по дорогѣ въ Дилижанскихъ лѣсахъ, гдѣ приказано заготовить большое количество туровъ и фашинъ, что было исполнено, и матеріалы сіи доставлены въ Александрополь.

Доступность Карса.

Между тѣмъ Карсъ и укрѣпленный лагерь осматривались съ большою подробностію, для открытія всѣхъ способовъ, могущихъ служить къ занятію крѣпости. Во второй главѣ имѣется подробное описаніе, мѣстоположенія на которомъ расположенъ городъ, окрестностей его и укрѣпленій, коими англичане окружили старую крѣпость съ цитаделью и лагерь анатолійской арміи. Мѣстоположеніе сіе и укрѣпленія обозначены на планѣ *); въ третьей же главѣ изложены съ возможною подробностью послѣдствія наблюденій сдѣланныхъ ген. Муравьевымъ при рекогносцировкѣ совершенной имъ 1-го іюля. Изъ

*) См. планъ Карса съ окрестностями съ обозначеніемъ перваго натиска войскъ на приступѣ.

сихъ свѣдѣній видно, что Карсъ былъ доступенъ для дѣйствія нашей артиллеріи, только съ низменной стороны, гдѣ находился главный турецкій лагерь окруженный валомъ, хотя и незначительной профили, но что атака съ сей стороны не могла имѣть хорошихъ послѣдствій, по причинѣ окружающихъ сіе мѣсто высотъ, вооруженныхъ сильною артиллеріею. Изъ высотъ—Карадагскія, можно назвать неприступными; Чакмахскія, по дальности своей отъ нашей операціонной линіи и отъ эрзрумской дороги, не представляли существенныхъ выгодъ для атакующаго. Сверхъ того, по занятіи ихъ, мы подверглись бы перекрестному огню съ фортовъ Арабъ-Табіэ и Вели-Паша-Табіэ. И такъ, намъ оставалось направить усилія свои къ шорахскимъ высотамъ, къ коимъ трудный по мѣстности доступъ, отчасти вознаграждался по крайней мѣрѣ тѣмъ, что верки на нихъ возведенныя, обстрѣливались только между собою, не имѣя настоящей обороны отъ прочихъ укрѣпленій окружавшихъ Карсъ. Занявъ эти верки, мы господствовали бы надъ двумя предмѣстіями Карса и надъ нижнимъ лагеремъ анатолійской арміи. Поэтому все вниманіе главнокомандующаго обратилось къ шорахской укрѣпленной позиціи, которую можно было обстрѣливать лишь съ одной высоты Лазъ-Тепе, названной нами—гора Муха; но вышеприведенныя рекогносцировки указали намъ, какія неудобства представлялись при занятіи помянутой горы, на которой, съ большимъ трудомъ и потерею, можно было бы помѣстить не болѣе двухъ орудій; посему и шорахская позиція, можно сказать, находилась внѣ выстрѣловъ нашей артиллеріи. За тѣмъ, оставалась одна Обсерваціонная гора, съ которой осадныя орудія могли нанести нѣкоторый вредъ непріятелю, стрѣляя однакоже не ближе какъ на разстояніе двухъ верстъ; но гора сія состояла изъ голой скалы; она тянулась почти параллельно шорахскому лагерю узкимъ хребтомъ и по крутизнѣ своей, была съ обѣихъ сторонъ мало доступна. Точное изслѣдованіе сей мѣстности показало, что для пріобрѣтенія небольшой площадки, гдѣ бы можно было поставить не болѣе трехъ орудій, надобно было высѣкать скалу съ вершины ея на довольно зна-

*

чительную глубину—какъ бы отколоть внутреннюю, къ намъ обращенную половину оной—такъ, чтобы оставшаяся наружная часть, составила природный каменный брустверъ, въ коемъ предстояло только просѣчь амбразуры. Для совершенія сей работы, потребно было, въ теченіи четырехъ дней и ночей, 2 т. постоянныхъ рабочихъ при значительномъ прикрытіи, на случай вылазки изъ крѣпости. Хотя была возможность исполнить все сіе, но едва ли стоило предпринимать такія исполинскія работы, чтобы поставить два или три орудія, которыя могли бы дѣйствовать только на двухъ верстномъ разстояніи, и то еще навѣсными выстрѣлами.

Причины штурма.

Въ подобныхъ осмотрахъ мѣстности, и соображеніяхъ, при постоянныхъ занятіяхъ для большаго стѣсненія анатолійской арміи, проходило время, приближая насъ къ поздней эпохѣ года, въ которую главнокомандующій предполагалъ штурмовать Карсъ—когда въ первой половинѣ сентября мѣсяца, послѣдовали одно за другимъ тревожныя извѣстія, побудившія его измѣнить первоначальный планъ кампаніи. Сперва высадившаяся армія Омеръ-Паши, которая угрожала Ахалцыху и Кутаису и навела страхъ въ самомъ Тифлисѣ. Съ другой стороны корпусъ Вели-Паши усиливался въ Эрзрумѣ новыми наборами; войско сіе могло явиться на вершинахъ Соганлуга и угрожать нашему тылу, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать заготовленію сѣна, производившемуся въ запасъ на зиму, и оставить насъ вовсе безъ топлива. Вели-Паша могъ проникнуть также въ Ольту, и оттуда покуситься на освѣженіе карскаго гарнизона — обстоятельства которыя крайне развлекли бы силы наши, и дали бы поводъ анатолійской арміи пытаться на вылазку или къ уходу изъ крѣпости. Противъ сихъ случайностей принимались еще мѣры; но когда внезапно услышалась, сперва загадочная пальба, густымъ дымомъ увѣнчавшая карскую цитадель, когда въ тотъ же вечеръ узнали черезъ перебѣжчиковъ, что въ Карсѣ торжествуютъ паденіе Севастополя, и когда спустя два дня послѣ того, освѣдомились изъ газетъ о семъ горестномъ событіи — тогда поколебались первоначальныя рѣшенія, тогда казалось что не слѣдовало бо-

лѣе держаться плана начертаннаго при иныхъ обстоятельствахъ. Военныя дѣйствія за Кавказомъ должны были связываться съ событіями происходившими въ Крыму, и если походомъ къ Эрзруму вызвана уже была изъ Крыма на берега кавказскихъ владѣній нашихъ армія Омеръ-Паши, то въ настоящее время, надобно было оказать вящую помощь братьямъ нашимъ, подвизавшимся на крымскомъ полуостровѣ — порадовать ихъ, Россію и Государя безотлагательнымъ занятіемъ Карса, послѣ чего съ частью войскъ занять Эрзрумъ, а съ другою, обратившись въ Мингрелію, втопить Омеръ-Пашу съ его арміею въ море.

Если бы палъ подъ приступомъ Карсъ, и свершилось бы затѣмъ все предположенное по измѣнившемуся плану кампаніи, то не только не осудили бы предпріятія сего, но отнесли бы его къ разряду смѣлыхъ и лучшихъ военныхъ соображеній. Вся война могла принять иной оборотъ, коего послѣдствія еще болѣе оправдали бы предпріятіе. Но подъ непроницаемою завѣсою, закрыта будущность отъ смертныхъ, и потому не взирая на то, что условія въ пользу успѣха перевѣшивали случайности которыя могли повредить предпріятію, не могло быть полнаго поручительства въ удачѣ. Не менѣе того, въ тогдашней войнѣ и при подобныхъ обстоятельствахъ, главному начальнику не слѣдовало уклоняться отъ гнета отвѣтственности ему предстоявшей. Видимое изнеможеніе непріятеля, бодрое состояніе войскъ нашихъ, духъ оживлявшій ихъ, негодованіе возрожденное паденіемъ Севастополя, желаніе отмстить врагу и всеобщій порывъ къ бою, служили въ то время лучшимъ ручательствомъ за успѣхъ — и приступъ Карса былъ рѣшенъ въ мысляхъ генерала Муравьева.

Шорахская позиція.

Обозримъ теперь въ подробности собственно шорахскую позицію, на которую по вышеприведеннымъ причинамъ, должны были обратиться главныя усилія наши. Высоты позиціи получили названіе свое отъ с. Шорахъ, лежащаго противъ нихъ на равнинѣ. Хотя высоты сіи мѣстами довольно круты, но съ фронта онѣ доступны для пѣхоты по всему протяженію своему; покатость ихъ во многихъ мѣстахъ пересѣкается ка-

менными грядами, которыя можно обходить. Два главныя укрѣпленія въ 600 — 700 шагахъ одно отъ другаго, обороняли шорахскую позицію: къ правому флангу оной Юксекъ-Табіэ, иначе Тепе-Табіэ, а къ лѣвому Тахмасъ-Табіэ. Впереди перваго изъ сихъ укрѣпленій, были выстроены, въ небольшомъ разстояніи на покатости горы, два люнета: къ правой сторонѣ отъ онаго, Гюрджи-Табіэ, а къ лѣвой, Кая-Табіэ, иначе Яремъ-Ай. Отъ перваго изъ сихъ люнетовъ тянулась линія ретраншаментовъ до горы Ширшани-Тепеси, названной нами Баши-бозукскою. Гора сія командуетъ надъ позиціею и всею окрестностью; на вершинѣ ея находился незначительный шанецъ для ружейной обороны, а на спускѣ сѣверо-восточной оконечности оной, была построена батарея Тетекъ-Табіэ, которую вооружили артиллеріею, для обстрѣливанія дороги подымающейся къ Карсу по оврагу отъ с. Чакмахъ. Баши-бозукская гора съ наружной стороны доступна для пѣхоты; но по возвышенію своему, крутизнѣ и каменнымъ грядамъ, коими усѣяна покатость ея, всходъ на вершину представляетъ много затрудненій атакующему, коему необходимо было бы часто останавливаться для отдыха на открытомъ мѣстѣ, подъ ружейнымъ огнемъ обороняющихся.

Отъ Тахмасъ-Табіэ тянулись въ обѣ стороны, на подобіе крыльевъ, двѣ линіи ретраншаментовъ, коихъ извилистое по мѣстности протяженіе, пересѣкалось кое-гдѣ небольшими выдающимися редантами для фланговой обороны. Ретраншаментъ праваго крыла, смотря отъ Карса, имѣлъ около ста шаговъ длины и загибаясь нѣсколько назадъ, оставлялъ между фронтомъ своимъ и укрѣпленіемъ Юксекъ-Табіэ, открытое мѣсто, впрочемъ обстрѣливавшееся нѣсколькими перекрестными огнями. Ретраншаментъ лѣваго крыла тянулся внизъ по слабой покатости горы, шаговъ на 500, и по ошибкѣ инженера укрѣплявшаго это мѣсто, не былъ доведенъ по сей покатости до крутизны, гдѣ начинался обрывистый каменистый берегъ рѣки, такъ что по сему свободному пространству, можно было пройти фронтомъ цѣлому баталіону пѣхоты. Крутой спускъ сей къ рѣкѣ, также небылъ ни чѣмъ огражденъ, что давало ата-

кующему возможность во время дѣла, хотя съ трудомъ пробираться косогоромъ на плато, на коемъ располагались позади укрѣпленій три лагеря войскъ, назначенныхъ для обороны шорахской позиціи. Внизу только—и нѣсколько назадъ, близъ берега рѣки, стояла какъ уже было сказано, на отдѣльной скалѣ, названной нами Лорисъ-Меликовою, пушка для обстрѣливанія равнины и для защиты отъ нашихъ партій, высылаемыхъ изъ Карса фуражировъ. Итакъ, въ ретраншаментъ лѣваго крыла можно было проникнуть даже съ артиллеріею, обогнувъ лѣвую оконечность онаго; кромѣ сего, въ срединѣ этаго ретраншамента былъ оставленъ небольшой проходъ, загражденный рогаткою и обороняемый траверсомъ. Впереди крыла сего, на наружной покатости позиціи, было выкопано около тридцати ложементовъ, изъ коихъ въ каждомъ могло помѣститься отъ пяти до десяти стрѣлковъ; ложементы эти были такъ низко устроены на покатости горы, что отъ нихъ нельзя было видѣть главнаго укрѣпленія Тахмасъ-Табіэ.

Отъ лѣваго фланга шорахской позиціи, спускается въ равнину горный контр-форсъ, на верхней половинѣ коего, возвышается остроконечная гора Лазъ-Тепе (Муха); но вершина сего конуса не командуетъ непріятельскою позиціею, съ которою она соединяется возвышенною сѣдлиною. Начало подъема по контрфорсу нѣсколько круто, далѣе подъемъ становится отложе. Настоящей дороги по сему горному отрогу нѣтъ, но поднимаясь по оному почти все время подъ выстрѣлами съ шорахской позиціи, атакующій встрѣчаетъ гору Муха, огибаетъ ее съ сѣверной стороны и выходитъ по вышеназванной сѣдлинѣ на колесную дорогу, которая ведетъ отъ с. Шорахъ мимо лѣвой оконечности ретраншамента, черезъ огражденное окопомъ пространство, на плато, гдѣ располагался непріятельскій лагерь. Къ этому же плато, слабо обстрѣливавшемуся навѣсными выстрѣлами съ праваго берега рѣки изъ Сувари-Табіэ, можно было также пробраться съ пѣхотою, изъ равнины по крутому и каменистому подъему узкою тѣсниною, оставляя гору Муха въ лѣвой сторонѣ.

Свѣдѣнія о турецкихъ укрѣпленіяхъ передъ штурмомъ.

Расположеніе турецкихъ укрѣпленій было по возможности высмотрѣно, и онѣ были вычерчены съ приблизительною вѣрностью на планѣ окрестностей Карса. Вооруженіе сихъ укрѣпленій и силы назначенныя для обороны ихъ, были въ нѣкоторомъ отношеніи извѣстны черезъ опросы дѣлаемые перебѣжчикамъ. Отъ нихъ узнано положительно, что на однѣхъ шорахскихъ высотахъ было отъ 5 до 6 т. человѣкъ пѣхоты, всѣ арабистанской дивизіи. Но намъ не было извѣстно, что небольшія насыпи ограждавшія горжи Тахмасъ-Табіэ и Юксекъ-Табіэ, въ послѣднее время были возвышены и рвы ихъ углублены, такъ что оборона сихъ двухъ сомкнутыхъ укрѣпленій съ тыла, сдѣлалась равносильною съ фронтальною ихъ обороною. Изъ нихъ, Тахмасъ-Табіэ могло по объему своему содержать до 1,500 человѣкъ. Фортъ Вели-Паша-Табіэ, находившійся въ центрѣ всего нагорнаго укрѣпленнаго лагеря, былъ недоступенъ для нашихъ рекогносцировокъ, почему, хотя мы и знали черезъ перебѣжчиковъ, что отдѣльный фортъ сей былъ значительно усиленъ, но размѣровъ и чертежей онаго мы имѣть не могли; впрочемъ, съ занятіемъ шорахской позиціи, атака Вели-Паши-Табіэ представляла то удобство, что окрестныя высоты командовали симъ фортомъ и самое мѣстоположеніе способствовало подступамъ къ нему.

Кмети о вооруженіи укрѣпленій.

Здѣсь умѣстно будетъ дополнить, имѣвшіяся у насъ въ то время свѣдѣнія о шорахской позиціи, подробнымъ показаніемъ вооруженія укрѣпленій построенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки, и находившихся для обороны ихъ войскъ при началѣ штурма. Свѣдѣнія сіи почерпнуты изъ разсказа, принимавшаго большое участіе въ дѣлѣ 17-го сентября, венгерскаго выходца Кмети, который издалъ въ 1856 году описаніе штурма.

По симъ свѣдѣніямъ артиллерія и пѣхота передъ штурмомъ были расположены слѣдующимъ образомъ:

Въ сомкнутомъ укрѣпленіи Тахмасъ-Табіэ находилось: два осадныхъ орудія (27 и 15 фунтоваго калибра) и четыре полевыя пушки отъ $4\frac{1}{2}$ до 9-ти фунтоваго калибра. Ретраншаментъ лѣваго крыла былъ вооруженъ пятью полевыми орудіями, въ томъ числѣ двѣ гаубицы 9-ти фунтоваго калибра. Всего въ

Тахмасъ-Табіэ, съ принадлежащими къ нему ретраншаментами, было одиннадцать орудій.

Въ сомкнутомъ укрѣпленіи Юксекъ-Табіэ находилось: одна 15-ти фунтовая гаубица и три 9-ти фунтовыя полевыя пушки; изъ передовыхъ же люнетовъ отъ Юксекъ-Табіэ, лѣвый Яремъ-Ай, оборонялся двумя 9-ти фунтовыми полевыми пушками, а правый Гюрджи-Табіэ, двумя 15-ти фунтовыми гаубицами и двумя 9-ти фунтовыми полевыми пушками. Всего для обороны Юксекъ-Табіэ съ принадлежащими къ нему люнетами, имѣлось десять орудій; во всѣхъ же укрѣпленіяхъ шорахской позиціи 21 орудіе.

Войска назначенныя для обороны шорахской позиціи, состояли изъ шести пѣхотныхъ и одного стрѣлковаго баталіоновъ арабистанской дивизіи. Изъ нихъ 1-й и 2-й пѣхотные баталіоны, на коихъ было возложено охраненіе Тахмасъ-Табіэ, поочередно изъ лагеря смѣняли другъ друга въ семъ укрѣпленіи. Стрѣлковый баталіонъ, назначенный для обороны ретраншамента лѣваго крыла, занималъ оный двумя ротами, имѣя остальныя роты въ резервѣ, въ лагерѣ. Вся эта часть пѣхоты находилась подъ начальствомъ Гуссейнъ-Даимъ-Паши, родомъ черкеса, племени убыхъ, человѣка бойкаго и способнаго.

Укрѣпленіе Юксекъ-Табіэ занималось 3-мъ баталіономъ арабистанцевъ, изъ коего одна половина находилась въ главномъ укрѣпленіи, а другая въ двухъ люнетахъ. Для ретраншамента, который тянулся отъ Гюрджи-Табіэ къ Баши-Бозукской горѣ, назначался 4-й баталіонъ арабистанцевъ, изъ коего половина находилась въ ретраншаментѣ, а другая располагалась резервомъ позади, въ двухъ небольшихъ лагеряхъ.

Общій резервъ войскъ, назначенныхъ для шорахской позиціи, состоялъ изъ 5-го и 6-го баталіоновъ арабистанцевъ съ пятью полевыми орудіями и располагался лагеремъ позади Тахмасъ-Табіэ.

Кмети присоединяетъ еще къ шорахской позиціи Ширшани-Тепеси, иначе Баши-Бозукскую гору и батарею Тетекъ-Табіэ, построенную на оконечности сей горы противъ с. Чакмахъ. Все это пространство, крѣпкое по своему мѣстоположенію, за-

нималось только однимъ баталіономъ стрѣлковъ султанской гвардіи. Одинъ взводъ онаго стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ретраншаментъ примыкалъ къ горѣ, одинъ взводъ на самой горѣ и одинъ въ батареѣ Тетекъ, которая была вооружена двумя легкими полевыми орудіями, и коей оборона была усилена сотнею людей изъ спѣшенныхъ двухъ эскадроновъ кавалеріи. Остальные пять взводовъ гвардейскаго баталіона, были расположены лагеремъ въ резервѣ, шагахъ въ 400 позади горы.

По показаніямъ Кмети, во всѣхъ сихъ войскахъ считалось при началѣ штурма подъ ружьемъ: пѣхоты 3,190, артиллеристовъ 609 и спѣшенныхъ кавалеристовъ, которымъ выданы были пѣхотныя ружья, 100, а всего 3,899 человѣкъ; всѣхъ же орудій съ пятью находившимися при резервѣ было 28, въ томъ числѣ одна пушка 27-ми фунтоваго калибра и четыре гаубицы 15-ти фунтоваго калибра, прочія же полевыя, большею частью 9-ти фунтоваго калибра *).

*) Сколь ни отчетливо кажется сіе исчисленіе и росписаніе войскъ, но тутъ могли вкрасться погрѣшности. Къ заключенію сему приводитъ то обстоятельство, что въ арабистанской дивизіи, которая вся находилась на шорахской позиціи, при сдачѣ Карса считалось, еще безъ стрѣлковаго баталіона 3,500 человѣкъ, почему нельзя думать, чтобы ихъ до штурма, со включеніемъ стрѣлковаго баталіона было только 3,190, какъ показано у Кмети. Допуская даже, что Вилліамсъ, передавшій намъ эти свѣдѣнія при сдачѣ Карса, принималъ въ разсчетъ не наличное, а списочное состояніе Арабистанской дивизіи, а что Кмети принималъ только первое, все же, показанную послѣднимъ числительность людей въ этой дивизіи, должно полагать менѣе дѣйствительнаго количества ихъ, если принять во вниманіе большую потерю понесенную арабистанцами при штурмѣ и значительную убыль, происшедшую въ теченіи двухъ мѣсяцевъ блокады между штурмомъ и сдачею, отъ холеры, голода и болѣзней. Кромѣ того, Кмети, показывая распредѣленіе баталіоновъ по укрѣпленіямъ, называетъ ихъ по общему порядку номеровъ отъ 1-го до 6-го, тогда какъ при сдачѣ Карса, въ арабистанской дивизіи, положившей оружіе, было кромѣ стрѣлковаго, двѣнадцать баталіоновъ, входившихъ въ составъ четырехъ полковъ: 1-го, 3-го, 4-го и 6-го, изъ коихъ въ каждомъ, баталіоны имѣли свои номера; но Кмети не объясняетъ причины этой разницы въ номераціи частей. Эта неясность подтверждаетъ предположеніе о погрѣшности вкравшейся въ его исчисленіи людей, и даетъ поводъ къ заключенію, что свѣдѣнія, собранныя отъ перебѣжчиковъ, показывавшихъ при началѣ приступа на одной шорахской позиціи, отъ 5-ти до 6-ти тысячъ человѣкъ—основательнѣе,

Отдѣльный отъ шорахской позиціи Чакмахскій укрѣпленный лагерь, былъ вооруженъ артиллеріею слѣдующимъ образомъ:

Въ главномъ укрѣпленіи этого лагеря, фортѣ Вели-Паша-Табіэ, находилось восемь орудій, въ числѣ коихъ была одна 33-хъ фунтовая пушка, одна 27-ми фунтовая, одна 21 фунтовая гаубица и 66-ти фунтовая мортира; прочія полевыя пушки, доходившія до 9-ти фунтоваго калибра.

Затѣмъ ретраншаменты, принадлежавшіе къ Чакмахскому укрѣпленному лагерю, тянувшіеся по направленію къ Арабъ-Табіэ до обрыва лѣваго берега р. Карсъ-Чай, перемежавшіеся редутами и редантами и извѣстные подъ названіемъ англійскихъ линій, были вооружены на всемъ протяженіи своемъ, десятью орудіями, въ числѣ коихъ, двѣ пушки 21-го фунтоваго калибра и одна гаубица 15-ти фунтоваго; прочія—полевыя пушки, доходившія до 9-ти фунтоваго калибра.

Для обороны чакмахскаго укрѣпленнаго лагеря было назначено, анатолійской пѣхоты три баталіона, изъ коихъ одинъ былъ расположенъ въ фортѣ Вели-Паша-Табіэ, а два въ англійскихъ линіяхъ. Кромѣ того находилось еще здѣсь 250 лазовъ, расположенныхъ въ палаткахъ позади правой оконечности линіи. Кмети показываетъ, что всей пѣхоты на семъ пунктѣ, за исключеніемъ артиллеристовъ, имѣлось въ строю 1,400 человѣкъ *), орудій же было 18.

Исчисляя вооруженіе и оборону всѣхъ укрѣпленій возведенныхъ на лѣвомъ берегу р. Карсъ-Чай, Кмети показываетъ еще фортъ Чинъ-Табіэ, находившійся внизу близъ рѣки передъ форштатомъ Темуръ-Паша. Фортъ сей былъ вооруженъ 6-ю орудіями, въ числѣ коихъ была одна пушка 27-ми фунтоваго калибра, двѣ 21-го фунтоваго и одна гаубица 15-ти фунтоваго; прочія 9-ти фунтовыя полевыя пушки. Гарнизонъ въ Чинъ-

что повѣряется и замѣчаніями нами сдѣланными при самомъ началѣ штурма.

*) Показаніе сіе согласуется съ замѣчаніями нашими о количествѣ войскъ встрѣченныхъ ген. Базиномъ, при атакѣ имъ чакмахскаго укрѣпленнаго лагеря.

Табіэ состоялъ изъ одного анатолійскаго баталіона въ 600 человѣкъ и изъ 80 лазовъ *). Сверхъ того, онъ полагаетъ 330 артиллеристовъ при орудіяхъ, какъ въ чакмахскихъ укрѣпленіяхъ, такъ и въ Чинъ-Табіэ и еще вооруженныхъ пѣхотными ружьями 150 кавалеристовъ, при коихъ состояло только 30 строевыхъ лошадей; артиллерійскихъ же лошадей считаетъ онъ при полевыхъ орудіяхъ только 147.

Такимъ образомъ, по показанію Кмети, во всѣхъ войскахъ занимавшихъ укрѣпленія по лѣвую сторону р. Карсъ-Чай, считалось 17-го Сентября, при началѣ штурма, подъ ружьемъ и въ бою:

Пѣхоты . . .	5,270 чел.		
Кавалеріи . . .	250 »	при	30 лош.
Артиллеристовъ .	939 »	при	147 »
Итого .	6,459 **)		177.

Сверхъ того, по словамъ его, также были вооружены и росписаны по мѣстамъ всѣ лица духовнаго званія, писаря, музыканты, барабанщики, деньщики и кашевары.

Всѣхъ орудій было на лѣвомъ берегу р. Карсъ-Чай въ укрѣпленіяхъ 52, въ томъ числѣ осадныхъ 15 и полевыхъ 37; но Кмети считаетъ ихъ 53. Надобно думать, что онъ въ семъ счетѣ полагаетъ орудіе, поставленное на отдѣльной скалѣ, находившейся близъ самаго берега рѣки и получившей у насъ названіе скалы Лориса-Меликова.

Избраніе пункта для атаки.

Хотя главнокомандующему и было извѣстно, что Башн-Бозукская гора слабо занималась непріятелемъ, но по вышеприведеннымъ въ описаніи мѣстности причинамъ, пунктъ сей не былъ избранъ для главной атаки, ибо нри медленномъ движеніи въ гору штурмовыхъ колоннъ, непріятель могъ заблаго-

---

*) Лазовъ было въ то время въ Карсѣ еще довольно значительное число, и какъ главное мѣстопребываніе ихъ находилось на лѣвомъ берегу р. Карсъ-Чай, то можно полагать, что ихъ было въ укрѣпленіяхъ гораздо болѣе 330, какъ то показываетъ Кмети.

**) По вышеприведеннымъ объясненіямъ, войскъ на лѣвомъ берегу р. Карсъ-Чай было болѣе сего количества.

временно открыть ихъ и успѣлъ бы собраться въ силахъ на вершинѣ горы, овладѣніе коею становилось тогда почти невозможнымъ. Затѣмъ, намъ оставалось обратить усилія свои къ укрѣпленіямъ Тахмасъ-Табіэ и Юксекъ-Табіэ, и какъ первое изъ нихъ представляло къ тому болѣе удобствъ, то назначено было главной штурмовой колоннѣ подняться по горному контрфорсу, миновать гору Муха, выдти на сѣдлину отдѣляющую ее отъ лѣвой оконечности ретраншамента, обогнуть оную, и занять съ тыла весь лѣвый флангъ шорахской позиціи. Другая штурмовая колонна должна была, для отвлеченія непріятельскихъ силъ отъ главнаго натиска, атаковать Юксекъ-Табіэ и ретраншаменты соединяющіе ее съ Баши-бозукскою горою.

Общій обзоръ диспозиціи къ штурму.

По диспозиціи, эта послѣдняя колонна составлявшая нашъ лѣвый флангъ, и названная *первою*, поручалась генералъ-лейтенанту Ковалевскому; главная же и сильнѣйшая штурмовая колонна, которая направлялась по горному контрфорсу противъ лѣваго фланга непріятельской позиціи, названа *второю*; ее долженъ былъ вести генералъ-маіоръ Майдель. Третья колонна подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Гагарина, должна была угрожать низменному лагерю непріятеля съ юго-восточной стороны Карса на правомъ берегу рѣки, а еще правѣе оной, по направленію къ Карадагу, становились восемь сотенъ конной милиціи подъ начальствомъ полковника Лориса-Меликова. Къ главному резерву имѣвшему собраться на лѣвомъ берегу рѣки, противъ моста у с. Кичикъ-Кёвъ, назначался генералъ-лейтенантъ Бриммеръ. Кромѣ сего, графъ Нироդъ становился съ частью кавалеріи противъ с. Команцуръ. Полковникъ Едигаровъ оставался въ тылу войскъ нашихъ на р. Карсъ-Чай при с. Нижніе-Котанлы, для наблюденія за путями ведущими съ Соганлуга *).

Военный совѣтъ.

15-го сентября главнокомандующій созвалъ военный совѣтъ, на коемъ присутствовали генералы Ковалевскій, Бриммеръ, Броневскій и исправлявшій должность начальника инженеровъ

*) Дальнѣйшія подробности диспозиціи, внѣ сего общаго обзора, будутъ объяснены въ своемъ мѣстѣ.

полковникъ Константинъ Кауфманъ. По изложеніи имъ, вышеупомянутыхъ причинъ вызывавшихъ штурмъ Карса и состояніе анатолійской арміи, всѣ единогласно признали, что предпріятіе соотвѣтствовало обстоятельствамъ и что много изъ видимыхъ условій подавали надежду къ успѣху, а прочитанный имъ проэктъ диспозиціи, нашли согласнымъ со взглядомъ на предстоявшее дѣло.

Движеніе къ Карсу ген. Базина.

Еще до собранія совѣта, генералу Базину было приказано выступить съ отрядомъ изъ Омараги и соединиться съ г. Баклановымъ; почему онъ оставивъ для охраненія Омараги и Ардегана легкій отрядъ полковника Унгерништернберга, двинулся 14-го сентября, ночевалъ въ тотъ же день при с. Джалаусъ, а 15-го пришелъ въ лагерь Бакланова къ с. Меликъ-Кёвъ. Объ этомъ движеніи какъ и о предполагавшейся для сихъ двухъ соединенныхъ отрядовъ атакѣ укрѣпленнаго лагеря на Чакмахскихъ высотахъ, никто не зналъ въ дѣйствующемъ корпусѣ и не упоминалось даже въ общей диспозиціи. Генералъ Муравьевъ не давалъ гласности сему распоряженію, дабы войска назначавшіяся для атаки шорахской позиціи, не расчитывали ни на какое постороннее содѣйствіе, и въ той надеждѣ, что внезапный гулъ орудій на Чакмахскихъ высотахъ съ противуположной главной атакѣ стороны, ободритъ людей, которые могли утомиться отъ продолжительности боя.

Назначеніе для приступа.

Однажды рѣшивши приступъ, не слѣдовало откладывать исполненіе онаго; почему и назначенъ былъ для этого ближайшій срокъ—17-е число сентября, совпадавшее съ первымъ днемъ, въ который анатолійская армія могла истощить свои занасы, по вышеприведеннымъ въ 4-й главѣ приблизительнымъ расчетамъ продовольствія.

Распоряженія въ лагерѣ.

Въ тотъ же вечеръ, 15-го числа, диспозиція была передана начальникамъ штурмовыхъ колоннъ, коимъ предоставлялось обсудить у себя предстоявшія имъ въ частности дѣйствія, не передавая однакоже еще приказаній своихъ подвѣдомственнымъ имъ начальникамъ, дабы не разгласилась въ лагерѣ вѣсть о предполагаемомъ штурмѣ. Такъ какъ существовавшее распредѣленіе войскъ по верхнему лагерю Бриммера и нижне-

му Ковалевскаго, не соотвѣтствовало вновь сдѣланному назначенію ихъ по штурмовымъ колоннамъ, то во избѣжаніе столкновенія войскъ въ ночь предшествующую штурму, и для соблюденія въ то время болѣе спокойствія въ лагерѣ, приказано заблаговременно и исподоволь передвинуть нѣкоторые баталіоны изъ числа тѣхъ, которые переходили къ другимъ начальникамъ. Войска находившіяся на покосѣ, какъ и всѣ отдѣльныя команды были возвращены въ лагерь.

Перенесеніе лагеря нашихъ милицій.

Всего болѣе надобно было остерегаться сборной команды Лориса-Меликова, ибо какъ изъ нее получались извѣстія о происходившемъ въ Карсѣ, такъ изъ среды сего разнороднаго скопища, передавались и въ Карсъ свѣдѣнія о томъ что замѣчалось въ нашемъ лагерѣ, гдѣ за всѣми принимаемыми осторожностями, приготовленія съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе обнаруживались. По этому Лорису-Меликову, было приказано оставить 16-го числа свой лагерь и перенестись съ охотниками, курдами и карапапахскою милиціею на покатости находившіяся близъ с. Магараджикъ, внѣ оконечности отдаленнѣйшей части праваго фланга нашей главной позиціи. Мѣра сія принесла желаемую пользу, ибо непріятелю не было передано ни какого извѣстія о готовившемся штурмѣ, что доказывается слѣдующимъ случаемъ: венгерскій выходецъ Кмети, начальствовавшій во время штурма надъ турецкими войсками занимавшими шорахскую позицію, пишетъ въ запискахъ своихъ напечатанныхъ въ 1856-мъ году, что 16 (28) сентября не задолго до наступленія ночи, адъютантъ донесъ ему о замѣченныхъ имъ на высотахъ близъ с. Гани-Кёвъ, какихъ то вновь появившихся бѣлыхъ пятнахъ, которыя обозначались въ правильныхъ фигурахъ, но что по наступившей вскорѣ темнотѣ онъ не могъ о нихъ сдѣлать никакого заключенія. «Русскіе» продолжаетъ Кмети, «по обыкновенію своему, выстрѣлили заревую пушку, и хотя донесеніе адъютанта моего, послужило намъ какъ бы легкимъ и темнымъ намекомъ, но никто не могъ сдѣлать какихъ либо предположеній о кровопролитномъ утрѣ насъ озарившемъ».—Нѣтъ сомнѣнія, что видѣнныя непріятелемъ на Магараджикскихъ высотахъ, смежныхъ

съ высотами что при с. Гани-Кёвъ, бѣлыя пятна были ничто иное какъ вновь появившійся лагерь Лориса-Меликова; но почему пятна сіи показались ему расположенными въ правильныхъ фигурахъ—не понятно, ибо иррегулярныя милиціи наши, обыкновенно раскидывали шатры свои въ безпорядкѣ.

Измѣненія въ диспозиціи.

Не взирая на то, что диспозиція къ штурму была утверждена, что по ней были уже сдѣланы нѣкоторыя распораженія и что офицеры генеральнаго штаба разсылались къ осмотру еще до вечера, назначенныхъ для штурмовыхъ колоннъ сборныхъ мѣстъ на которыя они должны были въ темнотѣ, ночью, привести войска—диспозиція сія была измѣнена 16-го числа, по предложенію ген. Броневскаго. Онъ находилъ, что такъ какъ главныя усилія наши направлялись на шорахскую позицію, то и слѣдовало въ семъ направленіи стянуть сколько можно болѣе войскъ и потому, предлагалъ убавить пѣхоты изъ колонны кн. Гагарина и составить третію штурмовую колонну къ шорахскимъ высотамъ; Бриммеръ съ этою мыслію согласился. Казалось, что были нѣкоторыя неудобства отъ сей перемѣны, ибо хотя и предстояла возможность поставить на сборныхъ мѣстахъ еще одну штурмовую колонну между первою и второю; но такъ какъ направленіе атакующихъ колоннъ было концентрическое, то смежные фланги ихъ соединяясь при самыхъ турецкихъ укрѣпленіяхъ, не оставляли болѣе свободнаго между собою мѣста для новой колонны, которая бы въ одно время съ ними двинулась на приступъ. Ослабивъ колонну кн. Гагарина, мы также лишались возможности, вслучаѣ успѣха на шорахскихъ высотахъ, ворваться съ достаточными силами въ Карсъ со стороны равнины, тогда какъ усиленіе четырьмя баталіонами главной атаки, гдѣ ихъ съ общимъ резервомъ собиралось уже до 28-ми, не могло сдѣлать большаго перевѣса. Самое большое неудобство въ семъ внезапномъ измѣненіи диспозиціи было то, что уже мало оставалось времени до назначеннаго часа для выступленія войскъ на приступъ; и что черезъ сію перемѣну, при самыхъ лучшихъ распоряженіяхъ, могло произойти замѣшательство въ исполненіи. Не менѣе того ген. Муравьевъ не отвергъ сего предло-

женія, коего исполненіе не могло имѣть большаго значенія въ дѣлѣ столь загадочномъ какъ штурмъ, и въ диспозицію введена была новая небольшая штурмовая колонна, которая должна была собраться между первою и второю и атаковать самый центръ шорахскихъ укрѣпленій—Юксекъ-Табіэ, со стороны люнета Яремъ-Ай, иначе Кая-Табіэ. Но дабы при сей перемѣнѣ не измѣнять номеровъ штурмовыхъ колоннъ съ коими начальники уже ознакомились, новой колоннѣ сей не дано особаго номера, а названа она была промежуточною и поручена командованію кн. Гагарина; третія же колонна, на равнинѣ, бывшая кн. Гагарина, отдана подъ начальство гр. Нирода, у коего послѣ сей перемѣны осталось только три баталіона пѣхоты съ батарейною артиллеріею и съ кавалеріею.

Послѣднія приказанія въ лагерь.

16-го Сентября начальники колоннъ были созваны главнокомандующимъ. Имъ была прочитана передѣланная диспозиція, послѣ чего отданы имъ изъустно послѣднія приказанія, которыя они должны были передать частнымъ начальникамъ войскъ до баталіонныхъ командировъ включительно; о движеніи же отряда Базина и на семъ собраніи было умолчано. Въ главномъ отрядѣ съ утра еще отдано приказаніе, чтобы людямъ выспаться въ продолженіе дня и къ ночи находиться въ совершенной готовности къ движенію, не говоря однакоже къ какому; ранцевъ брать не велѣно, но имѣть лишь на себѣ сухарей на два дня; одѣтымъ же быть въ полушубкахъ или шинеляхъ, по усмотрѣнію полковыхъ командировъ. За тѣмъ, никто изъ начальниковъ не былъ болѣе отвлекаемъ отъ своего дѣла. Въ 10-ть часовъ вечера, у главныхъ изъ нихъ были вывѣрены часы, дабы колонны могли притти въ назначенное время къ сборнымъ мѣстамъ, и пути къ нимъ опредѣлены съ точностію, такъ чтобы ночью не могло произойти столкновенія на мосту и за онымъ. По мѣрѣ приближенія вечера, въ лагерѣ увеличивалось движеніе и дѣятельность, но безъ шума—съ наступленіемъ же ночи, баталіоны верхняго лагеря начали спускаться съ горы и переправляться на лѣвый берегъ рѣки. Вечеромъ уже всѣ знали, что готовится приступъ.

Столь поздняя передача приказанія была причиною, что полковые и баталіонные командиры, правильно занявшіе мѣста свои въ штурмовыхъ колоннахъ, не успѣли заблаговременно ознакомиться съ мѣстностью по коей ихъ вели, и не различали укрѣпленій къ которымъ они подвигались; но съ другой стороны, мѣра сія была причиною, что лазутчики не успѣли передать непріятелю вѣсти о предполагаемомъ штурмѣ.

II.

ПЕРВЫЙ НАТИСКЪ *).

Распредѣленіе войскъ по колоннамъ.

Войска назначенныя для приступа, распредѣлены были слѣдующимъ порядкомъ:

1) Въ составъ лѣвой *или первой колонны* подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Ковалевскаго:

Виленскаго егерскаго полка.	3 батал.
(Полковникъ Шликевичъ).	
Бѣлевскаго егерскаго полка	3 »
(Полковникъ Неѣловъ).	
Кавказ. Грен. артиллер. бригады батарейная № 2 батарея	8 оруд.
(Штабсъ-Капитанъ Красовскій).	
Нижегородскій драгунскій полкъ	8 эскадр.
Линейнаго казач. № 2-го полка	5 сотень.
Донская казач. № 7-го батарея	8 оруд.
Ракетная команда	8 стан.

Всею кавалеріею сей колонны съ конною артиллеріею, начальствовалъ полковникъ кн. Дондуковъ-Корсаковъ.

Всего состояло *въ первой колоннѣ*:

Пѣхоты.	6 бат.
Кавалеріи, эскадроновъ и сотень	13 »
Артиллеріи пѣшей и конной.	16 оруд.
Ракетныхъ станковъ	8

*) *Примѣч.* См. планъ № 1-го кр. Карса съ окрестностями и перваго натиска на приступѣ 17-го сентября 1855-го года.

Что составляло въ строю, кромѣ унтеръ-офицеровъ и артиллерійской прислуги:

Пѣхоты . . . . около 2,850 рядовыхъ.
Кавалеріи. . . . . около 1,400 »

Сборный пунктъ первой колонны былъ назначенъ лѣвѣе и нѣсколько впереди Обсерзаціонной горы.

2) Въ составъ *промежуточной колонны* подъ начальствомъ ген.-лейтенанта кн. Гагарина:

Ряжскаго пѣхотнаго полка . . . . 1 бат.
Тульскаго егерскаго полка. . . . . 3 »
Одна рота саперкаго батал. . . . . $^1/_4$ »
Одна рота стрѣлковаго бат. . . . . $^1/_4$ »
18-й полевой артиллер. бриг. дивизіонъ батар.
№ 4-го батареи . . . . 4 оруд.

Въ *промежуточной колоннѣ* всего состояло:

Пѣхоты . . . . $4^1/_2$ бат.
Артиллеріи пѣшей . . . . 4 оруд.

Что составляло въ строю, кромѣ унтеръ-офицеровъ и артиллерійской прислуги:

Пѣхоты . . . . около 2,175 рядовыхъ.

Сборный пунктъ *промежуточной колонны* былъ назначенъ впереди селенія Шорахъ, имѣя Обсерваціонную гору влѣво.

3) Въ составъ *второй колонны* подъ начальствомъ генералъ-маіора Майделя:

Л. карабинернаго Эриванскаго полка . . . 3 бат. *)
(Полковникъ Моллеръ и Подполковникъ Врангель).
Гренадерскаго полка . . . . 3 »
(Полковникъ кн. Тарханъ-Моуравовъ 2-й).
Мингрельскаго егерскаго полка . . . . . . 2 » **)
(Полковникъ Серебряковъ).

---

*) Изъ нихъ два четырехъ-ротнаго, и одинъ трехъ-ротнаго состава.
**) Оба четырехъ-ротнаго состава.

Ряжскаго пѣхотнаго полка . . . . 2 бат.
(Полковникъ Ганецкій).
Три роты сапернаго баталіона . . . . $^3/_4$ »
(Капитанъ кн. Бектабековъ).
Двѣ роты стрѣлковаго баталіона . . . . . . $^1/_2$ »
(Полковникъ Лузановъ).

Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.	Батар. № 1-го батарея . .	8 оруд.
	(Подполковникъ Брискорнъ).	
	Легкая № 1-го батарея . .	8 »
	(Полковникъ Де-Саже).	

Дивизіонъ наканунѣ сформированный изъ отбитой въ Пенякѣ турецкой горной артиллеріи . . . . 4 оруд.
(Штабсъ-Капитанъ Броневскій).
Сборный полкъ легкой кавалеріи, состоявшій изъ одной сотни грузинской дворянской дружины, одной сотни донскаго № 4-го полка, одной сотни линейнаго № 1-го полка и одной сотни линейнаго № 2-го полка . . . . . 4 сотни.
(Войсковой старшина Добрынинъ).

Всего состояло во *второй колоннѣ*:

Пѣхоты . . . . $11^1/_4$ бат.
Легкой конницы . . . . 4 сот.
Артиллеріи . . . . 20 оруд.

Что составляло въ строю, кромѣ унтеръ-офицеровъ и артиллерійской прислуги:

Пѣхоты . . . . около 5,800 рядовыхъ
Кавалеріи . . . . около 400 »

Сборный пунктъ *второй колонны* назначенъ у подошвы горы Столъ, къ которой она должна была примкнуть своимъ лѣвымъ флангомъ.

4) Въ составъ *третьей колонны* подъ начальствомъ ген.-маіора графа Нирода:

Тульскаго егерскаго полка . . . . 2 батал.
(Полковникъ Булгаковъ).

Рязанскаго пѣхотнаго полка	1 батал.
13-й полевой артиллер. бригады батар. № 2-го батарея	8 оруд.
(Подполковникъ Ольшевскій).	
18-й полевой артиллер. бригады дивизіонъ батар. № 4-го батареи	4 »
Драгунскаго № 4-го (Новороссійскаго) полка .	8 эскадр.
Линейной казачьей № 13 батар.	6 оруд.
Къ сей колоннѣ принадлежала иррегулярная милиція полковника Лориса-Меликова въ составѣ	8 сотень.

Всего состояло *въ третьей колоннѣ*:

Пѣхоты	3 батал.
Кавалеріи эскадроновъ и сотень	16
Артиллеріи пѣшей и конной	18 оруд.

Что составляло въ строю унтеръ-офицеровъ и артиллерійской прислуги:

Пѣхоты	около 1,350 рядовыхъ.
Кавалеріи регул. и ирр. . .	около 1,800 »

Сборный пунктъ *третьей колонны* назначенъ былъ у селенія Мал.-Тикмэ, а позиція вправо отъ с. Верхній Караджуранъ, въ 1,000 саженяхъ отъ непріятельскихъ батарей.

5) *Общій резервъ* составлялъ особенную колонну подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Бриммера; въ составъ ея были назначены:

Л. карабинернаго Эриванскаго полка	1 бат.	
Гренадерскаго полка.	2 »	
Рязанскаго пѣхотнаго полка	3 »	
Ряжскаго пѣхотнаго полка.	2 »	
Бѣлевскаго егерскаго полка	2 »	
Одна рота стрѣлковаго батал.	¼ »	
18-й полевой артиллер. бригады.	Легкая № 6-го батарея . . .	8 оруд.
	Легкая № 7-го батарея . . .	8 »
	Дивизіонъ легкой № 8-го батар.	4 »

Осадныхъ орудій (единорогъ и пушка). . . . 2 оруд.
Донскаго казач. № 4-го полка . . . . 4 сот.
Грузинской Дворянской дружины . . . . . 1 »
Всего состояло *въ общемъ резервѣ*:
Пѣхоты . . . . 10¼ бат.
Кавалеріи . . . . 5 сот.
Артиллеріи пѣшей . . . . 22 оруд.

Что составляло въ строю, кромѣ унтеръ-офицеровъ и артиллерійской прислуги:

Пѣхоты . . . . около 4,700 рядовыхъ.
Кавалеріи легкой . . . . . около 500 »

Сборный пунктъ *общаго резерва* назначенъ впереди разореннаго селенія Кюмбетъ.

Для прикрытія при с. Гани-Кевъ вагенбурга, оставленъ одинъ баталіонъ Рязанскаго полка съ дивизіономъ легкой артиллеріи и два эскадрона драгунъ подъ начальствомъ ген.-маіора Шонерта. Въ верхнемъ и нижнемъ лагеряхъ при Чифтлогая, назначены за старшихъ по одному штабъ-офицеру, коимъ поручены были всѣ оставшіяся отъ полковъ команды и слабые люди, съ подчиненіемъ ихъ коменданту главной квартиры.

6) Состоявшій при с. Меликъ-Кёвъ конный отрядъ ген.-Маіора Бакланова, вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему наканунѣ штурма отрядомъ ген.-маіора Базина, по другую сторону Карса, составлялъ особенную часть, надъ коею начальство принялъ по старшинству генералъ Базинъ; въ составъ ея входили слѣдующія войска:

Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка 3-й и 4-й баталіоны. Резервный бат. Гренадер. полка. — Въ трехъ-ротномъ составѣ. — 4 батал.
Горійской пѣшей дружины . . . . ½ сотни.
13-й полевой артиллерійской бригады дивизіонъ легкой № 2-го батар. . . . . . 4 оруд.
Кавказской гренадер. артиллер. бригады дивизіонъ резерв. батар. . . . . 4 »
Драгунскій № 8-го (Тверской) полкъ. . . . 10 эскадр.

Сборнаго кавказскаго линейнаго казачьяго
№ 1-го полка . . . . 5 сотень.
Донскаго казачьяго № 35-го полка . . . . 5 »
Конной горской милиціи. . . . . 2 »
Донская конная № 6-го батар. . . . . . . 8 оруд.
Ракетныхъ станковъ. . . . . 8 »

Всею кавалеріею сего отряда съ конною артиллеріею, начальствовалъ ген.-маіоръ Баклановъ.

Всего состояло въ *отдѣльномъ отрядѣ генералъ-маіора Базина*:

Пѣхоты. . . . . 4 бат. и 1/2 сот.
Кавалеріи эскадр. и сотень 22
Артиллеріи. . . . . 16 оруд.
Ракетныхъ станковъ 8

Что составляло въ строю, кромѣ унтеръ-офицеровъ и артиллерійской прислуги:

Пѣхоты . . . . около 2,400 рядовыхъ.
Кавалеріи регуляр. и иррег. . » 2,350 »

Сборное мѣсто для отряда ген.-маіора Базина назначено было у подошвы Чакмахскихъ высотъ, фронтомъ къ югу, имѣя въ лѣвой сторонѣ рѣку Карсъ-Чай.

И такъ, за исключеніемъ оставленныхъ въ лагеряхъ частей, выдвинуто было въ поле на всѣхъ пунктахъ:

Пѣхоты . . . . { 39 батал. / 1/2 сотни.
Кавалеріи . . . . { 26 эскадр. / 34 сотни.
Пѣшей артиллеріи . . . . 74 оруд.
Конной артиллеріи . . . . 22 »
Ракетныхъ станковъ. . . . . 16 »

Что составляло въ строю, кромѣ унтеръ-офицеровъ и артиллерійской прислуги:

Пѣхоты. . . . . около 19,275 рядовыхъ.
Кавалеріи . . . . » 6,450 »
Артиллеріи пѣшей и конной . . . . 96 орудій.
Ракетныхъ станковъ . . . . 16.

Большая часть баталіоновъ были въ трехъ-ротномъ составѣ. Во взводахъ имѣлось по 25-ти рядовъ.

Первое движеніе и боевые порядки колоннъ.

Первая колонна генерала Ковалевскаго выступила изъ лагеря при с. Томра 16-го числа въ 10 часовъ вечера; по слѣдамъ ея направилась и промежуточная колонна князя Гагарина. Прибывъ къ селенію Татлиджа и соединившись съ кавалеріею князя Дондукова-Корсакова, войска эти имѣли двухъчасовой отдыхъ и потомъ двинулись на указанные имъ диспозиціею сборные пункты, куда прибыли 17-го, около $3^1/_2$ часовъ утра.

Въ первой колоннѣ:

1-й, 2-й и 3-й баталіоны Виленскаго полка составили первую боевую линію, въ коей два баталіона построились въ ротныя колонны, а третій баталіонъ въ колоннѣ къ атакѣ, уступомъ, на высотѣ резервныхъ ротъ.

3-й и 4-й баталіоны Бѣлевскаго полка составили вторую линію во 100 шагахъ отъ первой и стали въ колоннахъ къ атакѣ, за ними музыка сего полка. Батарейная № 2-го батарея была поставлена лѣвѣе этихъ линій на курганѣ, подъ прикрытіемъ 5-го баталіона Бѣлевскаго полка. Изъ каждой роты вызвано по 12-ти охотниковъ при одномъ офицерѣ отъ каждаго баталіона. Первая линія поручена начальствованію полковника Шликевича, вторая—полковнику Нѣлову.

Кавалерія расположилась позади пѣхоты, примыкая правымъ флангомъ къ Обсерваціонной горѣ. Охотники изъ кавалеріи въ числѣ 73-хъ человѣкъ драгунъ при 4-хъ офицерахъ и 75-ти казаковъ при 3-хъ офицерахъ, всѣ подъ начальствомъ войска донскаго эсаула Кульгачева, расположились позади праваго фланга пѣхоты. Голова колонны находилась въ это время на разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ батарей.

Въ промежуточной колоннѣ:

Охотники 2-го баталіона Ряжскаго, 2-го, 3-го и 4-го баталіоновъ Тульскаго полковъ, въ числѣ 100 человѣкъ, составляли цѣпь впереди первой линіи.

За охотниками въ первой линіи, 2-й баталіонъ Ряжскаго

пѣхотнаго полка въ ротныхъ колоннахъ, съ 4-мя батарейными орудіями въ интервалахъ.

Вторая линія состояла изъ 2-го и 3-го баталіоновъ Тульскаго егерскаго полка въ колоннахъ къ атакѣ. Въ резервѣ же оставлены, 4-й баталіонъ Тульскаго егерскаго полка съ полковою музыкою, рота стрѣлковаго баталіона и рота сапернаго баталіона. Части эти были расположены впереди селенія Шорахъ. Навѣсные непріятельскіе выстрѣлы изъ орудій перелетали во время дѣла черезъ с. Шорахъ.

Вторая колонна генерала Майделя выступила изъ лагеря при с. Чифтлигая въ $10^1/_2$ часовъ вечера, слѣдовала по направленію къ горѣ Столъ, на пути дѣлала привалъ и въ 1-мъ часу по полуночи 17-го числа остановилась въ одной верстѣ не доходя назначеннаго ей сборнаго мѣста, что произошло по ошибкѣ начальника, не узнавшаго мѣстности въ темнотѣ ночи. Тутъ, колонна сія опять остановилась для привала и начала перестраиваться въ слѣдующій боевой порядокъ.

Первая линія: 2-й и 1-й Эриванскіе баталіоны въ ротныхъ колоннахъ въ двѣ линіи въ шахматномъ порядкѣ, составляли правую половину линіи подъ начальствомъ полковника Моллера; 4-й и 3-й Мингрельскіе баталіоны въ томъ же порядкѣ, составили лѣвую половину первой линіи подъ начальствомъ полковника Серебрякова. Въ интервалахъ между двумя половинами, дивизіонъ горной артиллеріи, а за нимъ легкая № 1-го батарея; за правымъ флангомъ 1-го Эриванскаго баталіона, двѣ роты стрѣлковаго баталіона, за лѣвымъ же одна рота саперъ.

Вторая линія; на правомъ флангѣ 4-й баталіонъ Эриванскаго полка, а лѣвѣе три баталіона Гренадерскаго полка; всѣ четыре баталіона въ колоннахъ къ атакѣ; вся линія подъ начальствомъ полковника князя Тарханъ-Моуравова 2-го. Правые два баталіона назначались для поддержанія эриванцевъ, лѣвые же два—мингрельцевъ.

Резервъ въ 600 шагахъ за второю линіею подъ командою полковника Ганецкаго: два баталіона Ряжскаго полка, двѣ роты саперъ и батарейная № 1-го батарея; за ними гренадер-

ская и эриванская музыки. За резервомъ, сборный кавалерійскій полкъ подъ командою войсковаго старшины Добрынина. При этихъ войскахъ находились повозки для раненыхъ.

Войска *общаго резерва* подъ начальствомъ генерала Бриммера, собравшись въ первомъ часу по полуночи на лѣвомъ берегу р. Карсъ-Чай противъ с. Чифтлигая, двинулись къ разоренному с. Кюмбетъ, и пройдя его, построились въ резервный порядокъ, фронтомъ къ Шорахскимъ высотамъ.

Въ первой линіи три баталіона Рязанскаго и два баталіона Ряжскаго пѣхотныхъ полковъ. Во второй линіи два баталіона Гренадерскаго, одинъ баталіонъ Карабинернаго и два баталіона Бѣлевскаго егерскаго полковъ. Рота стрѣлковаго баталіона поставлена на правомъ флангѣ первой линіи. Позади пѣхотныхъ линій находились всѣ легкія орудія въ дивизіонныхъ колоннахъ, за полевою артиллеріею два осадныя орудія, за ними патронные ящики.

Четыре сотни донскаго № 4-го полка поставлены съ лѣвой стороны общей колонны.

Перевязочный пунктъ былъ учрежденъ за главнымъ резервомъ гдѣ находился и полевой фербантъ съ нужнымъ числомъ медиковъ и перевязочныхъ средствъ. Кромѣ того при каждой колоннѣ, за исключеніемъ промежуточной, учреждены были отдѣльные перевязочные пункты изъ полковыхъ средствъ, для поданія раненымъ перваго пособія.

Третья колонна подъ начальствомъ графа Нирода, сосредоточилась у сел. Малая Тикмэ въ первомъ часу пополуночи 17-го числа, и къ 4-мъ часамъ утра заняла назначенную ей позицію, впереди и вправо отъ верхняго Караджурана.

Всѣ три баталіона должны были построиться развернутымъ фронтомъ въ одну линію, примѣрно въ двухъ верстахъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій, имѣя между баталіонами артиллерію съ удвоенными интервалами.

Правѣе, отдѣльно отъ пѣхоты, и съ небольшимъ уступомъ назадъ, сталъ драгунскій полкъ также развернутымъ фронтомъ, имѣя въ срединѣ конную батарею.

Еще правѣе и нѣсколько впередъ, противъ укрѣпленнаго

Гафизъ-Паша-Табіэ, стали 8 сотень конной милиціи полковника Лориса-Меликова.

Цѣль третьей колонны состояла въ томъ, чтобы по возможности развлечь вниманіе непріятеля отъ главной атаки на Шорахскія укрѣпленія, и преслѣдовать турокъ въ томъ случаѣ, если бы они были вытѣснены изъ Карса на равнину. Графу Нироду было приказано открыть огонь по нижнему турецкому лагерю, когда увидитъ или услышитъ атаку второй колонны; наступленіе же впередъ начать только при явномъ разстройствѣ непріятеля.

Отдѣльный отрядъ генер. Базина, при коемъ находилась и кавалерія ген. Бакланова, выступилъ изъ своего лагеря при с. Меликъ-Кёвъ въ 12 часовъ ночи, какъ и прочія войска, безъ ранцевъ и прибылъ въ два часа по полуночи къ подошвѣ Чакмахскихъ высотъ, гдѣ остановился на лѣвомъ берегу рѣчки Чакмахъ, въ ожиданіи наступленія времени къ начатію штурма.

Первая атака второй колонны.

Одновременно съ движеніемъ сей колонны, ген. Баклановъ послалъ одинъ дивизіонъ драгунъ съ однимъ орудіемъ донской артиллеріи на правый берегъ р. Карсъ-Чай, для наблюденія въ той сторонѣ за непріятелемъ.

Общей атакѣ назначено быть передъ разсвѣтомъ въ 4 часа утра. Начать ее должна была вторая колонна, и какъ ей оставалось еще пройти со сборнаго мѣста отъ двухъ до трехъ верстъ, то ген. Майделю приказано было выступить съ онаго въ три часа, съ такимъ расчетомъ, чтобы за остановками могущими встрѣтиться на пути, колоннѣ его находиться въ четыре часа у подошвы Лазъ-Тепе, гдѣ можно было ожидать первыхъ выстрѣловъ. Вслѣдъ за приближеніемъ второй колонны къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, приказано двинуться впередъ и прочимъ двумъ колоннамъ промежуточной и первой.

По диспозиціи, второй колоннѣ ген. Майделя, назначалось:

«Будетъ ли она во время движенія своего замѣчена непріятелемъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ тотчасъ по прибытіи ея на мѣсто, т. е. на небольшую возвышенность, недоходя горы Лазъ-Тепе и нѣсколько лѣвѣе ея, выдвинуть легкую № 1 ба-

тарею съ приказаніемъ занять гору сію орудіями, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ стрѣлковаго баталіона и одной роты саперъ. Двумя же своими линіями (т. е. Эриванцами, Мингрельцами и Гренадерами) колонна съ горнымъ дивизіономъ продолжаетъ наступленіе въ возможной тишинѣ и если не будетъ къ тому вынуждена, то *безъ выстрѣла* занимаетъ крайнюю лѣвофланговую (отъ насъ правую) непріятельскую батарею. Войсковой старшина Добрынинъ, по занятіи пѣхотою батареи, преслѣдуетъ непріятеля и не даетъ ему устроиться».

Ген. Майдель, какъ выше сказано недошедшій до подошвы горы Столъ, остановился противъ отдѣльнаго возвышенія, не находящагося въ связи съ горнымъ контръ-форсомъ на который онъ долженъ былъ взойти, и кромѣ того опоздалъ еще 20-ью минутами выступленіемъ съ сего послѣдняго привала, гдѣ онъ строилъ войска въ боевой порядокъ. Главнокомандующій, слѣдовавшій въ то время съ резервомъ, замѣтилъ не вдалекѣ отъ себя, въ лѣвой сторонѣ, двигавшіяся войска, которыя по общему распредѣленію колоннъ не должны были находиться въ такомъ близкомъ разстояніи, и тѣмъ болѣе быть видимыми при темнотѣ ночи, ибо ближайшая изъ штурмовыхъ колоннъ-Майделя, въ этотъ моментъ (20 минутъ 4-го часа) предполагалась уже близь подошвы горнаго контръ-форса. Генер. Муравьевъ подъѣхалъ къ симъ войскамъ и вопреки всякаго ожиданія увидѣлъ, что голова второй колонны находилась уже на вершинѣ отдѣльной высоты, и что артиллерія слѣдуя за нею спускалась въ крутобережій овражикъ рѣчки протекающей у подошвы сей высоты. Шумъ орудійныхъ колесъ по каменистому грунту и суета людей помогавшихъ орудіямъ на спускѣ и подъемѣ, нарушили въ это время глубокую тишину дотолѣ соблюдавшуюся въ войскѣ. Главнокомандующій повернулъ всю колонну налѣво и спустивъ ее съ отдѣльной высоты, довелъ до подошвы горнаго контръ-форса.

Небольшая тѣснина, по которой вторая колонна должна была тянуться лѣвымъ флангомъ послѣ спуска съ отдѣльной высоты, была причиною, что боевой порядокъ дотолѣ соблюдавшійся, нѣсколько разстроился, ибо фронтальные баталіоны усту-

пая путь по низинѣ артиллеріи, должны были въ темнотѣ подниматься при фланговомъ движеніи своемъ по косогору контръ-форса и не могли сохранить настоящихъ мѣстъ своихъ въ строю. Отсюда, главнокомандующій поручилъ полковнику Константину Кауфману, окончательно дать всѣмъ частямъ колонны надлежащее направленіе при вторичномъ поворотѣ ихъ къ подъему вправо на горный контръ-форсъ и поѣхалъ на гору Столъ, гдѣ назначено пребываніе главной квартиры во время штурма, и откуда можно было обозрѣвать дѣйствія всѣхъ колоннъ. Ген. Майдель въ то время былъ впереди своихъ войскъ и ускорялъ ихъ шагъ, дабы воротить потерянное время. Полевая артиллерія не могла подняться безъ дороги на крутизну горнаго контръ-форса, которую она должна была обходить съ лѣвой стороны поднимаясь по ней косогоромъ, что совершалось на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ укрѣпленій; но непріятель молчалъ, почему заключать можно, что онъ тогда еще не открылъ насъ или не разъяснилъ себѣ слышимаго и, неясно быть можетъ, замѣчавшагося имъ въ темнотѣ нашего движенія по долинѣ.

14-го сентября 1855 года было полнолуніе. Ночь 17-го числа была свѣжая. При началѣ, луна ярко освѣщала поляну по коей черными массами двигались колонны войскъ, тихо какъ огромныя тѣни; но къ четыремъ часамъ, небо начало заволокаться тучами и стало темнѣть. Въ непріятельскомъ лагерѣ все было тихо, изрѣдка только былъ слышенъ оттуда лай и вой собакъ; огня нигдѣ не было видно, кромѣ небольшаго костра, горѣвшаго на Баши-бозукской горѣ. На востокѣ появилась бѣловатая полоса, предвѣстница разсвѣта—и повѣялъ холодный вѣтерокъ. Въ глубокой тишинѣ сталъ раздаваться голосъ моэзима, вызывавшаго съ минарета въ Карсѣ правовѣрныхъ на раннюю молитву. Войска наши подвигались все ближе и ближе къ чернѣвшимся на Шорахской горѣ линіямъ, какъ вдругъ сверкнулъ длинный лучь огня и грянулъ изъ Тахмасъ Табіэ первый пушечный выстрѣлъ, направленный какъ казалось, въ нашу промежуточную или въ первую колонну. Это было въ $4^{3}/_{4}$ часа утра. Всѣ прочія войска назначенныя для об-

щей атаки, стояли уже на указанныхъ имъ мѣстахъ; голова второй колонны, двигавшейся съ послѣдняго привала безостановочно, въ то время находилась въ 400 саженяхъ отъ непріятельскихъ линій, и легкая № 1 батарея съ находившимися при ней саперною и стрѣлковыми ротами, успѣла уже выдвинуться вправо на гору.

За первымъ непріятельскимъ выстрѣломъ слѣдовалъ другой, третій, и наконецъ открылся огонь со всѣхъ батарей. Турецкая пѣхота по тревогѣ спѣшила на валъ и въ ложементы. За тѣмъ все протяженіе линіи, которая тянулась отъ Тахмасъ-Табіэ внизъ по направленію къ рѣкѣ, вмигъ покрылось ружейнымъ огнемъ, столь частымъ, что звукъ выстрѣловъ сливался въ общій гулъ, прерываемый только болѣе рѣзкимъ звукомъ орудійныхъ выстрѣловъ. Вершина горы и турецкія линіи ясно обозначились неугасавшею огненною полосою, которая замѣнила предшествовавшую ей полосу ранняго свѣта; наступившій же въ эту минуту совершенный мракъ — какъ бы предшественникъ скораго разсвѣта, придавалъ ружейнымъ выстрѣламъ необыкновенный блескъ электрическихъ искръ.

Пѣхота второй колонны усиливала движеніе свое, а легкая № 1 батарея, стоявшая уже на позиціи, открыла учащенный огонь, увеличивая своими выстрѣлами смятеніе встревоженнаго непріятеля. Подведя войска на ружейный выстрѣлъ къ укрѣпленіямъ, ген. Майдель приказалъ ударить наступленіе и двинулъ ихъ бѣглымъ шагомъ. Часть мингрельцевъ, подъ начальствомъ командира полка полковника Серебрякова, направилась къ интервалу между Тахмасъ-Табіэ и Юксекъ-Табіэ, остальные мингрельцы подъ начальствомъ маіора Баумана, правѣе (смотря отъ насъ) редута Тахмасъ-Табіэ, а карабинеры, подъ начальствомъ командира полка полковника Моллера, на правую часть (отъ насъ) ретраншамента; изъ нихъ, 1 и 2 баталіоны двинулись прямо на валъ, а поспѣшившій изъ второй линіи 4 баталіонъ, направленъ по дорогѣ въ обходъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наши турецкія вьючныя горныя орудія, слѣдовавшія въ интервалахъ первой линіи, выведены впередъ, мгновенно сня-

лись съ вьюковъ и открыли картечный огонь. Баталіоны второй линіи удвоили шагъ.

Войска первой линіи не дрогнули, ни передъ жестокимъ картечнымъ огнемъ ихъ встрѣтившимъ, ни подъ градомъ ружейныхъ и штуцерныхъ пуль ихъ осыпавшемъ—не замялись онѣ и отъ усталости, послѣ безостановочнаго и быстраго всхода на крутой горный контръ-форсъ. Люди едва переводили духъ; но ротныя колонны первой линіи, имѣя начальниковъ своихъ впереди, подбѣжали къ укрѣпленіямъ съ крикомъ «ура», бросились на штурмъ, выбили штыками турокъ засѣвшихъ въ передовыхъ ложементахъ или ровикахъ, быстро вскочили на валъ, дружнымъ ударомъ опрокинули стоявшую за нимъ турецкую пѣхоту и захватили часть находившихся тамъ орудій. Перестрѣлка на это время умолкла; но успѣхъ войскъ подававшихся на лѣво впередъ по обѣимъ сторонамъ вала, остановился передъ ближайшими къ Тахмасъ-Табіэ выходящими углами ретраншамента и передъ самымъ редутомъ, коего профиль въ послѣднее время была возвышена со стороны горжи въ туже вышину какъ и передовые фасы его.

Начинало уже разсвѣтать; Шорахскія высоты со своими укрѣпленіями и гора Лазъ-Тепе ясно обозначились; но городъ Карадагъ и вся равнина р. Карсъ-Чай, были задернуты густымъ туманомъ. Непрекращавшіеся дотолѣ крики «ура» стали слабѣе и замолкнувшія было на время укрѣпленія снова обозначились огненными линіями.

Послѣ сего перваго натиска, лѣвый флангъ ретраншамента остался за нами, какъ и ближайшіе къ оному ровики; но тѣ ровики которые были ближе къ Тахмасъ-Табіэ, какъ и верхняя часть ретраншамента снова были заняты непріятелемъ.

За баталіонами первой линіи, вошла въ занятый нами ретраншаментъ вторая линія. Штабсъ-капитанъ Броневскій учащеннымъ дѣйствіемъ горныхъ орудій облегчалъ натискъ пѣхоты. Сподвижниками сего дѣятельнаго и храбраго офицера, были поручикъ Долухановъ (вскорѣ раненый) и подпоручикъ Давыдовъ.

Генералъ Майдель повелъ часть пѣхоты вдоль внутренней

стороны обогнутаго нами вала, на перемежающія оный батареи въ которыхъ держались турки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ капитану Романовскому выдвинуть кавалерію и направить ее съ остальною частью пѣхоты, какъ для преслѣдованія отступавшихъ съ ретраншаментнаго вала турокъ, такъ и на новыя ихъ толпы, которыя начали собираться у лагерей расположенныхъ позади укрѣпленій.

Ближайшія толпы были опрокинуты, и пѣхота наша ворвавшись по ихъ слѣдамъ въ лагерь, ударила на турокъ, которые открыли по ней огонь изъ-за палатокъ и небольшихъ каменныхъ построекъ; но большая часть сопротивлявшихся была заколота на мѣстѣ. Первый лагерь былъ занятъ. Между тѣмъ кавалерія, въ головѣ которой слѣдовала Дворянская дружина подъ начальствомъ капитана князя Циціанова, и сотня сборнаго линейнаго № 1-го полка подъ начальствомъ есаула Огіевскаго, руководимая командовавшимъ полкомъ, войсковымъ старшиною Добрынинымъ, пронеслась правѣе перваго лагеря и бросившись на выстроивавшіяся позади палатокъ толпы, опрокинула ихъ, многихъ порубила въ преслѣдованіи, отбила одно знамя и ворвалась въ другой лагерь. Знамя это взято было 5-ю сотнею донскаго № 4-го полка подъ командою есаула Котасонова *).

Между тѣмъ генералъ Майдель, вездѣ лично присутствовавшій, подвелъ войска къ батареѣ устроенной подлѣ Тахмасъ-Табіэ. Раненый уже командиръ 7-й фузелерной роты Гренадерскаго полка поручикъ Пилларъ-фонъ-Пильхау 2-й, несмотря на страшный картечный и штуцерный огонь изъ редута, бросился на батарею съ командуемою имъ ротою. Послѣ жаркаго рукопашнаго боя съ защищавшими батарею, нѣсколько разъ переходившею изъ рукъ въ руки, онъ захватилъ находившіяся тутъ три орудія, коихъ прислуга осталась переколотою на мѣ-

*) Въ этой атакѣ убитъ пикою въ грудь, какъ показали перебѣжчики, слѣдовательно донскимъ казакомъ полка № 4-го, знаменитый разбойникъ бѣглый татаринъ нашей Борчалинской дистанціи—страхъ и гроза пограничныхъ къ Турціи селеній Закавказскаго края, Гешимъ-Огли, пользовавшійся у турокъ званіемъ штабъ-офицера.

стѣ; но тщетны были усилія Гренадеръ проникнуть въ самый редутъ Тахмасъ-Табіэ. Они всходили на ретраншаментный валъ, близъ сего мѣста примыкавшій къ редуту, и нѣсколько разъ бросались вдоль вала, чтобы вскочить въ редутъ коего брустверъ въ этомъ мѣстѣ не имѣлъ болѣе $^3/_4$ аршина возвышенія надъ ретраншаментнымъ валомъ, но безплодно валились, поражаемые сосредоточеннымъ ружейнымъ огнемъ турецкой пѣхоты. Не менѣе того, люди привязавшись къ захваченнымъ орудіямъ, два изъ нихъ свезли съ батареи, а третье перебросили за валъ, гдѣ оно и осталось. Работа сія произведенная шагахъ въ десяти или двѣнадцати отъ непріятельскаго редута, изъ котораго стрѣляли почти въ упоръ, стоила намъ много народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ сколь высоко цѣнилась Гренадерами честь взять и привести непріятельскія пушки *).

При овладѣніи сею батареею, генералъ Майдель обратилъ изъ находившихся у него подъ рукою войскъ, роты 1-го баталіона Карабинернаго полка на редутъ Тахмасъ-Табіэ, а Мингрельскія, на редутъ Юксекъ-Табіэ съ тыла; для связи же между этими баталіонами и для наблюденія за непріятелемъ со стороны лагерей, послалъ команду подъ начальствомъ подпоручика Гренадерскаго полка Богдановскаго, который несмотря на полученную имъ рану, оставался въ бою, пока не получилъ вторую тяжелую рану, лишившую его чувствъ. Богдановскій опомнившись, не позволилъ Гренадерамъ отнести себя на перевязочный пунктъ, а приказалъ положить себя такъ, чтобы онъ могъ наблюдать за движеніемъ непріятеля. При сей атакѣ ген. Майдель былъ раненъ въ руку, но перевязавшись, остался на своемъ мѣстѣ и продолжалъ распоряжаться.

При началѣ сей атаки, полковникъ Серебряковъ, какъ выше сказано, съ частію Мингрельскаго полка двинулся къ интервалу между Тахмасъ-Табіэ и Юксекъ-Табіэ. Это направленіе еще на послѣднемъ привалѣ было указано ему генераломъ Май-

*) За сей подвигъ поручикъ Пилларъ-фонъ-Пильхау награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса.

делемъ *). По тѣснотѣ встрѣтившейся на хребтѣ горнаго контръфорса, Мингрельцы естественно уклонились влѣво отъ главнаго направленія второй колонны. Въ темнотѣ ночи, полковникъ Серебряковъ не могъ различить мѣстности, по которой онъ двигался, но по ускоренному дыханію людей хранившихъ глубокое молчаніе и по усиліямъ его горской лошади, онъ замѣтилъ, что подъемъ былъ каменистъ и крутъ до такой степени, что черезъ каждые 10 шаговъ долженъ былъ давать людямъ вздохнуть нѣсколько секундъ. Затѣмъ, слѣдуя по тому же направленію, онъ спустился въ небольшой оврагъ и опять поднялся на другую высоту. Доселѣ все было совершенно тихо въ непріятельскомъ лагерѣ, но тутъ послѣдовалъ первый выстрѣлъ изъ укрѣпленій. Можно бы полагать, что Серебряковъ тогда еще не былъ открытъ турками, ибо выстрѣлъ сей направленъ былъ влѣво отъ него, вѣроятно по темнѣвшимся въ долинѣ массамъ промежуточной колонны князя Гагарина, или по первой колоннѣ генерала Ковалевскаго—тотъ самый выстрѣлъ, о которомъ сказано въ описаніи атаки ген. Майделя. Пройдя еще нѣсколько впередъ, Мингрельцы были осыпаны градомъ пуль, губительному дѣйствію коего, былъ болѣе подверженъ правый флангъ колонны. Желая быстрымъ натискомъ отклонить наносимое пораженіе, Серебряковъ ускорилъ движеніе. Въ это время нѣсколько человѣкъ изъ средины колонны закричали «ура» и начали стрѣлять, почему Серебряковъ остановилъ первые ряды, водворилъ порядокъ и снова двинулся впередъ. Было еще темно. Подъ нимъ убили лошадь. Онъ пошелъ пѣшкомъ впереди слѣдовавшей за нимъ темной массы, примѣромъ своимъ и голосомъ ободряя людей къ быстрому движенію. Потеря была уже значительная, но раненыхъ не велѣно было собирать дабы не ослабить рядовъ.

Переходъ отъ мрака къ полу-свѣту былъ очень быстрый, и какъ только можно было нѣсколько различить мѣстность и предметы, Серебряковъ увидѣлъ, въ 80-ти саженяхъ передъ

*) Тамъ же, генералъ Майдель передалъ полк. Серебрякову, что если его тяжело ранятъ или убьютъ, то онъ, какъ старшій, принимаетъ команду надъ второю колонной.

собою два редута, оглянувшись же назадъ—одну голову своей колонны—около двухъ сотъ человѣкъ, которые за нимъ слѣдовали; прочіе же съ баталіонными командирами, еще изъ лощины приняли вправо и присоединившись къ Эриванцамъ, участвовали съ ними въ общей атакѣ на ретраншаментѣ, какъ то выше объяснено.

Въ это время полковникъ Серебряковъ находился уже противъ интервала между редутами Тахмасъ-Табіэ и Юксекъ-Табіэ. Съ горстью людей за нимъ послѣдовавшею, онъ отважно направился къ редуту Юксекъ-Табіэ, который казался ему слабѣе. Проникнувъ въ самый интервалъ подъ перекрестнымъ огнемъ обоихъ редутовъ, онъ бросился къ исходящему на югъ углу избраннаго имъ редута. Мингрельцы вскочили въ ровъ; уже кипѣлъ рукопашный бой на валу, и нѣсколько турецкихъ солдатъ бѣжали изъ редута, перескакивая въ противоположную сторону черезъ бруствѣръ. Въ это время Серебряковъ былъ раненъ штуцерною пулею на вылетъ въ правую ногу, онъ перевязался поданнымъ однимъ изъ солдатъ полотенцемъ и стоя на краю рва, продолжалъ ободрять бывшихъ еще во рву людей; но другая штуцерная пуля съ боковаго фаса ударила его въ поясницу и пронизала на вылетъ. Нѣсколько солдатъ подхватили Серебрякова, и столь велика была увѣренность ихъ въ успѣхѣ, что его отнесли не внизъ, а на гору, и положили около турецкихъ палатокъ разбитыхъ между редутами, нѣсколько позади оныхъ. Истекая кровью, онъ съ этого мѣста приказалъ отнести себя къ перевязочному пункту, обратно тою же дорогою, которою шелъ впередъ, оставшимся же людямъ приказалъ въ случаѣ неудачи, отступить куда будетъ удобнѣе. Его понесли пять человѣкъ, и по сей небольшой кучкѣ сдѣлано было еще нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ изъ Тахмасъ-Табіэ. Трое изъ несшихъ Серебрякова нижнихъ чиновъ остались на мѣстѣ, онъ же получилъ еще сильную контузію въ лѣвое плечо и поддерживаемый двумя оставшимися рядовыми, добрался до перевязочнаго пункта *). Оставшаяся горсть храбрыхъ, лишив-

*) Послѣ сильныхъ и продолжительныхъ страданій, полковникъ, нынѣ генералъ-маіоръ, Семенъ Осиповичъ Серебряковъ 2-й, находившійся уже

шись начальника своего, послѣ значительнаго урона должна была отступить.

Очертивъ такимъ образомъ первый натискъ главной штурмовой колонны генерала Майделя, занявшей все лѣвое крыло шорахской укрѣпленной позиціи, два непріятельскихъ лагеря и остановившейся почти на контръ-эскарпѣ редута Тахмасъ-Табіэ, обратимся къ одновременнымъ съ сею атакою дѣйствіямъ первой и промежуточной колоннъ, генераловъ: Ковалевскаго и князя Гагарина.

Атака первой колонны. Диспозиціею назначено было первой колоннѣ генерала Ковалевскаго:

«Придти на позицію и построиться въ боевой порядокъ не позже 4-хъ часовъ утра. Если колонна эта не будетъ замѣчена непріятелемъ, то она ожидаетъ дѣйствія второй колонны; въ противномъ случаѣ, если прибытіе ея произведетъ тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ, то она открываетъ тотчасъ же артиллерійскій огонь, противъ центра шорахской позиціи. Послѣ усиленной, но непродолжительной пальбы, когда замѣчено будетъ что вторая колонна уже двинулась на штурмъ, она немедля начинаетъ наступленіе, оставивъ батарейную и конную батареи со своимъ резервомъ на мѣстѣ».

Вслѣдъ затѣмъ, конные охотники должны были скакать на гору правѣе пѣхоты, взявъ направленіе свое между турецкими укрѣпленіями, гдѣ было одно мѣсто не преграждѳнное валомъ, или туда гдѣ окажется удобнѣе, чтобъ проникнуть въ непріятельскій лагерь. Если къ той минутѣ, вторая колонна Майделя приблизилась бы уже къ редутамъ, тогда конные охотники не слѣдуя далѣе, производятъ въ лагерѣ опустошеніе и поражаютъ все, что на пути имъ встрѣтится, дабы увеличить тревогу и тѣмъ облегчить наступленіе пѣхоты. Въ противномъ случаѣ, если при появленіи нашихъ всадниковъ въ тылу непріятеля не послѣдовало бы немедленное занятіе пѣхотою укрѣпленій, то они со стрѣльбою и крикомъ скачутъ внизъ къ р. Карсъ-Чай, гдѣ появленіе ихъ служило бы общему резерву указаніемъ, на-

---

въ безнадежномъ положеніи, былъ совершенно исцѣленъ отъ полученныхъ имъ ранъ въ Карабагѣ, врачемъ изъ туземныхъ мусульманъ.

править нѣсколько баталіоновъ путемъ правѣе горы Лазъ-Тенэ, на поддержаніе натиска второй колонны.

Хотя войска первой колонны, при выступленіи своемъ изъ лагеря, могли догадываться, что ихъ ведутъ на приступъ Карса, но ген. Ковалевскій призналъ за лучшее не обнаруживать сего съ вечера гласнымъ образомъ, а объявилъ о томъ только на привалѣ при с. Татлиджа, ободряя войска короткою, но выразительною рѣчью: «Господинъ главнокомандующій»—сказалъ онъ людямъ—«дѣлаетъ вамъ честь, приказывая взять Карсъ штурмомъ, а мнѣ двойную, поручивъ при томъ командовать вами. Охотники съ каждой роты по двѣнадцати впередъ за славнымъ Георгіевскимъ крестомъ». Затѣмъ приказалъ онъ, идя на приступъ не остапавливаться для уборки раненыхъ и убитыхъ.

По занятіи позиціи, людямъ велѣно было лечь. Соблюдалась мертвая тишина, какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны. За половиною пятаго часа утра нечаянный ружейный выстрѣлъ раздавшійся въ одномъ изъ баталіоновъ Виленскаго полка или лай стаи собакъ, слѣдовавшей при колоннѣ, повидимому, обнаружили непріятелю присутствіе первой колонны, въ которой былъ слышенъ поднявшійся въ то время гулъ изъ колоннъ генераловъ Майделя или кн. Гагарина—и царствовавшая доселѣ всеобщая тишина, была прервана гранатою пущенною съ шорахскихъ высотъ; вслѣдъ затѣмъ открытъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ батарей.

Тогда Ковалевскій приказалъ пѣшей батареѣ также открыть огонь, и скомандовавъ: «вставать, маршъ!»—повелъ войска на приступъ. Въ эту минуту раздалось съ правой стороны ожидаемое изъ колонны Майделя—«ура!» Клики эти, вѣроятно, доходили изъ колонны полковника Серебрякова, ближайшаго къ колоннѣ Ковалевскаго, слѣдовательно около $4^3/_4$ часа утра, когда уже занималась заря. Батарея наша сдѣлала одну очередь; выстрѣлы ея, направленные на довольно большое разстояніе и возвышеніе, не могли нанести значительнаго вреда непріятелю; но и тѣ вскорѣ прекратились, когда ихъ заслонила подымавшаяся въ гору пѣхота; по сему, батарея прекративъ

огонь свой, спустилась съ занимаемой ею высоты, и укрылась отъ непріятельскихъ снарядовъ.

Ретраншаментъ праваго крыла шорахской позиціи, упиравшійся правою оконечностію своею въ Баши-бозукскую гору (Ширшани-Тепеси), названный англичанами Ренисонскими линіями, тянулся вдоль крутой и каменистой высоты, образовавшей вогнутую къ сторонѣ Карса дугу; эту линію укрѣпленій заняли турецкіе штуцерники, изъ которыхъ нѣкоторые были разсыпаны и по сторонамъ за большими камнями. Ковалевскому трудно было въ темнотѣ съ точностію попасть на выгоднѣйшій пунктъ и путь для атаки. Баталіоны его тронулись съ мѣста съ барабаннымъ боемъ, поднимаясь сперва по отлогой покатости простиравшейся до начала горы. Имѣя въ предметѣ только чернѣвшіяся впереди укрѣпленія, они взяли направленіе къ серединѣ вогнутой дуги Ренисонскихъ линій. Тогда все протяженіе непріятельскихъ укрѣпленій загорѣлось огнемъ выстрѣловъ, звукъ и трескъ которыхъ слился въ одинъ общій гулъ. Ген. Ковалевскій, полковникъ Шликевичъ впереди первой линіи, ободряли и воодушевляли людей словомъ и примѣромъ личной неустрашимости. Чтобы нѣсколько избѣжать убійственнаго перекрестнаго огня и охватить ретраншаментъ съ фланговъ, Ковалевскій повернулъ первую линію въ полъ-оборота на лѣво; а начальнику второй линіи, слѣдовавшей за первою, черезъ адъютанта своего, приказалъ принять на право. Приказаніе это было послѣднее имъ отданное, онъ былъ смертельно пораженъ на вылетъ штуцерною пулею, и при паденіи съ лошади ударился головою о камень, отъ чего лишился чувствъ. Такъ какъ всѣ окружавшіе Ковалевскаго офицеры были тутъ же убиты или ранены, то въ разгарѣ боя его не скоро подняли; но наконецъ перенесли на перевязочное мѣсто, откуда послѣ перваго даннаго ему пособія отвезли въ лагерь *).

Колонны быстро рѣдѣли, но люди смыкались и прибавляли

*) Начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи, ген.-лейтенантъ Петръ Петровичъ Ковалевскій, скончался черезъ пять дней послѣ полученной имъ раны.

шагу. Достигнувъ крутаго подъема къ укрѣпленіямъ, Виленскіе баталіоны, предшествуемые охотниками, съ крикомъ ура, бѣгомъ бросаются на гору усѣянную крупными камнями, но заминаются на гласисѣ. Нѣкоторые изъ людей достигаютъ однакоже контръ-эскарпа, иные перескакиваютъ даже черезъ валъ; но здѣсь Виленцы вдвинувшіеся уже въ середину дуги, поражаются убійственнымъ огнемъ изъ штуцеровъ съ фронта, съ обоихъ фланговъ и кромѣ того картечью съ правой стороны изъ сосѣдственныхъ батарей. Люди валятся другъ на друга кучами—колонна останавливается и въ короткое время, потеря наша возрастаетъ до чрезвычайной степени.

Не взирая на страшный огонь, командиръ Виленскаго полка полковникъ Шликевичъ, во всѣхъ отношеніяхъ одинъ изъ достойнѣйшихъ штабъ-офицеровъ кавказскаго корпуса, съ нѣсколькими охотниками перебѣгаетъ черезъ ровъ—не глубокій по причинѣ каменистаго грунта—вскакиваетъ на валъ и пораженный въ упоръ пулею въ лобъ, падаетъ какъ слышно было на непріятельскую платформу. Въ нѣсколько мгновеній, во всей пѣхотѣ не осталось ни одного штабъ-офицера и почти ни одного ротнаго командира; всѣ они или перебиты или переранены. Въ числѣ послѣднихъ находились, командированные въ распоряженіе начальника первой колонны оберъ-квартирмейстеръ дѣйствующаго корпуса генеральнаго штаба полковникъ Рудановскій и того же штаба капитанъ Радичъ.

Въ это время исчезло единство и рушился всякій порядокъ. Разстроенныя колонны, лишившись всѣхъ начальниковъ, держались еще нѣкоторое время на гласисѣ и во рву, гдѣ люди погибали стрѣляя изъ за камней на воздухъ, но не отступая отъ лежавшихъ товарищей своихъ—безъ приказанія, коего произнести было некому.

Бѣлевскіе баталіоны, выдвинутые Ковалевскимъ сначала атаки нѣсколько вправо, поднялись на каменную крутизну горы, но немного не дошли до рва, остановились и начали перестрѣлку. Командированный съ вечера въ распоряженіе ген. Ковалевскаго, состоявшій при главнокомандующемъ инженеръ путей сообщеній капитанъ Казначеевъ, подъ коимъ была уже

убита лошадь, не смотря на то что въ тоже время прострѣлили ему руку, бросился впередъ, убѣждая людей за нимъ слѣдовать. Человѣкъ двадцать за нимъ поднялось, но не дошли до рва, на контръ-эскарпѣ коего Казначеевъ получилъ вторую тяжелую рану, послѣ чего онъ долженъ былъ оставить поле сраженія и на обратномъ пути получилъ еще двѣ раны. Перебито было много штабъ и оберъ-офицеровъ и людей; баталіоны впередъ не подавались и не выдержали ужаснаго огня, подъ коимъ они находились. Строй вовсе утратился и люди стали отступать толпою—но не бѣгомъ, а шагомъ и отстрѣливаясь назадъ. Командиръ полка полковникъ Неѣловъ, уже раненый при семъ отступленіи, шелъ позади всѣхъ, убѣждая подчиненныхъ своихъ возобновить атаку. Пріѣхавшій въ ту пору по порученію главнокомандующаго, состоявшій при немъ полковникъ Николай Корсаковъ, засталъ дѣло въ такомъ положеніи и успѣлъ обратить нестройную толпу сію къ сторонѣ непріятеля. Два офицера бросились впередъ, собранные барабанщики ударили наступленіе и Бѣлевцы, падая подъ усилившимся огнемъ, двинулись опять въ гору. Они подошли такъ близко, что прислуга непріятельскихъ орудій справа, явственно выставилась; но едва баталіоны поравнялись съ флангомъ люнета Гюрджи-Табіэ, какъ два выстрѣла картечью, одинъ за другимъ, положили всю голову колонны на мѣстѣ. Тщетно наши возбуждали себя криками ура, толпа поворотила назадъ и слабо отстрѣливаясь, стала опять спускаться съ горы—однако медленно, и не подбирая раненыхъ. Турки подняли въ укрѣпленіяхъ своихъ, торжественные клики, и провожали отступающихъ выстрѣлами; не взирая на сильный огонь, Бѣлевцы потянулись въ балку прежнимъ шагомъ, но не бѣжали.

Вскорѣ послѣ того, какъ пѣхота первой колонны тронулась въ атаку, пустились конные охотники по дорогѣ ведущей въ гору. Вихремъ пронеслись сіи отважные всадники мимо праваго фланга пѣхоты. Подскакавъ къ укрѣпленію, они приняли еще нѣсколько вправо, дабы попасть на мѣсто, гдѣ бы удобнѣе было проникнуть за валъ, который не былъ высокъ;

но лошади понуждаемыя всадниками своими, не подавались болѣе впередъ среди адскаго огня освѣщавшаго красныя фески и смуглыя лица оборонявшихся арабистанцевъ. Онѣ оторопѣли отъ окружавшаго ихъ треска и дыма, и кружась на мѣстѣ валились подъ выстрѣлами. Не взирая на сіе, нѣкоторые изъ отчаянныхъ людей вскочили однакоже въ укрѣпленіе и тамъ погибли, иные лишившись лошадей, присоединились къ пѣхотѣ, многіе же изъ нихъ остались на мѣстѣ. Къ удивленію, уцѣлѣлъ скакавшій впереди всѣхъ, отважный вождь ихъ донской артиллеріи эсаулъ Кульгачевъ, офицеръ отличившійся еще въ кампанію 1854-го года, въ сраженіи подъ Кюрюкъ-Дере и постоянно обращавшій на себя вниманіе начальства по распорядительности, дѣятельности и необыкновенной отвагѣ своей. Въ числѣ сподвижниковъ его были: нижегородскаго полка, прапорщики Корадини, Вердеревскій и кн. Грузинскій и сборнаго линейнаго кавказскаго казачьяго полка № 2-го, сотникъ Анонкинъ и Хорунжій Кузминъ. Изъ 148 нижнихъ чиновъ находившихся въ сей атакѣ, въ одно мгновеніе было убито и ранено 59 человѣкъ *).

Атака промежуточной колонны.

Диспозиціею назначено было промежуточной колоннѣ, начать движеніе въ атаку не много спустя послѣ первой колонны; цѣлію ея было прорваться на высоту между двухъ турецкихъ редутовъ.

Колонна сія выстроилась на позиціи при с. Шорахъ въ 3 часа и 20 минутъ. Батарейныя орудія ея передвигаясь по каменистому грунту сильно стучали; но при всемъ томъ, полагать должно, что колонна не скоро была открыта непріятелемъ. Въ с. Шорахъ доносился глухой гулъ происходившій отъ движенія второй колонны Майделя, въ то время какъ она поднималась на горный контръ-форсъ; замѣтны были и черныя массы пѣхоты.

Какъ только раздались первые выстрѣлы съ непріятельскихъ батарей, охотники промежуточной колонны увлеченные криками

---

*) Въ этой атакѣ кн. Грузинскій убитъ, Вердеревскій, Анонкинъ и Кузминъ ранены.

слышавшимися изъ смежныхъ колоннъ, не ожидая приказанія бросились было впередъ; но тотчасъ же были остановлены и за тѣмъ боевыя линіи двинулись предводимыя кн. Гагаринымъ. Резервъ, состоявшій изъ одного баталіона Тульскаго полка, одной роты саперъ, одной стрѣлковъ и четырехъ батарейныхъ орудій, остался при с. Шорахъ.

Пока войска двигались по равнинѣ, уронъ былъ незначительный, непріятельскіе выстрѣлы все переносило; но въ то время когда онѣ стали подниматься на гору, непріятель разглядѣвъ ихъ при показывающемся уже разсвѣтѣ, началъ выстрѣлами своими поражать атакующихъ. Мѣстность эта была заблаговременно изслѣдована англійскими офицерами и впереди шорахской позиціи были сложены каменныя пирамидки, означавшія въ руководство стрѣлкамъ разстоянія отъ укрѣпленій. Тутъ показались первыя штуцерныя пули, далѣе войска встрѣтили уже бѣглый ружейный огонь. По мѣрѣ того какъ колонна приближалась, подъемъ становился круче и каменистѣе. На сей мѣстности построенъ былъ люнетъ Кая-Табіэ, иначе Яремъ-Ай, къ которому стремились охотники подъ командою подпоручиковъ Яцына 1-го и Симонова. Ихъ велъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Кузьминскій. Атаку сію поддерживалъ 2-й баталіонъ Ряжскаго полка. Не взирая на сильный огонь поражавшій войска съ фронта и изъ Тахмасъ-Табіэ, онѣ ускоряли движеніе свое и когда уже находились въ пятнадцати саженяхъ отъ люнета, бросились впередъ съ крикомъ ура. Турки бѣжали и скрылись въ укрѣпленіе Юксекъ-Табіэ, оставивъ въ рукахъ нашихъ два орудія. Ведомые офицерами, Ряжцы, обогнули люнетъ съ обоихъ концевъ, вбѣжали въ него и бросились было на Юксекъ-Табіэ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Между тѣмъ вторая линія спѣшила, подъ картечнымъ съ фланга огнемъ на подкрѣпленіе первой, и подходя уже къ занятому нами люнету, повернула налѣво по командѣ кн. Гагарина, который хотѣлъ достичь вершины, прикрывая людей отъ перекрестнаго огня, оказавшимся на семъ мѣстѣ небольшимъ гребнемъ. Въ это время князь Гагаринъ, который лично былъ уже съ людьми засѣвшими между

камнями на контръ-эскарпѣ люнета, тяжело раненъ штуцерною пулею и долженъ былъ оставить мѣсто сраженія. Старшимъ послѣ него остался начальникъ второй линіи тульскаго полка баталіонный командиръ маіоръ Михайловъ, котораго также ранили. Тутъ же раненъ и другой баталіонный командиръ того же полка, а изъ шести ротныхъ командировъ, три убито и три ранено. Среди треска, и крика и дыма, Тульцы, лишившись начальниковъ и повинуясь передававшейся изъ устъ въ уста послѣдней командѣ кн. Гагарина, подавались влѣво пока не присоединились къ отступавшимъ Бѣлевцамъ первой колонны Ковалевскаго, съ коими они отошли назадъ, не довершивъ предположеннаго княземъ Гагаринымъ движенія.

Послѣ сего, засѣвшіе въ люнетѣ ряжцы, держались еще около четверти часа при взятыхъ ими орудіяхъ; но потерявъ много людей отъ огня изъ редута Юксекъ-Табіэ, изъ котораго по нимъ стрѣляли на самое близкое разстояніе, они должны были выйти изъ взятаго ими люнета Яремъ-Ай, оставивъ захваченныя ими два орудія и при нихъ тяжело раненаго подпоручика Яцына. Упорно держались Ряжцы еще нѣсколько времени во рву, продолжая безполезную перестрѣлку въ ожиданіи подкрѣпленія дабы возобновить приступъ; напротивъ того турки, освободившіеся отъ атаки генерала Ковалевскаго поспѣшили, на усиленіе Юксекъ-Табіэ. Тогда адъютантъ генерала Вилліамса капитанъ Тисдель, сдѣлалъ вылазку изъ Юксекъ-Табіэ, взялъ обратно орудія и полонилъ лежавшаго при одномъ изъ нихъ съ перебитою ногою подпоручика Яцына *). Ряжцы державшіеся во рву, должны были наконецъ оставить мѣсто; но не отошли къ своему резерву, остававшемуся при с. Шорахъ, а подались

*) Офицеръ сей овладѣвъ орудіями, остался при нихъ—хотя случайно, вслѣдствіе полученной имъ раны. Слышно было, что онъ подползалъ еще къ пушкѣ, съ намѣреніемъ заклепать ее, когда его взяли турки. Онъ былъ на голо раздѣть ими и не миновалъ бы участи почти всѣхъ раненыхъ, которыхъ турки прикалывали, еслибъ не спасъ его Тисдель. По возвращеніи Яцына изъ плѣна послѣ взятія Карса, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса.

вправо, гдѣ присоединились къ своимъ двумъ баталіонамъ второй колонны Ген.-Майделя, съ коими участвовали въ продолжавшемся на высотахъ бою. Во время этой свалки убиты, командиръ 2-го баталіона ряжскаго полка полковникъ Брещинскій и ротный командиръ капитанъ Хлюстинъ.

Князь Гагаринъ съ разбитымъ плечемъ и прострѣленнымъ горломъ шелъ одинъ, весь облитый кровью и едва держась на ногахъ. Въ такомъ положеніи встрѣтилъ его недалеко отъ люнета одинъ изъ адъютантовъ главнокомандующаго, посланный къ промежуточной колоннѣ. На спросъ адъютанта о положеніи раны — «здѣсь она» отвѣчалъ князь съ трудомъ, показывая па верхнюю часть груди;—«скажите главнокомандующему, что я старался исполнить все что мнѣ было поручено, но вотъ видите болѣе уже я ничего не могу» *).

Трудно съ точностію опредѣлить соотвѣтственные въ смежныхъ колоннахъ моменты боя, тѣмъ болѣе что рукопашная свалка началась еще до разсвѣта; по по ходу дѣла заключать можно, что атака полковника Серебрякова, почти съ тыла на южный исходящій уголъ укрѣпленія Юксекъ-Табіэ, нѣсколько предшествовала фронтальной атакѣ на тоже укрѣпленіе промежуточной колонны. Иначе не могло бы оно устоять противъ усилій нашихъ съ двухъ сторонъ. Редутъ Юксекъ-Табіэ, какъ видно, имѣлъ еще слабую оборону когда его атаковалъ Серебряковъ, преимущественно поражаемый съ тыла изъ Тахмасъ-Табіэ. При атакѣ же кн. Гагарина, защитники Юксекъ-Табіэ уже усилились пѣхотою подошедшею изъ Ренисонскихъ линій, послѣ отбитія приступа первой колонны ген. Ковалевскаго.

*) Достойный князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ, исцѣлившійся впослѣдствіи времени отъ раны, которая казалась смертельною, погибъ въ 1857-мъ году отъ предательскаго удара кинжаломъ, нанесеннаго ему владѣтельнымъ Додишкиліаномъ Сванетіи, въ Кутаисѣ, гдѣ кн. Гагаринъ былъ тогда Генералъ-Губернаторомъ.

III.

Бой *).

Не смотря на отважность войскъ, приступы къ правому флангу и центру непріятельской позиціи, были отбиты съ значительнымъ для насъ урономъ. Начальники первой, промежуточной и второй колоннъ, были ранены, изъ нихъ два первые тяжело. Первая колонна отступила на прежнюю позицію свою вблизи Обсерваціонной горы къ своему резерву. Общій обзоръ дѣла.

Резервъ промежуточной колонны оставался на своемъ мѣстѣ при с. Шорахъ; но къ нему не возвратилась дѣйствовавшая колонна, раздвоившаяся подъ самыми непріятельскими укрѣпленіями. Первая линія ея состоявшая изъ Ряжцевъ, присоединилась направо, къ баталіонамъ своего полка находившимся во второй колоннѣ ген. Майделя, вторая же линія или остатки двухъ баталіоновъ Тульскаго полка, присоединилась налѣво, къ отступавшей первой колоннѣ бывшей ген. Ковалевскаго.

Оконечность лѣваго фланга колонны Майделя, атаковавшая Юксекъ-Табіэ, была также отбита; но центръ сей колонны, овладѣвшій почти всѣмъ лѣвымъ крыломъ укрѣпленнаго лагеря, хотя и не имѣлъ успѣха при попыткѣ занять сомкнутое укрѣпленіе Тахмасъ-Табіэ, держался однакоже на Шорахской горѣ. Правый флангъ сей колонны подаваясь впередъ, занялъ даже два лагеря, находившіеся въ тылу главнаго укрѣпленія и перебилъ всѣхъ находившихся въ нихъ турокъ; внезапною же атакою нашего своднаго полка легкой конницы, опрокинуты спѣшившія на помощь изъ города части непріятельскихъ войскъ, которыя и были преслѣдованы до нельзя, внизъ къ р. Карсъ-Чай, при чемъ многихъ изъ нихъ порубили. Раненый Майдель оставаясь еще въ бою, вводилъ въ дѣло свѣжія войска и готовился

*) См. планъ № 2 боя при кр. Карсѣ на шорахскихъ высотахъ 17-го Сентября 1855 года.

къ новымъ усиліямъ, для овладѣнія укрѣпленіемъ Тахмасъ-Табіэ.

Въ такомъ положеніи засталъ насъ разсвѣтъ, и наступившее утро открыло поле сраженія на всемъ его протяженіи. На лѣвой оконечности нашей атаки, отъ Ренисонскихъ линій, а въ центрѣ отъ Юксекъ-Табіэ, пути отбитыхъ колоннъ обозначались двумя массами оставшихся на мѣстѣ людей, коихъ число рѣдѣло по мѣрѣ того, какъ сіи два слѣда отдалялись отъ укрѣпленій. Дальній изъ нихъ былъ длиннѣе, шире и сплошнѣе, потому что онъ означалъ путь первой колонны, потерявшей болѣе людей. Оживавшихъ или раненыхъ, которые старались ползкомъ слѣдовать за отступившими, провожали ружейными выстрѣлами изъ турецкихъ укрѣпленій.

На высотахъ шорахскихъ, въ колоннѣ Майделя перестрѣлка продолжалась, но слабѣе прежняго. Большая часть ретраншамента лѣваго крыла турецкихъ укрѣпленій оставалась въ нашихъ рукахъ, и на верхнюю часть вала вскакивали то наши люди, то турецкіе солдаты. Нижняя половина ровиковъ или ложементовъ, находившихся впереда вала, оставалась также за нами; но верхняя половина сихъ ложементовъ нереходила изъ рукъ въ руки, такъ что выстрѣлы изъ нихъ направлялись то въ нашу сторону, то къ сторонѣ непріятеля.

Главнокомандующій не рѣшился ударить отбой, въ надеждѣ на взятіе сомкнутаго укрѣпленія Тахмасъ-Табіэ, при содѣйствіи отдѣльнаго отряда ген. Базина на Чакмахскій укрѣпленный лагерь, откуда выстрѣлы уже были слышны, и потому призналъ за лучшее поддержать атаку ген. Майделя свѣжими войсками изъ резерва.

Сборъ первой колонны.

Въ семъ намѣреніи было приказано полковнику кн. Дондукову-Корсакову, собрать остатки первой колонны и присоединившихся къ нимъ людей отъ промежуточной, привести ихъ въ возможный порядокъ и принявъ вмѣсто выбывшаго ген. Ковалевскаго начальство надъ первою колонною, построить ее въ боевой порядокъ и держаться, въ случаѣ надобности, до дальнѣйшихъ приказаній. Съ помощью офицеровъ своего полка, кн. Дондуковъ собралъ около своего резерва остатки отступившей

толпы, а для прикрытія доходившихъ еще людей, выдвинулъ нѣсколько впередъ два дивизіона драгунъ и сборный казачій линейный № 2-го полкъ, приказавъ артиллеріи открыть огонь. Подъ симъ прикрытіемъ, казакамъ поручено было подбирать раненыхъ. Вѣрные обычаю кавказскихъ войскъ, выручать своихъ сколько возможно, доблестные всадники сіи, отважно выѣзжали по одиночкѣ на мѣсто боя, откуда выводили нашихъ раненыхъ, почти изъ подъ самыхъ укрѣпленій, оспаривая ихъ у турецкихъ солдатъ, которые перескакивали черезъ валъ, съ ожесточеніемъ обирая убитыхъ и прикалывая раненыхъ. При семъ человѣколюбивомъ подвигѣ, особенно отличался казачьяго кубанскаго полка сотникъ Зрянинъ.

Непріятель отвѣчалъ на выстрѣлы нашей артиллеріи, по выгодѣ своей позиціи, съ нѣкоторымъ успѣхомъ; почему кн. Дондуковъ, оставя при орудіяхъ баталіонъ Бѣлевскаго полка не участвовавшій въ дѣлѣ, отвелъ остальную пѣхоту за Обсерваціонную гору, гдѣ привелъ ее въ нѣкоторый порядокъ. Знамена, находившіяся всѣ въ бою, были принесены въ цѣлости; но около трехъ Виленскихъ, оставалось въ строю не болѣе 300 человѣкъ, около двухъ Бѣлевскихъ собралось не болѣе 250, два же Тульскихъ баталіона представляли числительность во 150 человѣкъ. Старшій изъ начальниковъ въ баталіонахъ, былъ въ чинѣ штабсъ-капитана; прочими командовали подпоручики. Всего въ строю оказалось пѣхоты въ сборной колоннѣ кн. Дондукова, около 1,150 рядовыхъ, которыхъ разсчитали на три баталіона; но въ теченіи утра, части сіи нѣсколько усилились людьми возвратившимися съ перевязочнаго пункта, куда они отводили раненыхъ.

Дѣйствія во второй колоннѣ.

Турки освободившись отъ атакъ генерала Ковалевскаго и кн. Гагарина, обратили всѣ свои усилія на колонну Майделя. Часть ихъ бросилась на помощь атакованнаго редута Тахмасъ, бо́льшая же направилась къ лагерю, противъ нашей кавалеріи и засѣвшей между палатками пѣхоты. Кавалерія была выведена изъ ретраншамента, а пѣхота принявъ влѣво, пристроилась къ войскамъ дѣйствовавшимъ противъ редута. Около этого времени были ранены: командовавшій 1-мъ баталіономъ л. кара-

бинернаго полка маіоръ баронъ Врангель, принявшій послѣ него команду маіоръ Рогожинъ, командиръ 2-го баталіона того же полка подполковникъ Врангель, командиръ 4-го баталіона мингрельскаго полка маіоръ Баумъ, командиръ 4-го баталіона гренадерскаго полка маіоръ Пирадовъ и убитъ командиръ 2-го баталіона того-же полка маіоръ Вальховскій; многіе изъ ротныхъ командировъ также убиты или ранены. Вскорѣ послѣ первой раны, ген. Майдель получилъ вторую тяжелую рану пулею въ грудь. Это было въ 7-мъ часу утра. Изнемогая отъ ранъ, онъ передалъ капитану Романовскому приказаніе держаться на занятой позиціи до послѣдней крайности и передать команду старшему, а съ извѣстіемъ о положеніи дѣлъ и за своимъ резервомъ послалъ, командированнаго сначала штурма къ его колоннѣ, состоявшаго при главнокомандующемъ гвардіи ротмистра Башмакова.

Полковникъ Серебряковъ, котораго, какъ выше сказано, Майдель назначалъ въ случаѣ смерти или раны своимъ преемникомъ, былъ уже раненъ при атакѣ Юксекъ Табіэ. Въ эту минуту въ бою оставался старшимъ, начальникъ второй линіи, командующій гренадерскимъ полкомъ князь Іосифъ Тарханъ-Моуравовъ 2-й. Штабъ-офицеръ этотъ испытанной храбрости, поспѣшилъ къ войскамъ ослабѣвавшимъ отъ напора усиливавшихся турокъ, холоднымъ оружіемъ отбросилъ шедшія на выручку непріятельскія войска и за тѣмъ обратился противъ редута. Схвативъ знамя 2-го баталіона гренадерскаго полка, онъ ринулся съ баталіономъ и съ ближайшими ротами карабинеръ къ Тахмасъ-Табіэ. Нѣсколько человѣкъ вскочили уже на валъ, другіе ворвались во входъ редута, но пораженные-пали. Избитое и изломанное знамя, бывшее уже во рву, вынесено послѣ горячей рукопашной схватки, и наши должны были уступить. Часть людей перейдя черезъ валъ ретраншамента на половинѣ протяженія онаго, скрылась во рву, другая стала отходить съ горною артиллеріею по внутренней сторонѣ ретраншамента, часть же разбрелась по непріятельскому лагерю, въ коемъ находилось еще нѣсколько турокъ.

Вызванный резервъ второй колонны, состоявшій изъ двухъ

баталіоновъ Ряжскаго полка и двухъ ротъ саперъ съ батарейною № 1-го батареею, немедленно былъ введенъ въ занятую нами часть ретраншамента; вскорѣ за ними туда же подошла, безъ полученія на то приказанія, легкая № 1-го батарея, съ находившимися при ней саперною и двумя стрѣлковыми ротами.

Батарейная батарея, тронувшись съ горнаго контръ-форса на коемъ она стояла, оставила на мѣстѣ свои занасные ящики, подъ небольшою высотою ограждавшей ихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Прежде всего встрѣтился ей сводный полкъ легкой конницы, возвращавшійся, хотя въ разбродъ, но шагомъ, послѣ удачной атаки сдѣланной имъ на подходившія къ туркамъ подкрѣпленія. Часть сей конницы, а именно: сотня 1-го сборнаго казачьяго линейнаго полка, пронесшаяся далѣе другихъ, возвратилась не тѣмъ путемъ коимъ сводный полкъ двинулся на гору, а обогнувъ Тахмасъ-Табіэ, спустилась съ шорахской позиціи, пройдя между симъ укрѣпленіемъ и Юксекъ-Табіэ; по чему главнокомандующій, не ожидавшій нашей конницы съ той стороны, полагалъ на первыхъ порахъ, что то была непріятельская и какъ она направлялась косогоромъ къ горному контръ-форсу въ лѣвый флангъ и тылъ второй колонны, то для удержанія ея, послалъ было въ гору свою конвойную сотню, которая вскорѣ узнала своихъ. Конница наша нанесла туркамъ значительный уронъ и не имѣла большой потери; но ей безполезно было бы долѣе оставаться безъ дѣйствія на горѣ подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи; она остановилась на горномъ контръ-форсѣ у подошвы горы Лазъ-Тепе.

Командирь батарейной батареи подполковникъ Брискорнъ повелъ часть свою малою рысью, опередилъ прикрывавшую его пѣхоту, заѣхалъ правымъ плечомъ, обогнулъ конецъ ретраншамента и сталъ подниматься покатостью по внутренней сторонѣ онаго. Брискорнъ поспѣлъ во время, ибо онъ встрѣтилъ остатки нашего дивизіона горной турецкой артиллеріи, медленно отступавшаго по склону горы. Подбитыя пушки двигались съ помощію прислуги; командовавшій дивизіономъ штабсъ-капитанъ Броневскій, раненый, шелъ между орудіями. Только что за два дня сформированный дивизіонъ сей, принесъ всю пользу

которую отъ него можно было ожидать; но за совершеннымъ разрушеніемъ отъ непріятельскихъ ядеръ лафетовъ и за утратою болѣе половины людей и лошадей, онъ не могъ долѣе дѣйствовать и былъ выведенъ изъ дѣла. Съ батарейною батареею прибылъ на гору начальникъ резерва второй колонны полковникъ Ганецкій, а вскорѣ за тѣмъ пришли на позицію и два Ряжскіе баталіона его, которые неимѣли еще большаго урона.

И такъ, всѣ войска второй колонны участвовали уже въ дѣлѣ. Позиція ими занимаемая была слѣдующая: Брискорнъ поставилъ батарею свою фронтомъ къ Тахмасъ-Табіэ въ 150 саженяхъ отъ сего редута, имѣя лѣвый флангъ свой вблизи внутренней стороны ретраншамента; снявшись съ передковъ, онъ открылъ огонь картечью по южному фасу Тахмасъ-Табіэ и по турецкой пѣхотѣ, перебѣгавшей изъ лагеря въ редутъ. Позиціи своей батарея не измѣняла во все время боя, и только подъ конецъ подвинулась флангомъ еще сажень на двадцать впередъ. Прибытіе резерва, и въ особенности появленіе артиллеріи, дали возможность отступавшей пѣхотѣ нашей остановиться и удержаться въ занятомъ нами ретраншаментѣ. Однако части ея перемѣшались, отчего на лѣвомъ флангѣ артиллеріи собралась сплошная густая толпа людей разныхъ полковъ, которая ставъ по обѣимъ сторонамъ вала, стрѣляла вверхъ безъ всякой пользы. На правомъ флангѣ батареи была также пѣхота, частію занимавшая турецкія палатки, частію же стоявшая въ порядкѣ правѣе лагеря, фронтомъ къ Вели-Паша-Табіэ. Люди разсыпанные по турецкимъ палаткамъ, выбѣгая изъ нихъ стрѣляли по Тахмасъ-Табіэ, откуда ихъ поражали картечью, и они, во множествѣ, ложились среди захваченной ими добычи, подлѣ турокъ, коихъ перекололи при первомъ вторженіи въ лагерь. Пѣхота, выстроившаяся правѣе непріятельскаго лагеря, стрѣляла по небольшимъ каменнымъ заваламъ находившимся между лагеремъ и Вели-Паша-Табіэ. Раненые переползали изъ палатокъ, впереди нашихъ орудій, къ толпѣ стоявшей лѣвѣе артиллеріи и ухо-

---

*) Штабсъ-капитанъ Броневскій былъ удостоенъ за сіе дѣло, ордена Св. Георгія 4-й степени.

дили за ретраншаментный валъ черезъ выходъ; тѣмъ же путемъ изъ за внѣшней стороны вала перебѣгали близъ самаго редута и подъ страшнымъ огнемъ, свѣжіе люди въ турецкій лагерь, куда приманивала ихъ добыча.

На выстрѣлы нашей артиллеріи, турки отвѣчали съ фронта изъ Тахмасъ-Табіэ картечью, въ правый флангъ изъ Вели-Паша-Табіэ 27-ми фунтовыми ядрами и изъ Чинъ-Табіэ картечными гранатами, какъ то замѣтили артиллерійскіе офицеры, съ тыла же изъ зарѣчной батареи Сувари-Табіэ ядрами и гранатами, слишкомъ навѣсными выстрѣлами, отъ чего послѣднее дѣйствіе сіе не могло причинять намъ большаго вреда. Нѣкоторые замѣтили что прилетали ядра и со стороны цитадели.

Противъ огня съ нижнихъ турецкихъ батарей, дѣйствовала легкая батарея полковника. Десаже, прибывшая вслѣдъ за резервомъ второй колонны. Она стала почти тыломъ къ батареѣ Брискорна; но не могла принудить къ молчанію укрѣпленій, Чинъ-Табіэ и зарѣчнаго Сувари-Табіэ Пришедшія съ этою батареею три роты саперъ и двѣ стрѣлковыя, присоединились къ пѣхотѣ оборонявшей фланги батарейной батареи.

Съ прибытіемъ сихъ подкрѣпленій, отступившая отъ редута пѣхота ободрилась. Атаки противъ внутреннихъ фасовъ редута повторялись съ новою силою; но многихъ начальниковъ уже не было, и попытки сіи, причиняя намъ уронъ, оставались безъ успѣха. Видя такое колебаніе, Л. Карабинернаго полка штабсъ-капитанъ Минделевъ схватилъ знамя 1-го баталіона своего полка и снова бросился на редутъ; вмѣстѣ съ нимъ повелъ свою роту кавказскаго сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Кокаревъ; но первый изъ нихъ раненъ, другой убитъ и попытка эта не удалась какъ и прочія. Въ это же время былъ убитъ командиръ кавказскаго стрѣлковаго баталіона полковникъ Лузановъ. Между тѣмъ турки, усиливая огонь, стали стягивать противъ нашего праваго фланга баталіоны, какъ съ верхнихъ укрѣпленій такъ и изъ нижняго лагеря своего со стороны Карса. Пѣхота наша, оборонявшая правый флангъ батареи, не выдержала непріятельскаго натиска, дрогнула, и быстро отступила, направляясь къ лѣвой оконечности ретраншамента. Брискорнъ оста-

новилъ насѣвшаго непріятеля дѣйствіемъ 1-го взвода своей батареи, который онъ выдвинулъ нѣсколько впередъ, повернувъ орудія на право, чѣмъ и возстановился порядокъ на нашемъ правомъ флангѣ. За симъ, Ряжскіе баталіоны, находившіеся въ прикрытіи артиллеріи были выдвинуты, частію противъ наступавшихъ войскъ, частію же на лѣвый флангъ батареи.

Прибытіе подкрѣпленій изъ общаго резерва.

Къ этому времени стали уже приближаться къ мѣсту боя, посланныя главнокомандующимъ по первому извѣстію о неудачѣ, подкрѣпленія изъ общаго резерва, который былъ выдвинутъ нѣсколько впередъ и сталъ правымъ флангомъ къ мосту при с. Кичикъ-Кёвъ, опираясь лѣвымъ къ подошвѣ горнаго контрфорса *). Подкрѣпленія сіи состояли изъ четырехъ баталіоновъ: 1-го и 2-го Бѣлевскаго полка, и 1-го и 3-го Гренадерскаго. Первые два изъ сихъ баталіоновъ выступили около шести часовъ утра. Съ цѣлью укрыть ихъ во время движенія отъ выстрѣловъ съ отдѣльной скалы Лориса-Меликова, ген. Бриммеръ направилъ колонну сію небольшимъ ущельемъ въ обходъ горы Лазъ-Тепе съ лѣвой ея стороны; но при выходѣ изъ ущелья, войска сіи были открыты и подверглись выстрѣламъ орудія и штуцерниковъ находившихся на той скалѣ. Гренадерскіе два баталіона, выступили изъ резерва въ половинѣ седьмаго часа. Ген. Бриммеръ направилъ ихъ на Шорахскія высоты въ обходъ горы Муха съ правой ея стороны, приказавъ начальнику ихъ маіору Герсеванову овладѣть прежде отдѣльною скалою Лориса-Меликова и орудіемъ, которое обстрѣливало путь войскамъ направляемымъ изъ резерва на подкрѣпленіе второй колонны.

Герсевановъ, вѣроятно намѣреваясь предварительно сбить огнемъ своимъ прислугу у орудія и непріятельскихъ стрѣлковъ, не пошелъ прямо къ отдѣльной скалѣ, но сталъ подниматься влѣво, по покатости горы Лазъ-Тепе, косогоромъ, и былъ на пути своемъ сильно обстрѣливаемъ непріятелемъ; но вдругъ, турецкое орудіе замолкло; оно было подбито выстрѣлами нашей

---

*) См. планъ № 3-го боя, на Шорахскихъ высотахъ по прибытіи резервовъ.

легкой батареи, дѣйствовавшей какъ выше сказано, съ Шорахскихъ высотъ назадъ; послѣ чего турецкіе стрѣлки скрылись, и Герсевановъ, спѣшившій къ настоящей цѣли своего назначенія, пренебрегъ овладѣніемъ отдѣльной скалы.

Для возобновленія атаки съ прибывшими резервами, главнокомандующій послалъ состоявшаго при немъ генералъ-маіора Броневскаго, коему приказалъ принять начальствованіе надъ всѣми войсками находившимися на горѣ; но Броневскій не успѣлъ еще обогнуть оконечности занятаго нами ретраншамента, какъ былъ тяжело раненъ штуцерною пулею. Бѣлевцы, ободренные Броневскимъ, смѣло вступили въ огонь, но скоро присоединились на лѣво къ находившейся уже въ безпорядкѣ пѣхотѣ и смѣшавшись съ нею, залегли во рву ретраншамента, откуда производили безполезную перестрѣлку. Гренадеры стали въ прикрытіи къ артиллеріи. Тогда, оставшійся на горѣ за старшаго полковникъ Ганецкій, выдвинулъ впередъ подошедшій къ батареѣ 1-й баталіонъ Гренадерскаго полка и самъ бросившись впередъ съ 5-мъ баталіономъ своего полка, со знаменемъ въ рукахъ, лично повелъ оба баталіона на штурмъ Тахмасъ-Табіэ, 3-й же баталіонъ и часть войскъ бывшихъ на позиціи, направилъ въ обходъ черезъ лагерь справа къ редуту Юксекъ-Табіэ. Баталіоны опять добѣжали до рва, нѣкоторые изъ людей вскочили даже на валъ, но поражаемые убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ снова должны были отойти. Здѣсь палъ впереди своего баталіона при самомъ входѣ въ редутъ Тахмасъ, противъ оборонительнаго траверза, маіоръ Герсевановъ. Команду надъ баталіономъ его принялъ маіоръ князь Трубецкой; скоро и онъ былъ раненъ, но остался при войскахъ и распоряжался баталіономъ до конца боя *).

Въ сей атакѣ, къ коей присоединились саперы, пали также впереди своихъ ротъ, Кавказскаго сапернаго баталіона родные братья, штабсъ-капитанъ Аксеновъ 2-й и поручикъ Аксеновъ 1-й и тяжело раненъ того же баталіона поручикъ Купферъ. Въ

---

*) По засвидѣтельствованію офицеровъ своего полка, кн. Трубецкой удостоенъ ордена Св. Георгія 4-го класса.

это же время подпоручикъ 3-й гренадерской роты Черкасовскій видя, что его ротный командиръ убитъ и не смотря на полученную имъ самимъ рану, выдвинулъ роту впередъ, снова занялъ оставленный было уже нами одинъ изъ редантовъ ретраншамента, и повернувъ захваченное орудіе, успѣлъ сдѣлать выстрѣлъ по непріятелю.

Хотя нельзя было разсчитывать на отбитую пѣхоту первой колонны, бывшей Ковалевскаго, но для поддержанія новой атаки съ резервами, поручавшейся ген. Броневскому, и съ цѣлью развлечь вниманіе непріятеля, главнокомандующій далъ приказаніе кн. Дондукову, принявшему послѣ Ковалевскаго начальство, съ остатками пѣхоты первой колонны уже нѣсколько устроившимися, сдѣлать по крайней мѣрѣ демонстрацію противъ праваго фланга шорахскихъ укрѣпленій, съ коего Турки вывели большую часть войскъ на усиленіе своего лѣваго фланга. Вслѣдствіе сего приказанія, батарейная батарея первой колонны была снова выдвинута на прежнюю свою позицію и открыла огонь, на который непріятель однакоже не отвѣчалъ. Собравшуюся пѣхоту повелъ, раненый уже, генеральнаго штаба полковникъ Рудановскій; но едва онъ подался на десять шаговъ впередъ, какъ турки открыли огонь изъ своихъ батарей и послѣ нѣсколькихъ гранатъ лопнувшихъ среди колонны, пѣхота, лишившаяся на первомъ приступѣ почти всѣхъ своихъ начальниковъ, отступила за Обсерваціонную гору, гдѣ она осталась въ бездѣйствіи до окончанія дѣла. Безъ пользы остались и движенія, по равнинѣ впереди с. Шораха, кавалеріи, которую также встрѣтили огнемъ изъ гаубицъ укрѣпленнаго лагеря.

Новыя распоряженія. Уронъ нашъ былъ уже значителенъ; но не взирая на неудачныя атаки, мы еще держались въ непріятельскомъ лагерѣ и какъ въ то время было получено чрезъ адъютанта извѣстіе объ успѣшномъ дѣйствіи г. Базина противъ чакмахскаго укрѣпленнаго лагеря, то главнокомандующій не рѣшался отступать, дабы не подвергнуть пораженію отрядъ Базина, дѣйствовавшій подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ; напротивъ того онъ надѣялся при новыхъ усиліяхъ одолѣть Тахмасъ-Табіэ и ставъ твердою ногою на Шорахскихъ высотахъ, подать руку ген.

Базину, которому въ отвѣтъ на испрашиваемыя имъ распоряженія, тогда же послапо приказаніе — въ дѣйствіяхъ своихъ сообразоваться съ успѣхами второй колонны.

Въ семъ намѣреніи, по совѣщаніи съ г. Бриммеромъ было рѣшено, выдвинуть на Шорахскія высоты изъ общаго резерва еще одинъ баталіонъ, усиливъ сію новую атаку 4-мъ баталіономъ Тульскаго полка съ дивизіономъ батарейной № 4-й батареи 18-й артиллерійской бригады, составлявшими резервъ бывшей промежуточной колонны кн. Гагарина и остававшимися неприкосновенными при с. Шорахъ. Для удержанія же сего послѣдняго пункта, гдѣ оставались еще одна саперная рота и одна стрѣлковая, назначены изъ первой колонны сборнаго кавказскаго линейнаго казачьяго № 2-го полка пять сотень, которыя съ выгодою могли дѣйствовать по открывавшейся тутъ равнинѣ вслучаѣ, еслибы непріятель сдѣлалъ вылазку или же былъ вытѣсненъ изъ редутовъ внаружу. Для усиленія общаго резерва, потребованъ одинъ баталіонъ и четыре батарейныхъ орудія изъ третьей колонны гр. Нирода, а для укомплектованія двухъ гренадерскихъ батарей, много пострадавшихъ, приказано выслать свѣжихъ людей и лошадей изъ артиллерійскаго парка.

Отдѣльныя дѣйствія Рязанскаго баталіона съ подполковникомъ Кауфманомъ.

Было около 8-ми часовъ, утренній туманъ совершенно уже разсѣялся, и солнце ярко свѣтило. Приказаніе объ отправленіи однаго баталіона на гору, пришло въ общій резервъ въ 8 часовъ и 20 минутъ. Назначенъ былъ Рязанскаго полка 1-й баталіонъ съ маіоромъ фонъ-Бригенъ, который поступилъ подъ начальство исправлявшаго должность дежурнаго штабъ-офицера дѣйствующаго корпуса подполковника Михаила Кауфмана, получившаго приказаніе вести сіе новое подкрѣпленіе, почему онъ и вступилъ въ полное распоряженіе баталіономъ. Во избѣжаніе того, чтобы свѣжій баталіонъ сей при усиліяхъ овладѣть редутомъ, по примѣру предшествовавшихъ, не смѣшался бы съ войсками сражавшимися на горѣ, Кауфману было также приказано, по прибытіи на мѣсто боя, держаться сколь можно правѣе и всячески избѣгать турецкаго лагеря, въ коемъ гибли наши люди безъ пользы.

Движеніе и дѣйствіе сей отдѣльной части замѣчательны, по-

чему онѣ излагаются здѣсь съ нѣкоторою подробностію*). Баталіонъ построенъ былъ въ полувзводной колоннѣ изъ середины, и, около половины девятаго часа, тронулся въ семъ порядкѣ впередъ; люди шли бодро и весело, съ полною надеждою на успѣхъ и на Кауфмана, поощрявшаго ихъ всего болѣе къ строгому соблюденію порядка.

Баталіонъ двинулся сперва вдоль лѣваго берега р. Карсъ-Чай и отойдя съ четверть версты отъ моста, перешелъ черезъ оврагъ, гдѣ сталъ подниматься на косогоръ, имѣя гору Лазъ-Тепе въ лѣвой сторонѣ. Поровнявшись съ отдѣльною скалой, гдѣ находилась подбитая турецкая пушка, онъ былъ обстрѣливаемъ огнемъ нѣсколькихъ штуцерниковъ, снова засѣвшихъ между камнями отдѣльной скалы, послѣ движенія гренадеръ, отъ коихъ они было скрылись. Отправивъ раненыхъ назадъ, Кауфманъ началъ подниматься на Шорахскую гору; но едва онъ сталъ выходить на дорогу, какъ ему открылись нижнія турецкія укрѣпленія, изъ коихъ артиллерійскій огонь причинилъ ему нѣсколько урона. Баталіонъ всходилъ на крутой подъемъ безостановочно, отъ чего нѣсколько растянулся; но такъ какъ Кауфманъ имѣлъ постоянно въ предметъ выйти на верхъ въ порядкѣ, то онъ продвинувшись еще шаговъ на 50, остановился, собралъ отставшихъ людей и построился въ колонну къ атакѣ.

Появленіе стройнаго Рязанскаго баталіона на правомъ флангѣ батареи Брискорна, было своевременно, ибо положеніе сражавшихся на горѣ войскъ становилось невыносимымъ, отъ чего водворился между ними безпорядокъ. Ганецкій послѣ отбитой атаки оставшійся по прежнему старшимъ на горѣ, не слѣзая съ коня, тщетно употреблялъ всѣ усилія къ возстановленію порядка. Сплошная толпа людей разныхъ полковъ, облегавшая ретраншаментъ по обѣимъ сторонамъ вала, рѣдѣла какъ отъ выстрѣловъ непріятельскихъ такъ и отъ уводившихъ раненыхъ. Не смотря на вырывавшіеся изъ толпы крики ура, и на барабанный бой, солдаты оставались на мѣстѣ, стрѣ-

*) См. планъ № 4-го штурма, съ показаніемъ движенія Рязанскаго баталіона.

ляя вверхъ. Случалось, что смѣльчаки выбѣгали впередъ, за ними слѣдовало нѣсколько десятковъ людей разныхъ полковъ съ офицерами и безъ нихъ. Слышны были крики: «идемъ, идемъ впередъ, ихъ уже не много», толпою пускались бѣжать впередъ въ намѣреніи еще разъ попытаться взять Тахмасъ-Табіэ, но вскорѣ останавливались и топтались на мѣстѣ. Иные валились подъ выстрѣлами непріятеля, другіе возвращались, а многіе увлеченные надеждою на добычу, перебѣгали въ лагерь, гдѣ они погибали отъ картечи изъ редута. Непріятельскіе снаряды, попадавшіе въ толпу приводили ее въ волненіе, но не могли побудить ни къ отступленію, ни къ движенію впередъ. Между тѣмъ, турецкая пѣхота усиливалась свѣжею, присылаемою къ ней на помощь изъ нижняго лагеря. Видя колебаніе наше, непріятель сталъ смѣлѣе и нѣсколько разъ бросался на артиллерію, уже слабо обороняемую пѣхотою, но Брискорнъ останавливалъ его картечью. Безъ умолка ревѣла его батарея, которая сохраняя позицію, удерживала на своихъ флангахъ и части нашей разстроенной пѣхоты.

Естественно, что прибытіе свѣжихъ войскъ ободрило утомленныхъ уже отъ продолжительнаго боя. Ганецкій тотчасъ предложилъ Кауфману снова атаковать Тахмасъ-Табіэ, или же отбросить турецкую пѣхоту, опять показавшуюся на нашемъ правомъ флангѣ изъ за небольшаго перевала отдѣлявшаго эту мѣстность отъ Вели-Паша-Табіэ. Послѣднее было необходимо, потому что непріятельскіе стрѣлки жестоко поражали прислугу артиллеріи, легко достигая изъ штуцеровъ своихъ и людей нашихъ, столпившихся у ретраншамента. Кауфманъ подъѣхавъ къ нимъ, съ согласія Ганецкаго, вызвалъ охотниковъ идти съ Рязанцами впередъ. Мгновенно выскочило изъ толпы до 150-ти человѣкъ и съ ними пять офицеровъ. Раздѣливъ сборную разныхъ полковъ команду сію на двѣ части, Кауфманъ поставилъ ихъ по флангамъ своего баталіона и двинулся, минуя турецкій лагерь—вправо.

Медлить болѣе нельзя было, ибо въ это время турецкій баталіонъ быстро подавался впередъ на нашу батарею, къ которой онъ подошелъ уже шаговъ на двѣсти. Рязанцы, спустившись

въ пебольшую лощину, отдѣлявшую ихъ отъ непріятеля, съ криками ура быстро взошли на противуположную покатость; турки бѣжали и скрылись, частію по направленію къ укрѣпленію Вели-Паша-Табіэ, частію же подъ гору къ городу, при чемъ настигнуто нашими и убито штыками около 12-ти человѣкъ. Случившіеся тутъ на коняхъ офицеры и разныхъ частей казаки и всадники, преслѣдовали бѣгущихъ и въ свою очередь рубили ихъ.

Между тѣмъ, турецкій лагерь снова наполнился нашею пѣхотою. Въ это время изъ Вели-Паша-Табіэ непріятель открылъ по Рязанцамъ огонь, почему Кауфманъ спустился опять въ лощину, гдѣ скрылся отъ огня; но тутъ баталіонъ попалъ подъ выстрѣлы двухъ небольшихъ каменныхъ редутовъ, построенныхъ въ грудную вышину, въ разстояніи 80-ти шаговъ одинъ отъ другаго и взаимно фланкировавшихся. Неизвѣстно настоящимъ образомъ, съ какою цѣлью были сложены сіи два каменные редута; по правильности ихъ можно бы полагать, что они были поставлены на этомъ мѣстѣ, для обезпеченія, па всякій случай, сообщенія между Вели-Паша-Табіэ и Тахмасъ-Табіэ. Кмети упоминая въ запискахъ своихъ о боѣ въ этомъ мѣстѣ, пишетъ, что оградки за которыми турки тутъ оборонялись, имѣли видъ полулунія. Онъ говоритъ также, что стѣнки сіи были построены единственно для защиты полевыхъ кухонь отъ вѣтра; послѣднее можетъ быть справедливо.

Не теряя изъ вида покореніе Тахмасъ-Табіэ, Кауфманъ не могъ пройти безъ вниманія мимо сихъ небольшихъ построекъ, которыя при атакѣ главнаго укрѣпленія остались бы у него въ тылу; почему возстановивъ порядокъ въ баталіонѣ, онъ повелъ его къ нимъ. Засѣвшіе тамъ турки, выдержали приближеніе нашихъ и съ перваго редута открыли ружейный огонь. Пройдя шаговъ двадцать, сборные охотники съ словомъ ура, бросились впередъ, а за ними баталіонъ со знаменемъ перескочили черезъ стѣнку и перекололи всѣхъ до послѣдняго изъ шестидесяти человѣкъ защищавшихся турокъ. Не долѣе пяти минутъ продолжалась эта свалка, во время которой огонь изъ втораго редута еще болѣе усилился. Необходимо было и его взять. Выз-

вавъ людей изъ перваго редута, и сомкнувъ ряды, Кауфманъ снова бросился съ баталіономъ на приступъ; но тутъ турки, не выждавъ рукопашнаго боя, бѣжали, хотя этимъ не многіе изъ нихъ спаслись. Охотники догоняли ихъ и въ озлобленіи своемъ кололи, не внимая раздававшимся воплямъ: Аманъ! *) Аманъ! (пощады, пощады!)

Едва Рязанцы кончили дѣло съ редутами, какъ они были осыпаны картечью изъ двухъ орудій направленныхъ изъ Тахмасъ-Табіэ, и въ то же время открыть по нимъ огонь съ форта Вели-Паша-Табіэ. Уронъ ихъ уже былъ чувствительный и Кауфманъ тутъ же отправилъ тяжело раненыхъ къ мѣсту гдѣ стояла на Шорахскихъ высотахъ наша артиллерія, съ коею еще было сообщеніе по очищенному движеніемъ его пространству. Онъ не могъ въ это время повѣрить людей своихъ, но замѣтилъ, что бо́льшая убыль была между охотниками. Въ числѣ убыли Кауфманъ считаетъ и людей уведшихъ раненыхъ. За всѣмъ тѣмъ онъ полагаетъ, что у него въ эту минуту оставалось во фронтѣ до 500, а изъ охотниковъ около 100 человѣкъ. Изъ охотниковъ убитъ Гренадерскаго полка поручикъ Юдинъ, въ Рязанскомъ баталіонѣ раненъ прапорщикъ Дьяковъ и состоявшій при Кауфманѣ, Л. Карабинернаго полка подпоручикъ Макѣевъ, съ которымъ отправлены обратно раненые нижніе чины.

Отбросивъ на всѣхъ пунктахъ непріятеля, Кауфманъ готовился штурмовать укрѣпленіе Тахмасъ-Табіэ, къ которому онъ зашелъ съ тыла; находившемуся же съ нимъ гвардіи ротмистру Башмакову, поручилъ ѣхать на встрѣчу Тульскому баталіону (шедшему какъ извѣстно отъ с. Шорахъ изъ бывшей промежуточной колонны кн. Гагарина) и штурмовать въ тоже время сомкнутый редутъ съ другой стороны. Въ дѣйствіяхъ Рязан-

*) Одинъ изъ офицеровъ, проѣзжавшій черезъ это мѣсто вслѣдъ послѣ боя Рязанцевъ, засталъ возлѣ одного изъ помянутыхъ редутовъ, сидѣвшаго раненаго солдата, менѣе заботившагося о своей ранѣ, чѣмъ о сдѣланномъ имъ пріобрѣтеніи свѣжихъ патроновъ, которые онъ набиралъ изъ оставшихся турецкихъ сумъ. Ему жаль было разстаться съ такою дорогóю для воина добычею, и приглашая офицера набрать ихъ—"а у убитыхъ то сколько еще патроновъ въ сумахъ, и какой еще порохъ хорошій"—говорилъ онъ, показывая собранныя имъ пачки.

скаго баталіона участвовали также посланные главнокомандующимъ на мѣсто боя, состоявшій при немъ полковникъ Н. Корсаковъ и гражданской службы чиновникъ надворный совѣтникъ Папаригопуло, которые, исполнивъ данное имъ порученіе, возвращались къ своему мѣсту съ Башмаковымъ. Офицеры сіи могли еще пронестись сквозь стрѣлявшихъ по нимъ турокъ, которые начали опять показываться на пути изъ города къ Тахмасъ-Табіэ, между удалившеюся колонною Кауфмана и нашей главною позиціей, гдѣ стояла артиллерія. Не менѣе того, успѣшныя дѣйствія Кауфмана были радостно привѣтствованы остатками главной колонны, въ виду коей очистилась мѣстность съ правой ея стороны, при чемъ прекратился на нѣкоторое время непріятельскій по ней огонь, направлявшійся уже исключительно на Рязанскій баталіонъ.

Рязанскій баталіонъ отрѣзанъ отъ главныхъ силъ.

Прямой путь рязанцамъ къ Тахмасъ-Табіэ лежалъ черезъ турецкій лагерь; но Кауфманъ, постоянно заботясь о сохраненіи баталіона въ сомкнутомъ строѣ, уклонился отъ турецкихъ палатокъ вправо и двинулся къ редуту въ промежутокъ турецкаго лагеря и внутреней стороны ретраншамента, составлявшаго правое крыло Тахмасъ-Табіэ. Турки занимавшіе сей ретраншаментъ, взятые съ тыла, перескочили за валъ, откуда они съ наружной стороны стрѣляли въ правый флангъ рязанцевъ. До Тахмасъ-Табіэ было около 350 шаговъ и дорога шла въ гору. По мѣрѣ приближенія нашихъ къ укрѣпленію, огонь непріятеля все учащался съ фронта картечью; въ правый флангъ изъ ружей, а съ тыла ядрами изъ форта Вели-Паша. Народъ во множествѣ валился. Недоходя 50-ти шаговъ до рва, Кауфманъ, бросился было съ крикомъ ура къ укрѣпленію съ охотниками которые были впереди; но люди уже шли въ разсыпную и начали отставать. Попытка эта не удалась; Кауфманъ снова собралъ баталіонъ свой въ небольшой лощинѣ, гдѣ, скрывшись отъ выстрѣловъ, пробылъ около десяти минутъ. Отсюда, ободривъ людей, онъ готовился опять вести къ Тахмасъ-Табіэ баталіонъ, во главѣ котораго стали офицеры; но едва успѣлъ онъ выѣхать изъ лощины, какъ увидѣлъ, что уже было поздно. По всему протяженію отъ ретраншамента праваго крыла

Тахмасъ-Табіэ до лощины, что между Чакмахскою и Шорахскою высотами, тянулась турецкая пѣхота, хотя не въ стройномъ порядкѣ, но массою, которая все усиливалась новыми толпами прибывавшими отъ форта Вели-Паша. Непріятеля виднѣлось на семъ мѣстѣ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Атаковать Тахмасъ-Табіэ было уже невозможно. Рязанскій баталіонъ, идя на приступъ, подставилъ бы фланги свои и тылъ многочисленному непріятелю. Онъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ главной позиціи нашей и окруженъ турецкими укрѣпленіями.

Въ главной колоннѣ потеряли всякій слѣдъ небольшаго отряда Кауфмана, скрывшагося въ дыму и за подошедшими изъ Карса и нижняго турецкаго лагеря свѣжими массами непріятельской пѣхоты.

IV.

ДѢЙСТВІЯ СОЕДИНЕННЫХЪ ОТРЯДОВЪ Гг. БАЗИНА И БАКЛАНОВА *).

Обзоръ укрѣпленій и мѣстности.

Во второй главѣ имѣется краткое описаніе чакмахскаго укрѣпленнаго лагеря. Въ пятой показано вооруженіе онаго артиллеріею и количество войскъ его оборонявшихъ. Приступая къ описанію штурма направленнаго на сіи укрѣпленія, признается полезнымъ предварительно дополнить прежнія о нихъ свѣдѣнія, еще нѣкоторыми подробностями. Линія ретраншаментовъ соединявшая скалистый лѣвый берегъ р. Карсъ-Чай съ фортомъ Вели-Паша, называвшаяся иногда Англійскою, перемежалась тремя редантами, противъ горжей коихъ были поставлены небольшіе траверзы; доступъ къ симъ редантамъ съ наружной стороны ограждался нѣсколькими рядами волчьихъ ямъ, не вездѣ оконченныхъ. Средній изъ нихъ назывался у турокъ Орта-Табіэ, что значитъ среднее укрѣпленіе. Англичане, вѣроятно въ память строителей, назвали редантъ примыкавшій противъ Арабъ-Табіэ къ обрыву—Тисдель-Табіэ, средній—Томсонъ-Табіэ, а лѣвый—Зорабъ-Табіэ, по имени одного армянина

*) См. планъ штурма № 1-го.

служившаго при Вилліамсѣ. Тисдель-Табіэ называли также исключительно Инглизъ-Табіэ. Дабы не перемѣшать сихъ различныхъ наименованій, назовемъ: (смотря отъ Карса) правый редантъ, что на обрывѣ—№ 1-й, средній—№ 2-й, а лѣвый—№ 3-й. Отъ сего послѣдняго тянулись, поперегъ площадки и по направленію къ городу, неправильные и невысокіе окопы, упиравшіеся лѣвою оконечностью своею почти вплоть къ обрыву, гдѣ спускавшаяся къ рѣкѣ извилистая тропинка прикрывалась еще шанцемъ названнымъ Вилліамсъ-Паша-Табіэ. За симъ шанцемъ и позади линіи, расположенъ былъ турецкій лагерь. Ложбина р. Карсъ-Чай обстрѣливалась къ сторонѣ Карадага и цитадели кое-какими шанцами, построенными безъ всякихъ правилъ войсками, какъ думать надобно, произвольно.

Чакмахскій укрѣпленный лагерь, отдѣляется отъ шорахскаго, склоняющейся къ сѣверо-западу лощиною, въ концѣ коей беретъ начало своерѣчка Чакмахъ. Сообщеніе отъ одного лагеря къ другому, было проложено въ вершинѣ лощины, гдѣ спускъ и подъемы не круты; но ниже, лощина сія принимаетъ видъ небольшаго ущелья, по коему течетъ рѣчка Чакмахъ черезъ селеніе того же имени, откуда она, изгибаясь къ сѣверо-востоку, впадаетъ въ р. Карсъ-Чай. Въ локоть сего изгиба, спускается отъ чакмахскаго лагеря обширная наклоненная плоскость, имѣющая овальную фигуру и отъ двухъ до трехъ верстъ въ длину. Хотя на сей покатости и встрѣчаются небольшія каменныя гряды, но онѣ не представляютъ важнаго затрудненія для атакующаго, такъ какъ и весь подъемъ, состоящій изъ двухъ уступовъ, нельзя назвать крутымъ. Въ правой сторонѣ сей наклоненной плоскости спускается еще другой оврагъ къ р. Карсъ-Чай, близъ лѣваго берега коей, находится сел. Калаба-Килиса.

Предосторожности. Противъ выше названнаго колѣна, составляемаго теченіемъ рѣчки Чакмахъ, на лѣвомъ берегу оной собиралась колонна генерала Базина. Всѣ мѣры были приняты дабы скрыть отъ непріятеля движеніе къ сему мѣсту. Во избѣжаніе шума, колёса и вальки въ артиллеріи были обвязаны соломою, лошади привыкшія ржать оставлены въ лагерѣ, а у тѣхъ изъ нихъ, которыхъ необходимо было взять съ собою завязаны морды; пѣ-

хота при движеніи къ сборному мѣсту, держала ружья отъ дождя, дабы свѣтъ луны не отражался на стволахъ и штыкахъ. Вожакомъ колонны былъ самъ Баклановъ, которому хорошо была извѣстна сія мѣстность—и войска дѣйствительно не были открыты непріятелемъ. Придя на мѣсто повторено пѣхотѣ приказаніе не стрѣлять на приступѣ, для чего заблаговременно, еще при выступленіи изъ лагеря, были сняты съ ударныхъ ружей капсюли, а у кремневыхъ надѣты чехлы на огнива.

Коль скоро въ $4^3/_4$ часа утра послышались выстрѣлы съ шорахскихъ укрѣпленій, Базинъ тронулся впередъ, переправился вбродъ черезъ рѣчку Чакмахъ и началъ быстро подниматься по наклоненной плоскости къ высотамъ непріятельской позиціи. Въ разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла отъ оной, колонна его перестроилась въ боевой порядокъ: въ первой линіи стали 3-й и 4-й баталіоны Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка въ ротныхъ колоннахъ, имѣя передъ собою охотниковъ вызванныхъ еще на сборномъ мѣстѣ изъ всѣхъ баталіоновъ. Начальникомъ первой линіи былъ накапунѣ назначенный для командованія Бѣлостокскимъ полкомъ, полковникъ Шостакъ. Во второй линіи поставлены остальные два баталіона въ колоннахъ къ атакѣ, и между ними пѣшая артиллерія. За лѣвымъ флангомъ пѣхоты, прикрываясь скатомъ горы, стала въ резервѣ кавалерія съ конною артиллеріею и ракетною командою. Полусотня горійской пѣшей дружины была назначена для прикрытія перевязочнаго пункта и для уборки убитыхъ и раненыхъ. Пѣхота, скоро выстроившаяся въ боевой порядокъ, немедленно двинулась впередъ, направляясь къ выходящему углу редента № 1-го, что на обрывѣ. Вожакомъ въ семъ случаѣ былъ опять генералъ Баклановъ, тщательно изучившій заблаговременно мѣстность, почти до самыхъ укрѣпленій. Съ нимъ слѣдовала въ головѣ пѣхоты, сотня донскихъ казаковъ. Во время сего движенія, перелетѣло черезъ колонну только одно непріятельское ядро, пущенное въ правый флангъ изъ форта Вели-Паша. Полагать надобно, что турки услышавъ въ той сторонѣ шумъ, не знали еще настоящимъ образомъ къ какому именно

Движеніе къ атакѣ.

мѣсту двигались наши войска, которыхъ они не могли различить въ предъразсвѣтномъ мракѣ, и пустили ядро на удачу.

Первый ударъ. Пользуясь лощинами, находившимися впереди ретраншамента, Баклановъ подвелъ пѣхоту незамѣтно на самый близкій картечный выстрѣлъ. Здѣсь турки увидѣли движеніе колонны и открыли по ней огонь картечью. Крики ура, служили отвѣтомъ на ихъ выстрѣлы. Правая половина охотниковъ съ адъютантомъ главнокомандующаго капитаномъ Ермоловымъ, командированнымъ въ тотъ день къ колоннѣ ген. Базина, бросилась прямо на укрѣпленіе и вскочила въ него *); въ тоже почти время вскочила и другая половина охотниковъ, которыхъ Базинъ повелъ лично, въ обходъ со стороны кручи. При семъ захвачены орудія изъ коихъ, по быстротѣ атаки, турки успѣли только сдѣлать по одному выстрѣлу. Вслѣдъ за охотниками, вошли въ укрѣпленіе ротныя колонны первой линіи, а вскорѣ за ними и вторая линія. Турки защищавшіе редантъ были переколоты; прочіе разбѣжались, частію въ смежныя укрѣпленія, частію же въ обрывистый оврагъ р. Карсъ-Чай. Собравшись съ разныхъ мѣстъ непріятель хотѣлъ было итти на выручку занятаго нами реданта, но былъ остановленъ и оттѣсненъ полковникомъ Шостакъ, который выйдя изъ реданта, подался уже съ первою линіею къ лагерю.

За тѣмъ, вдвинувъ въ захваченное укрѣпленіе артиллерію и обстрѣлявъ картечью редантъ № 2-й, ген. Базинъ повелъ противъ него войска. Пѣхота, подъ начальствомъ полковника Шостакъ, ударила въ штыки на собравшихся здѣсь турокъ, ворвалась въ укрѣпленіе, овладѣла находившимися въ немъ четырьмя орудіями, и кромѣ того отбила у турокъ одно знамя и нѣсколько значковъ. Занявъ оба реданта, ген. Базинъ обратилъ огонь артиллеріи на редантъ № 3-й, а ген. Баклановъ, внимательно слѣдившій за дѣйствіями пѣхоты, выслалъ впередъ находившуюся у него донскую конную батарею, подъ командою подполковника Двуженаго, который направилъ огонь

*) За сіе дѣло капитанъ Ермоловъ удостоился получить орденъ св. Георгія 4-го класса.

на тоже укрѣпленіе. Редантъ № 3-й былъ взятъ также скоро какъ и два первые. Съ занятіемъ его, войска наши овладѣли и всемъ расположеннымъ здѣсь лагеремъ, откуда турки бѣжали, частію въ укрѣпленіе Вилліамсъ-Паша-Табіэ, частію же въ городъ, спускаясь по каменистому обрыву къ рѣкѣ, куда ихъ провожали ружейными выстрѣлами.

Овладѣвъ этими тремя редантами и связывавшими ихъ ретраншаментами, ген. Базинъ, хотя имѣлъ еще мало урона, но не былъ въ силахъ въ ту же минуту штурмовать открывшіяся передъ нимъ новыя укрѣпленія и сильный фортъ Вели-Паша, почему въ ожиданіи развитія дѣйствій на Шорахскихъ высотахъ, онъ стянулъ всю пѣхоту свою за вышеописанные шанцы или завалы, прикрывавшіе съ западной стороны турецкій лагерь, замѣнивъ выведенную изъ захваченныхъ редантовъ пѣхоту, спѣшенными донскими казаками подъ начальствомъ, командовавшаго донскимъ № 35-мъ полкомъ, войсковаго старшины Кузнецова. Къ нимъ присоединены двѣ спѣшенныя сотни кавказскаго сводпаго линейнаго № 1-го полка, который былъ поставленъ въ прикрытіе батареи Двуженаго. Въ то же время Базинъ придвинулъ къ пѣхотѣ свою артиллерію и поставивъ ее за турецкій шанецъ, открылъ огонь противъ форта Вели-Паша Тоже самое сдѣлалъ и ген. Баклановъ, открывши по тому же форту дѣйствіе конной артиллеріи. Дѣйствіе артиллеріи по форту Вели-Паша.

Генералъ Базинъ оставался въ этой позиціи довольно долго. Во все это время, кромѣ фронтальнаго огня съ форта, войска его находились еще подъ выстрѣлами съ фортовъ построенныхъ на Карадагѣ, пронизывавшихъ колонны его съ тыла, отъ чего пѣхота наша потерпѣла значительный уронъ; но не взирая на то, колонны смыкались и нисколько не утратили стройнаго порядка своего, за коимъ наблюдали Базинъ и Шостакъ. Легкая артиллерія наша въ особенности отличалась своимъ дѣйствіемъ подъ начальствомъ командира 13-й артиллерійской бригады полковника Тигерстета, который не смотря на полученную имъ контузію, оставался на конѣ до конца боя: сподвижниками его были командовавшіе дивизіонами, капитанъ Баумгартенъ и поручикъ Пивоваровъ (послѣдній раненъ). Въ не-

продолжительное время, изъ прислуги осталось только по три человѣка на орудіе, почему нашлись въ необходимости замѣнить убыль людьми изъ пѣхоты. Хотя въ занятыхъ нами укрѣпленіяхъ были захвачены орудія большаго калибра, которыми можно бы отвѣчать на огонь непріятеля, но турки оставляя батареи свои, уносили артиллерійскія принадлежности. Только на редантѣ № 1-го, войсковой старшина Кузнецовъ нашелъ банникъ при одномъ крѣпостномъ орудіи, изъ котораго сдѣлано имъ нѣсколько выстрѣловъ черезъ рѣку по форту Арабъ-Табіэ.

Отступленіе Базина.

Около $9\frac{1}{2}$ часовъ утра, Базинъ получилъ отъ Бакланова первое извѣстіе о неуспѣшномъ ходѣ дѣла въ первой и промежуточной колоннахъ, атаковавшихъ шорахскія укрѣпленія. Въ это время онъ увидѣлъ, что турки стали собираться на днѣ ложбины р. Карсъ-Чай, готовясь идти на выручку своихъ укрѣпленій. Свѣдѣнія эти въ соединеніи съ большимъ урономъ имъ претерпѣннымъ, особливо въ артиллеріи, гдѣ выбыло изъ строя на половину лошадей, понудили его начать отступленіе. Изъ взятыхъ десяти орудій, онъ могъ вывезти только три на казачьихъ лошадяхъ, прочія же, по тяжести ихъ и по неимѣнію при нихъ передковъ, оставилъ; но ихъ по возможности заклепали и одно сбросили съ кручи къ рѣкѣ. Затѣмъ подобравъ раненыхъ, Базинъ вывелъ прежде артиллерію, поставилъ ее въ полѣ за рвами и направилъ орудія на непріятельскія укрѣпленія; потомъ, выступивъ съ пѣхотою правымъ флангомъ, онъ расположилъ ее въ первыхъ двухъ редантахъ и во рву ретраншамента ихъ соединявшаго *).

Выведенная изъ укрѣпленій артиллерія хотя и освободилась отъ тыльныхъ выстрѣловъ съ Карадага, но понесла и здѣсь значительную потерю отъ огня съ форта Вели-Паша. По замѣнѣ убитыхъ орудійныхъ лошадей запасными и ящичными, въ нѣкоторыхъ ящикахъ осталось только по одной лошади, а при иныхъ орудіяхъ по двѣ. По этому ген. Базинъ приказалъ пѣшей артиллеріи, подъ прикрытіемъ части кавалеріи, отойдти изъ подъ непріятельскихъ выстрѣловъ и присоединиться къ кон-

*) См. планъ штурма № 2-й.

ной батареи Двуженаго; пѣхоту же оставилъ еще нѣкоторое время на прежнихъ мѣстахъ, имѣя въ виду, что при сохраненіи ретраншамента и двухъ редантовъ, которые съ горжи были нѣсколько закрыты траверзами, онъ могъ бы еще, при измѣненіи обстоятельствъ въ главной колоннѣ атаковавшей Шорахскія высоты, мгновенно занять прежнюю свою позицію.

Турки, какъ бы угадывая цѣль сію, старались вырвать изъ нашихъ рукъ свои укрѣпленія и для того обратились сперва къ реданту № 3-го, который не былъ нами болѣе занятъ; три раза пытались они овладѣть имъ; но всѣ атаки ихъ были отбиты ружейнымъ огнемъ нашей пѣхоты, выскакивавшей изъ рва для отраженія ихъ. Между тѣмъ непріятельская артиллерія изъ форта, была направлена на ровъ, который она анфилировала и тѣмъ наносила намъ уронъ.

Атака Витгенштейна.

Около 10-ти часовъ утра получено ген. Базинымъ окончательное извѣстіе о неуспѣшномъ дѣйствіи второй колонны на Шорахскихъ высотахъ. Находя, безполезнымъ долѣе держаться въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ, онъ далъ сигналъ пѣхотѣ къ отступленію *). Турки, усиленные пришедшими изъ города свѣжими войсками, немедленно заняли оставленныя нами укрѣпленія. Ободренные обратнымъ движеніемъ нашимъ, они высыпали изъ за вала толпою, и стали сильно напирать на отстрѣливавшуюся пѣхоту нашу; но за лѣвымъ флангомъ оной поставленъ былъ Баклановымъ сборный линейный № 1-й казачій полкъ, прикрытый скатомъ горы. Базинъ, подскакавъ къ нему, приказалъ командующему полкомъ флигель-адъютанту подполковнику Витгенштейну, атаковать во флангъ вышедшую изъ укрѣпленій турецкую пѣхоту, которая ежеминутно усиливаясь, массою стала насѣдать на отступавшихъ.

За разными командировками оставалось тогда въ сборномъ полку четыре сотни, въ коихъ на лицо было не болѣе 250-ти всадниковъ. Быстро понеслись казаки за своимъ начальникомъ княземъ Витгенштейномъ и врубились шашками въ непріятельскую толпу пѣхоты, которая не успѣла построиться въ каре,

*) См. планъ штурма № 4-й.

и потерявъ много народа бѣжала до самаго рва, куда доскакали за нею и линейцы. Но тутъ приняли ихъ съ вала бѣглымъ огнемъ, и казаки, совершивъ дѣло свое блистательнымъ образомъ, отступили за черту картечнаго огня съ укрѣпленій, увезя съ собою всѣхъ своихъ раненыхъ—и вновь выстроились. Въ сей атакѣ, продолжавшейся нѣсколько минутъ, не было ни одного убитаго, а только ранено четыре офицера и 29-ть казаковъ.

За тѣмъ непріятель пытался еще разъ выйдти изъ укрѣпленій своихъ, но былъ остановленъ дѣйствіемъ конной № 6-го батареи и высланною генераломъ Базинымъ ракетною № 2-го камандою подъ начальствомъ гвардіи поручика Усова. По соединеіни съ кавалеріею, пѣхота отступала уже спокойно, хотя еще подъ пушечными выстрѣлами съ непріятельскихъ батарей, откуда однако же турки не дерзали въ другой разъ выходить для преслѣдованія.

Трофеи и уронъ Базина.

Трофеи пріобрѣтенные въ этотъ день отрядомъ Базина, состояли въ трехъ орудіяхъ, вывезенныхъ изъ числа захваченныхъ десяти, въ двухъ знаменахъ регулярныхъ войскъ и одинадцати значкахъ. Плѣнныхъ взято только пять человѣкъ. Но уронъ нашъ былъ значителенъ, сравнительно съ количествомъ войскъ составлявшихъ колонну. Онъ простирался всего съ выбывшими изъ строя до 472-хъ человѣкъ, въ томъ числѣ убитыхъ: оберъ-офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ 61,—раненыхъ: штабъ и оберъ-офицеровъ пять, нижнихъ чиновъ 255,—контуженныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ десять, нижнихъ чиновъ 84,— безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ 29.

Продолженіе дѣйствій Кауфмана съ Рязанскимъ баталіономъ.

Отрядъ отступилъ уже на порядочное разстояніе отъ непріятельскихъ укрѣпленій, когда Баклановъ замѣтилъ отбивавшійся отъ турокъ баталіонъ, который направлялся къ чакмахской лощинѣ. Прибывшій вскорѣ оттуда казакъ далъ знать, что то былъ подполковникъ Михаилъ Кауфманъ съ Рязанскимъ баталіономъ, котораго непріятель отрѣзалъ отъ главной колонны продолжавшей бой на Шорахскихъ высотахъ; тогда Базинъ пріостановилъ пѣхоту, а Баклановъ двинулся съ частью конницы на рысяхъ впередъ, по направленію къ рязанцамъ.

Здѣсь слѣдуетъ довершить разсказъ о подвигѣ подполковни-

ка Кауфмана, пронизавшаго такъ сказать, съ Рязанскимъ баталіономъ всю турецкую армію и пробравшагося кружнымъ путемъ обратно въ лагерь, съ нанесеніемъ непріятелю значительнаго урона. Предшествующій отдѣлъ оканчивается тѣмъ моментомъ, когда Кауфманъ, собр..вшійся идти на вторичный приступъ редута Тахмасъ съ тыла, пріостановился въ предпринятомъ уже къ тому движеніи, потому что онъ увидѣлъ себя отрѣзаннымъ отъ второй колонны или главной позиціи нашей, массою непріятельской пѣхоты, стремившейся изъ города и отъ форта Вели-Паша на помощь къ войскамъ оборонявшимъ Тахмасъ-Табіэ. Въ столь критическомъ положеніи, первою мыслью его было, повернуть баталіонъ противъ непріятельской толпы и, отбросивъ ее, пробиться обратно къ нашей главной позиціи; но до толпы этой ему предстояло идти еще около 200 шаговъ подъ тройнымъ перекрестнымъ огнемъ, отъ котораго бы онъ понесъ значительную потерю, послѣ чего едва ли бы онъ былъ еще въ силахъ отбросить непріятеля. Въ эту минуту Кауфманъ вспомнилъ слышанное имъ передъ выступленіемъ изъ резервной колонны отъ капитана Романовскаго, что генералъ Базинъ занялъ уже три укрѣпленія чакмахскаго лагеря.

Оглянувшись и всмотрѣвшись вдоль, онъ увидѣлъ влѣво отъ. чакмахскихъ линій довольно большую колонну, какъ казалось кавалерійскую; путь къ ней пролегалъ подъ огнемъ непріятельскихъ укрѣпленій. Кауфманъ размыслилъ, что пробиваясь назадъ ко второй колоннѣ Майделя, онъ неминуемо лишился бы всѣхъ раненыхъ и даже могъ потерять знамя, тогда какъ движеніемъ черезъ чакмахскую лощину, по пространству только обстрѣливаемому, но непреграждённому непріятелемъ, оставалась еще надежда пройдти. Тутъ не было времени къ долгому раздумью, и онъ рѣшился идти на соединеніе съ Базинымъ, въ томъ предположеніи, что будетъ избавленъ, если только подойдетъ къ реданту № 3-го, который ему виднѣлся и который онъ полагалъ въ рукахъ Базина.

Кауфманъ объяснилъ въ короткихъ словахъ дѣло и намѣреніе свое офицерамъ, послѣ чего повернулъ баталіонъ и безъ колебанія двинулся по лощинѣ отдѣлявшей фортъ Вели-Паша

отъ Шорахской горы, направляясь къ редану № 3-го; но едва показался онъ изъ за склона, какъ былъ замѣченъ отрѣзавшею его массою непріятельской пѣхоты, изъ которой отдѣлилась часть для преслѣдованія его. Остальная была отвлечена 4-мъ баталіономъ Тульскаго полка, приведеннымъ въ то время отъ главной нашей позиціи противъ лѣваго фланга двигавшейся турецкой пѣхоты ротмистромъ Башмаковымъ, котораго Кауфманъ передъ тѣмъ послалъ, какъ выше сказано, съ порученіемъ штурмовать редутъ съ другой стороны. Кауфманъ разсыпалъ застрѣльщиковъ вокругъ всего баталіона своего и приказавъ имъ открыть огонь, двинулся впередъ по избранному имъ направленію. Пройдя шаговъ 50-ть, небольшая колонна его была замѣчена изъ форта Вели-Паша, откуда артиллерія открыла дѣйствіе въ его правый флангъ. Преслѣдовавшая его пѣхота стала насѣдать съ тыла съ крикомъ, какъ бы желая броситься въ штыки, почему онъ долженъ былъ повернуть баталіонъ налѣво кругомъ и самъ ударить на нихъ въ штыки. Турки сперва остановились, потомъ попятились и рязанцы снова пошли своею дорогою. Эти остановки повторялись нѣсколько разъ во все время движенія подъ огнемъ непріятельскихъ укрѣпленій, изъ которыхъ выскакивали также одиночные люди стрѣлявшіе по нашимъ изъ штуцеровъ, что не помѣшало однакоже рязанцамъ соблюдать возможный порядокъ во фронтѣ, подбирать, вести или нести на шинеляхъ своихъ раненыхъ.

Подойдя къ обѣтованному укрѣпленію на такое разстояніе, что его можно было ясно различить, рязанцамъ предстояло еще подняться къ нему въ гору, по противоположному скату лощины которою они шли, какъ баталіонъ былъ неожиданно встрѣченъ съ этого укрѣпленія ядромъ; вслѣдъ за тѣмъ выскочили оттуда турки и открыли ружейный огонь. Положеніе рязанцевъ было въ эту минуту самое отчаянное; ясно было, что Базинъ, или вовсе не занималъ этого укрѣпленія, т. е. что до Кауфмана дошли о томъ невѣрныя свѣдѣнія, или же еще хуже, что Базинъ уже отступилъ въ своимъ отрядомъ. Идти далѣе по этому направленію оказывалось безполезнымъ при

томъ потеря была уже большая, охотниковъ оставалось не много и одинъ офицеръ вновь былъ раненъ.

Влѣво отъ баталіона, по срединѣ лощины обозначался оврагъ съ обрывистыми берегами, между коими казалось, можно было скрыть баталіонъ на нѣкоторое время; Кауфманъ спустился въ этотъ оврагъ и далъ знать о своемъ положеніи кавалерійской колоннѣ, которая ему открылась верстахъ въ двухъ, вправо отъ с. Чакмахъ, и по его предположенію не могла быть иною, какъ кавалеріею Бакланова. Верхомъ на лошадяхъ оставались только самъ Кауфманъ, баталіонный командиръ маіоръ фонъ Бригенъ и состоявшій при Кауфманѣ донскаго № 20-го полка урядникъ Орѣховъ, котораго онъ послалъ къ виднѣвшейся вдали кавалеріи, хотя урядникъ самъ былъ раненъ и лошадь его также. Орѣхову приказано было просить генерала Бакланова или старшаго при колоннѣ начальника, дабы къ краю обрыва выслали конную батарею, а если ее нѣтъ, то хотя сотни двѣ казаковъ. Симъ надѣялся онъ развлечь вниманіе непріятеля и остановить покушенія турокъ къ загражденію ему дороги; ибо при большомъ числѣ раненыхъ, которыхъ надобно было вести и нести, отбиваясь отъ насѣдавшаго непріятеля, становилось ему уже очень трудно. Едва баталіонъ спустился въ оврагъ, какъ онъ дѣйствительно увидѣлъ себя закрытымъ отъ выстрѣловъ изъ форта Вели-паша, изъ редანта № 3-го и изъ отдѣльной батареи Тетекъ-Табіэ, выстроенной на сѣверо-восточной оконечности Баши-бозукской горы, откуда также провожали рязанцевъ выстрѣлами во время движенія ихъ по ровному мѣсту. Кауфманъ, занявъ края обрыва своими стрѣлками, поставилъ баталіонъ по ротно, потому что тѣснота мѣстности не позволяла иначе выстроиться. Непріятель началъ бросать въ оврагъ гранаты навѣсно, но ни одна не причинила вреда.

Въ такомъ положеніи Кауфманъ держался около получаса времени, отбиваясь отъ непріятельскихъ стрѣлковъ, когда онъ замѣтилъ, что огонь изъ Тетекъ-Табіэ сталъ направляться въ другую сторону, при чемъ онъ услышалъ выстрѣлы съ противоположнаго берега оврага въ коемъ находился. Заключивъ по

этому, что ему подана помощь, онъ двинулся внизъ по оврагу и вышелъ изъ онаго къ с. Чакмахъ. Кауфманъ не ошибся въ своемъ предположеніи, ибо вновь услышанные имъ выстрѣлы были отъ войскъ высланныхъ Баклановымъ, какъ о томъ сказано при описаніи дѣйствій отряда генерала Базина. Когда рязанцы показались на равнинѣ ниже с. Чахмахъ, то турки опять начали стрѣлять по нимъ ядрами съ батареи Тетекъ-Табіэ, но мало сдѣлали имъ вреда; тутъ возвратился и отважный урядникъ Орѣховъ. Затѣмъ, оставивъ вправо с. Чакмахъ, Кауфманъ прошелъ мимо с. Топаджикъ къ с. Татлиджа, и минуя отрядъ князя Дондукова, возвратившійся уже къ своему лагерю у Бозгалы, прибылъ благополучно въ главный лагерь при Чифтлигая, къ 7-ми часамъ вечера.

Уронъ Кауфмана.

Всей потери оказалось: изъ Рязанскаго баталіона: два офицера раненыхъ, 67 нижнихъ чиновъ убитыхъ и 72 раненыхъ. Уронъ претерпѣнный охотниками не можетъ быть опредѣленъ съ точностью, какъ потому, что и первоначальное число ихъ предполагалось въ 150 человѣкъ примѣрно, такъ и потому, что количество ихъ могло увеличиваться людьми прибывавшими изъ турецкаго лагеря пока онъ еще былъ занятъ нами, или убавляться уходившими въ оный до того времени какъ баталіонъ былъ отрѣзанъ отъ главной позиціи; но одинъ офицеръ изъ числа находившихся съ ними былъ убитъ, въ главный же лагерь приведено изъ охотниковъ только 32 человѣка раненыхъ и 48-мь здоровыхъ. По этому, если отнести къ дѣйствительной убыли и всѣхъ тѣхъ охотниковъ, которые не возвратились въ лагерь, то оказалось бы изъ числа ихъ 70 человѣкъ убитыми; въ сложности же съ рязанцами, самая большая убыль могла бы состоять изъ 241 нижняго чина, въ числѣ коихъ убитыхъ 137. По вышеизложенной причинѣ нельзя полагать, чтобы охотники потеряли 70-тъ человѣкъ убитыми; но если и допустить сіе, то уронъ въ небольшой колоннѣ Кауфмана не равнялся бы третьей долѣ всѣхъ нижнихъ чиновъ бывшихъ въ строю всего 750-ти человѣкъ. Принимая въ соображеніе трудный, дальній и опасный путь пройденный сею колонною и продолжительность времени, которое она находилась подъ перекрестнымъ

огнемъ, нельзя назвать такой уронъ значительнымъ. Причины сего, какъ и самое избавленіе малаго отряда Кауфмана, заключаются въ присутствіи духа сего уважаемаго штабъ-офицера, въ быстротѣ его соображеній и въ постоянномъ вниманіи его къ соблюденію порядка въ своей части, *) въ виду войскъ утратившихъ уже среди продолжительнаго и утомительнаго боя необходимое для успѣха устройство. Ближайшими помощниками Кауфмана въ семъ замѣчательномъ дѣлѣ, кромѣ командира баталіона маіора фонъ Бригена были, командиры ротъ, капитаны: Малиновскій и Попевскій и поручикъ Малаховъ, баштабсъ-таліонный адъютантъ прапрощикъ Бахтинскій 3-й, вывавшійся въ охотники прапорщикъ тульскаго полка Ласовскій состоявшій при штабѣ дѣйствующаго корпуса подпоручикъ Л. Карабинернаго полка Макѣевъ.

Дѣйствія третьей колонны.

Въ продолженіе всего этого времени, атареи находившіяся въ колоннѣ ген. маіора гр. Нирода, выдвинувшись впередъ, стрѣляли по укрѣпленіямъ нижняго лагеря и обращая огонь ихъ на себя, развлекали вниманіе непріятеля. Съ тою же цѣлію были выдвинуты отъ резервной колонны къ мосту при с. Кичикъ-Кёвъ, осадныя два орудія, которыя неумолкаемо дѣйствовали, какъ по нижнему лагерю, такъ равно по городу и цитадели; восемь же сотень милиціи, находившіяся подъ начальствомъ полковника Лориса-Меликова, нѣсколько разъ подскакивали подъ самыя укрѣпленія и появленіемъ своимъ у подошвы Карадага, заставляли турокъ удерживать на томъ мѣстѣ часть своихъ войскъ. Одинъ разъ партія охотниковъ Лориса и курдовъ, успѣла даже проникнуть съ той стороны въ лагерь, гдѣ произвела смятеніе, захватила добычу и нѣсколько палатокъ стоявшихъ внѣ обводнаго вала.

---

*) За сей отличный подвигъ, подполковникъ Михаилъ Кауфманъ удостоенъ ордена Св. Георгія 4-го класса, а 1-й баталіонъ Рязанскаго полка Георгіевскаго знамени

V.

ОТСТУПЛЕНІЕ—УРОНЪ.

Послѣдния усилия войскъ.

Пока все сіе происходило, войска второй колонны ободренныя успѣшнымъ дѣйствіемъ рязанцевъ, оттѣснившихъ при появленіи своемъ на гору напоръ непріятеля на правый флангъ, съ настойчивостію старались овладѣть редутомъ Тахмасъ-Табіэ. Оставшіеся начальники, подъ убійственнымъ огнемъ, собирали, устраивали разсыпанныхъ людей и сами водили ихъ, то противъ турецкихъ войскъ, старавшихся вытѣснить насъ изъ ретраншамента, то противъ редута. Такъ, полковникъ князь Іосифъ Тарханъ Моуравовъ въ продолженіи всего боя не переставалъ сзывать части командуемаго имъ полка и возобновлялъ съ ними атаки. Состоявшій при главнокомандующемъ полковникъ Н. Корсаковъ, посланный съ приказаніями на Шорахскую гору, видя постоянную трату начальниковъ, замѣнялъ отсутствіе ихъ, собиралъ людей и съ барабаннымъ боемъ снова вводилъ въ дѣло. Отправленный съ нимъ, за раскомандировкою всѣхъ адъютантовъ, надворный совѣтникъ Папаригопуло, принялъ живое участіе въ повторяемыхъ натискахъ, и въ общей свалкѣ своеручно рубилъ турокъ; подъ нимъ ранена лошадь.

Вблизи горы Лазъ-Тепе стояла прикрытая возвышеніемъ одна сотня грузинской дворянской дружины, которую выдвинули на выручку отрѣзанныхъ рязанцевъ. Сотня сія тронулась было нѣсколько впередъ, но невыдержавъ учащеннаго непріятельскаго огня, остановилась. Послѣдній натискъ сдѣланъ былъ баталіономъ Тульскаго полка, который составлялъ резервъ бывшей промежуточной колонны кн. Гагарина и выступилъ изъ подъ селенія Шорахъ почти въ то же время какъ Рязанскій баталіонъ отдѣлился отъ общаго резерва. Съ нимъ двинулись какъ выше сказано, четыре батарейныхъ орудія 18-й артиллерійской бригады, которыя поднялись на горный

контръ-форсъ и, остановившись нѣсколько не доходя горы Лазъ-Тепе, открыли огонь по редуту Тахмасъ-Табіэ, дабы отвлечь непріятеля отъ вновь предпринятой атаки. Тульскій баталіонъ коему предстояло болѣе пути чѣмъ Рязанскому не поспѣлъ съ нимъ одновременно на шорахскую позицію. Онъ стройно поднялся на гору, соблюдая должный порядокъ и тишину; люди валились подъ выстрѣлами непріятеля, но никто не оставилъ мѣста своего для подбиранія раненыхъ. Кагда баталіонъ этотъ взошелъ на гору, то ротмистръ Башмаковъ, который велъ его, направился къ той сторонѣ, гдѣ онъ оставилъ Кауфмана съ рязанцами и отъ коихъ онъ недавно пріѣхалъ; но онъ не могъ болѣе просѣчь массу турецкой пѣхоты, отдѣлявшую сіи два баталіона одинъ отъ другаго и только успѣлъ, какъ уже сказано, нѣсколько отвлечь вниманіе непріятеля отъ Кауфмана. За тѣмъ, Тульскій баталіонъ, коснувшійся уже турецкаго лагеря и сбившейся пѣхоты нашей, вмигъ растаялъ и исчезъ среди ея, какъ то случилось съ прочими баталіонами, отправлявшимися на подкрѣпленіе штурмовавшихъ войскъ.

Уже болѣе пяти часовъ кипѣлъ на Шорахскихъ высотахъ упорный бой; силъ нашихъ не доставало. Большая часть старшихъ и частныхъ начальниковъ выбыла изъ строя; потеря въ войскахъ ежеминутно увеличивалась убитыми, ранеными и людьми, которые выносили или уводили ихъ. Къ послѣднимъ присоединилось, какъ бываетъ, много и такихъ, которые, выпустивъ всѣ свои патроны уходили изнеможенные отъ трудовъ перенесенныхъ ночью и отъ знойныхъ лучей солнца, въ тотъ день ярко свѣтившаго послѣ свѣжей ночи и холоднаго утренника. Свыше мочи человѣка было долѣе бороться съ усталостью и смертью повсюду поражавшей сражавшихся. Во рву ретраншамента укрывались еще наши люди, и небольшая толпа ихъ, какъ бы сознавая необходимость прикрывать батарею Брискорна, не оставляла лѣваго фланга оной; но батарея сія видимо разрушалась; два лафета были уже перемѣнены среди огня новыми, ящики также перемѣнялись запасными, валявшіеся люди и лошади затрудняли дѣйствіе прислуги,

Очеркъ боя.

коей оставалось только по три человѣка на орудіе, такъ что офицеры помогали накатывать и сами наводили ихъ. Но подъ симъ страшнымъ огнемъ неизмѣнилось спокойствіе достойнаго командира батареи подполковника Брискорна, коего хладнокровныя распоряженія во время боя отзывались на всѣхъ его подчиненныхъ. Не взирая на сіе, огонь нашихъ батарей сталъ слабѣть и по временамъ начиналъ даже умолкать, отъ того что заряды истощились; ихъ сберегали только по нѣсколько на каждое орудіе, дабы отразить новый напоръ непріятеля.

Между тѣмъ, по мѣрѣ ослабленія нашего и по мѣрѣ отдаленія прочихъ штурмовыхъ колоннъ отъ мѣста боя, непріятельскія силы увеличивались. Турки сосредоточивали на занятую нами позицію свою артиллерію и новыя войска. Къ нимъ присоединились вооруженные жители Карса, которые, по замѣчанію нашихъ солдатъ, бились съ большею стойкостію чѣмъ регулярныя войска. Командовавшій на горѣ за старшаго полковникъ Ганецкій былъ раненъ, его замѣнилъ командиръ Гренадерской артиллерійской бригады полковникъ Москалевъ. Москалевъ послалъ единственнаго офицера у котораго оставалась лошадь къ главнокомандующему съ донесеніемъ, что безъ пополненія прислуги, лошадей и зарядовъ, батареи не могли долѣе держаться. Едва офицеръ этотъ (поручикъ Черкесовъ) отъѣхалъ, какъ самъ Москалевъ былъ убитъ. Люди и лошади предназначавшіяся на пополненіе убыли, были уже прежде сего высланы изъ парка, и отправленный за ними офицеръ встрѣтилъ ихъ на площадкѣ, подлѣ горы Лазъ-Тепе. Но это подкрѣпленіе не успѣло присоединиться къ батареямъ, которыя уже начали отступать по сдѣланному до того распоряженію.

Положеніе дѣла.

Былъ уже 11-й часъ утра. Видно было, что при всѣхъ усиліяхъ сражавшихся на шорахской горѣ утомленныхъ войскъ,

*) Изъ двухъ батарей Гренадерской бригады, подполковника Брискорна и полковника Десаже, удостоены ордена Св. Георгія 4-й степени штабсъ-капитанъ Шлиттеръ и поручикъ Симчевскій; офицеровъ убито 2, раненныхъ было 3, и всѣ три остались при своихъ мѣстахъ. Въ Карабинерномъ полку удостоенъ также въ сей день того ордена, отличившійся храбростію маіоръ Визировъ.

нельзя было ожидать овладѣнія редутомъ Тахмасъ-Табіэ. Въ общемъ резервѣ оставалось только пять баталіоновъ; къ нимъ присоединился еще одинъ баталіонъ изъ третьей колонны гр. Нирода, у котораго затѣмъ имѣлось ихъ только два. Въ сложности съ однимъ баталіонoмъ охранявшимъ лагерь, оставалось въ дѣйствующемъ корпусѣ, всей уцѣлѣвшей пѣхоты, не принимавшей участія въ бою, только девять баталіоновъ, большею частію шести взводныхъ, въ коихъ съ унтеръ-офицерами, считалось, едва пять тысячъ человѣкъ въ строю. Прочая пѣхота, бывшая въ дѣлѣ, при значительномъ уронѣ, находилась въ такомъ разстройствѣ, что употребить ее тогда снова въ дѣло было не возможно. Только отрядъ ген. Базина, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ, хотя и имѣлъ тоже большой уронъ, но сохранилъ составъ свой и возвратился въ порядкѣ къ своему лагерю подъ с. Меликъ-Кёвъ, до коего кружною дорогою было около 15-ти верстъ. Уходъ за огромнымъ количествомъ раненыхъ увлекалъ изъ строя, сверхъ того, множество людей. Кавалеріи и артиллеріи было много; но сіи два рода оружія нельзя было при штурмѣ употребить съ пользою. Не считая трехъ баталіоновъ Базина, въ сущности принадлежавшихъ къ Ахалцыхскому отряду, и двухъ баталіоновъ колонны гр. Нирода, которые занимая равнину въ тогдашнихъ обстоятельствахъ уже не столько угрожали непріятелю, какъ служили огражденіемъ правому флангу лагеря, за исключеніемъ еще одного баталіона назначеннаго для охраненія лагеря—оставалось въ резервной колоннѣ только 6-ть баталіоновъ, что составляло подъ ружьемъ около 3000 человѣкъ и при нихъ Бриммеръ, единственный уцѣлѣвшій генералъ изъ всѣхъ колонныхъ начальниковъ дѣйствующаго корпуса. Трудно было съ послѣдними силами рѣшиться на новую атаку. Въ случаѣ удачи, т. е. если бы мы овладѣли шорахскою позиціею, нечѣмъ было бы атаковать фортъ Вели-Паша, а когда бы при томъ люди наши, преслѣдуя по пятамъ турокъ, ворвались съ ними въ Карсъ, то завязался бы въ улицахъ города кровопролитный бой, отъ коего разрушились бы остатки сохранившихся войскъ; вслучаѣ же неудачи, не съ чѣмъ было бы при-

нять бой въ открытомъ полѣ, и отразить вылазку, которую можно было ожидать отъ ободреннаго успѣхомъ непріятеля.

Порученіе данное Бриммеру.

Призванный на совѣщаніе ген. Бриммеръ, хотя видѣлъ затруднительность положенія, не менѣе того изъявилъ личную готовность атаковать редуты свѣжими войсками; но главнокомандующій призналъ за лучшее, возложить на него иное порученіе. Онъ приказалъ ему взять изъ остатковъ общаго резерва 3-й баталіонъ Карабинернаго полка и 2-й баталіонъ Рязанскаго, какъ послѣднее средство, которымъ можно было еще располагать для того, чтобы усилія наши на шорахскихъ высотахъ не остались тщетными или, чтобы нестройное отступленіе не возвысило упадавшаго до того дня духа турецкой арміи. Бриммеру было приказано поднять оба баталіона на гору, внимательно разсмотрѣть положеніе дѣла и оцѣнить, есть ли возможность безъ большой потери овладѣть редутомъ Тахмасъ-Табіэ и, въ случаѣ если бы сіе оказалось возможнымъ, то атаковать его; въ противномъ же, немедленно начать со всѣми войсками находившимися на горѣ отступленіе къ мѣсту гдѣ находились остатки резервной колонны его, прикрываясь приведенными имъ двумя баталіонами. Вновь предпринимаемое дѣйствіе сіе поддерживалось огнемъ 4-хъ батарейныхъ орудій 18-й артиллерійской бригады, не задолго передъ тѣмъ поставленными на скатѣ горнаго контръ-форса.

Отступленіе.

Генералъ Бриммеръ, остановивъ внѣ выстрѣловъ приведенные имъ баталіоны и лично повѣривъ ходъ дѣла на полѣ сраженія второй колонны, рѣшился прекратить наступленіе и вывести войска изъ дѣла. Чтобы привести это въ исполненіе, онъ приказалъ выслать отъ резерва четыре сотни казаковъ для уборки раненыхъ, спускавшихся по скатамъ горы и по оврагамъ. Затѣмъ, онъ поручилъ полковнику кн. Іосифу Тарханъ-Моуравову, занимавшему еще съ гренадерами часть рва ретраншамента, отправить взятыя у непріятеля два орудія. Для принятія войскъ готовившихся къ отступленію, Бриммеръ поставилъ прибывшій съ нимъ карабинерный баталіонъ, подъ командою маіора Кобіева, на горѣ Лазъ-Тепе, растянувъ его по всему гребню. На другомъ возвышеніи, лѣвѣе онаго и

уступомъ нѣсколько назадъ, поставилъ онъ баталіонъ Рязанскаго полка; гренадерской же артиллеріи приказалъ отступать, оставивъ на пути своемъ два батарейныхъ орудія на горѣ съ рязанцами.

Главнокомандующій приказалъ кн. Дондукову начать обратное движеніе черезъ селеніе Шорахъ и Татлиджа въ свой лагерь Бозгалу, коль скоро скроются отъ него за гору всѣ готовившіяся къ отступленію войска второй колонны; но прежде сего выслать одинъ дивизіонъ драгунъ и двѣ сотни казаковъ, къ подошвѣ Столовой горы, для наблюденія за равниною на которую турки могли спуститься, чтобы напасть на отступающихъ по дорогѣ къ с. Томра; для охраненія же самой ложбины, по которой они могли пройти, между пятою горнаго контръ-форса и горою Столъ, въ утесистомъ и скалистомъ склонѣ сей горы была разсыпана остальная рота стрѣлковаго баталіона, находившаяся въ колоннѣ кн. Гагарина и остававшаяся дотолѣ при с. Шорахъ.

На спросъ кн. Дондукова, приказано ли ему будетъ занять по прежнему блокадные посты около крѣпости, главнокомандующій приказалъ ему занять ихъ вмѣстѣ съ первымъ движеніемъ назадъ, до возвращенія его еще въ Бозгалу, и всѣ посты сіи держать крѣпче прежняго. Неудача была явная; но она ограничивалась только отбитымъ штурмомъ. Какъ ни горестно было сіе событіе, но ни побѣжденнымъ, ни разбитымъ генералъ Муравьевъ себя не считалъ, и хотя его въ то время озабочивала высадка Омеръ-паши на берегахъ Абхазіи, но объ отступленіи изъ подъ Карса онъ не помышлялъ. Съ оставшеюся пѣхотою при многочисленной артиллеріи, можно было дать туркамъ хорошій отпоръ, еслибъ они вздумали атаковать насъ при Чифтлигая; многочисленная же кавалерія наша могла бы нанести имъ на равнинахъ значительный вредъ. Приказаніе возобновить блокаду.

Когда раненые по возможности были вынесены, Бриммеръ началъ отступленіе. Въ исходѣ 12-го часа отодвинулъ онъ полковника Моллера къ двумъ батарейнымъ орудіямъ стоявшимъ на позиціи съ рязанцами, князю же Іосифу Тарханъ-Моуравову приказалъ отходить прямо къ возвышенію, гдѣ былъ Отступленіе.

расположенъ 3-й баталіонъ Карабинернаго полка. До соединенія отступавшихъ съ прикрывавшими ихъ войсками, нельзя было ожидать порядка. По данному рожкомъ сигналу, люди въ небольшомъ количествѣ занимавшіе еще ровъ и ложементъ, мгновенно выскочили и съ поспѣшностію, по одиночкѣ, направились косогоромъ къ горѣ Лазъ-Тепе; между ними тянулось еще нѣсколько раненыхъ. Непріятель увидя сіе, вышелъ изъ укрѣпленія и сталъ насѣдать. Изъ отверстія, находившагося въ ретраншаментѣ, выскочилъ на бѣломъ конѣ всадникъ: то былъ знаменитый наѣздникъ и вождь иррегулярной конницы, Гаджи-Темуръ-Паша. За нимъ понеслось около сотни вооруженныхъ пиками всадниковъ, которые погнались за нашими пѣхотинцами. Люди наши по одиночкѣ останавливаясь, обороняли себя и шедшихъ съ ними раненыхъ. Но турки не дошли даже до дороги, ведущей съ шорахской равнины черезъ сѣдлину на гору; они были остановлены двумя батарейными орудіями и карабинерами, открывшими по нимъ огонь; послѣ чего турки вернулись въ укрѣпленія свои, а отступавшіе прошли за выстроенныя на хребтѣ войска. Ихъ провожали только артиллерійскимъ огнемъ. Тутъ было подбито одно изъ увозимыхъ гренадерами непріятельскихъ орудій, которое для избѣжанія траты людей брошено, а потому вывезено отсюда только одно орудіе.

Возвращеніе войскъ. Полевые госпитали.

Затѣмъ войска второй колонны, спокойно спустились съ горнаго контръ-форса къ р. Карсъ-Чай, имѣя гору Лазъ-Тепе въ правой сторонѣ, и соединились на равнинѣ съ резервною колонною. Тутъ оставались онѣ еще нѣсколько времени, пока всѣ раненые были перевязаны. Полевые госпитали и фербанты были въ большомъ порядкѣ. Важная отрасль сія военнаго управленія, получила образованіе свое еще въ 1854 году въ командованіе кн. Бебутова дѣйствующимъ корпусомъ. Медицинская часть была также въ хорошемъ устройствѣ; врачи исполнены рвенія къ своимъ обязанностямъ и между ними находились искусные хирурги, отчего при большомъ количествѣ раненыхъ, имъ подавалось первое пособіе съ возможнымъ успѣхомъ. По отправленіи раненыхъ въ лагерь наприготов-

ленныхъ для этого перевозочныхъ средствахъ, войска построились и возвратились въ порядкѣ па прежнюю позицію при с. Чифтлигая, гдѣ около 4-хъ часовъ пополудни вступили въ лагери свои, съ барабаннымъ боемъ.

Возобновленіе блокады.

Одновременно съ отступленіемъ этихъ войскъ, отошелъ и соединенный отрядъ кн. Дондукова-Корсакова къ Бозгалѣ, откуда пѣхота его возвратилась въ главный лагерь и въ тотъ же день блокада Карса, измѣнившаяся на нѣсколько часовъ, была вполнѣ возобновлена, въ прежнемъ порядкѣ. Все затихло—и впереди насъ не осталось никакого видимаго слѣда кроваваго событія, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ совершившагося.

Трофеи и уронъ.

Изъ числа захваченныхъ во всѣхъ укрѣпленіяхъ, въ томъ числѣ и отрядомъ Ген. Базина, 17-ти орудій, вывезено 4; знаменъ и значковъ отбито всего 14. Плѣнныхъ взято, только одинъ офицеръ и 20 нижнихъ чиновъ, которые были схвачены конными партіями нашими не далеко отъ города въ гористой мѣстности, по коей они пробирались въ Эрзрумъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ отправленнымъ вскорѣ послѣ штурма въ военное министерство, показано всего урона: генераловъ раненыхъ 4, штабъ и оберъ-офицеровъ: убитыхъ 74, раненыхъ 126, контуженныхъ 48, а всего съ генералами 252; нижнихъ чиновъ: убитыхъ 2278, раненыхъ и контуженныхъ 4784, безъ вѣсти пропавшихъ 164, всего нижнихъ чиновъ выбывшихъ изъ строя 7226, въ томъ числѣ казачьи войска и милиція Лориса-Меликова *). Но цифра сія есть самая большая, какую только можно было тогда по скорости получить; за исключеніемъ же контуженныхъ, которые черезъ нѣсколько дней стали опять во фронтъ, настоящая убыль всѣхъ званій чиновъ, полагая въ числѣ ихъ иррегулярныя войска и милиціонеровъ, не превосходила 6500 человѣкъ. Въ числѣ же сего

*) Въ концѣ книги приложены подъ буквою *R* три вѣдомости, изъ коихъ первая заключаетъ перечневое свѣдѣніе по войскамъ и полкамъ о убыли генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ; во второй—такія же свѣдѣнія о нижнихъ чинахъ, а въ третьей—именной списокъ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

количества было еще много легко раненыхъ, которые не пожелали идти въ госпиталь и, оставаясь въ своихъ палаткахъ, пользовались одною перевязкою и скоро выздоровѣли. Впослѣдствіи времени и по окончаніи кампаніи, возвратилось еще большое число нижнихъ чиновъ выздоровѣвшихъ отъ ранъ, такъ что всей настоящей убыли убитыми и изувѣченными оказалось не болѣе 4500 человѣкъ. Лафеты, передки, ящики, колеса гренадерской артиллеріи, дѣйствовавшей на Шорахской горѣ, сильно пострадали отъ непріятельскихъ ядеръ; но поврежденныя части перемѣнялись новыми во время самаго дѣла; оставленъ былъ на горѣ только одинъ лафетъ горнаго дивизіона, сформированнаго изъ турецкихъ орудій, взятыхъ подъ Пенякомъ, и брошенъ одинъ подбитый ящикъ, изъ числа высылавшихся на гору съ зарядами отъ другихъ батарей.

Заключеніе. Здѣсь оканчивается описаніе штурма. Многіе, не слѣдившіе за ходомъ кампаніи и порицавшіе, по мнѣнію своему генерала Муравьева за такъ называемое ими бездѣйствіе его, требовали приступа, и тѣ же самыя лица послѣ неудачи, стали опорочивать предпріятіе сіе, безъ вниманія къ причинамъ побудившимъ къ оному главнокомандующаго, хотя причины сіи и были ясно изложены въ обнародованныхъ тогда извѣстіяхъ о ходѣ военныхъ дѣйствій; пересуживая же распоряженія къ штурму, иные говорили, что не были предварительно заготовлены лѣстницы и фашины. Причины побудившія къ приступу Карса, уже изложены въ сей книгѣ. Возвышеніе непріятелемъ за нѣсколько дней до приступа вала, прикрывавшаго горжи двухъ сомкнутыхъ укрѣпленій на шорахской позиціи, представилось атакующимъ конечно неожиданнымъ препятствіемъ; но препятствіе сіе, вовсе нельзя было назвать непреодолимымъ, и для преодолѣнія онаго вовсе не нужно было обременять лѣстницами и фашинами войскъ, во время быстраго движенія ихъ подъ сильнымъ огнемъ по крутому и каменистому горному контрфорсу; земляной валъ укрѣпленій имѣлъ талюсъ и по вышинѣ своей былъ доступенъ для эскалады.

Были ли ошибки въ назначеніи и распредѣленіи войскъ или ихъ не было, какъ равно и въ диспозиціи къ штурму—рѣшить

трудно даже послѣ событія; тѣмъ труднѣе было бы угадать ихъ до совершенія онаго. Съ необыкновенною храбростію сражались съ обѣихъ сторонъ, и турки въ сей день вполнѣ оправдали давнишнюю славу свою—стойко держаться за стѣнами. Штурмъ не удался отъ того, что всѣ начальники колоннъ и большая часть полковыхъ, баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, шедшихъ во главѣ своихъ частей, были убиты или ранены при самомъ началѣ дѣла, отчего части разстроились и утратили порядокъ, который уже трудно было возстановить. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ сего было то, что многіе изъ людей увлеклись близостью служившаго имъ приманкою турецкаго лагеря. Сперва въ лагерѣ семъ погибло много турокъ, а потомъ еще болѣе нашихъ, которые держались этого лагеря какъ пріобрѣтенной добычи и мнили прикрываться палатками отъ огня непріятельской артиллеріи, осыпавшей ихъ картечью. Въ рукопашной свалкѣ, коею рѣшается всякій приступъ и гдѣ прекращается почти всякое распоряженіе высшаго начальства, удача или неудача болѣе зависитъ отъ случайности и какого либо частнаго обстоятельства. Прапорщикъ, коему бы удалось невредимымъ вскочить на валъ, могъ бы перемѣнить весь ходъ дѣла и обратить неудачу въ успѣхъ.

Много совершено было подвиговъ истиннаго мужества во время кроваваго боя 17-го сентября. Трудно было бы всѣ ихъ перечислить; но справедливость требуетъ указать и на доблестное самоотверженіе юнкеровъ и вольноопредѣляющихся полковъ гренадерской бригады: изъ этихъ молодыхъ людей, большею частію уроженцевъ Закавказскаго края, въ бою 17-го сентября, третья часть убита или ранена. Объ отличившихся.

VI.

СКАЗАНІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ О ПРИСТУПѢ КАРСА.

Англійскіе офицеры сидѣвшіе въ Карсѣ, передали, въ обнародованныхъ ими разновременно запискахъ, свѣдѣнія о штурмѣ 17-го Сентября. Возносся стойкость и подвиги турец- Разсказы англичанъ.

кихъ войскъ, они отдаютъ должную справедливость и храбрости нашихъ, въ особенности офицеровъ, подававшимъ по словамъ ихъ, присутствіемъ своимъ въ головѣ колоннъ, примѣръ своимъ подчиненнымъ. Артиллерійскій огонь, какъ они говорятъ, не останавливалъ пѣхоты нашей, а вызывалъ только громкіе крики ура изъ колоннъ ринувшихся на укрѣпленія. Картинно изображена у нихъ оборона, пылъ боя, ужасы поля сраженія; но надобно полагать, что они не имѣли обстоятельныхъ свѣдѣній о ходѣ всего дѣла, потому что движеніе войскъ въ разныхъ направленіяхъ не передано съ достаточною отчетливостію и отъ того трудно опредѣлить различные моменты боя, а еще болѣе, уловить соотвѣтственность ихъ съ нашими атаками. Не менѣе того, общій ходъ дѣла по ихъ описаніямъ, сходствуетъ, какъ иначе и быть не можетъ, съ переданными въ сей книгѣ свѣдѣніями, которыя основаны на офиціальныхъ донесеніяхъ, исправленныхъ и пополненныхъ изъ записокъ и изустныхъ показаній многихъ лицъ разныхъ чиновъ, принимавшихъ самое близкое участіе въ приступѣ Карса. Въ частностяхъ же разсказа англійскихъ офицеровъ, замѣтны невѣрности, которыя происходятъ вѣроятно отъ того, что свѣдѣнія доставленныя имъ турками, не были достаточно повѣрены.

Изъ записокъ англичанъ видно, что никто изъ нихъ не ожидалъ штурма; по замѣченному же ими наканунѣ движенію въ нашемъ лагерѣ, они полагали, что мы готовились къ снятію блокады и къ возвращенію въ Грузію, съ какимъ мнѣніемъ не соглашался одинъ Кмети, который увѣренъ былъ, что мы не отойдемъ не испытавъ счастія на приступѣ. Въ эту ночь, полковникъ Лекъ и капитанъ Тисдель объѣзжали посты—первый въ нижнемъ лагерѣ, а второй въ Англійскихъ линіяхъ, и ни одинъ изъ нихъ ничего не замѣтилъ. Тисдель возвратился въ свою палатку, стоявшую въ шорахскомъ лагерѣ, тогда какъ раздался первый выстрѣлъ, и поскакавъ къ укрѣпленію гдѣ находился Кмети, онъ нашелъ турецкія войска уже выведенными по тревогѣ. Въ это время по шорахской долинѣ видны были только однѣ черныя тѣни нашихъ колоннъ. Всѣ англичане показываютъ единогласно, что о приближеніи нашихъ

войскъ узнано только въ 4 часа утра, черезъ одного изъ выставлявшихся ночью впереди рва пѣшихъ часовыхъ, которому послышалось движеніе колесъ по каменистой почвѣ. Сандвитъ прибавляетъ къ тому—и мѣрный шагъ пѣхоты (measured tramp of infantry). Генералъ Вилліамсъ немедленно отправился къ Лелекъ-Табіэ, гдѣ онъ оставался съ Васифъ-Пашею, а подполковника Лекъ, послалъ сперва въ фортъ Чинъ-Табіэ, откуда онъ вскорѣ переѣхалъ въ фортъ Вели-Паша; капитанъ Томсонъ поспѣшилъ на Карадагъ, а письмоводитель Вилліамса Черчиль, расположился въ Сувари-Табіэ.

Изъ офиціальныхъ депешъ англичанъ видно, что съ Карадага и разныхъ мѣстъ нижняго лагеря, посылались подкрѣпленія на гору; но трудно различить куда именно онѣ были направлены и въ какое время подкрѣпленія сіи приходили. Вилліамсъ пишетъ, что атака Базина на Чакмахскій лагерь, началась въ половинѣ 6-го часа, что и справедливо, ибо Базинъ тронулся со сборнаго мѣста своего въ $4\frac{3}{4}$ часа утра; но полковникъ Лекъ, издавшій въ 1857 году особую книгу о сей кампаніи и исключительно наблюдавшій за обороною Чакмахскихъ укрѣпленій изъ форта Вели-Паша, куда онъ прибылъ уже по занятію Базинымъ Англійскихъ линій, пишетъ, что атака Базина началась въ 6 часовъ 45 минутъ. По запискамъ его, въ 8 часовъ 30 минутъ прибыли на Чакмахскую гору четыре роты лучшихъ анатолійскихъ стрѣлковъ, высланныя подъ начальствомъ полковника Кадри-Бея самимъ Вилліамсомъ изъ нижняго лагеря; они переправились черезъ каменный мостъ и взлѣзли по скалистому лѣвому берегу рѣки на гору, черезъ укрѣпленіе называвшееся Вилліамсъ-Паша-Табіэ, прикрывавшее на верху обрыва Чакмахскихъ высотъ сіе трудное сообщеніе. Тутъ, по словамъ его, соединились онѣ съ отрядомъ въ 1,100 человѣкъ пѣхоты, высланнымъ изъ Арабъ-Табіэ и также взобравшимся по переправѣ черезъ рѣку на скалу. Сіи двѣ части, въ совокупности еще съ баталіономъ пѣхоты посланнымъ изъ форта Вели-Паша, атаковали Базина и выбили его изъ Англійскихъ линій. О дѣлѣ на Чакмахѣ.

Событіе это конечно соотвѣтствуетъ началу отступленія Базина; но тогда было не $8\frac{1}{2}$ часовъ, а уже около $9\frac{1}{2}$, и Базинъ

не былъ выбитъ пѣхотою изъ Англійскихъ линій. Онъ видѣлъ, какъ она собиралась на днѣ ущелья и заблаговременно оставилъ занимаемую имъ позицію, какъ отъ того, что получилъ извѣстіе о неуспѣшномъ ходѣ дѣла въ первой и въ промежуточной колоннахъ атаковавшихъ шорахскія укрѣпленія, такъ и потому, что терялъ много людей отъ артиллерійскаго огня, пронизывавшаго колонны его съ фронта отъ форта Вели-Паша, а съ тыла отъ форта Арабъ-Табіэ. Выведя артиллерію свою, Базинъ остановился нѣкоторое время въ захваченныхъ имъ сначала приступа двухъ редантахъ, коихъ горжи были закрыты траверзами, и три раза опрокидывалъ натискъ на него турокъ, въ надеждѣ снова занять прежнюю свою позицію, если бы только дѣла поправились на Шорахскихъ высотахъ; но получивъ около десяти часовъ утра окончательное извѣстіе о неуспѣшномъ дѣйствіи колонны Майделя, Базинъ разсудилъ, что ему нельзя было долѣе оставаться въ Англійскихъ линіяхъ и началъ отступать. Въ это время, турецкая пѣхота, занявъ обратно вслѣдъ за нимъ Англійскія линіи, выскочила за валъ и стала на него сильно насѣдать. Сіе то послѣднее обстоятельство, англичане, вѣроятно ошибкою, отнесли къ тому времени, какъ Базинъ занималъ еще послѣднюю позицію лицемъ къ форту Вели-Паша, а тыломъ къ форту Арабъ-Табіэ. Линейныхъ казаковъ, бросившихся въ это время съ Витгенштейномъ на выручку пѣхоты, Лекъ называетъ драгунами и описываетъ пораженіе ими претерпѣнное; но извѣстно, что изъ нихъ убитаго ни одного не осталось на мѣстѣ, а всего ранено было только 4 офицера и 29 казаковъ. За тѣмъ, Лекъ пишетъ, что пѣхота наша отступила въ порядкѣ, подъ прикрытіемъ кавалеріи.

Въ первыхъ извѣстіяхъ своихъ, писанныхъ въ 1855 году, Лекъ упоминаетъ, что онъ самъ нашелъ въ одномъ изъ оставленныхъ нами редантовъ 63 тѣла русскихъ, въ другомъ же близъ 70, что ровъ былъ ими наполненъ, и что всего похоронено было на семъ мѣстѣ 360 тѣлъ, кромѣ большаго числа убитыхъ артиллеріею въ отдаленіи; въ книгѣ же своей изданной 1857 года онъ пишетъ, что пораженіе русскихъ на семъ мѣстѣ было ужасное и что ихъ лежало болѣе двухъ сотъ тѣлъ

въ двухъ редантахъ, которые они хотѣли отстоять. Вилліамсъ въ офиціальной депешѣ своей, также показываетъ, что у насъ на Чакмахѣ осталось убитыхъ 363 человѣка, кромѣ тѣхъ которыхъ вынесли. Капитанъ Томсонъ, находившійся въ то время на Карадагѣ, пишетъ, что мы на Чакмахскихъ высотахъ лишились отъ 700 до 800 человѣкъ; но извѣстно, что во всемъ отрядѣ Базина съ кавалеріею, убито было въ этотъ день только 91 человѣкъ, и если къ сему числу присоединить нѣсколько тѣлъ оставленныхъ близь сего поля сраженія изъ небольшаго отряда Кауфмана, то все же число убитыхъ показано англичанами слишкомъ преувеличенно.

Говоря объ уронѣ турокъ, Лекъ пишетъ: что въ срединѣ форта Вели-Паша, убитъ одинъ полковой командиръ, одинъ баталіонный, 15 рядовыхъ и 37 лазовъ; весь же уронъ турокъ въ дѣлѣ съ Базинымъ, по словамъ его, простирается до двухъ сотъ человѣкъ. Онъ пишетъ также, что мы взяли изъ Англійскихъ линій 5 орудій, изъ коихъ бросили на дорогѣ 2, а вывезли 3, и упоминаетъ о выстрѣлахъ сдѣланныхъ войсковымъ старшиною Кузнецовымъ съ донскими казаками, по форту Арабъ-Табіэ изъ турецкой пушки.

Англичане въ офиціальныхъ и обнародованныхъ частныхъ извѣстіяхъ своихъ показываютъ, что въ отрядѣ, атаковавшемъ чакмахскій лагерь, кромѣ кавалеріи и артиллеріи было у насъ 8 баталіоновъ пѣхоты, тогда какъ ихъ было только 4, и то шести-взводныхъ. Они нигдѣ не упоминаютъ, что пѣхота сія выступила изъ подъ с. Меликъ-Кёвъ, и потому думать можно, что они не имѣли свѣдѣнія о прибытіи наканунѣ штурма отряда ген. Базина, и не знали о соединеніи его съ летучимъ отрядомъ Баклапова при с. Меликъ-Кёвъ, а полагали, что пѣхота атаковавшая чакмахскія укрѣпленія, была выслана ночью изъ нашего главнаго лагеря. Такое заключеніе подтверждается письмомъ капитана Томсона, въ которомъ онъ отъ $\frac{\text{21 Сентября}}{\text{3 Октября}}$ пишетъ о дошедшихъ до него свѣдѣніяхъ, что противъ занимаемыхъ имъ на Карадагѣ укрѣпленій, показался лагерь изъ трехъ баталіоновъ. Узналъ же онъ о томъ, уже четыре дня послѣ штурма и на шестой день послѣ соединенія Базина при с. Меликъ-Кёвъ

съ Баклановымъ; хотя Томсонъ и принялъ тогда мѣры предосторожности противъ новой атаки, но онъ не вѣрилъ еще сему извѣстію, потому что съ горы, гдѣ онъ оставался, лагеря сего самъ не замѣчалъ.

Движеніе подполковника Кауфмана, Лекъ полагаетъ наступательнымъ и предпринятымъ съ цѣлью овладѣть батареею съ двумя орудіями, построенною на сѣверовосточной оконечности Баши-бозукской горы и называемой имъ Тетекъ-Табіэ, которую будто поручено было Кауфману взять, дабы открыть Базину способъ пройти къ Шорахскимъ высотамъ и атаковать Тахмасъ-Табіэ съ тыла. Описаніе какъ турки провожали со всѣхъ сторонъ Кауфмана изложено вѣрно; но конецъ сего блистательнаго эпизода благополучно возвратившихся рязанцевъ, описанъ ошибочно. Хотя въ послѣднемъ изданіи своемъ, Лекъ и выставляетъ подвигъ Кауфмана, какъ и удостоеніе его за сіе ордена св. Георгія, но онъ пишетъ, что баталіонъ его былъ окончательно разсѣянъ (Was finally dispersed) гарнизономъ и орудіями укрѣпленія Тетекъ, къ которому онъ неожиданно пришелъ; Бакланова же артиллерія по словамъ Лека, выпустивъ съ противоположной вершины послѣдніе выстрѣлы свои для поддержанія рязанцевъ, оставила мѣсто. Весь разсказъ сей опровергается самимъ фактомъ, такъ какъ рязанскій баталіонъ возвратился въ лагерь, хотя съ урономъ, но въ порядкѣ. Предположеніе Лека, что Кауфманъ былъ посланъ для овладѣнія батареею Тетекъ-Табіэ, не согласно, какъ изъ описанія дѣла явствуетъ, съ назначеніемъ ему сдѣланнымъ и съ возможностью пробраться сквозь цѣлую турецкую армію для овладѣнія такимъ отдѣльнымъ пунктомъ, тогда какъ мы могли достичь его обходомъ съ наружной стороны Баши-бозукской горы (Ширшани-Тепеси).

Англичане о дѣлѣ на Шорахѣ.

Сличимъ теперь показанія англичанъ о боѣ происходившемъ на Шорахскихъ высотахъ, съ самимъ ходомъ дѣла на семъ мѣстѣ. Лекъ въ описаніи своемъ различаетъ атаки трехъ отдѣльныхъ колоннъ нашихъ. По словамъ его редутъ Юксекъ-Табіэ много терпѣлъ отъ выстрѣловъ нашей артиллеріи *), на

*) Гренадерской.

которую нельзя было отвѣчать изъ редута сего, потому что въ то же время закипѣлъ уже бой около редута Тахмасъ-Табіэ, между ними лежавшаго.

Овладѣніе передовымъ люнетомъ Яремъ—Ай, и бой около Юксекъ—Табіэ, описаны по возможности вѣрно, какъ и утрата нами взятаго укрѣпленія. Свѣдѣнія сіи почерпнуты вѣроятно изъ словъ Тисделя исключительно оборонявшаго Юксекъ—Табіэ. Онъ защищался, какъ пишетъ Лекъ, сначала отъ атаки на лѣвый флангъ редута, но былъ внезапно отвлеченъ толпою русскихъ, роившихся какъ пчелы на брустверѣ праваго исходящаго угла, откуда многіе даже соскочили въ средину. Тисдель, бросившись въ ту сторону, отбилъ атаку сію и встрѣтился при этомъ случаѣ лицемъ къ лицу съ начальникомъ, который велъ сей приступъ и который мгновенно былъ убитъ пулею въ лобъ. *) За сею атакою неслась на тотъ же пунктъ еще другая, но и та была отбита огнемъ артиллеріи, и тѣмъ спасся редутъ Юксекъ—Табіэ, который былъ въ большой опасности.

Англичане пишутъ, что противъ артиллеріи нашей (гренадерской), дѣйствовали съ нижняго лагеря турецкія орудія изъ форта Чинъ-Табіэ и изъ зарѣчнаго укрѣпленія Сувари—Табіэ. Хотя у насъ было замѣчено, что турки стрѣляли и изъ цитадели, но англичане жалуются, что оттуда не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Оплошность сію приписываютъ они не распорядительности офицера тамъ начальствовавшаго, и какъ онъ ничего не принесъ въ свое оправданіе, то былъ послѣ дѣла разжалованъ (disdraced). Примѣняясь къ разсказу англичанъ, надобно полагать, что первая помощь редуту Тахмасъ—Табіэ, была подана венгромъ Кмети. Освободившись отъ атаки первой колонны на обороняемыя имъ Ренисонскія линіи, онъ поспѣшилъ оттуда съ четырьмя ротами гвардейскихъ стрѣлковъ, на пути своемъ выбилъ людей нашихъ державшихся еще

*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ англичанами отъ одного раненаго офицера взятаго въ плѣнъ, убитый вѣроятно былъ командиръ Виленскаго полка, полковникъ Шликевичъ; тѣло его осталось во рву, равно какъ и лошадь его, по видимому прежде убитая.

во рву укрѣпленія Яремъ—Ай, и прибылъ на усиленіе гарнизона Тахмасъ—Табіэ. По запискамъ Лека, въ это по видимому время, готовилась вторая атака, порученная кн. Дондукову съ остатками отбитой колонны Ковалевскаго—атака, которая какъ извѣстно, была остановлена артиллерійскимъ огнемъ Юксекъ—Табіэ и осталась безъ послѣдствій. Появленіе сикурса поданнаго укрѣпленію Тахмасъ—Табіэ, соотвѣтствуетъ кажется тому времени, когда пѣхота наша второй колонны была вытѣснена въ первый разъ изъ турецкаго лагеря, а кавалерія выведена изъ ретраншамента, и когда ген. Майдель былъ во второй разъ раненъ; послѣ чего, оставшійся на горѣ за старшаго, полковникъ кн. Іосифъ Тарханъ—Моуравовъ 2-й, бросился въ штыки и оттѣснилъ пришедшія на выручку непріятельскія войска.

По свѣдѣніямъ переданнымъ англичанами, войска защищавшія Тахмасъ—Табіэ, были вторично подкрѣплены двумя баталіонами, высланными Вилліамсомъ изъ нижняго лагеря и присоединившимся къ нимъ баталіономъ 2-го анатолійскаго полка, который вышелъ изъ форта Вели—Паша, подъ командою маіора Селимъ—Ага, уже послѣ отступленія Базина. Дальнѣйшее дѣйствіе сихъ баталіоновъ, англичанами не описано; видно только, что ихъ велъ Керимъ—Паша, который лично ворвался въ редутъ и былъ раненъ, двѣ лошади подъ нимъ убиты. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ сихъ трехъ баталіоновъ, первые два, были тѣ самыя войска, которыя Кауфманъ встрѣтилъ придя на гору, и которыя онъ отбросилъ отъ праваго фланга нашей позиціи, Они то снова собравшись и соединившись съ анатолійскимъ баталіономъ, шедшимъ изъ форта Вели—Паша, отрѣзали потомъ Кауфмана отъ нашей позиціи.

Изъ разсказа Лека видно, что съ ихъ праваго фланга шорахской позиціи (оставшагося уже свободнымъ) прибывали еще войска на подкрѣпленіе Тахмасъ—Табіэ; но въ немъ не обозначается съ опредѣлительностію время и послѣдствія прибытія сихъ войскъ. Лекъ говоритъ, что послѣдній часъ боя на семъ мѣстѣ поддерживался патронами взятыми съ нашихъ убитыхъ, и что вылазки изъ Тахмасъ—Табіэ предпринимались единственно съ цѣлью снабдить себя сими необходимыми снарядами: онъ

объясняетъ даже, что пока одна часть гарнизона выходила за валъ для опорожненія нашихъ сумъ, другая отстрѣливалась изъ за противулежащей стороны вала, перебрасываемыми ей черезъ ровъ патронами*).

Англичане объ отступленіи нашемъ.

Оканчивая разсказъ о происходившемъ при редутѣ Тахмасъ—Табіэ, Лекъ пишетъ, что когда у русскихъ оставалось только два баталіона не принимавшихъ участія въ дѣлѣ, и когда исчезла у нихъ всякая надежда на успѣхъ, тогда ген. Муравьевъ далъ приказаніе отступать, но какъ онъ выражается, «*было уже поздно*». Лекъ относитъ къ этой минутѣ прибытіе на Шорахскія высоты, трехъ турецкихъ баталіоновъ, изъ коихъ какъ выше сказано, два было выслано изъ нижняго лагеря, а одинъ изъ форта Вели—Паша. Войска сіи соединившись, ударили на русскихъ и выгнали ихъ изъ внутренности ретраншамента.

«Въ это время», продолжаетъ Лекъ, «Тисдель повелъ атаку противъ русскихъ стрѣлковъ, которые еще пользуясь мѣстностію, наносили туркамъ вредъ. Пришедши на высоту Тахмасъ—Табіэ съ наружной стороны сего редута, онъ встрѣченъ былъ полкомъ, вѣроятно свѣжихъ войскъ, которыя открыли по немъ сильный батальный огонь. Это были послѣдніе остатки русской пѣхоты. Гусейнъ—Паша, защищавшій редутъ, быстро устремился изъ онаго, дабы принять участіе въ рукопашной свалкѣ своихъ товарищей, и русскій полкъ сталъ какъ бы таять передъ ними. Вмигъ, мѣсто боя покрылось ихъ убитыми и ранеными, а уцѣлѣвшіе бѣжали въ самомъ большомъ безпорядкѣ. Турокъ нельзя было остановить пока они не перешли за дорогу у подошвы горы; но дѣло было уже рѣшено и по бѣжавшимъ пущено еще нѣсколько ядеръ».

*) Если калибръ нашихъ ружей не былъ болѣе калибра турецкихъ, то могло случиться, что нѣсколько турецкихъ солдатъ воспользовались патронами изъ сумъ нашихъ убитыхъ, равно какъ и наши люди выбирали ихъ изъ турецкихъ сумъ. Описанный же систематическій способъ добыванія патроновъ среди замѣшательства убійственнаго огня—неправдоподобенъ; почему мудрую сію распорядительность начальства въ Тахмасъ—Табіэ, надобно скорѣе отнести къ выдумкѣ какого-нибудь неопытнаго турка, коего замысловатое изобрѣтеніе случайно достигло печати.

«Въ крайнемъ безпорядкѣ и съ поникшими главами, побрела русская пѣхота съ поля сраженія; миновавъ массы кавалеріи своей, она собралась въ кое-какой строй, далеко уже на равнинѣ, влѣво отъ горъ лежавшихъ противъ Тахмасъ—Табіэ. Преслѣдовать отступавшія колонны было невозможно, отъ того что у насъ не было конницы, и потому турки вынуждены были остаться въ своихъ линіяхъ.»

Докторъ Сандвитъ пишетъ напротивъ того, что мы выстроились и отступили въ порядкѣ. Но ни тотъ ни другой не были свидѣтелями нашего отступленія: первый находился въ то время въ фортѣ Вели—Паша, другой же вѣроятно при перевязкѣ раненыхъ; и потому полагать надобно, что свѣдѣнія ихъ собраны изъ преувеличенныхъ разсказовъ турокъ. Сколько у насъ еще оставалось въ это время пѣхоты неучаствовавшей въ дѣлѣ, видно изъ подробнаго описанія штурма. Упоминаемаго ими сильнаго натиска на отступавшихъ не было. Тѣ изъ турокъ, которые вышли было за валъ преслѣдовать раненыхъ, какъ и выскочившіе всадники, вовсе не спускались съ горы; слѣдуя по косогору вдоль рва своихъ линій, они не только не перешли черезъ дорогу ведущую на гору, но даже не дошли до нее и были остановлены высланными застрѣльщиками отъ 3-го баталіона Карабинернаго полка, прикрывавшаго съ Лазъ—Тепе отступленіе, при чемъ баталіонъ сей едва ли потерпѣлъ какой либо уронъ. На равнинѣ не стояли массы нашей кавалеріи, а только одинъ дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ и двѣ сотни казаковъ, поставленные у подошвы Столовой горы, и человѣкъ полтораста грузинской дворянской дружины. Почти всѣ казаки входившіе въ составъ своднаго полка, были употреблены на перевозку раненыхъ, большая же часть нашей кавалеріи находилась въ отдѣльныхъ отрядахъ.

О нашихъ плѣнныхъ.

Неистовство турокъ, прикалывавшихъ нашихъ раненыхъ, подтверждается свидѣтельствомъ англичанъ, которые въ запискахъ своихъ упоминаютъ о томъ съ негодованіемъ, присовокупляя, что они всѣми мѣрами старались остановить такое варварство, но не могли имѣть желаемаго успѣха, по малочисленности ихъ на такомъ обширномъ пространствѣ. Не менѣе

того они нѣкоторыхъ спасли и въ томъ числѣ двухъ офицеровъ, что свидѣтельствуется самими плѣнными нашими. Тисдель, принимавшій лично участіе въ самомъ пылу боя, имѣлъ случай болѣе другихъ оказать свое человѣколюбіе. По нашимъ свѣдѣніямъ показано 164 человѣка безъ вѣсти пропавшихъ, что близко къ показаніямъ англичанъ, которые считали ихъ 160—изъ нихъ бо̀льшая половина раненыхъ. Поднято ими на полѣ сраженія четыре офицера тяжело раненыхъ, которые были у насъ показаны убитыми; но два изъ нихъ умерли въ плѣну, а двое возвращены по овладѣніи нами Карса. Вилліамсъ и докторъ Сандвитъ заботились объ успокоеніи и леченіи нашихъ плѣнныхъ, въ особенности офицеровъ, которые пользовались пищею отъ стола Вилліамса и получали отъ него одежду, ибо были до̀ гола обобраны турками. Нижніе же чины по распоряженію его, постоянно имѣли лучшую пищу противъ турокъ, даже въ то время, когда недостатокъ продовольствія въ гарнизонѣ доходилъ до крайности.

Англичане объ уронѣ.

Изъ обнародованныхъ англичанами свѣдѣній о претерпѣнномъ нами уронѣ, вѣрнѣйшія заключаются въ краткой депешѣ къ Кларендону, написанной Вилліамсомъ въ самый день штурма. Онъ увѣдомляетъ, что у насъ было 2500 убитыхъ и близъ 5,000 раненыхъ, которые бо̀льшею частію были нами вынесены; на полѣ же сраженія подобрано болѣе 4,000 ружей. Цифра сія не многимъ превосходитъ сущность понесенной нами потери. Мы въ самомъ дѣлѣ потеряли около 4,000 ружей, которыя всѣ найдены прибранными въ особомъ помѣщеніи по покореніи нами Карса, и пріобрѣтены обратно. Въ частномъ письмѣ отъ того же дня, Вилліамсъ пишетъ, что турки понесли всего урона убитыми и ранеными 700 человѣкъ; но во второй депешѣ своей къ Кларендону отъ $\frac{\text{21 Сентября}}{\text{3 Октября}}$, въ которой ходъ дѣла изложенъ подробнѣе, онъ доноситъ, что мы оставили болѣе 5,000 тѣлъ на полѣ сраженія, а раненыхъ вынесли болѣе 7,000 человѣкъ, что составляетъ въ сложности болѣе 12,000 человѣкъ урона. Англичане въ изданныхъ письмахъ и запискахъ, еще увеличили число нашихъ убитыхъ. Сандвитъ показываетъ ихъ 6,300; Лекъ то же число, кромѣ тѣхъ, которые убиты въ нѣ-

которомъ разстояніи отъ укрѣпленій и коихъ тѣла, по словамъ его, были увезены нами. Свѣдѣнія сіи получены, какъ они объясняють, отъ тѣхъ, коимъ поручено было счесть и похоронить убитыхъ. Но не взирая на слова Томсона, утверждающаго, что: *это сущая истина*, такое преувеличенное показаніе турокъ, занимавшихся уборкою убитыхъ, не должно было служить основаніемъ для писателя, который былъ свидѣтелемъ событія и самъ могъ оцѣнить степень справедливости турецкаго счета.

Въ той же депешѣ отъ $\frac{\text{21 Сентября}}{\text{3 Октября}}$ Вилліамсъ пишетъ, что у турокъ было 362 убитыхъ и 361 раненыхъ, и что кромѣ того карскіе жители лишились 101 человѣка, слѣдственно, всего урона было у турокъ 1,094 человѣка. Лекъ показываетъ нѣсколько болѣе потери, говоря что раненыхъ и убитыхъ было между регулярными войсками 1,093 человѣка, а у лазовъ и вооруженныхъ жителей около 300, всего 1,393 человѣка убитыхъ и раненыхъ. Но по большому урону претерпѣнному непріятелемъ при первомъ занятіи нами лагеря и по самому ходу дѣла, надобно думать что турки лишились 17-го Сентября, гораздо болѣе 2,000 человѣкъ. Обстоятельство это можно бы знать положительно, только при отчетливомъ и совѣстливомъ составленіи въ то время списковъ выбывшихъ изъ фронта, съ показаніемъ легко раненыхъ и контуженныхъ, какъ то дѣлалось у насъ; но сего турки не могли исполнить при всегдашней неурядицѣ существующей у нихъ въ отчетности о людяхъ— подавно же въ то время. Плѣнными лишились они только одного офицера и двадцати нижнихъ чиновъ, которые были схвачены конными постами нашими, недалеко отъ города въ гористой мѣстности, по коей они пробирались въ Эрзрумъ, о чемъ повѣствователи обороны не могли знать.

О вывезенныхъ нами съ шорахской позиціи двухъ орудіяхъ, изъ коихъ одно было подбито и брошено въ пути, а другое доставлено къ намъ въ лагерь, какъ равно объ отбитыхъ знаменахъ, англичане не упоминаютъ ни въ депешахъ своихъ, ни

въ запискахъ,*) чего конечно нельзя отнести къ желанію скрыть сіи трофеи нами пріобрѣтенные, такъ какъ они не умолчали о вывезенныхъ нами орудіяхъ съ чакмахскаго укрѣпленнаго лагеря; но надобно думать, что они о томъ не знали.

Лекъ пишетъ, что собственно въ дѣлѣ не участвовало болѣе 10,000 турокъ, тогда какъ со стороны атаковавшихъ находилось по словамъ его отъ 30,000 до 35,000 человѣкъ разнаго оружія; но на чемъ основано послѣднее показаніе, онъ не объясняетъ. Между тѣмъ изъ росписанія войскъ, имѣющагося во второмъ отдѣлѣ сей главы, видно, что за исключеніемъ оставленныхъ въ лагерѣ частей, выдвинуто было въ поле на всѣхъ пунктахъ пѣхоты и кавалеріи только 25,725 рядовыхъ, изъ коихъ дѣйствительно въ дѣлѣ и подъ отдаленными выстрѣлами непріятельскихъ орудій, кромѣ артиллеристовъ, было не болѣе 20,000 человѣкъ въ строю; и потому свѣдѣніе его о нашихъ силахъ ошибочно. Лекъ о числѣ войскъ участвовавшихъ въ дѣлѣ.

Англичане, называя отличившихся, въ особенности выставляютъ заслуги: *Гуссейнъ-Даимъ-Паши*, отразившаго первую нашу атаку на Тахмасъ-Табіэ, старца *Реиса Керимъ-Пашу* прозваннаго турками Бабá-Керимъ, который во время самой свалки ворвался въ сей редутъ и поддерживалъ оборону онаго, *Кадри Бея*,**) который привелъ баталіонъ на помощь къ форту Вели-Паша и венгерскаго выходца *Кмети*, отразившаго сперва штурмъ на правомъ флангѣ шорахской позиціи и въ послѣдствіи оборонявшаго всю позицію.***) Они отзываются также съ большою похвалою объ адъютантѣ Вилліамса *Тисдель*, который защищая редутъ Юксекъ-Табіэ, принялъ дѣятельное участіе въ удержаніи онаго. Объ отличившихся при оборонѣ Карса.

Для вѣрнаго описанія приступа, гдѣ не бываетъ боевыхъ линій и правильнаго расположенія войскъ, гдѣ всѣ части поминутно движутся, гдѣ дѣло рѣшается рукопашнымъ боемъ,

*) Впрочемъ о всѣхъ взятыхъ нами орудіяхъ и знаменахъ пріобрѣтенныхъ необыкновеннымъ мужествомъ войскъ, не было упомянуто и въ первомъ напечатанномъ въ нашихъ вѣдомостяхъ извѣстіи о неудавшемся штурмѣ.

**) Штабъ-офицеръ дѣльный.

***) По словамъ Томсона, Кмети побуждаемый преданностью къ туркамъ за избавленіе его отъ русскихъ въ венгерскую войну, сражался какъ левъ.

нельзя обойтись безъ частныхъ свѣдѣній отъ лицъ принимавшихъ участіе въ разныхъ мѣстностяхъ, на коихъ происходило дѣло. Неожиданный бой подъ Карсомъ внезапно возгорѣлся на большомъ пространствѣ; сначала темнота ночи, а послѣ того дымъ, препятствовали Вилліамсу разсмотрѣть гдѣ предстояло болѣе опасности; а потому, отправляя изъ нижняго лагеря войска на гору для подкрѣпленія сражавшихся, ему на первыхъ порахъ невозможно было снабжать ихъ опредѣлительными приказаніями. Вступивъ въ дѣло, самый ходъ онаго могъ измѣнить первоначальное ихъ направленіе; отъ чего по видимому случилось, что войска сіи, которыя разновременно прибывали на поле сраженія, встрѣчая отпоръ у праваго фланга нашей главной позиціи на Шорахѣ, частью возвращались, частью, огибая кружною дорогою лагерь, пробирались въ редутъ Тахмасъ-Табіэ; иныя же части принимали на право къ форту Вели-Паша, откуда онѣ усиливали напоръ на отрядъ Базина. Черезъ это обстоятельство встрѣчается нѣкоторое несогласіе въ извѣстіяхъ переданныхъ англичанами, какъ напримѣръ: изъ офиціальной депеши Вилліамса видно, что онъ высылалъ изъ нижняго лагеря войска только къ шорахской позиціи, а что чакмахскую подкрѣплялъ войсками съ Карадага, тогда какъ Лекъ пишетъ, что Вилліамсъ лично ободрялъ избранныхъ имъ изъ лучшихъ анатолійскихъ войскъ, четыре роты стрѣлковъ, которыя онъ послалъ изъ нижняго лагеря черезъ рѣку на Чакмахскія высоты. По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, свѣдѣнія обнародованныя англичанами не полны и мало отчетливы.

Разсказъ Кмети.

Мы имѣемъ въ виду еще описаніе боя на Шорахскихъ высотахъ, изданное венгерскимъ выходцемъ Кмети, который самъ защищалъ сію позицію. Изъ небольшой книжки его, извлечены переданныя выше свѣдѣнія о вооруженіи укрѣпленій и о распредѣленіи по нимъ турецкихъ войскъ. Разсказъ его не лишенъ занимательности, какъ человѣка, по видимому военнаго, и потому мы помѣстимъ здѣсь изъ онаго выписки. Читатель, желающій знать дѣло въ подробности, съ любопытствомъ прочтетъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія съ противной стороны, чѣмъ съ большею ясностію обнаружится самое событіе.

Кмети пишетъ, что $\frac{17}{29}$ Сентября, около трехъ часовъ по полуночи, прибыли къ нему въ палатку, почти въ одно время съ трехъ сторонъ, гонцы отъ передовыхъ постовъ съ донесеніемъ, что «*непріятель наступаетъ*». Приказавъ резервамъ безъ шума становиться въ ружье, онъ послалъ извѣстіе о томъ въ главную квартиру, находившуюся по словамъ его на одинъ часъ разстоянія.

Разославъ, для открытія непріятеля, офицеровъ на Ширшани-Тепеси (Баши-бозукская гора) и на лѣвый флангъ шорахской позиціи и убѣдившись, что Гуссейнъ-Даимъ-Паша на сторожѣ, онъ поспѣшилъ къ центру и правому флангу шорахской позиціи, дабы лично удостовѣриться въ справедливости полученныхъ имъ донесеній. Луна, по словамъ его, еще свѣтила ясно, почему полагать надобно, что то было до 4-хъ часовъ утра, къ которому времени, по замѣчанію нашему, она скрылась за облаками.

При лунномъ свѣтѣ, Кмети могъ только различить, что нѣкоторыя части лежавшей передъ нимъ долины показывались темнѣе другихъ, подобно тому, какъ вспаханная земля отличается отъ пастбищнаго мѣста; но такъ какъ темныя пятна сіи начали передвигаться и останавливаться, а долина стала ими болѣе и болѣе наполняться, то онъ прилегъ ухомъ къ землѣ и услышалъ шумъ движущихся колесъ *). Скоро убѣдился онъ, что находившіеся передъ нимъ въ большихъ силахъ русскіе, готовятся штурмовать Тахмасъ-Табіэ. Направленіе сихъ темныхъ массъ ежеминутно обозначалось съ бо́льшею ясностію; онѣ двигались противъ позиціи Гуссейнъ-Паши и противъ Ренисонскихъ линій **).

*) О мѣрномъ шагѣ пѣхоты, упоминаемомъ въ запискахъ Сандвита, Кмети не говоритъ: онъ и не могъ думать, чтобы войско, двигаясь на штурмъ по горамъ и камнямъ, могло идти въ ногу и обозначать шагъ, какъ на парадѣ.

**) Первая и вторая колонны генераловъ Ковалевскаго и Майделя. Промежуточную колонну кн. Гагарина, Кмети, какъ кажется, въ началѣ незамѣтилъ или не различилъ ее отъ колонны Ковалевскаго.

Убѣдившись, что ему нечего опасаться за свой правый флангъ и тылъ *), онъ выдвинулъ впередъ резервы и занялъ ими слѣдующія мѣста:

Пять ротъ гвардейскаго стрѣлковаго баталіона, стоявшаго въ лагерѣ позади Баши-бозукской горы, поставилъ онъ за брустверомъ на оконечности праваго фланга **). Отъ главнаго резерва своего, состоявшаго изъ 5-го и 6-го арабистанскихъ баталіоновъ, послалъ онъ 5-ый въ Тахмасъ-Табіэ на подкрѣпленіе Гуссейнъ-Даимъ-Паши, изъ 6-го же занялъ двумя ротами люнетъ Гюрджи-Табіэ, а остальными шестью ротами сего баталіона, лѣвый флангъ Ренисонскихъ линій. Изъ пяти орудій находившихся при семъ резервѣ, два поставлено было на платъформѣ, въ правой оконечности (вѣроятно Ренисонскихъ линій), остальныя три орудія ввелъ онъ въ редутъ Юксекъ-Табіэ.

Хотя Кмети замѣтилъ, что противъ Гуссейнъ-Паши, двигалось гораздо болѣе войскъ, чѣмъ противъ Ренисонскихъ линій, но онъ лично остался при послѣднихъ, съ цѣлью встрѣтить начальный натискъ на семъ мѣстѣ, которое ему казалось болѣе подверженнымъ опасности чѣмъ первое. Предположеніе сіе основывалъ онъ, какъ на томъ, что Ренисонскія линіи состояли только изъ длиннаго бруствера, который можно было обогнуть, такъ и на томъ, что скатъ горы впереди ихъ не былъ очень крутъ, отчего и дѣло должно было тутъ скорѣе рѣшиться. Онъ находилъ, что послѣ сего, въ случаѣ успѣха, ему свободно будетъ что либо предпринять для выручки Гуссейнъ-Паши, который между тѣмъ, при неблагопріятномъ оборотѣ дѣла, могъ отступить въ середину редута Тахмасъ-Табіэ и тамъ защищаться, тогда какъ, еслибъ атакующіе прорвались черезъ

*) Подъ названіемъ праваго фланга, Кмети здѣсь разумѣетъ Баши-бозукскую гору, которую онъ включалъ въ обороняемую имъ шорахскую позицію, тылъ же свой считалъ обеспеченнымъ, вѣроятно потому что не замѣтилъ отряда Базина или какихъ либо войскъ двигавшихся вверхъ по оврагу черезъ с. Чакмахъ.

**) Полагать надобно, что въ семъ случаѣ онъ разумѣетъ только правую отъ него оконечность Ренисонскихъ линій, гдѣ происходилъ бой.

Ренисонскія линіи, то на всемъ протяженіи плато за Тахмасъ-Табіэ, произошелъ бы величайшій безпорядокъ *).

Отраженіе атаки Ковалевскаго.

Между тѣмъ, головы русскихъ колоннъ въ большой тишинѣ придвинулись на разстояніе 1,200—1,500 шаговъ отъ подошвы горы, и одна изъ ихъ батарей **) выстроивалась уже на небольшомъ холмѣ, примѣрно, въ тысячѣ шагахъ отъ шорахской позиціи, противъ ея праваго фланга.

Замѣтивъ это, Кмети рѣшился, спустя 25 или 30 минутъ послѣ перваго донесенія о приближеніи атакующихъ, прервать молчаніе столь строго соблюдавшееся съ обѣихъ сторонъ и приказалъ открыть огонь ***) по нашей батареѣ, на что отвѣчали ему слабо, «но вмѣстѣ съ тѣмъ» — продолжаетъ онъ — «русскіе тремя колоннами ринулись впередъ съ громогласными и непрерывавшимися кликами».

Атакующія колонны, по взгляду Кмети и словамъ его, были такъ густы, баталіоны ихъ столь полны, что еслибы въ то

*) Если допустить, что сужденія сіи соображены были уже послѣ дѣла, то не менѣе того онѣ по справедливости своей, свидѣтельствуютъ о военномъ взглядѣ Кмети, коего распоряженія оправдались на самомъ дѣлѣ.

**) Батарея состоявшая при колоннѣ ген. Ковалевскаго.

***) Здѣсь явная невѣрность, какъ не вѣрно и то, что турки открыли насъ около 3 часовъ утра, ибо первая колонна пришла на первое сборное мѣсто только въ 3½ часа, чтобы въ 4 часа занять назначенную для нея позицію въ боевомъ уже порядкѣ. Въ половинѣ 5-го часа раздался въ Виленскомъ полку нечаянный ружейный выстрѣлъ, а первый выстрѣлъ изъ турецкихъ орудій послѣдовалъ только въ 4¾ часа. Если допустить, что Кмети успѣлъ въ 30 минутъ времени сдѣлать всѣ вышеназванныя имъ распоряженія, и если приложить къ тому еще четверть часа употребленную гонцемъ для доставленія ему вѣсти о нашемъ приближеніи, то, считая отъ того времени какъ турки сдѣлали первый пушечный выстрѣлъ, оказывается, что первая колонна могла быть открыта не около трехъ часовъ по полуночи, а около четырехъ, въ то время какъ она выстраивалась на послѣдней позиціи. Кмети не могъ также замѣтить въ три часа второй колонны Майделя, которая тронулась только въ 4 часа и 20 минутъ съ привала еще весьма отдаленнаго отъ горнаго контръ-форса и закрытаго высотами. Такая несообразность въ опредѣленіи времени начала дѣла, служитъ къ подтвержденію того, что Кмети, оказавшій дѣйствительно большую распорядительность, дополнилъ свой разсказъ соображеніями принаровленными имъ послѣ боя. Трудно себѣ и представить, чтобы въ подобно тревожную минуту, озабочиваясь важнѣйшими распоряженіями, можно было по часамъ замѣчать свои дѣйствія.

время большая часть ихъ не скрывалась еще въ дыму и полумракѣ разсвѣта, то одно появленіе подобныхъ силъ произвело бы дурное впечатлѣніе на оборонявшихся.

Кмети говоритъ, что колонна направленная къ Ренисонскимъ линіямъ *), была встрѣчена сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, когда же приблизилась, то и ружейнымъ во фронтъ и въ оба фланга. Не смотря на это, она, по словамъ его, все подавалась въ гору съ удивительною отважностью и твердостью, хотя скалистый путь ея былъ усѣянъ камнями. Въ такомъ положеніи колонна подвигалась близъ получаса, когда же подошла къ укрѣпленію на 150 шаговъ, то отъ головы ея открылся огонь; но колонна при этомъ не останавливалась и не замѣтно было колебанія; однако же наступленіе начало слабѣть и огонь сталъ рѣже, почему Кмети заключилъ, «что офицеры шедшіе впереди, какъ то бываетъ въ отличныхъ войскахъ — пали».

Собравъ тогда съ праваго фланга своего, человѣкъ пятьдесятъ гвардейскихъ стрѣлковъ, Кмети поставилъ ихъ за брустверомъ, прямо противъ фронта атакующихъ. Онъ самъ говоритъ, что стрѣлки сіи конечно мало усилили огонь, но что и сего было достаточно для одолѣнія ослабѣвшаго уже натиска. Колонна не дошла только десяти шаговъ до рва; отдѣлившіеся отъ нея четыре человѣка, пролѣзши черезъ свободную амбразуру, показались даже въ тылу оборонявшихся **) когда она повернула назадъ.

При началѣ отступленія колонны, говоритъ Кмети, ее провожали и камнями, но она отошла медленнымъ шагомъ***) къ своей артиллеріи, оставя на мѣстѣ едва ли менѣе 1,000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, изъ коихъ 850 лежало сплошною массою.

«Еслибы въ артиллеріи нашей» продолжаетъ онъ, «не оказалось недостатка въ картечи и если бы большая часть пѣхоты нашей не растратила въ поспѣшности патроновъ своихъ, то

*) Ковалевскаго.

**) Что нѣкоторые изъ людей нашихъ были уже за валомъ, повѣряется показаніями самихъ нижнихъ чиновъ.

***) Согласно съ истиною.

непріятель имѣлъ бы еще болѣе потери. Въ сравненіи съ нимъ, нашъ уронъ по выгодной позиціи нашей, былъ незначителенъ».

По словамъ Кмети, турецкіе солдаты возбужденные симъ успѣхомъ, стали перебѣгать черезъ валъ, и обирать лежавшихъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что люнетъ Яремъ-Ай взятъ, и что Гуссейнъ-Паша со всѣхъ сторонъ окруженъ въ Тахмасъ-Табіэ. Хотя нельзя было ожидать новой атаки на Ренисонскія линіи, но и нельзя было на разсвѣтѣ оставить безъ войскъ длинныя линіи сіи въ то время, когда почти сзади ихъ, стали показываться массы казаковъ*). По сей причинѣ, Кмети поспѣшилъ на поддержаніе своего лѣваго фланга, но взялъ съ собою только четыре роты гвардейскихъ стрѣлковъ, которыя пополнили выпущенные патроны свои изъ русскихъ сумъ; охраненіе же линіи, поручилъ адъютанту своему, поручику бывшей венгерской арміи, Тюкёри, получившему у турокъ названіе Абду-Селимъ-Ага и чинъ маіора **).

Кмети объ атакѣ редута Тахмасъ-Табіэ.

Отсюда, переходя къ описанію происходившаго на лѣвомъ флангѣ шорахской позиціи, Кмети пишетъ, что Гуссейнъ-Даимъ-Пашу атаковали съ лѣваго его фланга и во фронтъ при тѣхъ же неумолкаемыхъ кликахъ, такими массами и съ такою силою, что онъ долженъ былъ оставить все занимаемое имъ мѣсто съ потерею двухъ небольшихъ орудій и отступить съ имѣвшимися у него четырьмя баталіонами въ редутъ Тахмасъ.

Ложементы за валомъ и все лѣвое крыло ретраншамента, за исключеніемъ пятидесяти шаговъ онаго, прилегавшихъ къ редуту, было захвачено атакующими, которые при первомъ натискѣ заняли болѣе 350 палатокъ, стоявшихъ почти вплоть къ редуту, и оконечность небольшаго ретраншамента на правомъ крылѣ. «Польстившись симъ успѣхомъ» — продолжаетъ Кмети—«русскіе надвигали баталіонъ за баталіономъ съ барабаннымъ боемъ и съ развернутыми знаменами, дабы распро-

*) Атака сборнаго полка легкой конницы, опередившаго пѣхоту Майделя. Объ атакѣ конныхъ охотниковъ съ фронта отъ колонны Ковалевскаго, Кмети во все неупоминаетъ.

**) Тюкёри, находясь въ числѣ волонтеровъ Гарибальди въ Сициліи, умеръ отъ раны, полученной при взятіи Палермо въ 1860 году.

страниться и утвердиться на овладѣнной ими мѣстности».

На разсвѣтѣ, Гуссейнъ-Паша оказался запертымъ въ редутѣ со своими слабыми четырьмя баталіонами при 6 орудіяхъ. Онъ былъ окруженъ по крайней мѣрѣ 15,000 русскихъ *), которые во многихъ мѣстахъ находились отъ него на разстояніи пистолетнаго выстрѣла и такъ близко, что сражавшіеся съ обѣихъ сторонъ, бросали даже другъ въ друга камнями.

«Благодаря твердости Гуссейнъ-Паши» пишетъ Кмети — «быстротѣ артиллерійскаго огня и благоустройству войскъ, съ развитыми знаменами вызывавшихъ непріятеля на бой, онъ не только не допустилъ русскихъ до рва **), но могъ даже съ сотнею охотниковъ, сдѣлать вылазку къ ретраншаменту своего праваго крыла и къ ближайшимъ палаткамъ, изъ коихъ онъ выгналъ на время непріятеля и тѣмъ открылъ путь въ редутъ, шедшему къ нему полковнику Яникъ-Мустафа Бей. Штабъофицеръ сей первый прибылъ съ четырьмя сильными ротами на помощь редута Тахмасъ изъ форта Вели-Паша, которому при начальныхъ выстрѣлахъ не предстояло еще никакой опасности. Прибывъ на высоту лагеря, онъ былъ остановленъ въ движеніи своемъ сильнымъ огнемъ изъ палатокъ и получилъ рану; воспользовавшись случившеюся на пути его дугообразною каменною стѣнкою, которая была построена для огражденія полевыхъ кухонь отъ вѣтра, Яникъ-Мустафа-Бей укрылъ за нею людей своихъ и вредилъ непріятелю, коего число въ палаткахъ ежеминутно увеличивалось; но съ тыла подвигался на него еще свѣжій баталіонъ русскихъ, и въ сію-то затруд-

*) Во всей второй колоннѣ было пѣхоты и кавалеріи 6,200 рядовыхъ изъ коихъ часть еще отдѣлилась съ полковникомъ Серебряковымъ влѣво и потому ни въ какомъ случаѣ Гуссейнъ-Паша не могъ быть окруженъ на разсвѣтѣ 15,000 русскихъ. Впрочемъ, многія частности натиска второй колонны, описаны довольно вѣрно. Можно узнать первую атаку Мингрельцевъ съ фронта и атаку карабинеръ, въ обходъ лѣваго фланга турокъ.

**) Ошибочно,—гренадеры были со знаменемъ во рву и частію на валу, съ котораго были опрокинуты; послѣ чего бой продолжался съ упорствомъ въ самомъ рву для спасенія знамени. Въ другой разъ гренадеры ворвались было въ самый редутъ черезъ отверстіе, противъ траверза коего былъ убитъ маіоръ Герсевановъ.

нительную минуту, прибылъ на избавленіе его Гуссейнъ-Паша». Кмети къ этому времени относитъ появленіе въ Тахмасѣ Керимъ Паши, который по словамъ его, пробрался съ однимъ адъютантомъ, однимъ слугою и четырьмя курдами.

Далѣе Кмети пишетъ, что въ одно время съ атакою трехъ главныхъ колоннъ, небольшая промежуточная колонна, имѣвшая отъ 6 до 8 сотъ человѣкъ, штурмовала люнетъ Яремъ-Ай. Штабъ-офицеръ оборонявшій его съ двумя ротами и двумя орудіями, оторопѣлъ отъ оглушительныхъ криковъ ура и замѣтивъ, какъ онъ позже въ оправданіе свое объяснялъ, что русскіе угрожали и тылу его, онъ послѣ слабаго сопротивленія отступилъ въ редутъ Юксекъ-Табіэ. Тутъ русскіе остановились; но если бы они по пятамъ преслѣдовали уклонявшихся, то въ первомъ перепугѣ ихъ, овладѣли бы и редутомъ Юксекъ, съ утратою коего, дѣло на правомъ флангѣ турокъ приняло бы другой оборотъ *). Въ это время прибылъ въ Юксекъ-Табіэ Тисдель, спѣшившій въ дѣло по первому услышанному имъ выстрѣлу. Русскіе находившіеся въ полутораста шагахъ отъ редута, оборотили противъ онаго захваченныя ими два орудія и готовились идти на приступъ, но удобное для того время, было уже пропущено. Они подошли вплоть ко рву, три или четыре человѣка изъ нихъ перелѣзли даже черезъ валъ; но Тисдель сильнымъ огнемъ своимъ, опрокинулъ ихъ за люнетъ, гдѣ они засѣли по наружную сторону вала во рву люнета, откуда стали перестрѣливаться съ редутомъ Юксекъ-Табіэ **). Около сего времени Кмети самъ прибылъ къ Юксекъ-Табіэ сзади съ четырьмя ротами гвардейскихъ стрѣлковъ, о коихъ выше упомянуто. Онъ повелъ ихъ въ штыки въ Яремъ-Ай и послѣ кровопролитнаго рукопашнаго боя, русскіе уступили мѣсто, оставивъ около 160 тѣлъ.

Кмети объ атакѣ редута Юксекъ.

*) Атака промежуточной колонны кн. Гагарина. Кмети замѣтилъ не болѣе 800 человѣкъ, потому вѣроятно, что вторая линія сей колонны принявъ влѣво, смѣшалась съ колонною ген. Ковалевскаго.

**) Совершенно справедливо. Дальнѣйшія подробности сего мѣстнаго боя, совокупность или разновременность онаго съ атакою полковника Серебрякова, могъ бы передать только личный въономъ участникъ Тисдель, который къ сожалѣнію не издалъ своихъ записокъ.

Кмети о бое около редута Тахмас.

«Но успѣхъ сего дня»—по выраженіямъ Кмети—«зависѣлъ отъ удержанія Тахмасъ Табіэ, безъ чего, всѣ полученныя вы-«годы остались бы безъ послѣдствій, ибо подкрѣпленія подхо-«дили, такъ сказать, по каплямъ, тогда какъ русскіе продол-«жали усиливаться новыми потоками войскъ». Онъ пишетъ, что въ шесть часовъ утра, люнетъ Яремъ-Ай, былъ уже опять въ рукахъ турокъ, а полковникъ Яникъ-Мустафа-Бей, пробравшись сквозь русскихъ, соединился съ Гуссейнъ-Пашею. Всѣ ложементы впереди Тахмаса и мѣстность около нихъ, были такъ густо усѣяны русскими, что картечные выстрѣлы не могли оставаться безъ дѣйствія. Ниже, по спуску горы и нѣсколько въ косвенномъ направленіи русскіе поставили многочисленную артиллерію, стрѣлявшую гранатами въ оба редута *). Изъ нихъ часть ложилась въ Юксекъ-Табіэ, другія же разрывало среди русской пѣхоты. Лѣвый ретраншаментъ былъ весь занятъ непріятелемъ, кромѣ послѣднихъ пятидесяти шаговъ онаго, прилегавшихъ къ редуту. Хотя пушки стоявшія на семъ пространствѣ въ сосѣдствѣ самаго редута были оставлены турками, но русскіе не могли овладѣть ими, отъ того, что онѣ находились среди самаго разгара боя. Гуссейнъ-Паша не рѣшился выйти изъ редута, чтобы взять эти орудія обратно, потому что въ открытомъ мѣстѣ, его бы оттѣснили. Русскіе пытались увезти ихъ, но были отбиты огнемъ, производившимся по нимъ изъ редута почти въ упоръ **). Такое положеніе атакующихъ войскъ препятствовало дѣйствію ихъ артиллеріи, поставленной лѣвымъ флангомъ къ внутренней сторонѣ ретраншамента, и она должна была стрѣлять навѣсными выстрѣлами черезъ своихъ ***).

Въ тылу редута, русскіе не имѣли артиллеріи; но они постоянно напирали сзади новыми массами пѣхоты къ головѣ колоннъ своихъ занимавшихъ лагерь, изъ коего однако-же не могли подаваться впередъ противъ сильнаго огня изъ редута.

*) Можетъ быть разумѣетъ онъ подъ симъ, легкую батарею гренадерской артиллеріи полковника Десаже, занявшую первую позицію свою на скатѣ Лазъ-Тепе, гдѣ она впрочемъ не долго стояла и откуда мало дѣйствовала.

**) Обстоятельство сіе о боѣ при орудіяхъ описано вѣрно.

***) Батарейная батарея Брискорна.

Здѣсь, позади праваго фланга (атакующихъ), полковникъ Захарія-Бей *) держался за стѣнками полевыхъ кухонь съ двумя баталіонами 5-го анатолійскаго полка, разновременно высланными изъ города отъ резерва **). Позади его роились казаки и иррегулярные всадники, занимавшіеся грабежемъ въ палаткахъ, которыя стояли въ центрѣ плато. «Какъ разъ противъ моей палатки» — продолжаетъ Кмети — «развѣвалось трехцвѣтное русское знамя ***). Мѣховыя шапки» — по выраженію его ****) «стали также показываться вправо отъ тахмасскаго редута *****). На оконечности праваго ретраншамента и во рву онаго засѣли русскіе стрѣлки, отъ которыхъ прилетали коническія пули въ Юксекъ-Табіэ» и потому онъ рѣшился атаковать сію важную позицію. Изъ ведомыхъ имъ четырехъ ротъ гвардейскихъ стрѣлковъ, онъ оставилъ двѣ въ люнетѣ Яремъ-Ай; затѣмъ присоединивъ къ остальнымъ двумъ, еще двѣ свѣжія роты изъ 3-го арабистанскаго баталіона съ двумя орудіями взятыми изъ Юксекъ-Табіэ, онъ направился бѣгомъ къ оконечности праваго крыла ретраншамента. Упорнѣйшіе изъ отстаивавшихъ сіе. мѣсто побиты во рву. Очистивъ такимъ образомъ всю окрестъ лежащую мѣстность, Кмети немедленно открылъ сообщеніе съ Тахмасъ-Табіэ, имѣя въ правой сторонѣ Керимъ-Пашу и Гуссейнъ-Пашу, а въ лѣвой, полковника Захарія-Бей ******).

«Не менѣе того» говоритъ онъ, «непріятель, отступившій къ палаткамъ, держался въ нихъ съ необыкновенною стойкостью; выбѣгавшіе изъ нихъ люди, выстрѣливъ, опять уходили, скрываясь за полотняными завѣсами для заряжанія ружей». При этомъ

*) Тотъ самый, который лѣтомъ привелъ два баталіона изъ Баязида черезъ с. Бардусъ въ Карсъ. Убитъ.

**) Тѣ самые, о коихъ упоминаютъ Вилліамсъ и Лекъ.

***) Большаго числа конницы въ эту минуту не могло уже быть на горѣ, а можетъ быть проскакивали кое-какіе конные охотники изъ туземцевъ. Трехцвѣтнаго знамени у насъ никогда не бывало.

****) Подъ симъ названіемъ разумѣетъ онъ казаковъ или туземныхъ всадниковъ.

*****) Разумѣется лицемъ къ шорахской башнѣ.

******) Съ перемѣною фронта, лицемъ уже къ артиллеріи или главной позиціи второй колонны Майделя; ибо въ началѣ дѣла, когда Кмети занималъ Ренисонскія линіи, онъ стоялъ лицемъ къ шорахской долинѣ.

случаѣ, Кмети высоко оцѣняетъ храбрость нашей пѣхоты; но отзывается, что послѣ первой атаки Тахмасъ-Табіэ, не было болѣе никакой системы, ни-распоряженія въ дѣйствіяхъ ея.

Овладѣніе турками оконечности праваго ретраншамента, доставило имъ по словамъ Кмети, ту выгоду, что мертвые углы Тахмасъ-Табіэ, остались свободными. Засѣвъ во рву ретраншамента, турецкіе стрѣлки выкопали себѣ въ наружной части бруствера, небольшія ниши, замѣнившія банкетъ и начали выбивать русскихъ изъ лагеря. Кмети подвезъ еще свои два орудія къ оконечности ретраншамента и сталъ стрѣлять картечью, послѣ чего, хотя число русскихъ въ палаткахъ значительно уменьшилось и уже не многіе изъ нихъ выбѣгали впередъ, но оставшіеся держались еще упорно.

Въ Тахмасъ-Табіэ, уже три штабъ-офицера лежали смертельно ранеными. Начальникъ артиллеріи былъ убитъ и на ногахъ оставалось только двѣ трети гарнизона. Духъ въ нихъ поддерживался еще Керимъ-Пашею, который самъ былъ раненъ и подъ нимъ двѣ лошади убиты; Гуссейнъ-Паша лично водилъ вылазки на свой лѣвый флангъ. Анатолійскіе два баталіона, которые съ осторожностію подавались впередъ изъ за стѣнокъ полевыхъ кухонь, были поставлены позади ретраншамента *).

Далѣе, Кмети упоминаетъ о сосредоточенномъ дѣйствіи орудій изъ фортовъ Вели-Паша, Чинъ-Табіэ и изъ Текта-Табіэ, (что за рѣкою), прибавляя, что отъ огня сего, въ совокупности съ огнемъ изъ Тахмасъ-Табіэ, русскіе понесли большой уронъ. О дѣйствіяхъ подполковника Кауфмана, онъ мало говоритъ и не упоминаетъ о встрѣчѣ его съ пѣхотою, а пишетъ только, что Кауфмана провожали пушечными выстрѣлами со всѣхъ укрѣпленій, и что ему подана была помощь артиллеріею отступавшаго отряда Базина; вообще онъ не распространяется о семъ случаѣ, коего подробности, какъ видно, были ему мало извѣстны.

Кмети о нашемъ отступленіи.

По словамъ Кмети, было около половины десятаго часа, когда онъ началъ замѣчать, что огонь русскихъ сталъ слабѣть и что небольшіе отряды ихъ, отдѣлившіеся во время дѣла одинъ отъ другаго, начали отступать къ возвышенію Лазъ-Тепе. Съ

* Разумѣется во рву съ наружной стороны бруствера.

лѣваго фланга пустился преслѣдовать русскихъ, баталіонъ 2-го анатолійскаго полка, приведенный изъ форта Вели-Паши, вышеназваннымъ адъютантомъ Кмети, венгерскимъ выходцемъ Тюкери, который при семъ случаѣ былъ раненъ. Въ то же время Гуссейнъ-Паша, съ оставшимися у него людьми, сдѣлалъ вылазку изъ редута Тахмасъ и бросился къ ложементамъ; вправо отъ него атаковалъ Тисдель, который съ небольшимъ отрядомъ вышелъ изъ редута Юксекъ-Табіэ, находившимся до сихъ поръ, какъ бы запертымъ отъ безпрерывнаго дѣйствія русской артиллеріи *). Кмети направилъ еще по отступавшимъ огонь четырехъ орудій, которыя онъ поставилъ влѣво отъ укрѣпленія Яремъ-Ай. Онъ упоминаетъ также о нашихъ орудіяхъ, поставленныхъ будто подъ прикрытіемъ колонны кавалеріи на высотахъ насупротивъ люнета Яремъ-Ай, присовокупляя, что хотя нѣсколько выстрѣловъ изъ нихъ и попало въ Люнетъ-Яремъ-Ай, но что артиллерія сія не долго стояла на этомъ мѣстѣ **).

По разсказу Кмети, въ это время внезапно выскочило на поле сраженія нѣсколько конныхъ баши-бозуковъ, съ вождемъ ихъ Гаджи-Темуръ-Ага, дабы преслѣдовать отступавшихъ; но они не могли исполнить сего въ виду большаго количества русской конницы, и потому все преслѣдованіе остановилось въ недальнемъ разстояніи отъ укрѣпленій ***).

*) Навѣсные выстрѣлы батареи Брискорна въ то время были уже очень рѣдки и не могли наносить большаго вреда.

**) Неопредѣлительно. Нельзя полагать чтобы Кмети подъ сею артиллеріею разумѣлъ 2-й дивизіонъ батарейной батареи кн. Кропоткина 18-й артиллерійской бригады, поставленный на покатости горнаго контръ-форса, для прикрытія нашего отступленія, ибо навѣсные выстрѣлы сихъ орудій едва ли могли попадать въ укрѣпленіе Яремъ-Ай; при томъ же кавалеріи съ ними въ прикрытіи не было; небольшая часть оной стояла тогда на шорахской равнинѣ у подошвы горы Столъ. Стоявшею насупротивъ люнета Яремъ-Ай артиллеріею, какъ выражается Кмети, можно бы только считать батарею находившуюся у кн. Дондукова подъ прикрытіемъ Нижегородскаго драгунскаго полка; но батарея сія подъ исходъ дѣла не стрѣляла, и потому указаніе Кмети въ семъ случаѣ остается не вполнѣ разъясненнымъ.

***) Кмети нигдѣ не упоминаетъ о страшномъ пораженіи будто нанесенномъ намъ при семъ случаѣ вылазкою изъ Юксекъ.-Табіэ Тисделя,

По запискамъ Кмети, русскіе совершенно оставили поле сраженія между 10-ю и 11-ю часами до полудня *). Нѣсколько баталіоновъ мѣстной милиціи подоспѣли къ Тахмасу тогда уже, когда русскіе отступили, почему онъ и не признаетъ, чтобы они участвовали въ дѣлѣ **). Палатки стоявшія позади редута Тахмасъ, были разстрѣлены въ лахмотья и въ каждой изъ нихъ лежало по два, по три, по пяти, даже по десяти убитыхъ русскихъ ***).

Кмети о дѣлѣ на Чакмахѣ. Описаніе атаки ген. Базина на чакмахскій лагерь у Кмети не полно, и потому не поясняетъ никакихъ новыхъ обстоятельствъ. Занявшись обороною шорахской позиціи, онъ не могъ, какъ самъ пишетъ, присутствовать въ дѣлѣ на Англійскихъ линіяхъ и собралъ изложенныя о томъ свѣдѣнія, какъ изъ донесеній получаемыхъ имъ во время дѣла, такъ и изъ разспросовъ сдѣланныхъ имъ послѣ, на самомъ мѣстѣ. Каса-

---

какъ о томъ пишутъ англичане. Ни рукопашной свалки, ни пораженія сего не было, а только покололи нѣсколько отставшихъ раненыхъ солдатъ.

*) Бой прекратился нѣсколько позже.

**) Что жители Карса участвовали въ дѣлѣ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія.

***) Крайне преувеличено. Принимая въ разсчетъ среднее число убитыхъ, которыхъ Кмети показываетъ найденными въ каждой палаткѣ придется на одну изъ нихъ круглымъ счетомъ по пяти человѣкъ. Всѣхъ же палатокъ за редутомъ Тахмасъ, по показанію самаго Кмети, находилось 350; по этому во всѣхъ палаткахъ должно было лежать 1,750 челов. нашихъ убитыхъ. Между тѣмъ по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, на всѣхъ пунктахъ приступа было убито у насъ только 2,278 человѣкъ. Если къ вышеприведенному свѣдѣнію Кмети о найденныхъ имъ убитыхъ въ палаткахъ присоединить 850 челов., показанныхъ имъ убитыми при атакѣ Ренисонскихъ линій, 160 при люнетѣ Яремъ-Ай, 363 челов., показанные англичанами убитыми при атакѣ чакмахскаго лагеря, то сумма нашихъ убитыхъ, доходящая по сему счету до 3,123 челов., превзошла бы дѣйствительную убыль нашу, уже 845 человѣками; но въ этотъ преувеличенный счетъ—3,123, не помѣщены еще убитые передъ Тахмасъ-Табіэ при повторенныхъ атакахъ сего редута, не съ той стороны гдѣ были палатки, а вдоль ретраншамента лѣваго крыла, гдѣ у насъ всего болѣе было урона; сверхъ того были еще утрачены люди, при атакѣ редута Юксекъ полковникомъ Серебряковымъ и при движеніи Рязанскаго баталіона съ подполковникомъ Кауфманомъ. По симъ соображеніямъ оказывается, что хотя уронъ нашъ въ турецкомъ лагерѣ и былъ значителенъ, но онъ далеко не достигалъ цифры, которую показалъ Кмети, говоря, что въ каждой палаткѣ лежало по два, по три, по пяти и даже по десяти убитыхъ русскихъ.

ясь въ запискахъ своихъ сего поля сраженія, онъ вовсе не говоритъ утвердительно, и при началѣ выражается слѣдующими словоми: «полагаю, что событія тамъ совершившіяся, были слѣдующія» и проч. По симъ причинамъ свѣдѣнія сіи, отчасти ошибочныя, здѣсь не помѣщаются.

Кмети пишетъ, что въ сей день турки на всѣхъ мѣстахъ гдѣ происходило дѣло, лишились убитыми и ранеными 1,084 человѣкъ, изъ числа коихъ при защитѣ Тахмаса, убито только 370, а ранено 420 человѣкъ. Русскихъ, по словамъ его, похоронено на Тахмасѣ, впереди линій, которыя они атаковали, болѣе 6 т. тѣлъ; всего же похоронено ихъ 6,500, въ числѣ коихъ, говоритъ онъ, не заключаются убитые и раненые, которыхъ вынесли съ отступавшими колоннами. Кмети объ уронѣ.

По крайне-преувеличенной здѣсь цифрѣ о понесенномъ нами уронѣ, видно, что Кмети въ семъ случаѣ руководствовался свѣдѣніями, которыя были получены англичанами черезъ турокъ убиравшихъ тѣла убитыхъ. Свѣдѣнія сіи не могли быть основательны, ибо при уборкѣ производившейся съ поспѣшностію, нельзя было ожидать вѣрнаго контроля, что доказывается самымъ результатомъ. Если даже предположить, что турки смѣшали своихъ убитыхъ съ нашими, то и въ такомъ случаѣ, число похороненныхъ почти втрое превышаетъ число тѣлъ оставшихся на полѣ сраженія.

По разсказу Кмети, первая помощь подана редуту Тахмасъ, полковникомъ Яникъ Мустафа-Бей, пришедшимъ съ четырьмя сильными ротами изъ форта Вели-Паша, о чемъ не упоминаютъ англичане, вѣроятно не знавшіе сіе. Но Кмети пишетъ, что штабъ-офицеръ этотъ прибылъ тогда, какъ форту сему не угрожала еще никакая опасность. Это объяснить трудно, потому что ген. Базинъ выступилъ со сборнаго мѣста своего почти вслѣдъ послѣ того какъ раздался первый выстрѣлъ съ Шорахскихъ высотъ; вскорѣ за тѣмъ, онъ атаковалъ Англійскія линіи и еще до достиженія оныхъ, былъ открытъ съ форта, какъ то можно заключать по пущенному черезъ колонну его еще до разсвѣта ядру. Нельзя полагать, чтобы начальникъ форта Вели-Паша, рѣшился ослабить себя въ то время, какъ Разборъ свѣдѣній переданныхъ венгромъ Кмети.

онъ уже замѣчалъ движеніе Базина, если же допустить, что эти четыре роты успѣли выступить изъ форта и прибыть къ полевымъ кухнямъ шорахскаго лагеря въ промежутокъ времени, заключавшійся между атаками на шорахскую позицію и на Англійскія линіи, то быстрота, съ которою поднялся и подвинулся полковникъ Яникъ-Мустафа-Бей съ четырьмя ротами, становится не-объяснимою. Несомнѣнно однако же, что часть сія приняла участіе въ боѣ почти при самомъ его началѣ, почему скорѣе можно думать, что отрядъ этотъ, входившій въ составъ гарнизона форта Вели-Паши, былъ по какому нибудь случаю выдвинутъ изъ фронта въ ночи съ 16-го на 17-е число и до разсвѣта уже находился близь кухонь шорахскаго лагеря, откуда часть людей по одиночкѣ, или малыми партіями, достигала редута, а другая, запоздавшая въ завалахъ, не могла сначала пробраться, была настигнута и побита Рязанскимъ баталіономъ. Что же касается до разнорѣчія Кмети съ показаніемъ Кауфмана о фигурѣ оградъ между коими происходилъ бой, то оно объясняется тѣмъ, что кромѣ двухъ, именно четыреугольныхъ, небольшихъ редутовъ тамъ находившихся, были и другія каменныя стѣнки, за которыми также могли укрываться турки. Впрочемъ, судя по времени, Рязанскій баталіонъ не могъ имѣть дѣла съ полковникомъ Яникъ-Мустафа-Бей, если какъ пишетъ Кмети, онъ прежде всѣхъ прибылъ на помощь въ редутъ, а вѣроятно Кауфманъ настигъ только отсталыхъ людей его отряда съ присоединившимися къ нимъ другими командами разныхъ частей турецкой пѣхоты, спѣшившей къ редуту Тахмасъ. Свѣжій русскій баталіонъ, показавшійся у Яникъ-Мустафы-Бея въ тылу, какъ о томъ упоминаетъ Кмети, можетъ быть и былъ Рязанскій. Полагать должно, что въ разсказѣ турокъ, коимъ руководствовался въ семъ случаѣ Кмети, не бывшій на семъ мѣстѣ очевидцемъ, есть замѣшательство, и что разсказъ ихъ распространяется на все время дѣла, въ коемъ четыре роты полковника Яникъ-Мустафа-Бей, дрались частями отъ начала до конца штурма.

Кмети относитъ ко времени появленія сихъ четырехъ ротъ, прибытіе въ редутъ Тахмасъ-Керимъ-Паши, который, по словамъ

его, пробился съ нѣсколькими людьми. Войска, которыя велъ Керимъ - Паша, пришли съ нижняго лагеря гораздо позже, почему показаніе Кмети въ семъ случаѣ можно объяснить только тѣмъ, что извѣстный отважностію своею Керимъ-Паша, поспѣшая къ атакованному редуту, оставилъ ведомыя имъ войска, и прорвался только съ нѣсколькими всадниками, какъ то было въ послѣдствіи слышно и у насъ отъ перебѣжчиковъ.

Подобныя неполноты въ разсказѣ столь быстраго и сложнаго событія, бываютъ неизбѣжны. Трудно кажется допустить, чтобы отправленіе войскъ изъ резервовъ нижняго лагеря и форта Вели-Паша, совершалось съ отчетливостію, показанною въ англійскихъ извѣстіяхъ; скорѣе можно думать, что войска, не ожидавшія въ сію ночь штурма, выходили или отправлялись по тревогѣ къ мѣсту боя разновременно, съ разныхъ пунктовъ, разными начальниками или произвольно, безъ положительныхъ наставленій. Такое предположеніе отчасти согласуется и съ словами Кмети, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что подкрѣпленія къ нему подходили какъ бы капля по каплѣ, а въ другомъ, что анатолійскіе баталіоны были высылаемы къ нему отъ резерва изъ города разновременно. По соображеніи всѣхъ имѣющихся данныхъ объ атакѣ и оборонѣ редута Тахмасъ-Табіэ, вообще видно, что наши, сначала охватили весь плато Тахмасъ, что лѣвый флангъ нашъ упирался ко внутреннему фасу лѣваго ретраншамента, что масса людей разныхъ полковъ, занимала турецкій лагерь и что передовыя части сей массы, овладѣли даже оконечностію праваго ретраншамента; что позади сей полуциркумвалаціонной линіи, толпилась непріятельская пѣхота, выбитая изъ лагеря и отрѣзанная отъ редута Тахмасъ-Табіэ, въ который она старалась пробраться, что толпы сіи поминутно усиливались приходящими съ разныхъ мѣстъ войсками, которыя, стараясь пробиться въ редутъ, показывались, то на правомъ флангѣ нашей артиллеріи, то въ тылу лагеря, то около полевыхъ кухонь, такъ что на сихъ трехъ пунктахъ бой не умолкалъ, и что войска пришедшія на избавленіе редута, могли проникнуть въ него только тогда, когда Кмети выбилъ нашихъ изъ праваго крыла ретраншамента и

Взглядъ на общій ходъ дѣла при Тахмасѣ.

изъ лагеря, къ которому времени и Кауфманъ, зашедшій далѣе другихъ съ Рязанскимъ баталіономъ, былъ отрѣзанъ отъ нашихъ главныхъ силъ.

Повѣривъ по имѣющимся свѣдѣніямъ количество турецкой пѣхоты, собравшейся подъ конецъ дѣла собственно около редута Тахмасъ, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ оказывается, что ея къ тому времени тамъ находилось.

Арабистанской дивизіи	4 бат.
Той же дивизіи стрѣлковой.	1 »
Пришедшій со стороны форта Вели Паша съ полковникомъ Яникъ-Мустафа-Бей.	1 »
Пришедшій оттуда же позже, съ адъютантомъ Кмети венгерскимъ выходцемъ Тюкёри, 2-го анатолійскаго полка	1 »
Высланные Вилліамсомъ изъ резерва нижняго лагеря съ полковникомъ Захарія-Бей, 5-го анатолійскаго полка	2 »
Приведенный Венгерскимъ выходцемъ Кмети изъ Ренисонскихъ линій	1 »
(Въ томъ числѣ двѣ роты гвардейскихъ стрѣлковъ)	
Выведенные изъ Юксекъ-Табіэ Тисделемъ гвардейскихъ стрѣлковъ.	$^1/_2$ »
Итого	$10^1/_2$ бат.

Кромѣ того разновременно присоединялись, къ сражавшимся около Тахмасъ-Табіэ, части войскъ приходившія изъ форта Чинъ-Табіэ, лазы и наконецъ до 300 вооруженныхъ жителей Карса, и на послѣдокъ нѣсколько сотъ конныхъ баши-бозуковъ.

Суждения. Участь Карса въ день 17-го Сентября зависѣла отъ оборота дѣла на Шорахскихъ высотахъ, преимущественно при редутѣ Тахмасъ-Табіэ. Успѣхъ должно отнести къ довѣрію, которое ген. Вилліамсъ и соотечественники его пріобрѣли между турками, къ извѣстной стойкости турецкихъ войскъ за валами, а всего болѣе къ бдительности и дѣятельности Кмети.

За симъ, прежде чѣмъ приступить къ описанію событій, послѣдовавшихъ подъ Карсомъ послѣ приступа, остается еще, изложить здѣсь офиціальныя свѣдѣнія и частныя сказанія турокъ о дѣлѣ 17-го Сентября, въ томъ видѣ, какъ они ихъ передали и въ тѣхъ понятіяхъ, какъ они себѣ дѣло это представляли.

Турецкія офиціальныя свѣдѣнія о штурмѣ.

Фуадъ-Паша, въ офиціальной депешѣ своей къ Стратфорду, основанной на донесеніи турецкаго главнокомандующаго Васифъ-Паши, показываетъ съ обѣихъ сторонъ нѣсколько менѣе урона противъ свѣдѣній переданныхъ англичанами, но прибавилъ одну пушку, будто бы оставленную нами въ траншеяхъ. Султанъ изъявилъ удовольствіе свое фирманомъ къ карской арміи и двумя на имя Васифъ-Паши граматами, изъ коихъ одна относилась къ обитателямъ Карса *). Изъ переписки Стратфордъ-де-Редклифа съ Кларендономъ видно, что султанъ намѣревался кромѣ того наградить ихъ, освобожденіемъ Карса отъ платежа податей и набора людей въ армію, считая со дня штурма на все время войны, и сверхъ того еще на три года послѣ заключенія мира.

Торжество турокъ.

Восторгъ произведенный отбитіемъ штурма былъ чрезвычайный между войсками защищавшими Карсъ. Какъ только дѣло прекратилось, стрѣлки султанской гвардіи и лазы торжествовали успѣхъ ими пріобрѣтенный, плясками подъ музыку впереди Тахмасъ-Табіэ, на полѣ сраженія среди раненыхъ и убитыхъ. Въ Карсѣ, набожнѣйшіе изъ мусульманъ провозглашали, что видѣли священную дружину состоявшую изъ 10,000 человѣкъ, въ облаченіи зеленаго цвѣта (присвоеннаго Магомету), которая поборствовала за ихъ войско и что небесные воины сіи исчезли съ отступленіемъ русскихъ.

Народныя турецкія извѣстія.

Съ бо́льшимъ еще просторомъ чѣмъ всѣ иностранцы, выражаются въ опредѣленіи понесеннаго нами урона, турецкіе офицеры и солдаты карскаго гарнизона, какъ и жители самаго города, въ отправленныхъ ими къ роднымъ и знакомымъ своимъ письмахъ, коихъ множество было перехвачено послѣ штурма

---

*) Переводы сихъ актовъ значутся въ приложеніяхъ подъ буквою S.

нашими разъѣздами. Въ иныхъ, потеря наша доведена до 20,000 человѣкъ. Такъ какъ посланія сіи, по безотчетливости и мутности изложенія, ничего не объясняютъ, то онѣ здѣсь не помѣщаются. Не менѣе того, странный оборотъ турецкаго разсказа, можетъ быть любопытенъ для читателя, почему нѣкоторыя изъ сихъ писемъ помѣщены переводомъ въ концѣ книги *).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОТЪ 17-го СЕНТЯБРЯ ДО КОНЦА КАМПАНІИ.

I.

СОСТОЯНІЕ ОБѢИХЪ ВОЮЮЩИХЪ СТОРОНЪ.

Надежды неприятеля.

Заглянемъ въ Карсъ. Англичане съ нетерпѣніемъ ожидали нашего отступленія. Изъ книги доктора Сандвита видно, что они послѣ штурма ежедневно собирались на разсвѣтѣ съ зрительными трубами на какое нибудь возвышеніе, дабы высматривать, что у насъ дѣлается, и видя движеніе транспортовъ съ ранеными, они принимали ихъ за передовые отряды отступающихъ войскъ. Капитанъ Томсонъ въ письмѣ отъ 21 Сентября / 3 Октября изъявляетъ надежду, что мы на другой или слѣдующій день, тронемся въ обратный путь. Полковникъ Лекъ, предполагавшій что мы, оставя Карсъ, обратимся противъ Омеръ - Паши, въ письмѣ своемъ отъ 20 Сентября / 2 Октября предвидитъ, какъ генералу Муравьеву будетъ трудно встрѣтить свѣжую и одушевленную армію Омеръ-Паши, съ войскомъ значительно уменьшившимся и въ коемъ упалъ духъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изъявляетъ свое сожалѣніе видѣть разрушенное положеніе, въ которое пришла блистательная дотолѣ армія наша. По словамъ его, Омеръ - Паша долженъ былъ безпрепятственно вступить въ Тифлисъ и завоевать Грузію. Леку казалось, что мы ежедневно обратно отправляли тысячами подводы съ запасами и тяжестями; но онъ находилъ, что мы небыли въ состояніи отсту-

*) Смотри приложеніе подъ буквою Т.

пить, если бы и желали того, потому что не могли бросить раненыхъ. Онъ полагалъ однакоже, что мы черезъ нѣсколько дней уйдемъ; послѣ чего Вилліамсъ долженъ былъ ѣхать въ Эрзрумъ, назначивъ его начальникомъ гарнизона въ Карсѣ, съ обѣщаніемъ не оставлять его тамъ въ теченіи всей зимы, а прислать ему кого либо на смѣну. Вилліамсъ по словамъ Лека, оставался очень доволенъ исходомъ кампаніи «General Williams is very much pleased with the result of the compaign.»

Убѣжденіе Карскаго начальства и гарнизона, что съ отбитіемъ штурма они пріобрѣли свободу, было такъ сильно, что турецкій главнокомандующій Муширъ—Васифъ—Паша писалъ въ Эрзрумъ, чтобы въ тамошнемъ его домѣ, позаботились припасти разныя хозяйственныя заготовленія для стола. Это явствуетъ изъ отзыва на письмо его, писаннаго 29-го Мугарема, соотвѣтствовавшаго въ 1855-мъ году 29-му Сентября с. с. Отвѣтъ сей попался къ намъ съ цѣлою почтою занимательныхъ бумагъ, захваченныхъ уже вблизи Карса. Повѣренный мушира увѣдомляетъ, что все заказанное для его дома приготовляется, и что по окончаніи сего порученія, онъ не преминетъ доложить о томъ Васифъ—Пашѣ; но судьба, какъ послѣдствіе показало, не привела его вкусить лакомыхъ запасовъ имъ заказанныхъ въ Эрзрумѣ, и ему довелось пользоваться въ теченіи зимы гостепріимствомъ нашимъ въ Тифлисѣ.

Кмети, какъ изъ записокъ его видно, не пускался въ предъугадываніе будущаго. Положительный взглядъ его, обратился къ обсужденію предстоявшихъ послѣ штурма дѣйствій. Онъ между прочимъ находилъ, что карское начальство не воспользовалось пріобрѣтеннымъ 17-го Сентября успѣхомъ, потому что оно на другой день штурма, не атаковало отрядъ нашъ при с. Айнали. Такъ онъ называетъ отрядъ Базина, по селенію сего имени, находившемуся вблизи с. Меликъ—Кёвъ, недалеко отъ коего стоялъ Базинъ. Турки, по словамъ Кмети, имѣли на другой день штурма дѣйствительно до 18,000 войскъ подъ ружьемъ, изъ коихъ значительная часть не была въ дѣ- **Мнѣніе Кмети.**

лѣ. По мнѣнію его, недостатокъ въ артиллерійскихъ лошадяхъ, не могъ служить туркамъ достаточнымъ оправданіемъ въ томъ, что они сего не предприняли; ибо ночью, на пересѣченной мѣстности около Айналинскаго лагеря, при имѣвшихся у нихъ трехъ баталіонахъ стрѣлковъ, не предстояло особенной надобности въ артиллеріи. Кмети пишетъ, что по большому отдаленію, въ коемъ Базинъ находился отъ главныхъ силъ нашихъ, отдѣльный отрядъ его не могъ бы получить помощи ранѣе четырехъ часовъ времени. Такое сужденіе Кмети, выраженное можетъ быть спустя уже нѣкоторое время послѣ штурма, показывается дѣльнымъ и основательнымъ; но тутъ кажется не приняты въ достаточное соображеніе обстоятельства, которыя вскорѣ послѣ штурма могли препятствовать сему предпріятію, какъ то: разстройство турецкихъ войскъ послѣ боя, всеобщее разслабленіе людей, которые, хотя и были способны защищаться за валами, но отнюдь не могли быть употреблены для наступательныхъ дѣйствій въ полѣ, уборка раненыхъ и убитыхъ и тому подобное. Впрочемъ, къ совершенію такого предпріятія, предстояло болѣе возможности спустя нѣсколько дней послѣ штурма. Во всякомъ случаѣ, бездѣйствіе турокъ доказываетъ, что въ сущности, не велики были выгоды пріобрѣтенныя ими отраженіемъ приступа и что по этому, не основательны были, какъ и оказалось, надежды ихъ освободиться отъ тѣхъ, которыхъ они не дерзали атаковать.

Положеніе Карса. Холера.

И въ самомъ дѣлѣ, временное торжество непріятеля не устранило тяготѣвшаго надъ нимъ, и ежедневно усиливавшагося бѣдствія—голода,—бѣдствія, для устраненія котораго, непріятель не рѣшался прибѣгнуть къ наступательнымъ дѣйствіямъ на одну изъ слабыхъ сторонъ блокадной линіи. Вскорѣ проявились снова, и съ бо́льшею силою, прежніе признаки разрушенія, уже зародившагося въ Карсѣ отъ строгой блокады, въ коей содержался городъ и заключившаяся въ немъ армія. Холера, показывавшаяся въ Карсѣ до приступа, въ сильной степени развилась въ турецкой арміи и въ городѣ по окончаніи дѣла; по крайней мѣрѣ, такъ замѣтили обстоятельство это въ народѣ и въ войскѣ, которое отнесло сіе бѣдствіе къ близкому

съ нами столкновенію, что послужило къ вящшему противъ насъ озлобленію. Сандвитъ пишетъ, что въ ночь на 25 Сентября / 6 Октября, умерло отъ одной холеры, не считая другихъ смертныхъ случаевъ, въ продолженіе двѣнадцати часовъ времени, до 40 человѣкъ.

Мѣры предпринимавшіяся ген. Муравьевымъ, для возобновленія силъ и возстановленія порядка.

Но пока начальники непріятельской арміи, упоенные временнымъ успѣхомъ, въ нерѣшимости своей колебались между надеждами и опасеніями—Карсу и всему гарнизону крѣпости, съ дѣятельностью готовилась у насъ, та горькая участь, которой они подверглись черезъ два мѣсяца послѣ штурма. На другой уже день послѣ сего событія, главнокомандующій писалъ кн. Бебутову съ нарочнымъ, что если, по случаю выпавшаго въ Кавказскихъ горахъ снѣга, войска, находившіяся на Лезгинской линіи и около Тифлиса были уже свободны, то за отдѣленіемъ изъ нихъ того числа, которое бы онъ нашелъ нужнымъ направить къ сторонѣ Имеретіи, прочія прислалъ бы въ Александрополь.

Крайне былъ ощутителенъ недостатокъ въ начальникахъ почти во всѣхъ частяхъ войскъ. Ковалевскій былъ незамѣнимъ въ дѣйствующемъ корпусѣ. Управленіе по званію его начальника 13-й пѣхотной дивизіи, принялъ бригадный командиръ ген. маіоръ Будбергъ, находившійся въ Ахалцыхѣ, куда отправлены были и дивизіонныя дѣла съ остатками его штаба. На мѣсто кн. Гагарина принялъ начальство надъ 18-ю дивизіею, тоже бригадный командиръ ген.-маіоръ Трегубовъ. Майделя замѣнилъ старшій изъ полковниковъ его бригады. Вмѣсто Бронескаго, для управленія военно-походною канцеляріею главнокомандующаго, былъ назначенъ полковникъ Константинъ Кауфманъ. Утрата командира Виленскаго полка полковника Шликевича была очень чувствительна; на мѣсто его былъ вызванъ изъ Баязидскаго отряда полковникъ Алтуховъ, который, за отдаленіемъ, не могъ скоро прибыть. Командиръ Мингрельскаго полка, впослѣдствіи выздоровѣвшій отъ полученныхъ имъ ранъ, лежалъ тогда на смертномъ одрѣ. Тѣ же самыя затрудненія встрѣчались въ замѣщеніи баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, коихъ много выбыло изъ строя. Для пополненія по возможности сихъ недостатковъ, было поручено кн. Бебуто-

ву выслать изъ Тифлиса и изъ штабъ-квартиръ кавказскихъ войскъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, остававшихся свободными отъ служебныхъ занятій. Для усиленія же числа рядовъ въ полкахъ Гренадерской бригады, приказано кн. Бебутову выслать также изъ штабъ-квартиръ ихъ, всѣхъ нижнихъ чиновъ, которые послѣ лѣтнихъ занятій по хозяйству, оказывались тамъ излишними.

Большія затрудненія представлялись отъ значительнаго числа раненыхъ, коихъ присутствіе въ лагерѣ, лишало насъ способности къ движенію. Уходъ за ними врачей и госпитальной прислуги былъ примѣрный, какъ и общее участіе всѣхъ къ страждущимъ сослуживцамъ. Тамъ ненужны побужденія и грозная повѣрка начальника, гдѣ дѣйствіями каждаго въ дружномъ войскѣ нашемъ, руководило теплое чувство состраданія къ товарищу и уваженіе къ обязанности. Но лекаря, изнемогая отъ трудовъ, по малочисленности своей не успѣвали въ должное время обойти всѣхъ перевязкою; почему вытребованы въ помощь къ нимъ, медики изъ другихъ частей Грузіи. Не менѣе того, при всѣхъ недостаткахъ неизбѣжныхъ въ позднее время года и въ краю сильно потерпѣвшемъ отъ военныхъ дѣйствій, въ госпиталяхъ нашихъ, помѣщавшихся подъ большими палаточными наметами, раненые получали всѣ возможныя пособія.

При посѣщеніи генераломъ Муравьевымъ полевыхъ госпиталей, онъ остался доволенъ ихъ устройствомъ; но всего болѣе поразило его, тотъ необыкновенный духъ, который оказывался между ранеными. Ни стона, ни вопля не было ни откуда слышно; на привѣтствія же главнокомандующаго въ каждой палатѣ, страдальцы отзывались бодро и съ жаромъ выражали надежды свои на скорое выздоровленіе, дабы снова идти на приступъ Карса и отомстить туркамъ, за падшихъ товарищей и случившуюся неудачу. При посѣщеніи полковъ въ ихъ лагеряхъ, выбѣгали изъ палатокъ, среди здоровыхъ, съ подвязанными руками легко раненые офицеры и нижніе чины, которые не хотѣли отстать отъ своихъ частей и поступить въ госпитали.— «Турку» говорили солдаты, «нельзя съ одного раза до-

бить». Духъ въ войскѣ былъ отлично хорошъ; но численость его значительно убавилась.

Отправленіе въ Александрополь перваго транспорта раненыхъ совершилось 21 или 22-го Сентября. Порядочныхъ этаповъ на дорогѣ еще не было учреждено, и потому надо было довольствоваться нѣсколькими большими палаточными наметами, которые разбили на двухъ назначенныхъ ночлегахъ. Погода была холодная, ночи темныя, и почти во все время движенія транспорта шелъ мелкій осенній дождь. Достаточнаго количества дровъ для варенія пищи и обогрѣванія заготовить было невозможно, перевозочныя же средства состояли изъ транспортныхъ арбъ, которыя двигались на быкахъ довольно медленно. За всѣмъ тѣмъ, не смотря на такія неблагопріятныя условія и матеріальные недостатки всякаго рода, перевозка раненыхъ, коихъ въ первомъ транспортѣ было около 800, совершилась благополучно. Дорогою было только нѣсколько смертныхъ случаевъ, которые могли быть неизбѣжны и на мѣстѣ. Заботы о нуждахъ раненыхъ во время пути, были поручены попеченіямъ гв. ротмистра Башмакова, который, движимый участіемъ, не щадилъ трудовъ для доставленія своимъ спутникамъ возможнаго спокойствія.

За первымъ транспортомъ раненыхъ слѣдовалъ другой, потомъ третій, и въ полевыхъ госпиталяхъ стало просторнѣе— въ лагерѣ свободнѣе. Возродилась прежняя дѣятельность, возстановилась движимость, и войска снова обратились къ фуражировкамъ, пріобрѣтая сѣно кошеніемъ перезрѣлой травы въ отдаленныхъ мѣстахъ, а солому покупкою въ разстояніи одного дня ѣзды отъ лагеря, у жителей оставшихся въ своихъ деревняхъ. Возобновленіе сего порядка не обошлось однако безъ затрудненій; ибо въ самый день возвращенія со штурма и на слѣдующій, были распущены по войскамъ слухи, что онѣ вслѣдъ за тѣмъ возвратятся въ свои штабъ-квартиры. И не безъ дурныхъ послѣдствій могло быть такое вредное направленіе умовъ, ибо въ убѣжденіи, что это было намѣреніе, главнокомандующаго, дано даже было помимо его разрѣшеніе всѣмъ желающимъ, безотчетно пользоваться сѣномъ и дровами

изъ большихъ запасовъ заготовленныхъ съ толикими трудами въ теченіе лѣта. Къ счастію, обстоятельство сіе открылось еще во́ время, такъ что ген. Муравьевъ успѣлъ остановить это неумѣстное распоряженіе и сохранить запасы, съ истребленіемъ коихъ, исчезли бы надежды къ покоренію Карса. Симъ дѣйствіемъ обнаружилась рѣшительная воля главнокомандующаго—остаться подъ Карсомъ до паденія онаго, и вскорѣ измѣнилось ложное направленіе данное войску, которое на все было готово, даже на возобновленіе приступа. Начальники по прежнему начали заботиться объ обезпеченіи своихъ частей, и въ лагерѣ стали показываться при полкахъ и батареяхъ отдѣльные запасы сѣна, дровъ и соломы, которые ежедневно увеличивались.

Наконецъ прекратились, раздававшіеся въ разныхъ концахъ лагеря похоронные ружейные залпы, коими отдавали послѣднюю честь при погребеніи умиравшихъ отъ ранъ офицеровъ. Исчезли передъ палатками раненыхъ начальниковъ и офицеровъ, заготовленныя послѣ приступа большія носилки для переноски ихъ въ Александрополь. Въ полкахъ уровнены были роты по новому расчету людей, а въ 18-й пѣхотной дивизіи начались инспекторскіе смотры. Утихала скорбь произведенная утратою многихъ, и кое гдѣ въ лагерѣ прослышивались даже по вечерамъ пѣсельники.

Но при такомъ обновленіи душевныхъ силъ—числительныя значительно уменьшились. Взамѣнъ недостаточнаго количества госпитальныхъ служителей, понадобилось отправить при раненыхъ большое число людей взятыхъ изъ строя. Тяжелыя носилки, наскоро заготовленныя, увлекали также много прислуги; для поднятія только одной изъ нихъ, требовалось 8-мь человѣкъ; на перемѣну имъ нужно было другихъ 8, которые въ очередь своего отдыха, должны были нести кромѣ своихъ ружей и амуниціи, ружья и амуницію своихъ 8-ми рабочихъ товарищей; такъ что для переноски на 70-ти верстномъ разстояніи до Александрополя одного раненаго офицера, котораго нельзя было везти на арбѣ, нужно было не менѣе 16-ти человѣкъ. При такомъ большомъ количествѣ отдѣль-

ныхъ малыхъ командъ, нельзя было избѣжать нѣкотораго безпорядка по прибытіи ихъ въ Александрополь, гдѣ многіе изъ нихъ, неполучая своевременнаго распоряженія отъ мѣстнаго начальства, оставались, и не возвращались къ своимъ полкамъ. Обстоятельство сіе крайне было увеличило, какъ въ такихъ случаяхъ бываетъ, убыль оказавшуюся отъ урона понесеннаго въ день сраженія — и до такой даже степени, что одно время оставалось во всемъ лагерѣ пѣхоты, дѣйствительно могущей выйти въ строй, только 11,000 рядовыхъ. Для скорѣйшаго возстановленія численности людей въ полкахъ, средствами на мѣстѣ представлявшимися, были посланы дѣятельные штабъ-офицеры въ Александрополь, гдѣ они, осмотрѣвъ госпитали и столпившіяся въ городѣ команды, отправляли ихъ въ лагерь; вскорѣ за тѣмъ, полки стали еще усиливаться выздоравливающими отъ полученныхъ легкихъ ранъ. Оставалось ожидать прибытія требованныхъ изъ Грузіи новыхъ войскъ и усиливать сколько возможно блокаду посредствомъ кавалеріи нашей, которая была въ хорошемъ состояніи.

Обоюдное положеніе воюющихъ сторонъ.

Появленіе снѣговъ на окрестъ лежащихъ хребтахъ горъ, подавало надежду, что въ скоромъ времени минуетъ для непріятеля возможность двинуться изъ Эрзрума на помощь Карсу. Еще сильнѣйшія препятствія сего рода встрѣтились бы Омеръ-Пашѣ, еслибы онъ вздумалъ переходить къ Ахалцыху или къ Ардегану черезъ Аджарскія горы; конечно, обрисовывалось уже намѣреніе его двинуться долиною Ріона, но приближалось то пагубное для него время года, когда онъ могъ въ той мѣстности встрѣтить непроходимыя топи. Съ появленіемъ снѣговъ на Лезгинской линіи, исчезала въ Кахетіи опасность отъ вторженія Шамиля и отъ набѣговъ горцевъ, такъ что часть изъ находившихся тамъ войскъ могла прійти подъ Карсъ. Въ самомъ лагерѣ нашемъ, хотя холера еще не прекратилась, но со дня штурма припадки ея потеряли первую свою силу; проявленіе же эпидеміи въ Баязидскомъ отрядѣ было слабое. Напротивъ того, болѣзнь сія съ самаго дня штурма, стала развиваться съ необыкновенною силою въ турецкой арміи, гдѣ она, какъ выше видно, начинала уже свои опустошенія.

По мѣрѣ того какъ мы усиливались, гарнизонъ Карса ослабѣвалъ; по мѣрѣ того, какъ увеличивались продовольственные запасы наши, они изсякали въ Карсѣ. Въ обратномъ содержаніи возрастали также съ одной стороны надежды, и упадали съ другой отрадные виды избавленія. Еще нѣсколько времени промедленія Селимъ-Паши, ожидавшагося на освобожденіе Карса изъ Трапезунта черезъ Эрзрумъ, еще нѣсколько дней сборовъ и проволочекъ со стороны Омеръ-Паши, и Карсъ со своею Анатолійскою арміею, не дерзавшею испытать вылазки, дабы выбраться изъ своего заключенія—Карсъ, долженъ былъ пасть передъ нашимъ оружіемъ.

II.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ОКТЯБРЯ МѢСЯЦА ПОДЪ КАРСОМЪ—ВѢСТИ О ДВИЖЕНІЯХЪ НЕПРІЯТЕЛЯ ДЛЯ ИЗБАВЛЕНІЯ КАРСА СО СТОРОНЫ МИНГРЕЛІИ И ЭРЗРУМА.

Бѣглые и выходцы изъ Карса.

Въ первые три дня послѣ штурма, не было изъ Карса ни одного перебѣжчика; явился оттуда только Рязанскаго полка раненый солдатъ, состоявшій въ колоннѣ подполковника Кауфмана и попавшійся въ плѣнъ 17-го Сентября. Надобно думать, что турки были слишкомъ утомлены или слишкомъ упоены успѣхомъ, если плѣнный, еще съ порубленной рукою, могъ выйти изъ подъ стражи и пробраться къ намъ черезъ крѣпостные и лагерные ворота, помимо карауловъ.

21-го Сентября прискакалъ къ намъ изъ Карса, на красивомъ и быстромъ конѣ, одинъ капитанъ, занимавшій тамъ должность смотрителя въ госпиталяхъ. Онъ выдавалъ себя за маіора, сообщилъ довольно занимательныя свѣдѣнія о состояніи гарнизона и былъ отправленъ съ прочими плѣнными въ Тифлисъ. По покореніи уже Карса узнано, что капитанъ этотъ бѣжалъ изъ опасенія подвергнуться взысканію, за открывшіяся въ госпиталѣ злоупотребленія, и при побѣгѣ своемъ укралъ у одного изъ пашей верховую лошадь, на которой и прискакалъ къ намъ.

Вскорѣ послѣ того, начали опять показываться перебѣжчики изъ турецкихъ регулярныхъ войскъ; преимущественно же уходили изъ Карса лазы цѣлыми партіями со своими начальниками и значками; но эти независимые горцы не передавались намъ, а пробивались на дикую родину свою съ оружіемъ сквозь наши посты. Это было причиною нѣсколькихъ перестрѣлокъ съ казаками отряда Бакланова. Къ концу Сентября было приведено уже болѣе ста плѣнныхъ лазовъ, и въ числѣ ихъ одинъ тысячникъ, два сотника при нѣсколькихъ значкахъ. Были у нихъ и убитые; съ нашей же стороны при этихъ стычкахъ убитъ только одинъ казакъ, а другой раненъ. Лазы были всѣ оборванные и большею частью босые; приводили между ними и раненыхъ и больныхъ холерою. Со свирѣпымъ равнодушіемъ и съ грознымъ смиреніемъ переносили они бѣдствіе свое; при дѣлаемыхъ же имъ опросахъ, мало что объясняли. Тысячникъ былъ замѣчателенъ по исполинскому росту и богатырскому своему складу; благородная при томъ осанка его, пріятная наружность, свободный, но не хвастливый и не унизительный разговоръ, оправдывали въ немъ званіе предводителя надъ соплеменниками.

Въ Карсѣ не было спокойствія. Около 27-го Сентября былъ приведенъ къ главнокомандующему съ аванпостовъ, выѣхавшій изъ крѣпости армянскій архіерей. Отъ духовнаго лица сего, можно было ожидать вѣрныхъ свѣдѣній о происходившемъ въ городѣ; но архіерей на первыхъ порахъ началъ увѣрять, что въ Карсѣ имѣлось еще на три или четыре мѣсяца продовольствія, съ которымъ гарнизонъ при бережливости, могъ дотянуть даже до весны. Ложь была явная, и какъ выходецъ замѣтно былъ преданъ турецкому правительству, то ему не дозволено ѣхать въ Кагызманъ, гдѣ, говорилъ онъ, хотѣлъ жить на покоѣ, дабы избѣгнуть нуждъ предстоявшихъ ему въ Карсѣ. Пребывая въ Кагызманѣ, почти въ тылу нашемъ, онъ постоянно могъ служить карскому начальству, доставленіемъ вѣстей и даже вліяніемъ своимъ въ народѣ. По этому ему внушено, что при такомъ изобильномъ продовольствіи, какое по словамъ его имѣлось въ Карсѣ, онъ не могъ терпѣть тамъ

нужды, и что во всякомъ случаѣ, по сану его, гораздо приличнѣе было ему раздѣлять труды и нужды единовѣрцевъ своихъ оставшихся въ городѣ, чѣмъ отъ нихъ удаляться; послѣ чего его отправили вопреки желанія и просьбъ со всѣмъ находившимся при немъ причтомъ, обратно въ крѣпость *).

Знакомъ ненадежнаго состоянія Карса, служилъ еще выѣздъ оттуда повѣреннаго Персидскаго консула въ Эрзрумѣ. Онъ неожиданно явился 28-го Сентября на аванпосты съ многолюдною прислугою и представился главнокомандующему. Мѣсто свое оставилъ онъ потому, что предвидѣлъ неблагополучный исходъ дѣла въ коемъ и онъ могъ пострадать, не взирая на то, что мы были съ Персіею въ добрыхъ сношеніяхъ. Человѣкъ этотъ былъ врагъ русскихъ и, проживая въ Карсѣ, выбѣгалъ съ оружіемъ на всѣ тревоги. Въ числѣ спутниковъ сего агента находилось нѣсколько карскихъ обывателей, которые, зная о запрещеніи выпускать ихъ черезъ аванпосты, надѣялись выбраться изъ города подъ названіемъ слугъ его, и за эту услугу, персіянинъ взялъ съ добродушныхъ турокъ заблаговременно деньги и подарки. Но такъ какъ многочисленность свиты его возбуждала подозрѣніе, то нѣкоторыхъ опросили и обыскали, и по удостовѣреніи, что они были городскіе обыватели, ихъ обратили въ Карсъ. Когда же они принесли жалобу на персидскаго агента, то онъ былъ уже на пути въ Эривань, и потому просьба обиженныхъ осталась безъ удовлетворенія.

Составъ отдѣльнаго Ахалцыхскаго отряда.

Такъ какъ въ народѣ не прекращались слухи о намѣреніи Омеръ-Паши, при движеніи его съ главными силами въ Грузію, направить въ то же время особенный отрядъ къ сторонѣ Ахалцыха, то главнокомандующій передвинулъ, 21-го Сентября, ген. Базина съ пѣхотнымъ отрядомъ его, на прежнюю позицію въ Омарагу, откуда предоставилъ ему дѣйствовать независимо отъ главныхъ силъ нашихъ, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ будетъ получать о непріятелѣ со стороны Аджаріи. По этому, Базинъ могъ въ случаѣ надобности передвинуться сперва къ

*) Послѣ покоренія Карса, этотъ архіерей былъ смѣненъ по распоряженію патріарха Нерсеса, другимъ, викарнымъ, уроженцемъ Закавказскаго края, возвратившимся изъ турецкихъ владѣній, гдѣ онъ долго находился.

с. Гюля-Верды и смотря по обстоятельствамъ, перейти даже въ Ахалцыхъ, оставивъ въ такомъ случаѣ 3-й конно-мусульманскій полкъ въ Ардеганѣ, для сообщенія черезъ сіе мѣсто съ Баклановымъ, который оставался съ своимъ коннымъ отрядомъ въ прежнемъ лагерѣ при с. Меликъ-Кёвъ.

Всей пѣхоты въ распоряженіе Базина находилось въ Омарагѣ, въ Ахалцыхѣ, въ Ахалкалакахъ и въ Боржомѣ:

Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка.	4 бат.
Резервной дивизіи.	$4^3/_4$ —
Линейный.	1 —
Карталинской пѣшей милиціи.	1 друж.
Итого баталіоновъ и дружина	$10^3/_4$

при достаточномъ количествѣ артиллеріи и легкой кавалеріи. Ему же было предписано имѣть въ готовности одинъ баталіонъ Бѣлостокскаго полка съ вьючнымъ обозомъ, для отправленія онаго горами черезъ Багдадъ въ Кутаисъ, если бы надобность того потребовала.

Оставить Бакланова въ лагерѣ при с. Меликъ—Кёвъ, съ одною конницею безъ пѣхоты—казалось неосторожнымъ; но генералъ Муравьевъ имѣлъ въ виду, что Баклановъ стоялъ до штурма на томъ же мѣстѣ безъ Базина, что съ тѣхъ поръ изъ отряда его ничего не убавилось, между тѣмъ какъ турки сдѣлались слабѣе, и потому онъ рѣшился сосредоточить войска въ той сторонѣ, гдѣ въ нихъ могла представиться внезапная надобность. Такою мѣрою, Ахалцыхскій отрядъ получалъ самостоятельное значеніе и наблюдая за Ардеганскою равниною, онъ могъ предупредить внезапныя вторженія непріятеля изъ Аджаріи, и держаться до присылки къ нему подкрѣпленій. Съ другой стороны, войска сіи могли, хотя по труднымъ сообщеніямъ, служить подпорою и Гурійскому отряду Мухранскаго, если бы Омеръ—Паша вздумалъ наступать къ сторонѣ Тифлиса. Судя по предшествовавшимъ дѣйствіямъ турокъ, нельзя было ожидать, чтобы они рѣшились атаковать Бакланова, который занималъ выгодную позицію и у котораго было десять сильныхъ,

Сужденія о положеніи дѣлъ.

эскадроновъ драгунъ, при конной артиллеріи; при этомъ была положена на вѣсы и извѣстная бдительность Бакланова. Ему всегда предстояла возможность въ случаѣ нападенія, отступить къ Омарагѣ на соединеніе съ Базинымъ. Скорѣе можно было полагать, что непріятель вздумаетъ пробиваться изъ Карса по дорогѣ мимо озера Айгыръ—Гёлъ на Ольту, при чемъ Баклановъ могъ ожидать только фальшивой атаки для прикрытія своего движенія. Базину предстояло тогда выступить изъ Омараги съ пѣхотою и ударить на выступающихъ, во флангъ и въ тылъ. Турки могли также покуситься на оставленіе Карса, избравъ для отступленія своего дорогу черезъ с. Самоватъ. Въ такомъ случаѣ, непріятель легко сбилъ бы посты наши, конный отрядъ Дондукова сталъ бы его преслѣдовать, но главныя силы наши подоспѣли бы конечно не прежде того времени, какъ непріятель началъ бы уже переваливаться черезъ хребетъ Кизилъ—Гядукъ, гдѣ стрѣлки его, засѣвъ въ тѣснинахъ, могли дать намъ сильный отпоръ и причинить значительный уронъ. Нѣтъ сомнѣнія, что турки, при этомъ, лишились бы всей своей артиллеріи и обозовъ, что они потеряли бы по крайней мѣрѣ одну треть людей и утратили бы нѣсколько ранѣе Карсъ; но они тѣмъ спасали остальную часть Анатолійской арміи, которая могла служить основаніемъ для сформированія новой и для обороны Эрзрума, остававшагося къ веснѣ 1856-го года почти вовсе безъ войскъ. Непріятель не предпринялъ сего въ ожиданіи помощи извнѣ, или нашего ухода изъ подъ Карса; но въ тогдашнее позднее время года, только слабыя надежды онъ могъ имѣть на внѣшнюю помощь, а между тѣмъ изъ Карса было видно на какую прочную ногу мы устроивались для встрѣчи зимы.

Постройки въ лагерѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней спустя послѣ штурма, у насъ было приступлено къ постройкѣ полуземлянокъ, взамѣнъ палатокъ въ коихъ жить становилось холодно, ибо по утрамъ морозы были довольно сильные, а на возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, бывалъ иногда пронзительный вѣтеръ. Въ короткое время, весь лагерь занялся постройками и въ Октябрѣ мѣсяцѣ, во многихъ частяхъ явились хорошо отдѣланныя казармы со

свѣтомъ, печами, трубами, дверьми и нарами. Въ особенности отличались своею отдѣлкою казармы сапернаго баталіона. Явились даже порядочные офицерскіе домики съ полами и со стеклянными окнами *). По мѣрѣ того, какъ поспѣвали землянки, исчезали палатки, такъ что на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде бѣлѣлся лагерь, возродился городокъ, можно сказать, даже городъ, ибо въ немъ было болѣе 30,000 жителей всякаго званія. **)

Все это почти ничего не стоило казнѣ. Для постройки казармъ, полки посылали, подъ прикрытіемъ, команды въ соганлугскія горы на рубку лѣса. Для усиленія войсковыхъ способовъ были обложены лѣсною повинностью уцѣлѣвшія селенія, которыя привозили намъ строевой сосновый лѣсъ, также изъ соганлугскихъ горъ. Опустѣвшія селенія были разобраны, что доставило намъ большое количество толстаго и сухаго лѣса, пилившагося у насъ на доски. Въ большомъ армянскомъ селеніи, Бегли—Ахмедъ, находившемся въ 15-ти верстахъ отъ Карса, не только уцѣлѣвшемъ, но даже обогатившемся, находилось много бревенъ, припасенныхъ карскимъ начальствомъ для построекъ въ крѣпости, но которыхъ не успѣли ввезти въ Карсъ до нашего прибытія. Запасы сіи были равно доставлены въ лагерь. Для уравненія жителей въ повинностяхъ, потребовано было соразмѣрное количество бревенъ и отъ Ардеганскаго санджака. По отдаленности сего мѣста и трудному пути, мало можно было надѣяться на исполненіе сего требованія; но по распорядительности генерала Базина, коему сіе дѣло было поручено, и по благодушной готовности, съ которою турецкіе поселяне всегда исполняли требованія начальства, лѣсъ сей прибылъ, огибая Карсъ гористыми и почти непроходимыми путями. Наконецъ, матеріала было такъ много, что можно было даже сдѣлать неприкосновенный запасъ, сберегавшійся на непредвидимый случай ***). Добываемый съ такимъ трудомъ лѣсъ,

*) Дабы покрыть небольшія издержки, которыя офицеры имѣли при постройкѣ для себя землянокъ, отпущено каждому изъ нихъ по 15-ти р. с. изъ экономическихъ суммъ, не входившихъ въ смѣты расходовъ.

**) См. планъ стана Владикарсъ.

***) Лѣсъ со всѣхъ сихъ землянокъ и строеній, равно и запасъ, были по окончаніи войны сплавлены водою по р. р. Карсъ-Чай и Арпачай вес-

употреблялся исключительно на балки, стропилы, столбы и внутреннія отдѣлки; стѣны же строеній, складывались изъ простаго нетесаннаго камня, съ пересыпкою онаго землею безъ извести, которой у насъ небыло. Такимъ же образомъ построенъ въ Октябрѣ, для главнокомандующаго, небольшой домикъ, въ который онъ перешелъ изъ палатки 23-го числа того мѣсяца.

Бани, базаръ. Явились на берегу рѣки бани и лавочки съ вольными мастеровыми и промышленниками разнаго рода, пришедшими изъ Александрополя. Распущенъ былъ кадръ греческой дружины о коей вышеупомянуто, и люди сіи обратились къ первоначальному своему ремеслу—хлѣбопеченію. Показались, какъ водится, обмѣры и обвѣсы, понадобилась такса и полицейскій надзоръ. Позади лагеря, былъ учрежденъ базаръ, гдѣ ежедневно толпилось много народа. Тамъ были лавки съ съѣстными припасами всякаго рода. Солдаты продавали старыя вещи свои, пріобрѣтенную добычу, и покупали что нужно для своихъ потребностей.

Все это устраивалось съ необыкновенною дѣятельностію и быстротою. Лагерь въ короткое время, какъ бы волшебствомъ, обратился въ обширное поселеніе, среди коего бѣлѣлся одинъ только церковный наметъ. Въ то время какъ воздвигался на берегахъ р. Карсъ—Чай сей новый городъ, въ семи верстахъ оттуда, при Бозгалѣ, гдѣ стоялъ кн. Дондуковъ, проявилось, конечно въ меньшихъ размѣрахъ, тоже новое поселеніе. Такое же, но не столь усовершенствованное, возродилось и въ лагерѣ ген. Бакланова при с. Меликъ—Кёвъ. Построены казармы и въ вагенбургѣ на Княжемъ дворѣ; въ домахъ же селенія Гани—Кёвъ, были устроены возможныя по мѣстнымъ средствамъ удобства, для помѣщенія госпиталей. На двухъ этапахъ къ Александрополю, при разоренныхъ селеніяхъ Визинъ—Кёвъ и Гаджи—Вали, было приступлено къ нѣкоторымъ постройкамъ для проходящихъ командъ и приготовили въ запасъ къ приближав-

---

ною 1856-го года въ Александрополь, для инженерныхъ построекъ въ крѣпости; ибо въ нашихъ пограничныхъ безлѣсныхъ мѣстахъ, правительство платило въ мирное время несмѣтныя суммы на пріобрѣтеніе строеваго лѣса.

шейся зимѣ, хотя не въ большомъ количествѣ, но сколько успѣли, дровъ, кизяку и саману (соломенная сѣчка.)

Англичане о нашихъ постройкахъ.

Лишь въ самыхъ послѣднихъ числахъ Сентября замѣтили англичане, что главнокомандующій вовсе не располагалъ оставлять блокады Карса. Изъ писемъ Вилліамса къ Кларендону видно, что появленіе въ лагерѣ нашемъ землянокъ, много его безпокоило. Онъ убѣждалъ и настоятельно требовалъ, дабы Омеръ—Паша дѣйствовалъ противъ Грузіи твердо и рѣшительно, безъ чего Анатолійская армія, по словамъ его, должна будетъ окончательно сдѣлаться добычею русскихъ. Съ такими же настояніями обращался къ Кларендону англійскій консулъ въ Эрзрумѣ Брантъ.

Исчезавшія надежды непріятеля на отступленіе наше, поддерживались только по временамъ, при передачѣ въ Карсъ лазутчиками пустыхъ слуховъ, носившихся въ народѣ, то о занятіи Омеръ—Пашею Кутаиса, то о прибытіи его къ Ахалцыху, то о появленіи его въ трехъ переходахъ отъ Тифлиса. Но осажденные могли видѣть длинныя вереницы подводъ съ хлѣбными запасами и фуражемъ, которыя въ открытомъ пространствѣ тянулись къ нашему лагерю внѣ всякаго опасенія, потому что въ Анатолійской арміи не было болѣе кавалеріи,—и надежды сіи вскорѣ замѣнялись думами о предстоявшемъ голодѣ и нуждахъ, къ отвращенію коихъ оставалось только одно средство: пуститься на проломъ, на что непріятель однако не рѣшался.

Въ одномъ только письмѣ Бранта къ Вилліамсу отъ $\frac{7}{19}$ Октября, перехваченномъ нами, выражались обнадеживанія, основанныя на его собственныхъ соображеніяхъ. Въ письмѣ семъ Брантъ излагаетъ предположеніе свое, что строившіяся нами землянки, не имѣли, можетъ быть иной цѣли, какъ намѣреніе скрыть отступленіе наше, и что когда мы будемъ въ силахъ, то отправимъ палатки свои впередъ, и, затѣмъ, оставивъ постройки и пикеты около крѣпости, вдругъ снимемся съ позиціи и уйдемъ такъ далеко, что объ отступленіи нашемъ тогда только узнаютъ въ Карсѣ, когда мы уже будемъ находиться внѣ всякаго преслѣдованія. Толкъ заключающійся въ подобныхъ соображеніяхъ самъ собою обнаруживается.

Брантъ, между прочимъ, жаловался на вялость и недѣятельность командующаго войсками въ Эрзрумѣ Вели—Паши, увѣдомлялъ Вилліамса объ ожиданіи въ Эрзрумъ изъ Трапезунта Селимъ-Паши съ 11 т. войска на помощь къ Карсу, и совѣтовалъ ему разгласить эту вѣсть дабы, по словамъ его, «ускорить обратное движеніе Муравьева». Брантъ упоминалъ также о Крымскихъ дѣлахъ и писалъ, что тамъ готовятся къ наступательному движенію, но нуждаются въ перевозочныхъ средствахъ.

Увольненіе горскихъ сотень.

Хотя всадники горскихъ сотенъ, находившихся при войскѣ, и не потерпѣли никакого урона на штурмѣ Карса, но они внутренно не сознавали возможности покорить сію крѣпость. Не надѣясь видѣть торжества нашего, они искали способа заблаговременно удалиться изъ лагеря, къ чему побуждалъ ихъ еще усиливавшійся холодъ, противъ котораго не было у нихъ принято мѣръ и который они, не имѣя шубъ, переносили съ трудомъ и неудовольствіемъ. Не устояло терпѣніе горцевъ, и они просили черезъ Бакланова увольненія на родину. Такъ какъ снѣгъ еще непрочно лежалъ на горахъ и могло случиться, что намъ довелось бы принять въ равнинахъ Карса сраженіе противъ ожидавшагося на выручку крѣпости непріятеля, то главнокомандующій всячески старался удержать, хотя на короткое время, конныя ополченія свои, въ особенности же горцевъ, коихъ испытанная храбрость могла въ такомъ случаѣ принести большую пользу. Посему ген. Бакланову было поручено уговорить ихъ остаться; но тщетны были его убѣжденія; горцы въ теченіи кампаніи не одинъ разъ показывали отвращеніе сражаться противъ своихъ единовѣрцевъ; они побуждались къ сему ратоборству, только пріобрѣтаемою отъ нихъ добычею, а такъ какъ приманка сія съ уничтоженіемъ турецкой кавалеріи исчезла, то, во избѣжаніе какихъ либо гласныхъ неудовольствій, главнокомандующій призналъ за лучшее, на сей разъ, уволить ихъ добромъ, въ надеждѣ, что на будущій годъ, ополченіе ихъ удвоится. Желая извлечь послѣднюю пользу изъ сего ополченія, генералъ Муравьевъ, вопреки ожиданія горцевъ, запретилъ пускать ихъ по боль-

шой дорогѣ черезъ Александрополь, а велѣлъ направить изъ лагеря при с. Меликъ-Кёвъ, гдѣ они находились, мимо Ардегана, черезъ гору Улгаръ, по теченію рѣки Поцхо, на Ахалцыхъ, а оттуда черезъ Боржомское ущелье въ Карталинію на Сурамъ и городъ Гори. Колеснаго обоза у этой милиціи не было, и потому она легко могла пройти этими ущельями по границѣ Аджаріи, гдѣ появленіе сего небольшаго отряда, послужило бы нѣкоторою угрозою. Молва объ этомъ движеніи, безъ сомнѣнія должна была распространиться и до арміи Омеръ-Паши въ самомъ преувеличенномъ видѣ, какъ то всегда водится у азіятцевъ. Съ цѣлью пріохотить горцевъ къ походу слѣдующаго года, имъ было роздано при увольненіи нѣсколько медалей въ награду за ихъ службу, и приказано, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ пути, гдѣ имѣлось начальство наше, оказывали бы имъ всякое содѣйствіе и возможную привѣтливость.

Горцы выступили изъ лагеря 1-го Октября. Первый принялъ ихъ Базинъ въ лагерѣ своемъ при Омарагѣ, гдѣ они не могли имѣть другаго угощенья какъ сѣно для своихъ лошадей, изъ стоговъ заблаговременно заготовленныхъ; по въ тогдашнее позднее время года, и это угощеніе было для нихъ драгоцѣнно. Въ Ахалцыхѣ, угостили самихъ горцевъ бараниною и пшеномъ; тоже самое сдѣлано было, когда они пришли въ г. Гори; но вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій приказалъ кн. Бебутову придержать ихъ тамъ, въ случаѣ, еслибы Омеръ-Паша сталъ наступательно дѣйствовать къ сторонѣ Тифлиса, и употребить ихъ противъ него, еслибы то оказалось нужнымъ. Климатъ въ долинѣ Куры теплый, и потому не встрѣтилось бы большаго затрудненія задержать тамъ на нѣкоторое время горцевъ; но такъ какъ надобности въ томъ не представилось, то Бебутовъ, по угощеніи отпустилъ ихъ на родину за Кавказскій хребетъ съ честію, раздавъ имъ за прошедшую службу еще нѣсколько наградъ, которыя были къ нему заблаговременно высланы. И такъ, горцы возвратились въ дома свои довольными, готовясь къ новому походу. Главнокомандующій имѣлъ въ виду привести въ 1856-мъ году съ сѣверной покатости Кавказа еще двѣ

*

сотни чеченцевъ, которые изъявляли на то свою добрую волю.

Увольненіе Грузинскаго дворянскаго ополченія.

Вскорѣ за горцами, начали просить увольненія въ дома свои грузины дворянскаго ополченія, ссылаясь на необходимость заняться своимъ хозяйствомъ, предъ наступленіемъ зимы. Паденію Карса и они не вѣрили, а между тѣмъ терпѣли отъ холода и скудости травъ — обстоятельства несовмѣстныя съ непрочнымъ устройствомъ всякаго азіятскаго иррегулярнаго ополченія. Обстроиться порядочно они не умѣли, и нѣкоторые изъ нихъ зябли подъ палатками въ холодныя ночи. Азіятецъ съ конемъ своимъ гаснетъ въ глубокую осень, и оживаетъ только съ появленіемъ весенняго подножнаго корма. Хотя бы и можно было задержать еще на нѣкоторое время дворянскую дружину, но главнокомандующій находя, что лошади ихъ могли придти въ изнуреніе, разсудилъ за лучшее отпустить сіе ополченіе, вмѣнивъ однакоже оному въ обязанность, возвратиться тою-же дорогою, которою пошли горцы, т. е. черезъ Улгаръ, Ахалцыхъ и Боржомское ущелье. Обратное движеніе это имѣло также видъ наступательнаго дѣйствія для непріятельскихъ силъ, собиравшихся въ Аджаріи на границахъ Карталиніи и Имеретіи.

Увольненіе осетинъ и курдовъ.

За грузинами была уволена осетинская конная сотня, состоявшая въ отрядѣ Базина; нѣсколько позже распущенъ по домамъ полкъ курдовъ № 2-го. Курды впрочемъ не настаивали на увольненіи, но отъ нихъ не было никакой пользы. Около сотни ихъ было только поставлено въ родѣ гарнизона въ Кагызманѣ, гдѣ все еще былъ начальникомъ, назначенный главнокомандующимъ въ правители города и окрестностей, родоначальникъ курдовъ, Ахмедъ-Ага; тамъ находились они кстати, вблизи своихъ зимовниковъ.

Конно-мусульманскіе полки.

Конно-мусульманскіе полки тоже просились домой; но эти были удержаны вопреки желанія ихъ, исключая 3-го полка, который стоялъ до зимы по квартирамъ въ Ардеганѣ, гдѣ людямъ было тепло, а жеребцы ихъ объѣдались собираемымъ съ жителей ячменемъ. Въ карабагскомъ же и ширванскомъ конно-мусульманскихъ полкахъ, стали оказываться побѣги въ свои

дома̀, чего и можно было ожидать, потому что всадники не имѣли теплаго платья и по безпечности не заготовляли для лошадей своихъ сухаго корма, сберегая при себѣ получаемыя ими на сей предметъ деньги въ теченіи всего лѣта. Ихъ по возможности удерживали страхомъ, не отпускали же потому, что масса ихъ была довольно значительная, и какъ плохо они ни служили, но съ отбытіемъ ихъ, казакамъ стало бы труднѣе содержать разъѣзды и пространную линію аванпостовъ.

Прочія милиціи.

Съ наступленіемъ холодовъ, много выбыло тоже всадниковъ изъ команды Лориса-Меликова; но этимъ людямъ, какъ уже выше сказано, во время всей кампаніи, не могли составить вѣрнаго именнаго списка. Карапапахская милиція еще держалась, хотя не въ полномъ составѣ; но повѣрки ей болѣе не было. Армяне двухъ сотень шурагельской конной милиціи, занимавшіе этапы по дорогѣ въ Александрополь и старую нашу границу, остались до конца исправными на своихъ мѣстахъ.

Стычки и ночныя тревоги.

Въ теченіе Октября, происходили почти ежедневно на аванпостахъ съ непріятельскими фуражирами стычки, постоянно кончавшіяся въ нашу пользу. Для усиленія блокадной линіи и для наблюденія за обширною и ненаселенною равниною, простирающеюся по восточную сторону Карса, между с. Магараджикъ и лагеремъ Бакланова, были поставлены 1-го Октября, при разоренномъ с. Визинъ-Кёвъ, двѣ сотни конно-мусульманскаго № 1-го (карабагскаго) полка. Въ приложеніяхъ показанъ рядъ сихъ небольшихъ стычекъ, случившихся на этой мѣстности до 12-го Октября *). Можетъ быть, что сила непріятельскихъ партій, показанная въ сихъ свѣдѣніяхъ, нѣсколько преувеличена; это могло случиться отъ того, что онѣ собирались съ изустныхъ показаній самихъ конно-мусульманъ; но не надобно удивляться постоянной удачѣ этихъ нападеній на непріятельскихъ фуражировъ, потому что, до появленія въ сей сторонѣ карабагцевъ, равнина была слабо наблюдаема нами и отъ того турки, нуждаясь въ кормѣ для своего скота,

*) См. приложеніе подъ буквою И.

слишкомъ оплошно отдалялись отъ укрѣпленій и бродили на большомъ пространствѣ, черезъ что партіи наши могли свободно нападать на нихъ по одиночкѣ. Не такъ чувствительны были для непріятеля сіи небольшіе уроны, какъ ночныя тревоги, для которыхъ преимущественно посылался одинъ изъ охотниковъ Лориса-Меликова, ловкій армянинъ, юнкеръ милиціи Даніилъ Арютиновъ. Онъ пускался на ночныя поѣздки сіи съ особеннымъ увлеченіемъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ и не болѣе какъ съ тремя или четырьмя гранатными ракетами. Установивъ ихъ въ тишинѣ и во мракѣ ночи, онъ пускалъ гранаты черезъ валъ и немедленно скакалъ по другому направленію, любоваться произведенною имъ тревогою. На первыхъ порахъ тревоги сіи выражались пушечными выстрѣлами, пробуждавшими насъ въ лагерѣ отъ сна; но напослѣдокъ турки начали съ ними свыкаться и отвѣчали только ружейными выстрѣлами, которые однакоже всегда сопровождались тревогою въ барабаны, заунывными звуками трубъ и воемъ собакъ по всему Карсу. Голодные и утомленные жители и войска не могли предаваться спокойному сну, чтобы забыть хотя на короткое время, тяготѣвшее надъ ними бѣдствіе.

Перебѣжчики. Число перебѣжчиковъ снова начало увеличиваться. Ихъ переходило къ намъ около десяти человѣкъ въ сутки, не считая вдвое и втрое бòльшаго числа, которымъ удавалось въ темныя ночи вовсе уходить. Тѣхъ изъ перебѣжчиковъ, которые желали возвратиться на родину, мы отпускали; желавшимъ оставаться у насъ, было позволено наниматься въ услуженіе къ офицерамъ для присмотра за лошадьми—слуги были они усердные и вѣрные. Тѣ же изъ нихъ, которые опасались возвращенія на родину и не могли найти для себя занятія, были сведены въ особую команду. Для нихъ собрали кое-какую одежду и дали лѣсъ на постройку землянки, гдѣ они жили какъ въ казармѣ, пользуясь хорошею пищею и безпрекословно повинуясь поставленнымъ надъ ними изъ среды же ихъ начальникамъ, назначавшимся изъ перебѣгавшихъ къ намъ унтеръ-офицеровъ. Турки не имѣютъ понятія объ отечествѣ

и даже слова на своемъ языкѣ для выраженія сего понятія. Вражда ихъ къ намъ основана только на различіи вѣры, и какъ они видѣли, что у насъ служили такіе же какъ они мусульмане, то и не гнушались переходить къ намъ, простодушно говоря, что служили до сихъ поръ султану, потому что онъ ихъ кормилъ, а теперь будутъ служить намъ, потому что вкусили нашего хлѣба. При этихъ правилахъ, въ особенности были для насъ полезны городскіе выходцы, которыхъ отсылали обратно. Они бывали свидѣтелями, какъ турецкая команда наша, пресыщалась около вкуснаго плова, и передавая о томъ вѣсть въ гарнизонѣ, разувѣряли голодныхъ защитниковъ Карса въ разсѣеваемыхъ тамошнимъ начальствомъ слухахъ, о дурномъ будто бы обхожденіи нашемъ съ перебѣжчиками и даже о возвращеніи ихъ въ крѣпость для казни — ибо перелавливаемыхъ продолжали тамъ разстрѣливать.

Положеніе партіи лазовъ.

Одни только лазы не перебѣгали къ намъ; а пробирались съ оружіемъ въ рукахъ партіями, на свою родину. Въ ночи съ 9-го на 10-е октября, около часа по полуночи, казачьею цѣпью расположенною около Карадагскихъ высотъ, на правомъ берегу рѣки, была замѣчена значительная толпа ихъ, шедшая отъ Карса. По предварительно сдѣланному Баклановымъ распоряженію, цѣпь наша, состоявшая подъ командою эсаула Наслѣдышева, пропустила лазовъ и пустивъ двѣ сигнальныя ракеты для извѣщенія отряда о тревогѣ, быстро стянулась въ числѣ 55-ти человѣкъ и кинулась на непріятеля. Лазы нѣсколько разъ пытались собраться въ кучи и открывали ружейный огонь; но поражаемые, то дѣйствіемъ нашихъ ракетъ, то атаками казаковъ, они до прибытія еще изъ лагеря высланнаго Баклановымъ подкрѣпленія, положили оружіе. Вся сдавшаяся партія состояла изъ 116-ти лазовъ съ четырьмя сотенными начальниками и имуществомъ, которое везли на десяти лошадяхъ; при нихъ нашли полотна семи знаменъ и значковъ, которые были сняты съ древокъ и спрятаны во вьюкахъ. Во время дѣла, у лазовъ было убито три человѣка и двадцать восемь ранено, въ томъ числѣ одинъ изъ сотенныхъ начальниковъ. Съ нашей стороны, потеря состояла изъ одного раненаго и двухъ конту-

женныхъ казаковъ, двухъ убитыхъ и пяти раненыхъ лошадей.

Прiездъ и прiемъ Касимъ-Хана.

Въ началѣ Октября прибылъ въ Тифлисъ чрезвычайный персидскій посолъ Аббасъ-Кули-Ханъ, отправленный Шахомъ въ Петербургъ для привѣтствованія Государя съ возшествіемъ на престолъ, въ отвѣтъ на посольство, отправленное намѣстникомъ изъ Тифлиса передъ выступленіемъ его въ походъ. При Аббасъ-Кули-Ханѣ состоялъ совѣтникомъ посольства, Касимъ-Ханъ, который имѣлъ отъ персидскаго Шаха особое порученіе къ намѣстнику; почему, вскорѣ по пріѣздѣ въ Тифлисъ, онъ отправился въ лагерь подъ Карсъ, куда и прибылъ 9-го Октября. Поѣздка персидскаго сановника въ военное время въ лагерь нашъ, расположившійся во владѣніяхъ державы съ коею Персія находилась тогда въ мирѣ, вѣроятно не состоялась бы, если бы въ то время не происходилъ сильный раздоръ между англійскимъ посланникомъ въ Персіи, Мюррей (Murray) и Нусръ-Эддинъ-Шахомъ, который въ неудовольствіи своемъ на англичанъ, готовъ былъ съ ними разсориться, что спустя нѣсколько времени и случилось. Поводомъ къ уклоненію отъ знака уваженія къ намѣстнику русскаго царя, могъ также служить неудачный приступъ къ Карсу; но за симъ дѣломъ блюлъ въ Тифлисѣ кн. Бебутовъ, который вскорѣ по пріѣздѣ туда Аббасъ-Кули-Хана, направилъ Касимъ-Хана въ лагерь.

Для встрѣчи Касимъ-Хана, сдѣланы всѣ нужныя приготовленія. Только что отстроенный домикъ главнокомандующаго, былъ по возможности убранъ для пріема высокостепеннаго гостя, которому назначалось его обновить. Отъ с. Гани-Кёвъ, гдѣ стоялъ отрядъ гр. Нирода, его сопровождалъ дивизіонъ драгунъ, съ хоромъ полковыхъ музыкантовъ, оттуда по дорогѣ къ лагерю были разставлены эскадроны драгунъ, которые постепенно присоединялись къ поѣзду. Въ трехъ верстахъ отъ лагеря, Касимъ-Ханъ встрѣченъ полковникомъ Лорисъ-Меликовымъ съ конвоемъ главнокомандующаго, охотниками и курдами, а у домика, гдѣ посланникъ сошелъ съ лошади, стоялъ почетный караулъ по чину ген.-маіора. Тутъ, гостя приняли адъютанты

главнокомандующаго и другіе чиновники, которые ввели его въ домикъ и предложили ему первое угощеніе.

Офиціальное представленіе назначено на слѣдующій день, а въ этотъ, Касимъ-Ханъ былъ приглашенъ къ обѣду главнокомандующаго частнымъ образомъ. Ген. Муравьевъ видѣлся съ нимъ еще передъ выступленіемъ въ походъ въ Тифлисѣ, гдѣ онъ занималъ тогда мѣсто персидскаго консула и откуда вскорѣ послѣ того, былъ отозванъ дворомъ своимъ. Пребываніе Касимъ-Хана въ Тифлисѣ, доставило ему знакомство со многими нашими военными и гражданскими чиновниками, между коими онъ пріобрѣлъ всеобщее расположеніе, по обходительности и привѣтливости своей. Намѣстникъ провелъ съ Касимъ-Ханомъ часть перваго вечера на единѣ, и имѣлъ случай замѣтить, что мысль о будущемъ союзѣ нашемъ съ Персіею, не была для него чуждою. Нельзя полагать, чтобы персидскій сановникъ при офиціальномъ посѣщеніи намѣстника, какъ бы коротки не были ихъ личныя отношенія, рѣшился бы обнаружить, хотя косвеннымъ образомъ, политическіе виды двора своего, безъ нарочнаго о томъ приказанія, вражду же государя своего къ англичанамъ, онъ нисколько не скрывалъ.

На другой день, 10-го Октября, пазначенный для торжественнаго пріема посланника, собрались къ десяти часамъ утра въ просторный палаточный наметъ, генералы, командиры полковъ, артиллерійскихъ бригадъ и свита главнокомандующаго. Касимъ-Ханъ въ полномъ мундирѣ явился туда, въ сопровожденіи секретаря нашей Тегеранской миссіи, Іессенъ и назначенныхъ состоять при немъ чиновниковъ. Послѣ привѣтствія отъ имени Шаха, Касимъ-Ханъ поднесъ намѣстнику портретъ государя своего, украшенный алмазами, для ношенія на шеѣ, на голубой лентѣ и при томъ шахскій фирманъ. Принявъ знаки, намѣстникъ сказалъ, что знаетъ уже четвертое поколѣніе царствующихъ въ Персіи государей: представлялся въ 1817 году прадѣду нынѣшняго властителя Персіи, Фетъ-Али-Шаху, дѣду его Аббасъ-Мирзѣ бывшему въ то время правителемъ Адзербайджана, и видѣлся съ отцемъ его Магомедъ-Шахомъ, входившимъ тогда только въ возрастъ юношества; что отъ прадѣда

получилъ орденъ Льва и Солнца и что теперешнее изъявленіе шахской благосклонности, принимаетъ какъ подтвержденіе тѣхъ чувствъ дружбы и пріязни, кои связываютъ двѣ сосѣдственныя державы—Россійскую и Персидскую. Касимъ-Ханъ отозвался, что изображеніе его государя на груди намѣстника Императора Всероссійскаго, должно быть символомъ неразрывной дружбы России съ Персіею.

Послѣ сего, намѣстникъ принималъ Касимъ-Хана въ своей ставкѣ, а потомъ пригласилъ его на случившійся въ тотъ день смотръ прибывшаго изъ Александрополя 4-го баталіона Виленскаго егерскаго полка. Это было первое усиленіе войсками, пришедшее послѣ штурма, значительною массою. Баталіонъ имѣлъ по 33 ряда во взводахъ, былъ порядочно образованъ и сдѣлалъ нѣсколько построеній съ отчетливостію и быстротою. Присутствіе въ лагерѣ передъ Карсомъ иностраннаго гостя, вящше послужило къ оживленію возраждавшейся рати, готовившейся среди новой дѣятельности къ новымъ подвигамъ. За смотромъ слѣдовалъ офиціальный обѣдъ, со всѣмъ соблюдаемымъ при такихъ случаяхъ церемоніаломъ и съ провозглашеніемъ тостовъ за здравіе персидскаго шаха, Государя, Касимъ, Хана и хозяина.

Послѣ обѣда, Касимъ-Ханъ поѣхалъ съ блестящимъ конвоемъ въ Бозгалинскій лагерь. Мигомъ промчался онъ въ коляскѣ по семиверстной равнинѣ, отдѣлявшей отрядъ кн. Дондукова отъ главной позиціи. Хотя многолюдный и быстрый поѣздъ его сопровождался пальбою наѣздниковъ, окружавшихъ коляску посланника, и могъ быть замѣченъ простымъ глазомъ съ Шорахскихъ высотъ, но къ удивленію, онъ не обратилъ ничьего вниманія со стороны непріятеля. Самая торжественная встрѣча персидскаго посланника въ русскомъ лагерѣ на турецкой землѣ и проводы его, остались какъ бы незамѣченными начальствомъ и гарнизономъ карскимъ. Дондуковъ принялъ своего гостя со всевозможною привѣтливостію, показалъ ему войска свои и занялъ его весь вечеръ лагерными увеселеніями нижнихъ чиновъ.

Празднество сіе украсилось еще неожиданно приведенными отъ Бакланова лазами, взятыми въ предшествующую ночь, въ числѣ 116-ти человѣкъ эсауломъ Наслѣдышевымъ, какъ то выше описано. Касимъ-Ханъ самъ разспрашивалъ плѣнныхъ и по возвращеніи своемъ въ главный лагерь, уже поздно, въ сумеркахъ, съ любопытствомъ разсматривалъ доставленные главнокомандующему сотенные значки. Въ этотъ день, какъ нарочно, было болѣе чѣмъ когда либо выбѣгающихъ изъ Карса жителей и регулярныхъ солдатъ, которые приводились съ разныхъ сторонъ. Они всѣ препровождались для опроса къ Касимъ-Хану, такъ что онъ могъ самъ убѣдиться въ нуждахъ и бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ осажденными.

Главнокомандующій приглашалъ Касимъ-Хана остаться еще нѣсколько дней; но онъ не могъ принять сего приглашенія, отъ того что посолъ Аббасъ-Кули-Ханъ, спѣшившій выѣздомъ изъ Тифлиса въ Петербургъ, приказалъ ему возвратиться къ нему сколь можно скорѣе, и потому посланникъ 11-го числа выѣхалъ обратно съ тѣми же почестями съ какими его встрѣтили и съ полнымъ убѣжденіемъ, что Карсъ не могъ долго держаться. Вѣсть сія безъ сомнѣнія была сообщена персидскому двору, какъ и свѣдѣнія о благосостояніи и бодрости войскъ нашихъ, чего гость нашъ былъ личнымъ свидѣтелемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, слѣды разстройства, послѣдовавшаго въ войскахъ послѣ штурма, въ половинѣ октября почти совсѣмъ исчезли. Самая холера, постигшая насъ до приступа, уже мало обращала на себя вниманія, какъ по слабости припадковъ, такъ и по малому числу вновь заболѣвавшихъ. Отъ начала появленія холеры и до половины октября было у насъ заболѣвшихъ всего: 1,077 человѣкъ; выздоровѣло 464; умерло 389; больныхъ осталось 224; въ то время въ сутки вновь заболѣвало не болѣе 10-ти человѣкъ, тогда какъ на первыхъ порахъ появленія эпидеміи, прибыль заболѣвавшихъ доходила до 60-ти человѣкъ въ сутки. Съ ослабленіемъ холеры, исчезло въ войскахъ и всеобщее расположеніе къ болѣзненности, ее обыкновенно сопровождающее. Съ каждымъ днемъ люди становились бодрѣе и возрастало число выздоравливавшихъ изъ госпиталей.

Состояніе здоровья въ войскѣ.

По всему лагерю снова начали раздаваться по вечерамъ голоса пѣсельниковъ, слышны были въ разныхъ концахъ шумныя пированія на новоселіи въ отстроивавшихся землянкахъ, и показались веселья всякаго рода. Явились между солдатами театральныя представленія подъ открытомъ небомъ и весьма ловкіе акробаты. Разодѣтые актеры и плясуны прохаживались по улицамъ возроставшей слободы, въ сопровожденіи толпы товарищей, съ громкимъ хохотомъ передававшихъ ихъ изъ полка въ полкъ—утрачивались воспоминанія о прошедшемъ.

Лагерная жизнь.

Ко времени вечерней зари, начальники, имѣвшіе надобность видѣться съ главнокомандующимъ, собирались впереди шатра его на площадкѣ, откуда взору открывался весь нижній лагерь, часть верхняго, Бозгалы и вся окрестность на большое разстояніе; за рѣкою же, на лугу, играла обыкновенно музыка. Въ это время ген. Муравьевъ ежедневно выходилъ на площадку. Сюда приводили съ разныхъ мѣстъ перебѣжчиковъ, здѣсь узнавали вѣсти о происходившемъ въ Карсѣ; тутъ же отдавались изустныя приказанія, чѣмъ сокращалась сложность распоряженій, переходящихъ письменнымъ порядкомъ черезъ многія руки. Ракета и пушка возвѣщали вечернюю зарю, и во всѣхъ концахъ обширнаго лагеря, раздавался грохотъ барабановъ, слышенъ былъ молитвенный гимнъ. Лунная ночь задерживала иногда собравшихся долѣе обыкновеннаго, чтобы любоваться видомъ освѣщеннаго стана.

Прибытіе резервовъ въ Александрополь.

Въ первой половинѣ октября, прибыли въ Александрополь требованныя главнокомандующимъ послѣ штурма войска, а именно: три сильныхъ баталіона резервной дивизіи изъ того резервнаго отряда, который былъ оставленъ при началѣ кампаніи въ Тифлисѣ, въ видѣ неприкосновеннаго запаса. Кн. Бебутовъ, слѣдуя указаніямъ главнокомандующаго, не отправлялъ ихъ на Лезгинскую линію, гдѣ начальство обошлось тѣмъ уменьшеннымъ количествомъ баталіоновъ, которое признавалось ген. Муравьевымъ достаточнымъ для охраненія Кахетіи отъ нападенія лезгинъ. Прибыли также двѣ женатыя роты Гренадерской бригады и двѣ роты резервнаго сапернаго баталіона. Первыя изъ нихъ давно не участвовали въ походахъ, состояли изъ луч-

шихъ людей, пришли въ сильномъ составѣ и въ отличномъ видѣ. На эти роты было возложено занять этапы по дорогѣ къ Александрополю, гдѣ онѣ сдѣлали прежде упомянутыя постройки, необходимыя для проходящихъ командъ и, замѣнивъ другія бывшія тутъ войска, исправною службой принесли дѣйствительную пользу. Независимо отъ этого, полки Гренадерской бригады комплектовались изъ баталіоновъ резервной дивизіи отряда ген. Базина. Около того времени, присоединился еще къ своему полку, какъ выше видно, находившійся до того въ Александрополѣ, 4-й баталіонъ Виленскаго егерскаго полка.

Такое усиленіе дѣйствующаго корпуса свѣжими войсками, которыя горѣли желаніемъ сразиться съ непріятелемъ, безостановочное и успѣшное хлѣбопеченіе и сушка сухарей учрежденныя въ Александрополѣ и повсюду увеличивавшіеся запасы сѣна и дровъ, скоро убѣдили многихъ, что пребываніе въ позднее время года подъ Карсомъ было дѣло доступное и что при нѣкоторомъ еще терпѣніи, Карсъ не могъ долго держаться. Дабы не обременять себя лишнею подвозкою продовольствія, главнокомандующій не потребовалъ въ главный лагерь резервныхъ войскъ, въ присутствіи коихъ не предстояло настоятельной надобности; а оставилъ ихъ въ Александрополѣ, откуда онѣ могли придти въ три дня, въ случаѣ движенія непріятеля со стороны Эрзрума или изъ Аджаріи. Между тѣмъ главнокомандующій занялся обзоромъ и распоряженіями по блокадной линіи, на коей отправленіе службы тѣмъ болѣе требовало вниманія, что холодъ ежедневно увеличивался и ночи становились длиннѣе.

Найденныя неудобства въ расположеніи блокадныхъ постовъ.

Линія блокадныхъ постовъ и разъѣздовъ по сѣверо-западной или нагорной сторонѣ Карса, содержалась подъ вѣдѣніемъ двухъ начальниковъ, одного отъ другаго независимыхъ, именно: одна половина, отъ с. Меликъ-Кёвъ, подъ надзоромъ ген. Бакланова, а другая, отъ Бозгалы, подъ надзоромъ кн. Дондукова. Всей линіи постовъ нельзя было подчинить Бакланову какъ старшему, потому что въ такомъ случаѣ и отрядъ Дондукова, стоявшій въ Бозгалѣ, долженъ бы зависѣть отъ распоряженій изъ лагеря при с. Меликъ-Кёвъ, что по большему

отдаленію было бы неудобно; къ тому же Бозгалинскій отрядъ, по положенію своему, непремѣнно долженъ былъ состоять подъ непосредственными распоряженіями изъ главнаго лагеря при Чифтлигая. Оно такъ и было. Дондуковъ состоялъ подъ вѣдѣніемъ начальника нижняго лагеря ген. Ковалевскаго, до смерти сего послѣдняго. Неудобства отъ участія двухъ начальниковъ въ одной линіи блокадныхъ постовъ, особенно оказывались въ томъ мѣстѣ, гдѣ посты сіи съ двухъ сторонъ примыкали одинъ къ другому и гдѣ съѣзжались разъѣзды, около селеній Комкъ и Топаджикъ; ибо нельзя было повѣрять отправленія службы на точкѣ соединенія линій, и ни на комъ не лежала прямая отвѣтственность за неисправности, черезъ что часто прокрадывались въ томъ мѣстѣ скрытыми дорогами турецкіе дезертиры и гонцы, высылаемые изъ Карса въ Эрзрумъ. Во избѣжаніе сего неудобства, было только одно средство: выставить отъ Бакланова и Дондукова два небольшія отдѣленія, почти смежно одно съ другимъ, такъ чтобы и тому и другому можно было блюсти за исправностію своей части, безъ всякаго столкновенія съ сосѣдомъ. Опытъ указывалъ необходимость сего способа въ подобныхъ случаяхъ, чтобы достичь увѣренности въ точномъ соблюденіи надлежащей бдительности.

Посты въ сс. Комкъ и Топаджикъ.

Для исполненія сего, было приказано кн. Дондукову, выставить въ с. Комкъ одинъ дивизіонъ драгунъ съ частью казаковъ и карабагскихъ всадниковъ. Начальникомъ отдѣленія сего назначенъ подполковникъ Белюстинъ. Черезъ рѣчку, протекающую у с. Комкъ, при с. Топаджикъ, въ полуторѣ верстѣ отъ с. Комкъ, выставленъ былъ отъ Бакланова такой же небольшой отрядъ Тверскаго драгунскаго полка съ казаками, при двухъ конныхъ орудіяхъ. Начальникомъ сей части назначенъ драгунскій подполковникъ Лошаковъ, тотъ самый, который прежде всѣхъ врубился съ казаками въ турецкую кавалерію, при ночномъ пораженіи ея въ августѣ мѣсяцѣ. Оба эти начальника были бдительны и дѣятельны, послѣ чего можно было оставаться увѣреннымъ, что турецкіе дезертиры и выходцы сими путями болѣе не прокрадутся. Обѣ части стояли одна у другой въ виду и потому, распоряженіе сіе имѣло еще

ту выгоду, что вслучаѣ, еслибы непріятель вздумалъ уходить изъ Карса въ эту сторону, онъ встрѣтилъ бы на первое время препятствіе, которое могло нѣсколько задержать его и дало бы способъ войскамъ изъ главнаго лагеря настичь уклоняющихся. Спѣшенные въ такомъ случаѣ драгуны двухъ небольшихъ отрядовъ, могли при самомъ сильномъ натискѣ уходящихъ войскъ, держаться въ домахъ занимаемыхъ ими селеній, имѣя лошадей своихъ въ обширныхъ подземельныхъ буйволятникахъ, примыкающихъ къ жильямъ.

Поѣздка главнокомандующаго въ лагерь при с. Меликъ-Кевъ.

12-го Октября главнокомандующій ѣздилъ въ лагерь при с. Меликъ-Кёвъ и на пути, осмотрѣвъ новые посты, убѣдился въ совершенномъ знаніи мѣстности частными начальниками и въ соблюденіи примѣрнаго порядка на постахъ по всей линіи. Тверской драгунскій полкъ, коимъ тогда командовалъ уже полковникъ Тихоцкій, представился въ блистательномъ видѣ. Отчетливый порядокъ въ отправленіи службы успокоилъ главнокомандующаго на счетъ опасности, которая могла угрожать Бакланову по уходѣ ген. Базина съ пѣхотою въ Омарагу. Нѣкоторымъ ручательствомъ въ безопасности отряда при с. Меликъ-Кёвъ, могла еще отчасти служить замѣченная у турокъ безпечность и какое то всеобщее въ нихъ равнодушіе, ибо въ оба пути этой поѣздки главнокомандующаго въ виду шорахскаго и чакмахскаго лагерей, никто не выѣхалъ изъ укрѣпленій для наблюденія или изъ любопытства видѣть сотню всадниковъ, сопровождавшихъ, съ развѣвавшимся значкомъ конвойной команды, коляску, по которой они могли догадаться что въ поѣздѣ семъ находился одинъ изъ главныхъ начальниковъ.

Пойманные курьеры.

Въ ночь съ 13-го на 14-е октября, были пойманы два курьера съ бумагами изъ Лондона, Трапезунда и Эрзрума въ Карсъ. Гонцы, какъ видно не принадлежали къ числу бѣдняковъ или простыхъ почтарей, какихъ прежде ловили. Отважные, ловкіе и порядочно одѣтые всадники сіи, были изощрены въ ремеслѣ своемъ, ибо они не пустились по скрытымъ дорогамъ ведущимъ въ Карсъ, гдѣ у насъ бдительно содержались караулы, а избрали себѣ путь между главнымъ лагеремъ нашимъ и Бозгалою, по открытой равнинѣ, которая у насъ постоянно была въ

виду съ обѣихъ сторонъ и по которой ежечасно ходили команды въ виду обѣихъ лагерей. Гонцы, по видимому, надѣялись, что у насъ не допускалась возможность кому либо отважиться проникнуть симъ путемъ въ Карсъ, и что потому семиверстное пространство сіе по ночамъ не оберегалось, но за нѣсколько дней до этого, на промежутокъ сей было обращено особенное вниманіе и на половинномъ разстояніи до Бозгалы, выставлялась по ночамъ казачья партія съ офицеромъ, который долженъ былъ посылать разъѣзды въ обѣ стороны. Сія то партія схватила курьеровъ; но пока за ними гнались, они раскидали по бурьяну и въ ручьѣ протекавшимъ въ р. Карсъ-Чай, часть имѣвшихся при нихъ бумагъ, такъ что пакеты и письма отыскивали и находили еще въ теченіи слѣдующаго дня.

Въ почтовой сумкѣ и въ отдѣльно отысканныхъ бумагахъ, заключалось много частныхъ писемъ на англійскомъ, французскомъ, греческомъ, армянскомъ и турецкомъ языкахъ, большое количество газетъ и нѣсколько мелкихъ посылокъ. Въ частной корреспонденціи находились между прочимъ извѣстія, объ оказывавшихся уже тогда смутахъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи. Письма политическаго содержанія, которыхъ нельзя было передавать въ Карсъ, были задержаны; но всѣ остальныя, какъ равно и посылки были отправлены къ туркамъ, англичанамъ и прочимъ иностранцамъ, находившимся въ крѣпости.

Свѣдѣнія объ Омеръ-Пашѣ.

Въ числѣ занимательныхъ бумагъ намъ доставшихся, были письма отъ какого то доктора Мустафы (должно быть европеецъ): одно на имя ген. Файзе (иностранецъ Кольманъ), котораго онъ называетъ начальникомъ штаба карскаго гарнизона, другое на имя какого то Гуссейнъ-бея, а третье на имя доктора Сандвита. Письма эти были отъ 17-го и 18-го Октября (н. с.) Изъ нихъ послѣднее на французскомъ языкѣ. Докторъ Мустафа передавалъ свѣдѣнія о намѣреніяхъ Омеръ-Паши: «Планъ Омеръ-Паши»—писалъ онъ—«не состоитъ въ томъ, чтобы идти прямо на Карсъ; онъ кажется намѣренъ дѣйствовать для освобожденія Карса окольными путями, причиняя вмѣстѣ съ тѣмъ непріятелю, вредъ болѣе важный. Еслибъ онъ имѣлъ намѣреніе идти прямо въ Карсъ, то ему слѣдовало высадиться въ Трапе-

зунтѣ и идти въ Эрзрумъ, гдѣ онъ нашелъ бы въ достаточномъ количествѣ провіантъ, боевые запасы, артиллерію и даже подъемныхъ лошадей, чтобы безъ потери времени идти далѣе. Въ Батумѣ же онъ не найдетъ ничего, кромѣ привезеннаго съ собою на судахъ; въ особенности чувствителенъ будетъ тамъ для него недостатокъ въ скотѣ для транспортовъ. Оттуда ему будетъ трудно пройти, ибо на пути его, какъ слышно, находится нѣсколько укрѣпленныхъ ущелій. Это мнѣніе мое подтверждается тѣмъ, что на дняхъ прибудетъ сюда, какъ говорятъ, чрезъ Трапезунтъ, Селимъ-Паша съ 12000 войска. Часть этого войска уже высадилась тамъ на берегъ и находится на походѣ къ Эрзруму.»

Были перехвачены также копіи съ писемъ отъ разныхъ лицъ къ англійскому консулу въ Эрзрумѣ, Бранту, который пересылалъ ихъ къ Вилліамсу. Англійскій посолъ въ Царѣградѣ, Лордъ Стратфордъ-де-Редклифъ, дважды писалъ, что въ Царѣградѣ имъ сдѣлано все, что только возможно, для вспомоществованія Карсу отправленіемъ продовольствія и для ускоренія предпринятой Омеръ-Пашею диверсіи изъ редутъ-Калэ. Но англичанинъ Лонгвуртъ, писалъ изъ Сухумъ-Калэ, что Омеръ Паша избралъ уже для операціонной линіи своей Сухумъ-Калэ, и что предпріятіе его въ 1855-мъ году едва ли будетъ имѣть какой либо успѣхъ, по случаю приближенія зимы. О томъ же самомъ увѣдомлялъ онъ и англійскаго консула въ Трапезунтѣ, Стевенса, съ приложеніемъ разныхъ, неположительныхъ впрочемъ, свѣдѣній о количествѣ собиравшихся въ Сухумъ-Калэ тунисскихъ и турецкихъ войскъ. Стевенсъ между прочимъ увѣдомлялъ о движеніи пароходовъ съ людьми и лошадьми къ арміи Омеръ-Паши въ Сухумъ-Калэ черезъ Трапезунтъ. Такое кружное направленіе десантныхъ войскъ, обнаруживало, что первоначальное намѣреніе Омеръ-Паши или главнокомандующихъ союзныхъ державъ дѣйствительно было двинуть войска на освобожденіе Карса, черезъ Эрзрумъ; ошибочная же перемѣна въ распоряженіи ихъ, указывала ген. Муравьеву возможность управиться съ Карсомъ, который не могъ болѣе получить значительной помощи и оставленъ былъ почти на произволъ своихъ собственныхъ силъ и средствъ.

Письмо Омеръ-Паши къ Вилліамсу.

Положительныя свѣдѣнія о настоящемъ направленіи избранномъ Омеръ-Пашею, обнаружились въ перехваченныхъ около того же времени письмахъ отъ Омеръ-Паши, отправленныхъ имъ съ нарочнымъ, при открытомъ листѣ за его печатью, черезъ Батумъ и Пенякъ въ Карсъ. Въ письмахъ сихъ отъ 14-го Октября н. с. изъ главной квартиры его Сухумъ-Калэ, адресованныхъ имъ на имя Вилліамса, Васифъ-Паши и Керимъ-Паши, нигдѣ не упоминалось о намѣреніи его двинуться къ Карсу *).

Извѣстія о направленіи избранномъ Омеръ-Пашею и о медленности его были успокоительны; что же касалось до ожидавшагося въ Эрзрумѣ корпуса Селимъ-Паши, то при свѣжихъ войскахъ прибывшихъ изъ Грузіи, и при своей многочисленной кавалеріи, главнокомандующій надѣялся дать въ равнинахъ у подошвы Соганлуга отпоръ вспомогательному турецкому корпусу, если бы предстоявшая осенняя погода не воспрепятствовала ему перевалиться черезъ горы, отдѣлявшія Эрзрумъ отъ Карса. Докторъ Мустафа, подобно Бранту, жаловался на нераспорядительность и бездѣйствіе турецкаго начальства въ Эзрумѣ. Такія же жалобы приносились Вилліамсу отъ англійскаго офицера Камерона, находившагося въ то время въ Эрзрумѣ.

Перехваченныя частныя письма.

У курьеровъ, пойманныхъ между Чифтлигая и Бозгалою и въ числѣ разбросанныхъ ими бумагъ, были найдены пересылавшіяся къ англичанамъ карты Малой Азіи, и нѣсколько неполныхъ экземпляровъ гравированной карты окрестностей Карса. Были къ нимъ также письма отъ персидскаго консула въ Эрзрумѣ, выражавшія съ довольно грубою лестью, поздравленія съ отбитымъ штурмомъ, что не согласовалось съ тогдашнимъ расположеніемъ Шаха къ англичанамъ. Мушира Васифъ-Пашу увѣдомляли, о собранныхъ въ Анатоліи деньгахъ и о

*) Въ приложеніяхъ подъ литерою V, находится точная копія съ письма Омеръ-Паши къ Вилліамсу, написаннаго собственною его рукою на французскомъ языкѣ. Когда Омеръ-Паша состоялъ въ 1833-мъ году въ чинѣ капитана при ген. Муравьевѣ во время командованія имъ десантнымъ отрядомъ въ Царѣградѣ, онъ зналъ только по нѣмецки; по французски же выучился съ тѣхъ поръ, какъ началъ возвышаться въ званіи.

присланныхъ отъ сераскира суммахъ, для удовлетворенія анатолійской арміи жалованьемъ.

Между множествомъ турецкихъ бумагъ, перехваченныхъ около того времени, или найденныхъ брошенными и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ по видимому гонцы ночью уклонялись отъ казаковъ, въ иныхъ передавались подробныя вѣсти о паденіи Севастополя, въ безобразно-увеличенномъ видѣ, какъ напр. упоминалось о взятыхъ у насъ 6,000 пушкахъ, о подвигахъ нѣкоторыхъ турецкихъ начальниковъ поименно, и объ отбитыхъ у насъ при семъ случаѣ *сто разъ ста тысячахъ кошельковъ денегъ*; а при одномъ изъ писемъ, посылалось два экземпляра картины приступа Севастополя отпечатанной, должно быть, въ Константинополѣ *).

Вѣстовщикъ, передававшій сіи свѣдѣнія какому—то артиллерійскому офицеру въ Карсѣ, присоединялъ къ нимъ самыя нелѣпые разсказы о неудавшихся будто рекрутскихъ наборахъ въ Польшѣ и тому подобное. Въ частныхъ письмахъ къ обывателямъ Карса и къ служащимъ, встрѣчались увѣщанія къ терпѣнію, въ надеждѣ на скорое прибытіе, для избавленія ихъ, Селимъ-Паши, будто высадившагося въ Трапезунтѣ съ войскомъ, коего число опредѣляли въ 25,000 человѣкъ. Иные писали даже, что онъ уже прибылъ въ Эрзрумъ, откуда имѣлъ отправиться черезъ три дня къ Карсу.

Селимъ-Паша, на появленіи коего лежало столько надеждъ, былъ тотъ самый, котораго кн. Андрониковъ разбилъ въ 1854-мъ году въ Гуріи на рѣкѣ Чурукъ-су. Въ 1855-мъ году, онъ чи- Вѣсти о Селимъ-Пашѣ.

*) Картина приступа Севастополя была въ родѣ нашихъ лубочныхъ, продающихся въ Москвѣ на каменномъ мосту. На ней, турки, нисколько не участвовавшіе на приступѣ, изображались побѣдителями и русскій генералъ, обвѣшанный орденами, поражался однимъ изъ союзныхъ начальниковъ. На картинѣ и подъ оной, были надписи на турецкомъ языкѣ съ названіемъ мѣстностей и описаніемъ дѣла. Кажется что это былъ первый опытъ распространенія вѣстей о побѣдахъ посредствомъ народныхъ картинъ. Тридцать лѣтъ назадъ въ Оттоманской имперіи не терпѣли изображенія лика человѣческаго въ писанномъ или изваянномъ видѣ, чему было причиною существующее между мусульманами повѣрье, что человѣческіе лики, оставаясь въ подлунномъ мірѣ, тревожатъ души усопшихъ лицъ, которыхъ они изображаютъ.

слился командиромъ гвардейскаго корпуса и послѣ того былъ временно назначенъ главнокомандующимъ въ Эрзрумѣ, какъ то видно изъ перехваченнаго официальнаго донесенія къ Васифъ-Пашѣ изъ Эрзрума, съ извѣстіемъ объ ожиданіи его. Въ донесеніи семъ сказано, что Селимъ-Паша, выѣхавъ изъ Константинополя (1-го Октября с. с.) съ *извѣстнымъ* числомъ регулярныхъ войскъ, прибылъ въ Трапезунтскій портъ; но съ какимъ именно количествомъ войскъ, о томъ въ донесеніи не упоминалось. Далѣе увѣдомляли Васифъ-Пашу, о намѣреніи Селимъ Паши выступить изъ Трапезунта 5-го Октября (с. с.) и что для приготовленія ему и войску почлеговъ, посланъ изъ Эрзрума штабъ - офицеръ; но какъ Селимъ-Паша по прибытіи въ Байбуртъ, долженъ былъ возвратить пришедшій съ нимъ вьючный скотъ, то взамѣнъ онаго велѣно заблаговремено отправить въ Байбуртъ сто другихъ штукъ вьючнаго скота. Это распоряженіе видимо сдѣлано самимъ Селимъ-Пашею, потому что онъ посылалъ въ Эрзрумъ нарочнаго чиновника, и изъ сего можно было заключать, что Селимъ-Паша трогается лишь своею особой, а не съ войскомъ, ибо такое ничтожное количество перевозочныхъ средствъ едва могло удовлетворить обыкновеннымъ потребностямъ для обоза Паши и его прислуги; но у турокъ, гдѣ паша, тамъ предполагается и войско—чѣмъ болѣе пашей, тѣмъ болѣе и войска—и народная молва пронесла вѣсть о приближавшихся большихъ силахъ, тогда какъ въ бумагѣ о войскахъ упоминалось только глухо. Въ концѣ донесенія, изъявлялись надежды, что Селимъ-Паша въ скоромъ времени, по открытіи карской дороги, самъ отправится въ Карсъ. По этому можно было думать, что новый временный Эрзрумскій главнокомандующій не располагалъ пробиваться въ Карсъ силою. Объ угрожавшемъ по слухамъ приближеніи новыхъ непріятельскихъ войскъ съ той стороны, ген. Муравьевъ принялъ болѣе въ соображеніе бумаги англичанъ, коихъ извѣстія казались обстоятельнѣе. Стевенсъ писалъ изъ Трапезунта, что Селимъ-Пашу ожидали 3-го Октября (с. с.) съ 1,000 человѣкъ, назначавшимися въ Эрзрумъ, и что за тѣмъ имѣлось въ виду прибытіе въ Трапезунтъ на тотъ же предметъ, еще 11,000 войскъ.

Приближалась зима; ожидавшіяся войска могли опоздать, и потому вѣсти сіи не требовали поспѣшныхъ распоряженій; но между послѣдними бумагами, отысканными въ числѣ брошенныхъ курьеромъ въ бурьянъ, нашлось письмо изъ Эрзрума къ Вилліамсу отъ маіора Стюарта, который увѣдомлялъ, что ему удалось наконецъ убѣдить Вели-Пашу, на вялость и медленность коего постоянно жаловались англичане, подвинуться отъ Деве-Боюну впередъ, и что онъ обѣщался выступить не позже 9-го Октября (с. с.); но какимъ путемъ Вели-Паша обѣщался выступить *впередъ*, не объяснялось, ибо изъ Эрзрума можно было идти къ Карсу впередъ и черезъ Ольту, и на Гассанъ-Калэ черезъ Соганлугскій хребетъ. Думалось и то, что письмо это могло быть подброшено съ намѣреніемъ потревожить насъ; но во всякомъ случаѣ, такое извѣстіе требовало распоряженія. Были немедленно посланы новые лазутчики, отправлены партіи въ дальніе разъѣзды и войскамъ въ тотъ же вечеръ объявлено быть готовыми къ выступленію по первому приказанію; Суслову же послано предписаніе, сдѣлать движеніе впередъ, для отвлеченія отъ Карса эрзрумскихъ войскъ, съ предоставленіемъ ему дойти до Меджингерта, еслибъ то было нужно для достиженія цѣли. Въ тотъ самый день, когда найдено письмо Стюарта, узнали черезъ прежде высланныхъ лазутчиковъ, что Вели-Паша дѣйствительно перешелъ 9-го Октября изъ Деве-Боюну съ пѣхотою въ Куруджи, занявъ Гассанъ-Калэ своею кавалеріею, и что онъ располагалъ двигаться трехъ часовыми переходами къ Карсу; но передовые отряды Вели-Паши не встрѣчались съ разъѣздами посланными за Соганлугъ.

Извѣстіе о движеніи Вели-Паши.

Не менѣе того, извѣстія сіи требовали неотлагательныхъ мѣръ, за которыя неудобно было приниматься тогда, какъ непріятель показался бы на высотахъ Соганлуга. Наличныя въ лагерѣ войска были раздѣлены на двѣ части, изъ коихъ одна назначалась для наступательныхъ дѣйствій, а другая для содержанія блокады, до дальнѣйшаго разъясненія дѣла. Резервные баталіоны, находившіеся въ Александрополѣ не были потребованы, потому что они могли присоединиться въ теченіе

Раздѣленіе на два отряда.

трехъ дней. Затруднительность оставалась одна—въ недостаткѣ начальниковъ для командованія отдѣльными частями войскъ, послѣ выбывшихъ генераловъ Ковалевскаго, кн. Гагарина и Бронсвскаго. Къ наступательному отряду, съ которымъ главнокомандующій располагалъ самъ идти, былъ назначенъ начальникомъ ген. Бриммеръ; а для начальствованія частью, имѣвшей остаться подъ Карсомъ, вызванъ былъ ген. Баклановъ; отрядъ же его при селеніи Меликъ-Кёвъ, былъ порученъ полковнику Тихоцкому.

Смотръ. Баклановъ прибылъ въ Чифтлигая 18-го Октября. Съ цѣлью убѣдиться въ готовности войскъ назначенныхъ къ выступленію, главнокомандующій приказалъ въ тотъ же день вывести ихъ на равнину между фронтомъ нижняго лагеря, селеніемъ Томра и развалинами Гюмбета, построить ихъ въ боевой порядокъ и сдѣлать нѣсколько движеній. Пѣхота, кавалерія и артиллерія представили уважительныя массы исправнаго войска, которое двигалось съ твердостію и быстротою. Всѣ были въ исправныхъ полушубкахъ съ амуниціею поверхъ оныхъ, и въ такой одеждѣ, соотвѣтствовавшей времени года, войско сіе съ бодрою поступью и смѣлымъ видомъ, было конечно красивѣе чѣмъ въ пестрой обмундировкѣ съ пригнанною амуниціею. Съ такимъ войскомъ можно было смѣло продолжать военныя дѣйствія.

Во все время этого смотра, Анатолійская армія стояла въ своихъ укрѣпленіяхъ подъ ружьемъ. Англичане, упоминающіе объ ономъ въ своихъ книгахъ, пишутъ, что мы показали имъ тогда въ первый разъ уменьшенную армію нашу, состоявшую по показаніямъ ихъ, изъ 16-ти баталіоновъ пѣхоты по 400 или 500 человѣкъ въ каждомъ, изъ трехъ полковъ драгунъ, трехъ полковъ казаковъ и 40 орудій. Они полагали, что мы будемъ ихъ атаковать и потому, какъ войско такъ и жители Карса были въ готовности насъ встрѣтить.

III.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ БАЯЗИДСКАГО ОТРЯДА ВЪ СТОРОНѢ ЭРЗРУМА—СОБЫТІЯ ПОДЪ КАРСОМЪ—ПЕРВАЯ ВѢСТЬ О ВТОРЖЕНІИ ОМЕРЪ-ПАШИ ВЪ МИНГРЕЛІЮ.

Послѣдовательность событій въ описаніи настоящаго періода кампаніи, приводитъ теперь къ обозрѣнію военныхъ дѣйствій, происходившихъ въ Баязидскомъ отрядѣ противъ Эрзрума, послѣ штурма 17-го Сентября *).

Нападеніе Курдовъ.

Въ слѣдствіе сдѣланнаго еще передъ штурмомъ распоряженія, Сусловъ выдвинулъ 16-го Сентября на перевалъ Драмъ-Дагъ, правѣе селеній Дачара и Эшекъ-Эліасъ, одиннадцать сотенъ легкой конницы, подъ начальствомъ полковника Хрещатицкаго; самъ же расположился при с. Таву. Турки выслали съ своей стороны до 1 т. человѣкъ конныхъ, къ Дели-Баба. 12-го Сентября вечеромъ, шайка курдовъ, состоявшая изъ 200 человѣкъ, напала въ тылу Суслова, между рѣками Кюрдали и Обезравъ, на небольшой транспортъ нашъ, шедшій съ порціонною водкою. Завязалась перестрѣлка съ прикрытіемъ обоза, построившагося вагенбургомъ, и курды, потерявъ трехъ человѣкъ и нѣсколько лошадей убитыми и многихъ ранеными, были принуждены удалиться въ горы. Съ нашей стороны легко ранено три казака.

Курды разбиваютъ персидскій караванъ.

27-го Сентября шайка курдовъ, человѣкъ въ тридцать, напала между Сурбъ-Оганесомъ и Караклисомъ, на небольшой персидскій караванъ, съ которымъ шла тифлисская почта, подъ прикрытіемъ 15-ти всадниковъ конно-мусульманскаго № 4-го полка. Изъ конвойныхъ, четыре было убито и девять ранено; курды отбили почту, ограбили хозяевъ каравана, двухъ изъ нихъ ранили и взяли часть товара. Почта наша не заключала никакихъ важныхъ бумагъ; она была доставлена

*) Офиціальныя свѣдѣнія, служившія основаніемъ для сего обзора, дополнены извѣстіями, которыя англичане передали о дѣйствіяхъ эрзрумскаго корпуса турецкихъ войскъ.

въ Эрзрумъ, изъ чего заключать можно, что курды дѣлали нападенія свои не по одному духу хищничества, а по направленію даваемому имъ турецкимъ начальствомъ. Разграбленіе каравана было поводомъ переписки съ персидскимъ правительствомъ, которое, узнавъ о неудачѣ нашей 17-го Сентября подъ Карсомъ, требовало, чтобы мы обязались охранять ихъ подданныхъ и караваны во время движенія черезъ Баязидскій пашалыкъ, потому что на насъ, по мнѣнію сосѣдей нашихъ, лежала отвѣтственность за цѣлость ихъ во время движенія и ѣзды черезъ турецкую область, занятую нашими войсками. Такія требованія не могли быть въ тогдашнее время пріятны; въ отвѣтѣ, внушали персидскому правительству, что оно можетъ сноситься по такимъ обстоятельствамъ съ турецкимъ, въ зависимости коего состояли курды, разбившіе караванъ. Переписка эта прекратилась, какъ того можно было ожидать, съ покореніемъ Карса.

Поискъ въ кочевьяхъ курдовъ.

Сусловъ, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія, что партія разбившая 27-го Сентября нашу почту и персидскій караванъ, принадлежала къ племени Гейдеранлы, предпринялъ для наказанія онаго набѣгъ въ кочевье этого племени, находившееся при урочищѣ Заландаро на южной сторонѣ Ала-Дага, между симъ хребтомъ и с. Патносъ. Съ этой цѣлью были собраны въ Сурбъ-Оганесѣ двѣ роты пѣхоты и одна сотня конницы, подъ начальствомъ маіора Кореницкаго. 5 Октября этотъ небольшой отрядъ прибылъ на урочище Заландаро, гдѣ разорилъ пристанище курдовъ и до трехъ сотъ брошенныхъ ими палатокъ съ находившимся въ нихъ имуществомъ, какъ равно запасы хлѣба и сѣна, при чемъ истреблено также значительное количество муки и ячменя, приготовленныхъ уже къ отправленію въ Эрзрумъ. Захвативъ у курдовъ 1838-мъ штукъ рогатаго скота и барановъ, отрядъ выступилъ назадъ къ Сурбъ-Оганесу. При обратномъ движеніи, курды хотѣли преградить нашимъ дорогу на урочище Гюллеръ, гдѣ они усилились присоединившимися къ нимъ въ большомъ числѣ всадниками, но были встрѣчены ружейнымъ огнемъ и скоро разсѣялись, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ началѣ октября, конный отрядъ нашъ, находившійся на Драмъ-Дагѣ, по неимѣнію подножнаго корма и по недостатку фуража, былъ переведенъ назадъ къ с. Кюрдалю, откуда для наблюденія за непріятелемъ высылались только разъѣзды за хребетъ, по направленію къ Дели-Баба.

Когда въ Эрзрумѣ было получено извѣстіе объ отбитомъ штурмѣ, Вели-Паша, побуждаемый маіорами Стюартъ, Пиль и другими, располагалъ двинуться къ Карсу и заготовилъ было 4 т. вьюковъ съ провіантомъ для доставленія ихъ къ осажденнымъ; но къ удивленію англичанъ, онъ вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе, ссылаясь на недостатокъ войскъ, коихъ онъ показывалъ гораздо менѣе чѣмъ въ сущности у него было и говоря, что безъ позволенія высшаго начальства, онъ не рѣшится двигаться впередъ. Стюартъ поспѣшилъ донести о томъ Вилліамсу, и въ отвѣтъ получилъ 4-го октября (с.с.) шифрованную депешу, въ коей объяснялось, что при настоящемъ положеніи корпуса Вели-Паши, было бы предосудительно для него, двигаться далѣе с. Кёрпи-Кевъ. «Эрзрумъ» — писалъ Вилліамсъ — «должно удержать до того времени, какъ зима прекратитъ всѣ движенія; пока существуетъ Баязидскій отрядъ, опасно было бы для Вели-Паши итти къ Карсу. Напротивъ того, движеніемъ къ с. Керпи-Кевъ онъ будетъ препятствовать дѣйствіямъ Баязидскаго отряда, ибо извѣстно, что отрядъ сей былъ назначенъ, для усиленія ген. Муравьева, располагавшаго второй разъ штурмовать Карсъ. Разумѣется вамъ надо разглашать, что корпусъ вашъ идетъ къ Карсу» *).

Колебанія Вели-Паши.

Шифрованная депеша Вилліамса.

8-го октября Вели-Паша отослалъ изъ лагеря при Деве-Боюну одинъ баталіонъ пѣхоты съ батареею артиллеріи обратно въ Эрзрумъ, а 9-го утромъ, согласно обѣщанію своему, выраженному въ донесеніи Стюарта, дѣйствительно предпринялъ наступательное движеніе, оставивъ укрѣпленный лагерь при Деве Боюну совершенно безъ войска. Всего было тогда у Вели-Паши подъ ружьемъ регулярныхъ войскъ: пѣхоты, по меньшей мѣрѣ 6 т. человѣкъ, кавалеріи $1\frac{1}{2}$ т. и 30 орудій исправной артил-

Наступательное движеніе Вели-Паши.

*) Шифрованная депеша сія извлечена изъ книги полковника Лекъ.

лерiи, сверхъ того, до 1,200 человѣкъ иррегулярной конницы. Въ первый день онъ прошелъ только черезъ Пасинскую равнину, и послѣ двухъ часоваго перехода разбилъ свой лагерь при с. Коробджукъ (на картѣ Куруджа). Тутъ Вели-Паша остановился на нѣсколько дней, и далѣе къ с. Керпи-Кевъ не двигался, отзываясь, что не смѣетъ болѣе подаваться *впередъ* безъ приказанiй отъ Селимъ–Паши, прiѣзда коего ожидали въ Эрзрумѣ ежедневно.

Прiѣздъ Селимъ-Паши.

Наконецъ давно ожиданный Селимъ-Паша прибылъ въ Эрзрумъ 13-го октября (с.с.), но безъ войскъ, коихъ пришло только 1,200 человѣкъ уже въ концѣ мѣсяца. Прiѣздъ его торжествовали въ Эрзрумѣ пушечною пальбою, которая слышалась въ главномъ лагерѣ нашемъ подъ Чифтлигаемъ. Отъ насъ до Эрзрума было болѣе 140 верстъ въ прямой линiи, и кромѣ того, насъ раздѣлялъ Соганлугскiй хребетъ. По симъ причинамъ гулъ орудiй нами слышанный, на первыхъ порахъ объяснялся только предположенiемъ, что непрiятель на пути своемъ къ Карсу, былъ настигнутъ въ горахъ нашимъ Баязидскимъ отрядомъ, съ коимъ вступилъ въ дѣло; по вскорѣ за тѣмъ разъѣзды удостовѣрили, что въ горахъ нѣтъ непрiятеля; а потомъ и лазутчики донесли, гдѣ и по какому случаю производилась слышанная нами пальба. Непонятно, какимъ образомъ звукъ орудiй могъ донестись до насъ при такомъ значительномъ разстоянiи. По прiѣздѣ Селимъ-Паши, Вели-Паша двинулся къ Гассанъ-Калэ, гдѣ находилась большая часть его кавалерiи, что согласно было и съ показанiями доставленными лазутчиками подъ Карсъ. Здѣсь Вели-Паша опять остановился, ссылаясь на полученное имъ приказанiе отъ Селимъ-Паши; между тѣмъ войска его занимались ученiемъ.

Движенiе Суслова впередъ.

За нѣсколько дней до отправленiя къ Суслову вышеупомянутаго предписанiя сдѣлать движенiе впередъ, ему было послано подобное же приказанiе, основанное еще на предварительныхъ слухахъ о намѣренiи Вели-Паши идти къ Карсу. Въ слѣдствiе сего перваго распоряженiя, Сусловъ, оставивъ тяжести свои въ с. Челканы подъ прикрытiемъ двухъ ротъ пѣхоты и части кавалерiи, выслалъ 14-го октября къ подошвѣ горы

Драмъ-Дагъ передовой отрядъ, состоявшій изъ одинадцати сотенъ конницы и двухъ баталіоновъ пѣхоты, а 15-го числа выступилъ съ остальными войсками.

17-го октября, Баязидскій отрядъ, по переходѣ черезъ Драмъ-Дагъ, прибылъ въ ущелье Кара-Дербентъ. Около 1 т. человѣкъ турецкой конницы, въ томъ числѣ одинъ эскадронъ регулярной кавалеріи, занимали возвышенности образующія ущелье; но съ приближеніемъ нашихъ передовыхъ частей, непріятель, послѣ небольшой перестрѣлки, отступилъ къ с. Юзъ-Веранъ.

18-го числа нашъ отрядъ перешелъ къ рѣчкѣ Чичекракъ, не доходя пяти верстъ до с. Юзъ-Веранъ. Баши-бозуки, оставивъ занимаемыя ими деревни, сосредоточились массою, въ которой было около 1 т. человѣкъ, между селеніями Юзъ-Веранъ и Комацуръ. Въ это время Сусловъ узналъ, какъ о вышеозначенномъ наступательномъ движеніи Вели-Паши такъ и о томъ, что с. с. Хорасанъ и Дели-Баба были еще заняты баши бозуками.

19-го октября Сусловъ поручилъ полковнику Лихутину произвести рекогносцировку по направленію къ с. Керпи-Кевъ съ двумя баталіонами пѣхоты, однимъ взводомъ артиллеріи и пятью сотнями конницы. У с. Юзъ-Веранъ встрѣтили собравшихся баши-бозуковъ, которые завязали было перестрѣлку, но были принуждены отступить. Кавалерія наша преслѣдовала ихъ за с. Минъ-Дава, при чемъ непріятель лишился нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными и двухъ взятыхъ въ плѣнъ. Въ с. Юзъ-Веранъ, Сусловъ узналъ о прибытіи въ Эрзрумъ Селимъ-Паши, но безъ войскъ.

Въ тотъ же день 19-го октября Вели-Паша, въ слѣдствіе полученнаго имъ отъ Селимъ-Паши приказанія, отступилъ со своимъ корпусомъ къ с. Алвари, лежащему на одинъ часъ разстоянія отъ Гассанъ-Калэ; а 20-го числа по дошедшему къ нему извѣстію, будто изъ подъ Карса слѣдуетъ нашъ отрядъ къ Эрзруму, Вели-Паша, опасаясь за свой тылъ, отошелъ еще далѣе и расположился вблизи Эрзрума за рѣкою Наби-чай при с. Тагеръ, оставивъ только человѣкъ тысячу баши-бозуковъ у с. с. Ягани и Кордобазъ, что на Араксѣ.

Отступленіе Вели-Паши.

Поискъ 20 охотниковъ.

Отрядъ, о которомъ дошли слухи до Вели-Паши и который ускорилъ его отступленіе къ Эрзруму, состоялъ изъ 20-ти человѣкъ команды охотниковъ Лориса-Меликова, посланныхъ въ разъѣздъ къ Зивину и далѣе. Вызвавшіеся въ сей дальній поискъ охотники, принадлежали къ числу лучшихъ наѣздниковъ и самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, татаръ Боргалинскаго и Казахскаго участковъ. Дабы обезпечить возвращеніе свое черезъ турецкія селенія лежавшія на ихъ пути, они распускали слухъ, что за ними слѣдуетъ изъ подъ Карса войско съ цѣлью отрѣзать отступленіе Вели-Пашѣ къ Эрзруму. Охотники сіи, проѣхавъ Зивинъ, прибыли въ Ардостъ, гдѣ узнавъ объ отступленіи непріятеля, возвратились къ с. Энги-Кёвъ, а оттуда по данному имъ приказанію выѣхали на нориманскую дорогу, ведущую изъ Ольты въ Эрзрумъ. Перейдя черезъ перевалъ Ихъ-Салъ, отдѣляющій Бардусъ отъ Нориманскаго санджака, они встрѣтили вооруженную партію угольщиковъ, состоявшую изъ трапезунтскихъ и гюмишханскихъ лазовъ, разсѣяли ее, убили у нихъ двухъ человѣкъ и взяли трехъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ начальника команды. Сверхъ того, они пріобрѣли 176-ть вьюковъ уголья съ подъемнымъ скотомъ и шесть лошадей. Быстрый налетъ сихъ отважныхъ людей въ странѣ, куда наканунѣ приходили еще турецкіе разъѣзды, разбои произведенные ими за Ольтою и распущенные ими слухи о приближеніи нашемъ, распространили страхъ въ самомъ Эрзрумѣ, гдѣ, въ ожиданіи нашего прибытія, было приказано жителямъ готовиться къ оборонѣ. Татары сіи пригнали въ лагерь кромѣ того, обывательскія арбы на которыхъ везли, по наряду мѣстнаго начальства, строевой лѣсъ въ Эрзрумъ, гдѣ строились для войскъ бараки.

Поискъ 65 охотниковъ.

Удачный поискъ сей указалъ возможность посылать за Соганлугъ партіи и на дальнѣйшія разстоянія. По этому изъ той же команды охотниковъ Лориса-Меликова, было избрано 65 человѣкъ отважнѣйшихъ всадниковъ, которые отправились изъ Чифтлигая 27-го Октября съ приказаніемъ, миновавъ Зивинъ, пройти какъ можно далѣе къ сторонѣ с. Кёрпи-Кёвъ, чтобы добыть языка прямо изъ непріятельскаго войска. Въ ночь съ 29-го

на 30-е Октября, охотники были уже въ с. Комацуръ, что за Араксомъ. Извѣстясь, что въ с. Амиракумъ, близь с. Кёрпи-Кёвъ, находилось 350 баши-бозуковъ, они, не смотря на малочисленность свою, рѣшились напасть на нихъ. Сбивъ непріятельскій пикетъ, охотники вскакали въ деревню, захватили баши-бозуковъ въ расплохъ, нѣсколькихъ изъ нихъ убили и шестерыхъ взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ одного сотника иррегулярныхъ войскъ; при чемъ отбито у турокъ также нѣсколько осѣдланныхъ лошадей и разное оружіе; съ нашей стороны былъ легко раненъ только одинъ человѣкъ. Бѣжавшіе баши-бозуки, достигнувъ главнаго сборища своего, произвели тревогу, на которую выѣхало до 1,000 человѣкъ турокъ. Тогда охотники, увидя многочисленность непріятеля, прекратили преслѣдованіе и отступили къ стоявшему на р. Чичекракъ Баязидскому отряду, безъ всякой потери и не бросивъ плѣнныхъ, которыхъ привезли къ дѣйствующему корпусу подъ Чифтлигая.

31-го Октября, Сусловъ посылалъ Лихутина съ частью войскъ на рекогносцировку къ сторонѣ с. Амиракумъ; но баши-бозуки при наступленіи нашихъ, поспѣшно удалялись, держась отъ нихъ въ значительномъ разстояніи. Симъ прекратились военныя дѣйствія Баязидскаго отряда передъ Эрзрумомъ. 2-го Ноября отрядъ сей, стоявшій на рѣчкѣ Чичекракъ, перешелъ на урочище Дели-Баба, гдѣ легче было добывать фуражное довольствіе; для наблюденія же за пространствомъ по лѣвую сторону Аракса, были высланы къ с. Ардосту четыре сотни конно-мусульманскаго № 4-го полка. 6-го Ноября полковникъ Хрещатицкій ходилъ съ нѣсколькими сотнями конницы за с. Юзъ-Веранъ и къ сторонѣ Комацура, но непріятеля нигдѣ не было видно.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій передъ Эрзрумомъ.

Непріятельскій корпусъ оставался въ бездѣйствіи до окончанія кампаніи. 2-го Ноября часть регулярныхъ войскъ онаго, расположилась на квартирахъ въ Эрзрумѣ, оставя другую въ лагерѣ на р. Наби-Чай при Деве-Боюну. Баши-бозуки заняли с. Кёрпи-Кёвъ, Яганы и Кордобазъ, имѣя передовыхъ своихъ въ Амиракумѣ. Слышно было, что турецкое правительство

занималось сборомъ въ Эрзрумъ съ окрестныхъ пашалыковъ значительнаго количества провіанта, который отправляли въ Трапезунтъ, а оттуда моремъ въ Европу для продовольствія союзныхъ войскъ.

Уклончивость Селимъ-Паши.

Селимъ-Паша показалъ не болѣе готовности къ наступленію, чѣмъ и предмѣстникъ его Вели-Паша. Англичане обвиняютъ его въ медленности и уклончивости. Не прежде какъ 24-го Октября с. с. прибылъ онъ въ лагерь на Наби-Чай и осмотрѣлъ находившіяся тамъ войска, коихъ въ строю было близь 9,000 т. На другой день онъ получилъ письмо отъ Вилліамса, который убѣждалъ его ни на минуту не отсрочивать движенія своего къ Карсу. Вилліамсъ основывалъ свое требованіе на отзывѣ самаго Селимъ-Паши, который еще съ пути своего изъ Байбурта письмомъ къ Васифъ-Пашѣ отъ $\frac{11}{23}$ октября, обнадеживалъ сего послѣдняго скорою помощью и увѣдомлялъ объ имѣвшихся у него для этого средствахъ *). Вилліамсъ, полагаясь на сіи обѣщанія и на средства изложенныя въ письмѣ Селимъ-Паши, впослѣдствіи оказавшіяся преувеличенными, снабжалъ ожидавшагося пашу разными наставленіями, касательно осторожностей потребныхъ во время слѣдованія и противъ многочисленной нашей кавалеріи, еслибъ онъ насъ встрѣтилъ на равнинахъ, и тому подобное. Слѣдуя предписаніямъ такого же содержанія отъ Вилліамса, англичане находившіеся въ Эрзрумѣ, имѣли личное объясненіе съ Селимъ-Пашею, настаивая на исполненіи положительнаго приказанія своего начальника. Но въ отвѣтъ на сіи требованія получили лишь двусмысленные и уклончивые отзывы. Селимъ-Паша ссылался на затрудненія представлявшіяся къ наступленію отъ пребыванія въ Дели-Бабѣ Баязидскаго отряда. Его уговаривали занять по крайней-мѣрѣ укрѣпленный лагерь при с. Кёрни-Кевъ, дабы обнаружились намѣренія командовавшаго симъ отрядомъ; но Селимъ-Паша, какъ бы насмѣхаясь надъ подобными требованіями, обѣщался атаковать Баязидскій отрядъ въ Дели-Бабѣ не прежде того,

*) Изъ книги полковника Лекъ.

какъ станутъ въ тылу онаго, тѣ 2,000 т. баши-бозуковъ, которые собирались съ цѣлью отрѣзать Суслову отступленіе.

События подъ Карсомъ.

Происходившія подъ угрозами Баязидскаго отряда колебанія эрзрумскаго начальства, давали способъ дѣятельно продолжать блокаду Карса, ежедневно истощавшую силы и средства гарнизона. Рядъ стычекъ происходившихъ впереди укрѣпленій съ 12-го по 22-е октября, показанъ въ приложеніяхъ къ сей книгѣ *).

Размѣнъ плѣнныхъ.

Плѣнныхъ нашихъ оставалось въ Карсѣ, два офицера и около 70-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ. Къ размѣну ихъ, главнокомандующій не принималъ никакихъ мѣръ, дабы не дать непріятелю повода предполагать, что мы заискиваемъ сближенія, какъ преддвѣрія къ предложеніямъ о сдачѣ крѣпости, коей скорое паденіе было неминуемо; ибо въ дѣлѣ такого рода ущербъ всегда на сторонѣ сдѣлавшей первый шагъ къ переговорамъ. Тѣмъ болѣе позволительно было не обращать особеннаго вниманія на предметъ сей, что мы знали заботливость англичанъ о нашихъ плѣнныхъ. И такъ, въ ожиданіи близкаго будущаго, не принималось въ семъ отношеніи ничего, когда 20-го октября явился къ ген. Муравьеву адъютантъ Керимъ-Паши, поручикъ Ахмедъ-Ага, съ предложеніемъ сдать изъ числа нашихъ раненыхъ находившихся въ плѣну, одного офицера и 14 нижнихъ чиновъ. Адъютанта и пріѣхавшихъ съ нимъ двухъ ординарцевъ угостили, и условившись на счетъ способа передачи плѣнныхъ, показали ему лагерь, дабы онъ могъ безпрепятственно все видѣть и потомъ проводили его за цѣпь.

21-го были посланы фуры къ условленному мѣсту для пріема раненыхъ, которыхъ турки вывезли въ назначенный часъ, тоже въ фурахъ, на равнину впереди своихъ укрѣпленій. Плѣнныхъ привезли въ лагерь когда уже совсѣмъ стемнѣло; всѣ они были увѣчные или тяжело раненые. Велика была радость ихъ вернуться къ своимъ; повозки ихъ обступили товарищи, и они были предметомъ самаго теплаго участія. Тѣмъ болѣе можно было вѣрить разсказу ихъ о бѣдствіяхъ терпимыхъ въ

*) См. приложеніе подъ буквою W.

Карсѣ, что они отдавали справедливость уходу и содержанію, коими пользовались въ непріятельскомъ госпиталѣ, тогда какъ, по словамъ ихъ, на улицахъ и мостахъ валялись неубранныя тѣла турокъ.

Явно было, что плѣнныхъ сихъ возвратили потому, что ими тяготились при томъ большомъ числѣ больныхъ, которое ежедневно возрастало въ крѣпости. Но какія бы скрытныя причины ни служили къ тому поводомъ, угодливый видъ сего поступка со стороны карскаго начальства, былъ благопріятнымъ для насъ предвѣстникомъ въ будущемъ. Надобно было расплатиться равною услугою, а такъ какъ у насъ въ лагерѣ содержались только перебѣгающіе нижніе чины, взятые же въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ отправлялись въ Россію, то оставалось возвратить столько же плѣнныхъ, изъ числа лечившихся отъ ранъ въ Александропольскомъ госпиталѣ.

Къ тому времени какъ нашихъ привезли въ лагерь, пріѣхалъ въ другой разъ изъ Карса тотъ же Ахмедъ-Ага, съ предложеніемъ сдать еще одинадцать человѣкъ нашихъ раненыхъ. Это было 31-го октября и черезъ день послѣ того, люди наши были приняты; вмѣстѣ съ тѣмъ возвращены въ Карсъ одинъ раненый турецкій офицеръ и съ нимъ десять раненыхъ солдатъ, при чемъ передано карскому начальству, что по неимѣнію тогда въ наличности плѣнныхъ, написано въ Тифлисъ, чтобы оттуда было выслано нужное количество ихъ для пополненія оставшагося за нами долга, и что на случай, еслибы ихъ и въ Тифлисѣ не оказалось, то приказано вытребовать сколько понадобится плѣнныхъ изъ Россіи, куда они отправлялись. Изъ этого, начальство въ Карсѣ могло убѣдиться, что крайне неопредѣленно было время, которое главнокомандующій располагалъ остаться подъ крѣпостію.

Шорахская канонада.

21-го октября по утру, двѣ колонны турецкой пѣхоты, спустившись съ высотъ къ с. Шорахъ, заняли стрѣлками хребетъ Обсерваціонной горы, откуда открыли огонь по нашему пикету; прочія же войска начали разбирать строенія на дрова. Прибытіе нашего резерва, заставило непріятеля возвратиться въ свои укрѣпленія. Такая отвага со стороны турокъ была неожиданна,

ибо тутъ могъ завязаться совершенно невыгодный для нихъ бой. Это селеніе сберегалось нами на позднѣйшее время, какъ одно изъ ближайшихъ мѣстъ для добыванія дровъ, хотябъ то было по ночамъ во избѣжаніе огня непріятельскихъ орудій съ шорахскихъ укрѣпленій. По этому, вслѣдствіе попытки сдѣланной турками и чтобы не дать имъ возможности воспользоваться симъ запасомъ топлива, главнокомандующій призналъ за лучшее безотлагательно разобрать шорахскія строенія и матеріялъ перевезти въ лагерь, или же на мѣстѣ сжечь селеніе.

Съ этою цѣлью, 22-го Октября, была отправлена къ с. Шорахъ, подъ начальствомъ ген. маіора Бакланова колонна, состоявшая изъ 8-ми баталіоновъ пѣхоты и 8-ми эскадроновъ кавалеріи при 16-ти орудіяхъ. Селеніе было занято командами, которыя приступили къ разборкѣ строеній; но когда колонна наша стала приближаться къ с. Шорахъ, турки открыли по ней артиллерійскій огонь, и какъ ядры ихъ, перелетая черезъ Шорахъ, ложились далѣе $2^1/_2$ верстъ отъ укрѣпленій, то Баклановъ зажегъ селеніе и вызвавъ оттуда команды, отвелъ войска нѣсколько назадъ со сдѣланнымъ уже небольшимъ запасомъ дровъ. Турки стрѣляли съ высотъ навѣсно и вѣроятно слишкомъ сильными зарядами, потому что по показанію бѣжавшихъ, у нихъ разорвало при этомъ одну пушку большаго калибра. По взятіи Карса, ее тутъ и нашли съ оторванною дульною частью. Всего сдѣлали они болѣе 75-ти выстрѣловъ, но не причинили намъ почти никакого вреда; оказалось только легко контуженныхъ камнями разлетѣвшимися отъ ударовъ ядеръ объ стѣнки строеній, одинъ оберъ-офицеръ и одинъ рядовой.

24-го Октября турки, въ числѣ трехъ баталіоновъ снова вышли по направленію къ с. Шорахъ; но замѣтивъ движеніе на нашихъ передовыхъ постахъ, они отступили въ свои укрѣпленія. Нельзя себѣ объяснить съ какою цѣлью было сдѣлано непріятелемъ сіе нерѣшительное движеніе, ибо онъ не могъ болѣе надѣяться, чтобы мы позволили ему въ глазахъ нашихъ увезти лѣсъ дымившагося Шораха. Селеніе сіе, тлѣвшее нѣсколько дней, было наконецъ все разобрано нами на дрова, безвозбранно.

Докторъ Сандвитъ, описывая въ дневникѣ своемъ шорахскую канонаду 22-го Октября, говоритъ, что по открытіи огня изъ укрѣпленія Тахмасъ, мы поспѣшно отступили отъ селенія, оставивъ около 20-ти убитыхъ и раненыхъ; но не видно на чемъ основано его показаніе, потому что турки послѣ насъ не были ни одного раза въ с. Шорахъ.

Попытки осажденныхъ къ пріобрѣтенію скота.

Къ вечеру перваго дня какъ турки ходили къ с. Шорахъ, главнокомандующій ѣздилъ въ Бозгалу къ отряду кн. Дондукова, гдѣ нашелъ войско въ полной готовности отразить всякое предпріятіе осажденныхъ въ эту сторону, и такъ какъ имѣлись извѣстія о намѣреніи непріятеля вогнать ночью въ Карсъ со стороны Карадага большое число рогатаго скота и овецъ, то въ туже ночь посланъ адъютантъ Ермоловъ съ сотнею казаковъ въ Заришатскій санджакъ, гдѣ по показанію лазутчиковъ были собраны стада черезъ подрядчика, высланнаго на сей предметъ изъ крѣпости. Казалось, въ самомъ дѣлѣ, что движенія непріятеля около с. Шорахъ, могли имѣть цѣлью отвлечь вниманіе наше отъ предпріятія его вогнать стада въ крѣпость, съ совершенно противуположной Шораха стороны. Хотя закупки дѣйствительно производились, но рогатаго скота въ сборѣ нигдѣ не оказалось и закупщики не были открыты. Не менѣе того, розыски сіи въ санджакѣ намъ уже подвѣдомственномъ, распространили страхъ между жителями и прекратили между ними всякое посягательство на вспомоществованіе осажденныхъ.

Обозрѣніе и съемка края.

За тѣмъ, къ постоянному наблюденію за происходившимъ между жителями санджаковъ Карскаго пашалыка, служило присутствіе среди ихъ, посланныхъ въ разныя стороны офицеровъ генеральнаго штаба, съ порученіемъ обозрѣть мѣстность и составить статистическія описанія всего края, находившагося въ обладаніи нашемъ; между тѣмъ партіи топографовъ довершали предпринятую съемку въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя не были доступны при началѣ кампаніи.

Ночная стычка 27-го Октября.

Въ ночь съ 27-го на 28-е Октября, партія изъ 14-ти солдатъ анатолійскаго корпуса, при одномъ унтеръ-офицерѣ, спустившись съ Чакмахскихъ высотъ, хотѣла прорваться черезъ нашу цѣпь; но была открыта разъѣздомъ сборнаго линейнаго казачья-

го № 1-го полка, подъ командою поручика Данаумова. Турки защищались упорно и тогда лишь положили оружіе, когда лишились четырехъ человѣкъ убитыми и трехъ ранеными. Съ нашей стороны легко раненъ штыкомъ одинъ урядникъ.

Назначеніе пѣхоты въ отрядъ Тихоцкаго.

Такъ какъ подобныя попытки турокъ стали повторяться и не прекращались слухи о намѣреніи гарнизона неожиданно хлынуть изъ крѣпости, дабы спастись отъ предстоявшей ему гибели, то главнокомандующій нашелъ нужнымъ присоединить нѣсколько пѣхоты къ отряду расположенному при с. Меликъ-Кёвъ, и для того усилилъ оный двумя ротами 6-го резервнаго баталіона Тифлисскаго егерскаго полка, которыя и прибыли изъ Ахалкалака къ мѣсту своего новаго назначенія 30-го Октября.

Сношенія съ Шамилемъ.

Въ связи съ покореніемъ Карса находились обстоятельства и въ прочихъ частяхъ Кавказскаго края, гдѣ сохраненіе спокойствія составляло одно изъ условій къ успѣшному результату на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. По этому, вниманіе ген. Муравьева постоянно обращалось къ торговымъ сношеніямъ съ горцами нашего лѣваго фланга Кавказской линіи. Дѣло сіе, къ коему приступлено съ разрѣшенія Государя, было особенной важности, какъ способъ къ удержанію, хотя на нѣкоторое время, Шамиля отъ вторженія въ наши границы, и если переговоры о томъ, веденные ген. маіоромъ барономъ Николаи черезъ сына Шамиля, молодаго Джемалъ-Эддина, не были довершены и не достигли окончательнаго рѣшенія, то не менѣе того они, при бдительности войскъ на линіи, принесли свою пользу уже тѣмъ, что время было выиграно *).

Сношенія съ Патріархомъ несторіянъ.

Поддерживались также сношенія съ патріархомъ несторіянъ Авраміемъ, о коемъ было говорено въ началѣ книги. Намъ нужно было пребывать съ нимъ въ добромъ согласіи для предстоявшей въ 1856-мъ году кампаніи, по вліянію, которое онъ имѣлъ въ Ванѣ и во всей странѣ за этимъ городомъ. Аврамій прислалъ къ главнокомандующему нарочнаго съ письмомъ и просьбою занять Ванъ, увѣряя, что онъ на все время продолженія войны выставитъ 5,000 человѣкъ хорошо вооруженныхъ

*) Въ приложеніяхъ подъ буквою X. помѣщено любопытное письмо, полученное по сему предмету барономъ Николаи отъ Джемалъ-Эддина.

ратниковъ, и обѣщаясь покорить *для насъ*, какъ онъ выражался, всѣ земли заключающіяся между городами Моссулъ и Ванъ, на разстояніи четырнадцати дней ѣзды. Тогда еще несвоевременно было бы принять предложенія и обѣщанія такого рода, почему, при сохраненіи дружественныхъ сношеній съ патріархомъ, отзывъ ему данъ неопредѣлительный, и всякое распоряженіе по предложеніямъ его, было отложено до покоренія Карса и до предстоявшей въ слѣдующемъ году кампаніи.

Приготовленія къ зимѣ, сани и лопаты.

Къ концу Октября мѣсяца, всѣ войска, кромѣ конно-мусульманскихъ полковъ, были уже обезпечены отъ стужи и помѣщались въ землянкахъ. 23-го Октября и ген. Муравьевъ, оставивъ свою холодную палатку, помѣстился въ новомъ небольшомъ домикѣ, сложенномъ, какъ и другіе, изъ камня безъ извести, но въ коемъ теплота сохранялась посредствомъ неугасаемаго камина.

По неопредѣлительности, какъ долго могла продлиться блокада Карса, предвидѣлось, что намъ можетъ быть доведется бороться зимою со снѣгами, глубоко покрывающими возвышенную страну Карскаго пашалыка, и съ неразлучными при томъ мятелями. По сей причинѣ, было приказано приступить во всѣхъ полкахъ къ заготовленію на зиму саней для перевозки тяжестей, и деревянныхъ лопатъ для разчистки снѣга около казармъ. Къ исполненію сего, посылались команды рабочихъ при достаточномъ прикрытіи, въ Соганлугскія лѣса, откуда привозились въ лагерь матеріалы, и въ скоромъ времени явились во всѣхъ полкахъ требовавшіяся сани и лопаты.

Почтовая гоньба.

Для удобнѣйшаго сообщенія съ Александрополемъ, была учреждена туда почтовая гоньба. Станціи устроены, въ Хаджи-Вали и при Армянскомъ селеніи Пирвали; по этому же пути былъ еще этапъ для проходящихъ командъ, верстахъ въ 20-ти отъ лагеря, при разоренномъ с. Визинъ-Кёвъ. Для гоньбы было выставлено на каждой станціи, въ томъ числѣ и въ лагерѣ, по три тройки лошадей нанятыхъ въ малаканскихъ деревняхъ поселенныхъ въ Дилижанскомъ ущельи. Плата имъ была вольная и порядочная; въ условіяхъ контракта было выговорено, что хозяева должны продовольствовать своихъ лошадей собст-

венными средствами, безъ всякаго пособія изъ казенныхъ запасовъ фуража. Устройство это вполнѣ удалось. Лошадей на первыхъ порахъ давали только курьерамъ, впослѣдствіи же, пользовались ими и проѣзжіе по выдаваемымъ изъ походнаго штаба билетамъ, которые записывались на станціяхъ, приставленными къ нимъ смотрителями. Завелись и колокольчики, такъ что новый трактъ этотъ напоминалъ намъ отечественные обычаи. Опасности въ то время по дорогѣ почти никакой не было, потому что у непріятеля уже вовсе не оставалось кавалеріи; однако же станціи сіи и этапы, на всякій случай оберегались, какъ выше сказано, женатыми ротами гренадерской бригады и кромѣ того, на нихъ стояло по нѣсколько донскихъ казаковъ, двѣ сотни карабагцевъ и двѣ сотни армянской шурагельской милиціи. Путь сей былъ оживленъ дѣятельнымъ движеніемъ военныхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей; на немъ постоянно встрѣчались команды, обозы, купцы, маркитанты и жители по одиночкѣ; на станціяхъ же завелись духаны *), въ коихъ продавалось вино и кое-какіе съѣстные припасы.

Путевые знаки.

Для обезпеченія ѣзды въ зимнее время отъ мятелей, на всемъ пространствѣ между лагеремъ и Александрополемъ, отъ 70-ти до 80-ти верстъ, были поставлены по дорогѣ знаки. До половины почти всего разстоянія, начиная отъ лагеря, знаки сіи, пирамидальнаго вида, были сложены изъ камня и имѣли около одной сажени вышины; изъ нихъ первый, служившій образцомъ, стоялъ при домикѣ главнокомандующаго. Разстояніе отъ одного знака до другаго было сперва на сто саженъ; но какъ скоро кончилась ихъ постройка, приказано поставить еще промежуточныя каменныя же пирамиды въ два аршина вышиною, такъ что знакъ отстоялъ одинъ отъ другаго на пятьдесятъ саженъ, чѣмъ путь уже достаточно обезпечивался для проѣзжихъ въ зимнее время при мятеляхъ. Во второй половинѣ пути, на пространствѣ коего не имѣлось въ полѣ камня, такія же пирамиды были сложены изъ дерна; но эти столбы, не имѣя прочности первыхъ, при началѣ зимы начали осыпаться.

---

*) Съѣстныя лавочки.

Теслимъ. Утомительная продолжительность блокады начинала тяготить наше войско, которое хотя и пользовалось возможными удобствами жизни, но отправляло службу при утренникахъ доходившихъ до 10° мороза, что было въ особенности чувствительно для кавалеріи. О времени когда можно было ожидать сдачи Карса, судили по всѣмъ признакамъ, которые только представлялись, въ особенности же по увеличенію числа перебѣжчиковъ, по показаніямъ ихъ и разговорамъ. Дезертиры въ объясненіяхъ своихъ, часто употребляли выраженіе *теслимъ*, что по турецки значитъ сдача. Когда же старались дознать какого рода сдачу они подразумѣвали подъ симъ словомъ, и не полагаютъ ли они что весь гарнизонъ сдастся военно-плѣнными, то они съ удивленіемъ отзывались, что такому дѣлу случиться не возможно, разумѣя подъ словомъ *теслимъ* лишь свою личную сдачу. Однакоже они прибавляли, что если бы не такъ крѣпко держали ихъ въ блокадѣ, то войска стали бы уходить толпами. Рѣчи эти подали главнокомандующему мысль открыть имъ удобнѣйшій путь для ухода. Съ этой цѣлью, было приказано снять посты по дорогѣ черезъ Самоватъ, поставивъ партіи въ скрытныхъ мѣстахъ, дабы ловить уходящихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости; но осажденные вѣроятно не замѣтили этого отдушника и потому не воспользовались имъ. Простороживъ ихъ такимъ образомъ безъ пользы въ теченіи четырехъ дней, приказано было снова занять прежніе блокадные посты.

О перебѣжчикахъ. Въ числѣ перебѣжчиковъ было много унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Люди уходили большею частью изъ карауловъ при заставахъ. По разспросамъ казалось, что товарищи изъ состраданія не препятствовали ихъ уклоненію, если же случались при томъ начальники, то по уходящимъ стрѣляли и они отстрѣливались по своимъ. По сему случаю доводилось намъ иногда слышать подъ самыми укрѣпленіями ружейные выстрѣлы, коихъ причину не могли себѣ объяснить. Тѣ, которые рѣшались уходить изъ палатокъ черезъ валъ, употребляли хитрость, повторявшуюся многими. Они перелѣзали черезъ валъ днемъ, передъ глазами своихъ начальниковъ, для набиранія кизяковъ на топливо и подбирая ихъ, по немногу удаля-

лись; коль же скоро они находились въ такомъ разстояніи, что не опасались мѣткаго ружейнаго выстрѣла съ вала, то пускались бѣжать въ нашу сторону во всю прыть; «Все равно» говорили они намъ, «умирать отъ голода или отъ своей пули». Надобно полагать, что всѣхъ бѣжавшихъ, считая въ томъ числѣ и ушедшихъ не замѣченныхъ нами, было болѣе 1 т. человѣкъ, а плѣнныхъ взято, послѣ 17-го Сентября до 350-ти человѣкъ. При всемъ этомъ офицеры не бѣгали; во все время перешло ихъ не болѣе трехъ или четырехъ. Когда же спрашивали перебѣжчиковъ, скоро ли съ ними будутъ показываться офицеры: «какъ можно» отвѣчали они съ удивленіемъ «этого не будетъ, офицерамъ не идетъ бѣжать», — что показываетъ развивавшееся чувство достоинства офицерскаго званія въ сихъ молодыхъ войскахъ. Не взирая на всеобщее бѣдствіе, въ Карсѣ турецкіе офицеры строго обращались съ нижними чинами. Были дезертиры, которые говорили, что оставили полки свои отъ побоевъ наносимыхъ имъ офицерами. Въ послѣднее время, англичане по ночамъ отводили сторожевую цѣпь на нѣкоторое разстояніе отъ вала, внутри укрѣпленій; а по валу становили обывателей Карса и посылали офицеровъ, которые обходили извѣстныя дистанціи и смѣнялись другими.

Состояніе гарнизона.

Въ началѣ Октября, дача хлѣба была нѣсколько усилена, такъ что вмѣсто $^1/_3$ положеннаго пайка, выдавалось $^2/_3$, къ чему присоединялся приварокъ, на который отпускали въ сутки на человѣка отъ 5—8 золотниковъ муки, но безъ масла или какихъ либо овощей. Отъ подобныхъ мѣръ, при страхѣ возбужденномъ разстрѣливаніемъ, уменьшались на короткое время побѣги; но съ половины Октября, они стали опять увеличиваться и въ значительной степени, такъ что бывали дни, въ которые число дезертировъ къ намъ попадавшихъ, возрастало до 30-ти человѣкъ и болѣе. Холера въ это время въ гарнизонѣ уменьшилась, но ее замѣнила цынга и всеобщее разслабленіе, отъ котораго смертность доходила до 128-ми человѣкъ въ сутки, такъ что люди падали и умирали по дорогамъ и на улицахъ, гдѣ трупы ихъ оставались не похороненными. Главные начальники въ Карсѣ, хотя и нуждались въ продовольствіи,

но еще не терпѣли крайности въ съѣстныхъ припасахъ. У предводителя баши-бозуковъ, извѣстнаго вельможи Гаджи-Темуръ-Паши, на послѣднихъ дняхъ передъ сдачею Карса, оставалось еще въ запасѣ пять барановъ, коими онъ угощалъ приходившихъ къ нему пашей. Съ конца Октября, въ госпитали стали выдавать для навара конину. Вилліамсъ, какъ и прочіе иностранцы и всѣ начальники имѣвшіе лошадей, не будучи болѣе въ состояніи содержать ихъ, продали излишнихъ за безцѣнокъ.

Мѣры для ободренія гарнизона.

При такомъ положеніи дѣлъ, лишь одна дѣятельность Вилліамса и твердыя мѣры имъ предпринимаемыя, поддерживали еще въ гарнизонѣ остатки силъ въ борьбѣ противъ неизбѣжной участи. Начальники ѣздили по укрѣпленіямъ и распускали слухи о прибывшихъ будто курьерахъ съ радостными вѣстями о покореніи Омеръ-Пашею Ахалцыха и Кутаиса, и ложныя вѣсти сіи торжествовались по ночамъ съ музыкою и ликованіями, которыя были слышны на нашихъ аванпостахъ. Въ городѣ были прибиты къ публичнымъ зданіямъ объявленія, съ убѣжденіемъ дожидаться избавленія отъ идущихъ на помощь съ двухъ сторонъ войскъ и съ проклятіями на тѣхъ, которыя бы не стали тому вѣрить. Разсѣевали слухи, что видѣли уже огни корпуса Селимъ-Паши, сверкавшіе ночью на вершинахъ Соганлуга, назначали три дня срока, потомъ восемь, обѣщали избавленіе то съ нарожденіемъ новой луны, то съ полнолуніемъ, то съ наступившею первою пятницею соотвѣтствующею у мусульманъ нашему воскресному дню, потомъ еще до слѣдующей пятницы. Но сроки проходили, и ни откуда не было видно помощи, такъ что перестали вѣрить симъ слухамъ и дезертиры отзывались, что новолуній, полнолуній и пятницъ, еще много впереди. Турки однакоже такъ легковѣрны, что пріѣзжавшій къ намъ во второй разъ адъютантъ Керимъ-Паши для сдачи нашихъ раненыхъ плѣнныхъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ Октября, вѣрилъ еще, что Селимъ-Паша придетъ изъ Эрзрума на освобожденіе Карса. Онъ объяснилъ ожиданія свои въ разговорѣ съ полковникомъ Лорисъ-Меликовымъ выразившись: что должны же быть у нихъ надежды,

если рѣшились прибавить дачу хлѣба; но такими отзывами онъ только болѣе обнаружилъ, что люди дѣйствительно терпѣли голодъ въ Карсѣ и нуждались въ подкрѣпленіи силъ. Не упускали средствъ и къ задобриванію войскъ: однажды роздали по небольшой пригоршни сарачинскаго пшена изъ остававшагося еще небольшаго запаса сего зерна, лакомили ихъ также выдачею по нѣсколько золотниковъ сахару и кофе *); но всѣ эти мѣры были мало дѣйствительны тамъ, гдѣ уже смерть преобладала—и побѣги не прекращались.

Сдача бѣглыми оружія.

Такъ какъ многіе изъ перебѣжчиковъ приходили безъ ружей, оставляя ихъ у себя въ лагерѣ, дабы не возродить подозрѣнія, или бросая ихъ дорогою, чтобы не возбудить противъ себя людей нашихъ на передовыхъ постахъ, то въ Карсѣ была пущена черезъ возвращаемыхъ жителей вѣсть, что каждому бѣглому будетъ выдаваться за ружье по одному червонцу. Узнавъ о томъ, турецкіе нижніе чины пробирались къ намъ съ оружіемъ, и послѣ явки, нѣкоторые изъ нихъ просили, чтобы исправность ружья была осмотрѣна какъ и вся амуниція, патроны, отвертка и проч., требуя за тѣмъ, чтобы имъ выданъ былъ обѣщанный червонецъ. «Видишь»—говорили они—«я во всемъ исправенъ; какъ мнѣ султанъ выдалъ оружіе и амуницію, въ такомъ видѣ и я ихъ сдаю».—Однако при такихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ этихъ простодушныхъ людей, не было у нихъ злоумышленной измѣны; ибо, изнемогая отъ голода, они убѣждались, что обязанности ихъ къ султану прекращались съ прекращеніемъ отъ него довольствія; роптали же иногда лишь на англичанъ, говоря, что эти пришельцы могутъ располагать своими крѣпостями и войсками, но не вправѣ распоряжаться ими въ султанскихъ владѣніяхъ.

Состояніе перебѣжчиковъ.

Болѣе другихъ бѣгали нижніе чины изъ анатолійскихъ полковъ, но долго не показывались бѣглые изъ арабистанскихъ и изъ гвардейскаго баталіона. Наконецъ и тѣ стали появляться, и это былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ разрушенія

*) Сахару въ Карсѣ было очень много. Товаръ этотъ заготовляется контрабандистами, которые доставляютъ его въ обыкновенное мирное время въ наши границы.

зародившагося въ гарнизонѣ. Люди эти, въ особенности гвардейцы, приходили еще въ порядочномъ видѣ, потому что о нихъ имѣлось болѣе попеченія, и самый народъ былъ лучше чѣмъ въ другихъ частяхъ гарнизона; но остальные бѣглые находились въ жалкомъ положеніи. На полуистлѣвшемъ и мѣстами прогорѣломъ рубищѣ ихъ покрывавшемъ, во множествѣ кишѣли насѣкомыя. Иные приносили въ своихъ сумкахъ смрадный кусокъ конины, которую они вырѣзали себѣ въ пищу изъ падали; овощи замѣнялись пырейнымъ корнемъ, который выкапывали въ небольшомъ болотцѣ предмѣстья Байрамъ-Паши, и при всемъ этомъ не имѣли они на ночь другаго убѣжища, какъ прожженную и рваную палатку, подъ коей не возможно было согрѣться, особенно на Шорахской горѣ, гдѣ часто дулъ пронзительный холодный вѣтеръ. Тамъ нуждались они и въ дровахъ, потому что люди не въ силахъ были выносить ихъ на гору. Ночуя такимъ образомъ на стужѣ, они не имѣли покоя и отъ ракетъ, пускаемыхъ къ нимъ по ночамъ. На первыхъ порахъ весь гарнизонъ становился въ ружье, но хотя напослѣдокъ стали къ нимъ привыкать, не менѣе того, при каждой ракетѣ подымалась по лагерю тревога, постоянно сопровождавшаяся воемъ множества собакъ, привлеченныхъ въ городъ валяющеюся падалью. Однажды только сдѣлана была турками за валомъ засада, за которую пропустили изощреннаго ракетника нашего, милиціи юнкера Даніила и проводили его ружейными выстрѣлами—но безъ вреда.

По словамъ перебѣжчиковъ, тѣлесное разслабленіе было причиною, что многіе изъ нихъ, собственно по слабости силъ, не въ состояніи были слѣдовать ихъ примѣру. Приходившіе просили хлѣба, цѣловали его, но плаксивыхъ жалобъ ни отъ кого изъ нихъ не было слышно. Не менѣе хлѣба цѣнили они курительный табакъ, котораго всячески домогались. Встрѣчались и такіе, которые въ безчувственномъ онѣмѣніи своемъ, не прикасались даже къ предлагаемой имъ пищѣ. Тощій видъ ихъ, впалые глаза, распухшіе у многихъ десны, лица, ноги въ язвахъ и зловоніе ихъ окружавшее, свидѣтельствовали о бѣдствіяхъ ими переносимыхъ и напоминали французовъ при от-

ступленіи въ 1812-мъ году отъ Москвы. По истинѣ, безвыходно было положеніе турокъ. Въ Карсѣ угрожала имъ холера или голодная смерть, при побѣгѣ по нимъ стрѣляли; случалось что и на аванпостахъ нашихъ убивали ихъ казаки; тѣ, которымъ удавалось пробраться къ намъ въ лагерь, опасались возвратиться на родину, тѣхъ же которыхъ свои ловили или уличали въ намѣреніи бѣжать, разстрѣливали. Дивно было терпѣніе сихъ несчастныхъ жертвъ, погибавшихъ безъ вопля и безъ стона. Терпѣніе это можно бы считать высшею добродѣтелью въ солдатѣ, ежели бы у турокъ оно не было послѣдствіемъ дикаго фатализма, съ коимъ они безропотно, или лучше сказать, безчувственно ожидали конца своихъ страданій.

Выходцы изъ обывателей Карса.

Обыватели Карса также много терпѣли; встрѣчались случаи вызывавшіе къ нимъ состраданіе. Приходили женщины съ малолѣтними дѣтьми—и возвращались унося съ собою полученный у насъ хлѣбъ только на одно-дневное пропитаніе. Бывали въ числѣ жителей, какъ и между нижними чинами выходцы, которые фиглярствомъ своимъ, и забавными пріемами находили у насъ привѣтъ и пособіе, обходя лагерь и развлекая праздныхъ разными штуками. Всякое веселье и развлеченіе у насъ допускалось и было умѣстно, при нетерпѣливомъ ожиданіи великаго событія—паденія Карса.

Открытіе хлѣбныхъ запасовъ въ Карсѣ.

Нельзя было болѣе сомнѣваться въ скудости хлѣбныхъ запасовъ остававшихся въ Карсѣ, миновались и первые сроки, въ которые по предположеніямъ основаннымъ на имѣвшихся данныхъ о продовольствіи, запасы сіи должны были окончательно истощиться; но крѣпость не сдавалась—какъ противъ всякаго чаянія узнано было, что въ городѣ отысканы у жителей ямы съ пшеницею. За однимъ открытіемъ слѣдовало другое, и хотя нельзя было думать, чтобы турецкая армія могла долгое время содержаться сими новыми запасами, но не менѣе того существованіе ея длилось, и гарнизонъ все еще держался. Извѣстіе о сихъ открытіяхъ было тѣмъ неожиданнѣе, что имѣлись положительныя свѣдѣнія о нуждахъ терпимыхъ жителями, между коими зажиточные продавали четверть муки по 35-ти руб. серебромъ; солдатскій же хлѣбикъ, не имѣвшій одного

фунта вѣса, покупали по 25-ти коп. сер. При такой нуждѣ нельзя было полагать, чтобы въ городѣ хранились еще значительные запасы хлѣба.

Вилліамсъ, узнавъ о сихъ вновь открытыхъ запасахъ, приказалъ взять найденный хлѣбъ въ казну на продовольствіе войскъ, обывателей же велѣлъ раздѣлить на два разряда: имущихъ и неимущихъ, отдавъ на попеченіе первыхъ по нѣскольку человѣкъ другихъ для продовольствія. Болѣе одного раза собирались жители къ палаткѣ мушира, прося его удалиться съ войскомъ изъ города, или же пособія въ продовольствіи; но ихъ успокоивали небольшею раздачею пшеницы изъ забранной въ ихъ же запасахъ.

Счетъ продовольствія въ Карсѣ.

Послѣднее свѣдѣніе о состояніи продовольствія въ Карсѣ, было доставлено выбѣжавшимъ въ концѣ Октября нестроевымъ офицеромъ, занимавшимся по сей части. По учету сдѣланному на основаніи показаній его, и въ предположеніи что провіантъ выдавался только на 18,000 человѣкъ, допустивъ при томъ, что отпускали вмѣсто цѣлаго, лишь половину пайка, оказывалось, что всего продовольствія сухарями и зерномъ, должно было стать только до 9-го Декабря; но самъ показатель не ручался чтобы провіантъ этотъ, сложенный въ двухъ мечетяхъ находился еще въ цѣлости, хотя мечети и были запечатаны и хотя при нихъ стояли часовые; ибо, по словамъ его, могло случиться, что карское начальство скрытнымъ образомъ выбрало провіантъ изъ сихъ мечетей и для вида снова запечатало ихъ. Кромѣ же сихъ запасовъ, какъ онъ утверждалъ, болѣе никакихъ нигдѣ не имѣлось.

Допуская справедливость вышеписаннаго расчета, средства къ продовольствію могли бы увеличиться лишь съ убылью гарнизона отъ побѣговъ или отъ смертности; но въ замѣнъ этого должно было противупоставить ежедневно возрастающій безпорядокъ при выдачѣ хлѣба и воровство провіанта, что уже болѣе одного раза обнаруживалось; при томъ же нельзя было думать, чтобы гарнизонъ и жители, при всемъ своемъ терпѣніи, могли бы еще долго выдержать такое испытаніе и оставаться покойными до съѣденія послѣдней крохи.

Всего болѣе надобно было опасаться, чтобы послѣ значительнаго уменьшенія гарнизона, карскому начальству не пришло на мысль бросить укрѣпленные лагери, стянуть всю артиллерію на Карадагъ и собственно въ крѣпость, которая была также усилена разными верками и гдѣ можно было держаться съ нѣсколькими тысячами отборной пѣхоты, чѣмъ продлилось бы еще на нѣкоторое время предсмертное страданіе съ коимъ боролся Карсъ; ибо хотя мы и приготовились къ зимѣ, но войска наши имѣли надобность въ отдохновеніи и должны были приготовляться къ предстоявшей въ 1856-мъ году кампаніи. Военныя соображенія.

Дабы съ достаточною положительностью начертать себѣ по тогдашнимъ обстоятельствамъ новый планъ дѣйствій, генералъ Муравьевъ приказалъ привести къ себѣ трехъ старшинъ изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ людей окрестныхъ селеній, и личными разспросами у нихъ о глубинѣ снѣговъ на разныхъ мѣстностяхъ, о зимнихъ сообщеніяхъ и вьюгахъ, онъ убѣдился въ доступности Шорахскихъ высотъ въ позднее время года.

Руководствуясь сими данными, вышеприведенными соображеніями и свѣдѣніями о состояніи продовольствія въ Карсѣ, главнокомандующій располагалъ съ помощью подошедшихъ свѣжихъ войскъ вновь предпринять 9-го Декабря приступъ къ крѣпости, если бы она противъ всякаго чаянія къ тому времени не сдалась.

Среди заботъ ген. Муравьева о способахъ къ скорѣйшему покоренію крѣпости съ заключившеюся въ ней арміею, прискакалъ къ нему вечеромъ 31-го Октября курьеръ отъ начальника Гурійскаго отряда кн. Мухранскаго, съ донесеніемъ о переходѣ Омеръ-Паши черезъ рѣку Ингуръ и о вторженіи его съ арміею въ границы Мингреліи, при чемъ мы въ неудачномъ дѣлѣ лишились трехъ орудій. Первая вѣсть о вторженіи Омеръ-Паши въ Мингрелію

IV.

О вторженіи Омеръ-Паши въ Мингрелію.—Переговоры о сдачѣ Карса.

Тревожны были на первыхъ порахъ вѣсти о неудачѣ претерпѣнной кн. Мухранскимъ на Ингурѣ, и объ отступленіи его Причины по коимъ про-

должается блокада.

къ с. Хета, и хотя онъ писалъ что будетъ держаться на этомъ мѣстѣ, но сего нельзя было ожидать, потому что армія Омеръ-Паши была въ нѣсколько разъ сильнѣе его отряда и что нагорная дорога въ Кутаисъ, въ обходъ занимаемой Мухранскимъ позиціи, оставалась открытою для непріятеля; однако главнокомандующій не измѣнилъ предначертаній своихъ и рѣшился настоятельно продолжать блокаду Карса, основывая дѣйствія свои на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Избранный Омеръ-Пашею путь не черезъ Трапезунтъ, а черезъ Сухумъ-Калэ, страною отдѣленною отъ Карса едва проходимымъ хребтомъ горъ, показывалъ уже, что онъ избѣгалъ столкновенія съ главными силами нашими подъ Карсомъ.

Симъ направленіемъ обозначалась цѣль Омеръ-Паши, освободить Карсъ не дѣятельнымъ наступленіемъ для соединенія съ Анатолійскою арміею, а ограничиться для достиженія сего диверсіею, которая, угрожая Кутаису и Тифлису, побудила бы насъ снять блокаду и спѣшить съ войскомъ къ нему на встрѣчу.

Но опасаться намъ за Тифлисъ было нечего, потому что Гурійскій отрядъ можно было еще усилить частью войскъ находившихся на Лезгинской линіи, въ Ахалцыхѣ и въ самомъ Тифлисѣ. Нельзя было и полагать, чтобы турецкая армія могла проникнуть до Тифлиса, ибо она двигалась безъ перевозочныхъ мѣстныхъ средствъ, въ странѣ для нее чуждой, при томъ же Омеръ-Пашѣ предстоялъ трудный и почти непроходимый путь въ тѣснинахъ горъ, раздѣляющихъ Карталинію отъ Имеретіи, гдѣ онъ на каждомъ шагу встрѣтилъ бы непреодолимыя препятствія.

Князь Мухранскій, сосредоточивъ всѣ свои силы близъ Кодорской переправы на рѣкѣ Ріонѣ, или на лѣвомъ берегу рѣки Цхенисъ-Цхали, близъ соединенія дорогъ ведущихъ изъ Мингреліи и Гуріи, *) могъ еще дать сильный отпоръ Омеръ-Пашѣ, съ которымъ онъ при помощи милиціи былъ бы почти въ равныхъ силахъ; но если бы Мухранскій не выдержалъ боя, и

*) См. въ первой главѣ планъ кампаніи въ Мингреліи.

если бы къ тому времени не подошли къ нему подкрѣпленія, то непріятель могъ бы занять Кутаисъ—и тѣмъ ограничились бы всѣ его успѣхи.

Занятіе Кутаиса непріятелемъ, безъ сомнѣнія было бы чувствительно для всего края; но принимая въ расчетъ самыя невыгодныя для насъ условія и допуская даже сію утрату, ген. Муравьевъ не видѣлъ пользы снять блокаду съ Карса уже едва дышавшаго, потому что послѣ покоренія сей крѣпости, Омеръ-Паша вынужденъ былъ бы поспѣшно отступить съ потерею значительнаго числа войскъ отъ нужды, трудовъ и безхлѣбія которое его ожидало, въ особенности на возвратномъ пути.

Погода въ окрестностяхъ Карса стояла ясная, морозы усиливались, Соганлугъ не покрывался постояннымъ снѣгомъ, а въ Мингреліи продолжалась въ исходѣ Октября, противъ обыкновенія, теплая и сухая погода; дороги были сухи, и въ долинѣ Ріона показался свѣжій подножный кормъ. Такое состояніе атмосферы конечно было не въ нашу пользу; но чѣмъ долѣе оно продолжалось, чѣмъ медленнѣе двигалась грозная масса регулярнаго войска предводительствуемаго Омеръ-Пашею, тѣмъ болѣе можно было надѣяться на скорое измѣненіе погоды и на тѣ неопредолимыя препятствія, которыя непріятель встрѣтитъ, когда вдвинется въ середину Мингреліи. Отъ проливныхъ дождей, рѣки и потоки въ Мингреліи обыкновенно въ эту пору выступаютъ изъ своихъ береговъ, и страна сія обращается въ непроходимое болото, отъ чего всякое сообщеніе не только для войскъ, но и для одиночныхъ людей почти вовсе прекращается—и вторгнувшемуся непріятелю, пришлось бы утопать въ такъ называемыхъ мингрельскихъ грязяхъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, запоздалое и медленное вторженіе Омеръ-Паши, не отвлекло Ген. Муравьева отъ блокады Карса, коего предстоявшее уже почти вѣрное покореніе не приходилось промѣнять на неосновательныя надежды настичь Омеръ-Пашу въ Мингреліи; ибо кромѣ того, что путь до него былъ круженъ, продолжителенъ и затруднительный, онъ всегда могъ удалиться въ порты Чернаго моря и от-

плыть, не только за нѣсколько переходовъ до приближенія нашего, но даже послѣ полученія перваго извѣстія о снятіи блокады—цѣль его была бы тогда достигнута.

Мѣры предпринятыя противъ вторженія Омеръ-Паши.

И такъ, вторженіе Омеръ-Паши вызвало со стороны ген. Муравьева лишь новыя оборонительныя мѣры, коими надобно было довольствоваться до того времени, пока обстоятельства не дозволятъ ему дѣйствовать наступательно и съ достаточными силами, чтобы опрокинуть высадившуюся армію въ море или заставить ее заблаговременно убраться. О рѣшеніи своемъ остаться подъ Карсомъ, ген. Муравьевъ увѣдомилъ военнаго министра кн. Долгорукаго 1-го Ноября—на другой день по полученіи извѣстія о проигранномъ Мухранскимъ сраженіи на берегахъ Ингура. Оборонительныя же мѣры, предпринятыя противъ Омеръ-Паши, состояли въ слѣдующемъ:

При полученіи отъ Мухранскаго еще первыхъ извѣстій о выступленіи Омеръ-Паши изъ Сухума и о движеніи его въ Самурзаканъ, кн. Бебутовъ отправилъ въ послѣднихъ числахъ Октября въ Кутаисъ 4-й и 5-й баталіоны Тенгинскаго пѣхотнаго полка *), и туда же послалъ 5-й баталіонъ Кубанскаго егерскаго полка, находившійся на Лезгинской линіи, съ которой онъ не рѣшался снимать болѣе войскъ доколѣ не покрылись снѣгомъ Кавказскія горы, ибо слухи о намѣреніи Шамиля вторгнуться въ Кахетію, не прекращались. Кубанскій баталіонъ, съ находившимися при немъ двумя горными орудіями, долженъ былъ придти въ Кутаисъ 10-го Ноября, а Тенгинскіе баталіоны 12-го числа того же мѣсяца. Съ полученіемъ же извѣстія о дѣлѣ на Ингурѣ, кн. Мухранскому предоставлено ускорить движеніе сихъ войскъ, если бы то оказалось нужнымъ.

Сверхъ того въ самыхъ первыхъ числахъ Ноября, кн. Бебутовъ направилъ въ Кутаисъ изъ Ахалцыхскаго отряда два баталіона резервной дивизіи: Грузинскій и Кавказскій линейные, въ полномъ ихъ составѣ, подъ начальствомъ командира

*) Баталіоны сіи пришли въ 1854-мъ году съ Кавказской линіи въ Тифлисъ, гдѣ они содержали караулы.

Кавказской резервной бригады полковника Ляпунова. Независимо отъ сихъ пяти баталіоновъ пѣхоты, посланныхъ кн. Бебутовымъ на подкрѣпленіе Гурійскаго отряда, главнокомандующій приказалъ г. м. Будбергу послать въ Кутаисъ изъ Ахалцыха еще два баталіона Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Бебутову отправить къ Мухранскому сколько бы онъ призналъ нужнымъ артиллеріи изъ Ахалцыха, гдѣ оной было достаточно. Кромѣ того, ему было указано на батарейную № 2-го батарею 13-й артиллерійской бригады, отправленную за излишествомъ 7-го Октября изъ подъ Карса въ Тифлисъ, и на четыре батарейныя орудія 21-й артиллерійской бригады, которыя оставались въ запасѣ и находились въ теченіе всего лѣта на Царскихъ колодцахъ.

Имѣя между тѣмъ въ виду не ослаблять обороны Ахалцыхскаго уѣзда, главнокомандующій назначилъ двумъ баталіонамъ Бѣлостокскаго полка съ 8-ю легкими орудіями и съ одною сотнею Горійской пѣшей милиціи, находившимся въ отрядѣ Базина при с. Омарага, слѣдовать въ Ахалцыхъ. Съ выступленіемъ Бѣлостокскихъ баталіоновъ ген. Базинъ былъ переведенъ 8-го Ноября, съ оставшимся у него резервнымъ баталіономъ Гренадерскаго полка въ Меликъ-Кёвъ, гдѣ онъ снова принялъ начальство надъ расположеннымъ тамъ блокаднымъ отрядомъ полковника Тихоцкаго; конница же его, находившаяся въ отрядѣ при с. Омарага, расположилась въ Ардеганѣ подъ начальствомъ барона Унгерништернберга, который остался въ зависимости отъ Базина.

Способы Гурійскаго отряда.

Съ прибытіемъ къ Кутаису этихъ новыхъ войскъ, въ Гурійскомъ отрядѣ должно было состоять $24^3/_4$ баталіона, (изъ коихъ послѣдніе отправленные четыре баталіона имѣли сильный составъ), 30 орудій и 11-ть сотень казаковъ. Числительность сихъ войскъ, въ сложности, доходила до 18,000 человѣкъ подъ ружьемъ, на конѣ и при орудіяхъ. Присоединивъ же къ тому, по крайней мѣрѣ 10,000 человѣкъ мѣстной милиціи, изъ коихъ большая половина была уже на службѣ, а другую легко было собрать, оказывалось около 28,000 войскъ—коли-

чество, едва ли не превосходившее числительность арміи Омеръ-Паши.

При такихъ средствахъ, съ хорошимъ запасомъ сухарей, имѣвшимся близъ Марани въ Усть-Цхенисъ-Цхали и при выгодахъ представляемыхъ мѣстностью для Гурійскаго отряда, который, отступая, могъ держаться на лѣвыхъ берегахъ притоковъ въ рѣку Ріонъ, можно было оставаться покойнымъ на счетъ военныхъ дѣйствій въ Мингреліи, и довершать покореніе Карса. Еще болѣе обезпечилось оно, когда 5 Ноября вершины Соганлуга затянуло облаками, все покрылось снѣгомъ и хребетъ сталъ недоступенъ для всякой попытки непріятеля отъ Эрзрума. Но не столь важны были для насъ сіи перемѣны въ погодѣ со стороны Эрзрума, какъ тѣ измѣненія въ атмосферѣ, которыя можно было ожидать въ Мингреліи, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, около того времени начались столь давно ожидаемые проливные дожди. Покрылись снѣгомъ и вершины отроговъ Кавказа впереди Кахетіи, черезъ что часть войскъ находившихся на Лезгинской линіи, становилась свободною для дѣйствій въ другихъ странахъ Закавказскаго края.

Воззваніе къ Имеретинцамъ, Мингрельцамъ и Гурійцамъ. Бебутовъ.

Для возбужденія жителей къ вооруженію, было послано ген. Муравьевымъ, по званію его намѣстника, воззваніе къ князьямъ, дворянамъ, духовенству и людямъ всѣхъ сословій въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи. Готовность всѣхъ сословій выразилась на дѣлѣ, и ополченія ихъ показали, что они не измѣнили предкамъ своимъ, ни въ славѣ мужества, ни въ преданности престолу. Для успѣшнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе всѣхъ предпринимаемыхъ мѣръ, 6-го Ноября поручено было кн. Бебутову самому ѣхать изъ Тифлиса въ Гурійскій отрядъ. Ему, какъ долго служившему въ той странѣ, коротко были извѣстны способы оной, мѣстности и самые люди.

Присутствіе Бебутова было въ особенности нужно въ Мингреліи, для успокоенія неудовольствій возродившихся между князьями и дворянами, и для возстановленія должнаго повиновенія правительницѣ княгинѣ Екатеринѣ Дадіанъ, которая, лишившись большей части своего владѣнія, удалилась съ дѣтьми въ Горди.

Но сюда не принадлежатъ событія кампаніи въ Мингреліи, описаніе коихъ составитъ предметъ седьмой главы этой книги, а потому обратимся снова къ происходившему подъ Карсомъ съ первыхъ чиселъ Ноября мѣсяца. События подъ Карсомъ.

Всякій день болѣе и болѣе ослабѣвала Анатолійская армія. Изнеможеніе ея выражалось въ стычкахъ, которыя встрѣчались рѣже и въ коихъ непріятель оказывалъ уже мало сопротивленія *). Лишь одинъ разъ турки защищались еще упорно. Въ ночь съ 6-го на 7-е Ноября непріятельская партія, состоявшая изъ 22-хъ вооруженныхъ солдатъ, вышла изъ карадагскихъ укрѣпленій и была открыта аванпостами донскаго казачьяго № 35-го полка на правомъ берегу рѣки Карсъ-Чай. Турки сильно сопротивлялись: 10 человѣкъ изъ нихъ было убито, а остальные, всѣ раненые взяты въ плѣнъ. Съ нашей стороны ранены одинъ оберъ-офицеръ и два казака; два казака контужены и двѣ лошади убиты.

Съ цѣлью постоянно поддерживать тревожное состояніе въ коемъ турки проводили ночи, ракеты, къ которымъ они начинали привыкать, были замѣнены пушечными выстрѣлами; для чего приказано было командиру конно-артиллерійской казачьей № 13-й батареи подполковнику Есакову, въ ночь съ 8-го на 9-е число Ноября подъѣхать съ 4-мя орудіями къ Канлы-Табіи и пустить нѣсколько ядеръ въ непріятельскій лагерь. Приказаніе это было исполнено въ точности: среди ночи, приблизившись скрытно къ укрѣпленіямъ, казаки сдѣлали шесть выстрѣловъ и прежде чѣмъ турки успѣли по тревогѣ выскочить на валъ, дивизіонъ былъ уже внѣ огня укрѣпленнаго лагеря. Непріятелю напоминалось, что настала уже пора вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости и что почина въ этомъ дѣлѣ, мы отъ него ожидали.

Между тѣмъ черезъ перебѣжчиковъ подтверждалось, что нижнимъ чинамъ прибавили дачу хлѣба. Обстоятельство это было необъяснимо при тогдашнихъ нуждахъ непріятеля. Можно было предполагать, что людямъ хотѣли дать средства къ уходу Наши партіи.

*) См. приложеніе подъ литерою У.

партіями; думалось также, что карское начальство имѣло еще въ виду пріобрѣтеніе, хотя малыми частями, провіанта украдкою изъ хлѣбородныхъ мѣстъ, почему для наблюденія за жителями на пространствѣ отъ Пеняка до Меджингерта, были расположены небольшія команды охотниковъ Лориса-Меликова въ деревняхъ Валяджъ, Чиплахлу, Бардусъ, Али-Софи и Аспуга. Для содержанія же разъѣздовъ по эрзрумской дорогѣ, въ Меджингертѣ поставлено полсотни полка курдовъ № 2-го.

Раздача сухарей и патроновъ гарнизону.

Распущенныя перебѣжчиками сначала темныя вѣсти о прибавкѣ хлѣба, скоро объяснились новыми показаніями другихъ перебѣжчиковъ, которые обнаружили, что въ гарнизонѣ дѣйствительно дѣлались къ чему то приготовленія. Разсказывали, что нижнимъ чинамъ нѣкоторыхъ полковъ раздаютъ сухари и увеличиваютъ число патроновъ на людяхъ. Въ иныхъ частяхъ было даже роздано на три дня сухарей на руки, съ запрещеніемъ употреблять ихъ въ пищу до разрѣшенія, въ другихъ же сохранялись они складами въ особыхъ палаткахъ *).

Предосторожности на случай вылазки.

Обстоятельство это указывало, что непріятель имѣлъ намѣреніе выбраться изъ Карса усиленною вылазкою; почему сдѣланы были необходимыя распоряженія. По войскамъ дѣйствующаго корпуса отдана диспозиція на случай выхода турокъ изъ крѣпости; по ночамъ усиливались аванпосты, а на перевалѣ Кизилъ-Гядукъ, черезъ который пролегала дорога для отступленія непріятелю, были поставлены двѣ сотни конно-мусульманскаго ширванскаго полка. Главнокомандующій опасался, чтобы непріятель при уходѣ своемъ не занялъ бы именно этой тѣснины своими стрѣлками, подъ прикрытіемъ коихъ, онъ могъ бы уходить, тогда какъ мы, обладая этимъ дефиле, могли задержать толпы уклоняющихся до тѣхъ поръ, пока пѣхота наша успѣла бы настичь ихъ съ тыла. Трудно было нашимъ конно-мусульманамъ оставаться на семъ перевалѣ нѣсколько

*) Замѣчательно, что сухари сіи сложенные при батареяхъ, и охранявшіеся голодными часовыми, остались неприкосновенными. О такомъ рѣдкомъ примѣрѣ повиновенія и уваженія къ обязанностямъ, упоминаетъ въ книгѣ своей докторъ Сандвитъ; тоже было узнано и отъ перебѣжчиковъ, которые признавали невозможнымъ коснуться хлѣба отданнаго имъ на сохраненіе.

сутокъ сряду, отъ холода, который былъ очень чувствителенъ на горахъ покрывшихся снѣгомъ. Но начальникомъ сихъ двухъ сотенъ былъ человѣкъ дѣятельный и твердый, уроженецъ Ширвани, капитанъ милиціи, недавно присланный изъ Шемахи съ званіемъ помощника командира полка, на мѣсто подполковника Омеръ-Бека, бѣжавшаго, какъ сказано во второй главѣ, при началѣ кампаніи къ непріятелю. Небольшой отрядъ этотъ, выполнилъ какъ нельзя лучше трудную обязанность на него возложенную и начальникъ онаго, оставшись на семъ мѣстѣ нѣсколько дней сряду до сдачи Карса, во все время бдительно наблюдалъ своими разъѣздами за окрестностію, присылая обстоятельныя свѣдѣнія о всемъ, что имъ въ той сторонѣ замѣчалось.

Англичане объ уходѣ изъ Карса.

Лекъ пишетъ, что въ Карсѣ рѣшено было гарнизону выйти изъ крѣпости, и что по сему случаю маіору Тиселю поручалось совмѣстно съ ген. Кмети избрать удобнѣйшій для этого пнуть. Пріѣхавъ къ Тахмасу, они осмотрѣли мѣстность и Тисдель снялъ ее на планъ. Предположено однакоже было, по словамъ Лека, идти на Чакмахъ, что но дорогѣ за фортомъ Лекъ, (Вели-Паша-Табіэ) и далѣе къ селенію Чалгауръ, направляясь къ небольшой равнинѣ что подлѣ этого селенія; оттуда немедленно атаковать незначительный лагерь иррегулярныхъ войскъ занимавшій южный уголъ этого плато, и какъ отрядъ сей, по его мнѣнію малочисленный, не могъ оказать большаго сопротивленія отступающей турецкой арміи, то она, достигнувъ оконечности горы, продолжала бы отступленіе по дорогѣ ведущей черезъ вершину горы на Гель и Пенякъ. Но извѣстно, что около Карса не имѣлось у насъ ни одного блокаднаго отряда состоявшаго изъ иррегулярныхъ войскъ, чего бы и допустить нельзя, судя же по направленію указываемому Лекомъ, въ той сторонѣ стоялъ отрядъ подполковника Лошакова, состоявшій изъ драгунъ и донскихъ казаковъ при двухъ конныхъ орудіяхъ, а въ близкомъ сосѣдствѣ его находился еще отрядъ подполковника Белюстина.

Лекъ находилъ необходимымъ скрывать до послѣдней минуты отъ самихъ турокъ намѣреніе оставить Карсъ, и потому

заготовлявшіяся въ тайнѣ подъ его личнымъ надзоромъ холщевыя котомки или ранцы, выдавались въ войска по мѣрѣ того какъ онѣ поспѣвали, съ трехъ дневнымъ запасомъ сухарей въ каждой, подъ *предлогомъ*, что войска могли быть неожиданно вызваны въ поле для встрѣчи ожидавшихся Селимъ или Омеръ-Паши. Однако же по ходу самаго дѣла, можно заключить, что англичане не имѣли положительнаго намѣренія пробиваться съ гарнизономъ изъ Карса къ Эрзруму сквозь наши блокадныя линіи—время для этого было уже упущено.

Здѣсь оканчивается описаніе блокады Карса; взглянемъ теперь на происходившее въ то время въ крѣпости и въ Анатолійской арміи.

Военный совѣтъ въ Карсѣ.

Вскорѣ по полученіи изъ Эрзрума извѣстія, что на помощь Селимъ-Паши не должно болѣе расчитывать, былъ собранъ въ Карсѣ, подъ прѣдсѣдательствомъ мушира, военный совѣтъ, въ коемъ присутствовали Вилліамсъ, адъютантъ его Тиздель, Лекъ, всѣ паши и полковые командиры. На семъ собраніи, Вилліамсъ далъ полное объясненіе о состояніи дѣла. Онъ обнаружилъ дѣйствія Селимъ-Паши и показалъ, что на Омеръ-Пашу также не было никакихъ надеждъ. Потомъ, выставивъ то бѣдственное состояніе, въ которомъ находились продовольственные запасы, выразилъ необходимость, безъ потери времени, предпринять что нибудь рѣшительное.

Послѣ долгихъ преній, опредѣлили наконецъ, что отступленіе о которомъ недавно разсуждали, становилось нынѣ вовсе невозможнымъ. По слабости людей и недостатку въ пищѣ *), покушеніе пробраться сквозь непріятельскія линіи черезъ горы, съ надеждою достичь Ольты, было бы сопряжено съ пагубными послѣдствіями и несмѣтною потерею людей.

При этомъ поставлено на видъ, что генералъ Муравьевъ, имѣя полныя свѣдѣнія о состояніи въ которомъ находился Карсъ, безъ сомнѣнія, ожидалъ какую либо попытку со стороны гарнизона, вслѣдствіе чего конечно удвоилъ обыкновенныя мѣры

*) Въ приложеніяхъ подъ литерою Z. значатся обнародованныя англичанами свѣдѣнія о состояніи Карса и Анатолійской арміи въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ.

осторожности и все изготовилъ дабы противиться исполненію такого предпріятія.

«По сему», пишетъ Лекъ, «ничего болѣе не оставалось гарнизону какъ сдаться на условіяхъ. Турецкіе начальники не охотно признавая справедливость горькой истины, въ которой усиливались ихъ убѣдить, наконецъ согласились съ Вилліамсомъ, что слѣдовало безотлагательно искать свиданія съ начальникомъ русскихъ войскъ».

Пріѣздъ Тисделя.

12-го ноября, въ два часа по полудни, прискакалъ изъ цѣпи казакъ съ извѣстіемъ, что изъ Карса выѣхало къ намъ пять человѣкъ подъ бѣлымъ флагомъ. Посланъ былъ офицеръ, чтобы принять ихъ и проводить въ лагерь, не завязывая имъ глазъ. По большому числу провожавшихъ, казалось, что ѣдущее лице было важнѣе парламентеровъ пріѣзжавшихъ для переговоровъ о возвращеніи раненыхъ. Скоро замѣтили на передовомъ всадникѣ красное платье и заключили, что то долженъ быть англичанинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, къ главнокомандующему явился адъютантъ Вилліамса съ запискою отъ своего генерала, которою онъ убѣдительно просилъ ген. Муравьева принять его на свиданіи— для какой надобности, того не объяснялось и самъ Тисдель не говорилъ. Свиданіе было назначено на 13-е число въ полдень, послѣ чего Тисдель возвратился въ Карсъ.

Предосторожности.

Хотя нельзя было еще сдѣлать положительнаго заключенія о цѣли сего свиданія, но казалось, что дѣло шло о сдачѣ крѣпости. Могло однако же, между англійскою и турецкою партіями, случиться въ гарнизонѣ несогласіе, вслѣдствіе котораго произошли бы безпорядки въ Анатолійской арміи и покушеніе прорваться въ Эрзрумъ. По сему, въ предосторожность противъ подобнаго случая, было послано послѣ пробитія зари на ночь изъ вагенбурга два баталіона Бѣлевскаго полка съ двумя орудіями въ с. Азатъ-Кевъ, а отъ Гренадерскаго и Рязанскаго полковъ отправлено по одному баталіону изъ главнаго лагеря, также на ночь, въ Бозгалу, гдѣ находился отрядъ кн. Дондукова. Войска сіи на другой день раннимъ утромъ возвратились къ своимъ мѣстамъ, и съ тѣхъ поръ до самой сдачи Карса, онѣ постоян-

но высылались на ночь къ означеннымъ мѣстамъ въ такомъ же количествѣ. Одна сотня конно-мусульманскаго полка № 1-го переведена изъ с. Супоназадъ въ с. Чармухлы.

Назначение лицъ для веденія переговоровъ.

Однакоже, какъ всего вѣроятнѣе, можно было ожидать переговоровъ, то главнокомандующій назначилъ для веденія ихъ, полковниковъ Кауфмана и кн. Дондукова, которыхъ заблаговременно снабдилъ наставленіями на счетъ условій о сдачѣ Карса.

Прiѣздъ Вилліамса.

Для встрѣчи Вилліамса были посланы, адъютантъ главнокомандующаго А. Корсаковъ и надворный совѣтникъ Папаригопуло, при десяти линейныхъ казакахъ и нѣсколькихъ драгунахъ. Съ конвоемъ находился подполковникъ Мансурадзе. Вилліамса встрѣтили за развалиною Гюмбетъ; Корсаковъ привѣтствовалъ отъ имени главнокомандующаго англійскаго генерала, который представилъ ему своего адъютанта Тисделя и секретаря Черчиль. День былъ ясный, все шествіе тронулось съ высланнымъ конвоемъ по дорогѣ къ лагерю, шагомъ. Случилось, что въ то самое время когда Вилліамсъ переѣзжалъ черезъ мостъ выстроенный нами между обоими лагерями на р. Карсъ-Чай, вдругъ открылась настежь небольшая дверь каменной обывательской сакли, находившейся на берегу и обращенной солдатами въ баню, изъ коей густымъ облакомъ хлынулъ паръ, а за нимъ, какъ бы изъ преисподней, выскочило двадцать голыхъ, красныхъ какъ раки, людей. Они побѣжали къ берегу и бросились подъ самый мостъ въ рѣку, по которой шелъ уже мелкій ледъ. Блестящій конвой, высланный къ англійскому генералу, совокупно съ неподготовленною встрѣчею на мосту, являли въ глазахъ его, сохранившіяся въ войскѣ нашемъ силы, коихъ едва оставались еще слѣды въ изнуренномъ карскомъ гарнизонѣ.

Рѣчь Вилліамса.

Главнокомандующій принялъ Вилліамса въ своемъ домикѣ на единѣ. Англичанинъ былъ роста болѣе средняго, на видъ казалось ему близъ пятидесяти лѣтъ, наружность его пріятная, осанка благородная, въ разговорѣ и поступи его выражалось достоинство—рѣчи и пріемы внушали довѣріе. Вилліамсъ началъ разговоръ: «я человѣкъ прямой и искренній»—сказалъ

онъ, — «лгать не умѣю, не буду хвалиться изобиліемъ продовольствія нашего и не домогаюсь скрыть отъ васъ то бѣдственное положеніе, въ которомъ нынѣ находится гарнизонъ Карса. Какъ честный человѣкъ, я исполнилъ обязанность свою до послѣдней возможности, пока въ состояніи былъ это сдѣлать, но нынѣ не достаетъ у меня къ тому болѣе способовъ. Войско изнурено до крайности, мы теряемъ до 150 человѣкъ въ сутки отъ нужды и лишеній; такимъ же образомъ погибаютъ городскіе обыватели отъ голода и болѣзней. Намъ неоткуда болѣе ожидать помощи; хлѣба у насъ осталось только на три дня. Открыто объявляю вамъ объ этомъ; но движимый человѣколюбіемъ я прибылъ къ вамъ съ согласія нашего главнокомандующаго мушира Васифъ-Паши, предложить вамъ сдачу Карса, продоставляя условія на ваше великодушіе».

На эту рѣчь, генералъ Муравьевъ отозвался Вилліамсу, что такъ какъ онъ искалъ свиданія, то отъ него и ожидается предложеніе условій, на которыхъ онъ рѣшается сдать крѣпость, дабы видѣть можно ли будетъ на нихъ согласиться. Переговоры.

Въ отвѣтъ на это, Вилліамсъ просилъ главнокомандующаго уважить только три условія, которыя были ему всего ближе къ сердцу. Онъ просилъ *во первыхъ*: чтобы плѣнъ распространить собственно на одну дѣйствующую часть регулярныхъ войскъ, а чтобы полки сформированные изъ отпускныхъ людей, такъ называемыхъ редифъ, и кромѣ того всѣ чины нестроеваго званія, лазы и баши-бозуки, были уволены. При затрудненіяхъ предстоявшихъ для продовольствія войскъ и въ размѣщеніи ихъ, намъ нельзя было обременять себя огромнымъ количествомъ плѣнныхъ; полки редифа были слабѣе дѣйствующихъ, какъ по образованію своему, такъ и по силамъ; намъ некуда было бы дѣваться съ ихъ больными и истощенными людьми, которые перенесли бы къ намъ заразу, и потому главнокомандующій не затруднился въ изъявленіи согласія на первое предложеніе Вилліамса: — отпустить редифъ, нестроевыхъ и иррегулярныхъ, коихъ остатки, разойдясь по своимъ домамъ, не скоро бы могли снова поступить на службу.

Во вторыхъ, Вилліамсъ просилъ чтобы пропустили нѣсколько человѣкъ иностранныхъ выходцевъ, по списку который онъ доставитъ, на что ему также изъявлено согласіе съ тѣмъ, чтобы въ числѣ ихъ не находились лица, принадлежащія къ воюющимъ державамъ.

Третія просьба Вилліамса состояла въ томъ, чтобы всѣмъ офицерамъ оставлено было во время плѣна оружіе, на что главнокомандующій равно согласился.

По утвержденіи этихъ трехъ предложеній Вилліамса, главнокомандующій предоставилъ ему по прочимъ предметамъ сдачи, вступить въ переговоры съ назначенными на сей предметъ полковниками Кауфманомъ и Дондуковымъ, чѣмъ они втроемъ и занялись, въ недавно выстроенной квартирѣ Кауфмана.

Предварительныя условія.

Они заключили, не встрѣчая со стороны генерала Вилліамса затрудненій, предварительныя условія, которыя были разсматриваемы по мѣрѣ составленія статей главнокомандующимъ, и наконецъ утверждены. Условія эти были слѣдующія:

УСЛОВІЯ

сдачи города и крѣпости Карса, предложенныя генераломъ Вилліамсомъ и принятыя главнокомандующимъ русскою арміею генералъ-адъютантомъ Муравьевымъ.

Ст. 1-я Крѣпость сдается съ неприкосновеннымъ полнымъ вооруженіемъ своимъ.

Ст. 2-я. Гарнизонъ, сдаваясь военно-плѣннымъ съ главнокомандующимъ турецкой арміи и со всѣми военно-начальниками, выйдетъ изъ крѣпости съ военными почестями и сложитъ оружіе свое, знамена и прочее, на условленномъ заблаговременно мѣстѣ, откуда гарнизонъ будетъ слѣдовать по назначенію, которое будетъ указано главнокомандующимъ русскихъ войскъ. Во уваженіе мужественнаго сопротивленія, оказаннаго гарнизономъ Карса, офицеры всѣхъ чиновъ сохраняютъ при себѣ шпаги.

Ст. 3-я. Частное имущество всѣхъ военно-служащихъ, какого бы званія они ни были, останется неприкосновеннымъ.

Ст. 4-я. Милиція (редифы, баши-бозуки, лазы) по предварительномъ опредѣленіи и утвержденіи числа оной, получитъ позволеніе возвратиться въ свои дома.

Ст. 5-я. Равнымъ позволеніемъ воспользуются нестроевые чины арміи, какъ то: писаря, переводчики, служители при больныхъ и проч., по предварительномъ опредѣленіи числа ихъ.

Ст. 6-я. Генералу Вилліамсу предоставляется право представить генералу Муравьеву на утвержденіе, списокъ назначенныхъ по избранію его лицъ, коимъ будетъ позволено возвратиться въ свои дома.

Ст. 7-я. Всѣ поименованные въ статьяхъ 4-й, 5-й и 6-й, обязуются честнымъ словомъ не носить оружія противъ Его Величества Императора Всероссійскаго, во все продолженіе настоящей войны.

Ст. 8-я. Обыватели города предаютъ себя великодушію русскаго правительства, которое приметъ ихъ подъ свое покровительство.

Ст. 9-я. Памятники и городскія зданія, принадлежащія правительству, будутъ сохранены въ неприкосновенности.

Ст. 10-я. Не позже какъ завтрашній день, опредѣлятся особеннымъ договоромъ, подробности вышеозначенныхъ условій.

Подлинное подписали:

Генералъ Вилліамсъ и директоръ военно-походной канцеляріи полковникъ Кауфманъ.

Лагерь при Чифтлигая, ноября $\frac{13}{25}$ дня *).

Прогулка Вилліамса по лагерю.

Пока переписывали сіи условія, Вилліамсу было предложено прогуляться по лагерю. Онъ входилъ въ казармы сапернаго баталіона, которыя были устроены отлично хорошо и нагрѣвались печьми, осматривалъ нѣкоторые чисто устроенные офицерскіе домики, видѣлъ строющіяся конюшни для лошадей, и въ шуткахъ совѣтовалъ скорѣе ихъ кончать, если мы желаемъ

*) Копія съ сего предварительнаго условія, составленнаго на французскомъ языкѣ, значится въ приложеніяхъ подъ лит. Аа. Тамъ же подъ лит. Bb. помѣщена на англійскомъ языкѣ, выписка изъ депеши Вилліамса къ Кларендону отъ $\frac{29}{17}$ ноября, о заключеніи сихъ условій, съ переводомъ оной по русски.

еще ими воспользоваться. Отъ глазъ его не могли укрыться, заготовленныя къ зимнему времени санныя полозья и деревянныя лопаты, для разгребанія снѣга. Онъ замѣтилъ также теряющуюся вдали вереницу каменныхъ столбовъ, поставленныхъ по дорогѣ отъ лагеря до Александрополя, и при видѣ прочныхъ мѣръ принятыхъ нами на время зимы, онъ собственными глазами убѣдился въ твердомъ намѣреніи главнокомандующаго покорить Карсъ. По мѣрѣ осмотра Вилліамсомъ лагеря, изъ казармъ и землянокъ выбѣгали во множествѣ нижніе чины, вызванные любопытствомъ видѣть англійскаго пашу, какъ они его называли. Люди наши были добрые, сильные, въ теплой одеждѣ и съ исправною обувью. Вилліамсъ могъ видѣть, что при той степени изнуренія до которой была доведена Анатолійская армія, для нее не предстояло никакой возможности, посредствомъ боя, вырваться изъ своего затворничества, и что ему нельзя было ожидать условій выгоднѣе полученныхъ.

Къ свитѣ сопровождавшей Вилліамса, постепенно примыкали со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ возвратился со своими англичанами къ отведенному для нихъ помѣщенію, въ сопровожденіи массы офицеровъ и множества солдатъ, увеличивавшихъ шествіе сіе, по мѣрѣ того какъ оно двигалось.

Обѣдъ.

По возвращеніи Вилліамса съ прогулки, онъ и пріѣхавшіе съ нимъ офицеры были приглашены къ столу главнокомандующаго, во время коего не было вовсе говорено о военныхъ дѣлахъ, но поддерживался довольно оживленный разговоръ о постороннихъ предметахъ После обѣда всѣ присутствовавшіе вышли на площадку, гдѣ обыкновенно собирались по вечерамъ. За рѣкою играла музыка, по лагерю слышались пѣсельники, все было весело и гости казались довольными исходомъ дѣла. Вилліамсъ пожелалъ видѣться съ генераломъ, командовавшимъ отрядомъ при с. Меликъ Кевъ противъ Карадага и познакомился при этомъ случаѣ съ Баклановымъ *).

*) Баклановъ былъ пугалищемъ турокъ, которыхъ онъ много переловилъ и перебилъ. Во всякую войну у азіятцевъ являются въ непріятельскомъ лагерѣ, по ихъ понятіямъ, герои, которые получаютъ у нихъ особыя клички. Такими они признавали въ нашемъ лагерѣ трехъ, которымъ придавали

Вилліамсъ пожелалъ также знать какія имѣлись извѣстія о движеніяхъ Омеръ-Паши. Ему кажется хотѣлось повѣрить себя можно ли было ожидать содѣйствія его для освобожденія Карса; но когда ему объяснили мѣстность, отдѣляющую Мингрелію отъ Карсбаго пашалыка и средства имѣющіяся у насъ около Кутаиса, то онъ убѣдился, что ожиданія сіи были неосновательны, съ тѣхъ поръ какъ Омеръ-Паша избралъ такой окольный путь, для достиженія предположенной имъ цѣли. Тутъ же были получены положительныя свѣдѣнія, что Селимъ-Паша съ мѣста не трогается, обстоятельство, впрочемъ, уже извѣстное Вилліамсу.

Подписаніе предварительныхъ условій.

Въ тотъ же вечеръ, Вилліамсъ подписалъ подготовленныя перепиской предварительныя условія, поутру съ нимъ заключенныя. По окончаніи сего ему было замѣчено, что условія слѣдовало подписать самому главнокомандующему турецкою арміею. Вилліамсу вѣроятно и на мысль это не приходило, по навыку его быть полнымъ повелителемъ и распорядителемъ въ турецкой арміи, и онъ обѣщалъ на другой день доставить письменное уполномочіе отъ Васифъ-Паши, для совершенія акта о сдачѣ. Вскорѣ послѣ того, Вилліамсъ со свитою отправился въ Карсъ, обѣщаясь на другой день возвратиться съ окончательнымъ отвѣтомъ мушира и для подписанія настоящаго акта, который должно было составить на основаніи послѣдняго пункта предварительныхъ условій.

Волненіе въ Карсѣ.

14-го числа утромъ, главнокомандующій послалъ опять адъютанта своего А. Корсакова съ конвоемъ для встрѣчи Вилліамса. Изъ Карса показался бѣлый флагъ, но ожидаемаго лица не было—ѣхалъ только одинъ Тисдель, съ извиненіями отъ своего генерала, что ему нельзя было исполнить даннаго обѣщанія—прибыть въ этотъ день, о чемъ главнокомандующій былъ немедленно предъувѣдомленъ съ посланнымъ изъ конвоя

болѣе значенія чѣмъ самому сардарю т. е. главнокомандующему, а именно: Бакланова, Дондукова и Лорнса-Меликова. Перваго, во всѣхъ окрестностяхъ жители называли—Бакланъ, втораго—Кенегъ, а третьяго—Меликъ и послѣдняго разумѣли за самое довѣренное при главнокомандующемъ лице, черезъ котораго можно было всего достичь.

казакомъ. Тисдель ѣхалъ рысью и большею частью молчалъ. Онъ явился къ главнокомандующему нѣсколько смущеннымъ и выразилъ какъ извиненія своего генерала, такъ и просьбу его, о позволеніи явиться на другой день т. е. 15-го Ноября. Въ Карсѣ происходило слѣдующее: до сихъ поръ Вилліамсъ по возможности скрывалъ отъ войскъ и жителей совершенное истощеніе запасовъ и утѣшалъ ихъ скорымъ освобожденіемъ, которое ожидалось отъ дѣйствій Омера или Селимъ-Паши; когда же онъ обнаружилъ настоящее положеніе дѣла, то въ народѣ произошло сильное волненіе. Толпа голодныхъ жителей окружила домъ англійскаго генерала, умоляя его о скорѣйшей выдачѣ имъ хлѣба. Среди ихъ находилось много женщинъ, которыя воплями своими и криками увеличивали смятеніе. Онѣ кидали дѣтей своихъ къ воротамъ дома Вилліамса гласяя, что не отойдутъ безъ пищи. Всѣ до сего времени привѣтствовавшіе появленіе Вилліамса, теперь отъ него отворачивались съ негодованіемъ; то же самое замѣчено было и между нижними чинами *). Слышно было у насъ, что Вилліамсъ могъ успокоить народъ и самъ выбраться изъ окружавшей его толпы, только тѣмъ, что приказалъ высыпать на улицу небольшой запасъ собственной пшеницы, хранившейся у него въ домѣ.

Въ Карсѣ и въ Анатолійской арміи, могло конечно произойти неповиновеніе властямъ и всеобщее возстаніе, послѣ котораго довелось бы намъ биться съ толпами уходящихъ войскъ и преслѣдовать бѣгущихъ. Но такъ или иначе, во всякомъ случаѣ, Карсъ долженъ уже былъ покориться. Всего прискорбнѣе было бы пріобрѣсть его съ пролитіемъ крови и съ неотвратимыми при томъ въ городѣ безпорядками, отъ которыхъ трудно было бы удержать какъ наши, такъ и турецкія войска. Почему на всякій случай, были приняты въ нашемъ лагерѣ всевозможныя мѣры осторожности.

---

*) Разсказъ сей и изображеніе нравственнаго состоянія умовъ въ Карсѣ, о коемъ и въ лагерѣ тогда разнеслась вѣсть, извлечены изъ официіальной депеши консула Бранта къ Кларендону, писанной вслѣдъ по прибытіи въ Эрзрумъ Кмети и Кольмана.

Тисдель спѣшилъ возвратиться въ Карсъ; онъ повидимому безпокоился о своемъ генералѣ, къ которому повезъ согласіе главнокомандующаго принять его на другой день; ему же напомнили о присылкѣ обѣщаннаго уполномочія отъ мушира на заключенныя уже предворительныя условія, безъ чего условія сіи не могли имѣть значенія.

Въ тотъ же день вечеромъ, Тисдель возвратился къ намъ въ лагерь и привезъ отъ Вилліамса требуемое уполномочіе, которое заключалось въ письмѣ къ главнокомандующему отъ мушира на турецкомъ языкѣ — въ переводѣ — слѣдующаго содержанія: Уполномочіе отъ мушира.

«Высокостепенный, высокосановный, проницательный и благороднѣйшій генералъ Муравьевъ 1-й.

Находящійся въ здѣшней сторонѣ сановникъ высокой Англійской державы, превосходительный ферикъ Вилліамсъ-Паша, уполномоченъ и назначенъ съ нашей стороны вести переговоры на счетъ оставленія Карса; во извѣщеніе Вашего высокопревосходительства объ этомъ обстоятельствѣ, писано отъ меня сіе письмо».

«15-го Ребіулъ Эввелъ 1872 года» (14-го Ноября 1855 года).

Вмѣстѣ съ симъ, Тисдель представилъ также списокъ всѣмъ пашамъ Анатолійской арміи находившимся въ Карсѣ, говоря, что всѣмъ имъ объявлено о сдачѣ Карса и что все хорошо уладилось. Самъ онъ былъ покойнѣе чѣмъ поутру; но изъ словъ его можно было заключать, что объявленіе сіе и самое согласіе пашей не обошлось безъ шума и сопротивленія. Онъ однакоже не обнаруживалъ, были-ли условія сдачи объявлены всему войску; видно было только изъ рѣчей его, что хотя Вилліамсъ и имѣлъ успѣхъ, но что много стоило ему заботъ, выручить себя, слово свое и подпись. Возраженіе пашей на условія сдачи.

По словамъ Лека обстоятельства сіи произошли слѣдующимъ образомъ:

Вилліамсъ по возвращеніи своемъ изъ нашего лагеря въ Карсъ, уже довольно поздно, поѣхалъ прямо въ палатку къ муширу, которому онъ передалъ свѣдѣнія о послѣдствіяхъ сви-

данія его съ ген. Муравьевымъ, чѣмъ муширъ казался совершенно довольнымъ, не дѣлая никакихъ препятствій къ утвержденію выговоренныхъ условій. Узнали однакоже на слѣдующее утро, что нѣкоторые изъ пашей, освѣдомившись о предстоявшемъ имъ плѣнѣ, стали сильно противиться условіямъ капитуляціи, отъ чего произошло замедленіе, и Вилліамсъ нашелся вынужденнымъ послать своего адъютанта къ генералу Муравьеву для объясненія причинъ, препятствовавшихъ ему прибыть, согласно намѣренію его, для окончанія начатыхъ переговоровъ. По этому случаю, собранъ былъ опять военный совѣтъ, составленный по примѣру предшествовавшаго, изъ всѣхъ старшихъ начальниковъ гарнизона, при чемъ Вилліамсъ растолковалъ имъ содержаніе договора и объяснилъ, что такія условія могли они принять съ честью и что они не имѣли права ожидать или требовать какихъ либо выгоднѣйшихъ условій. Сему турецкіе начальники противопоставляли то, что въ подобныхъ случаяхъ, прежде встрѣчавшихся, и ими наименованныхъ, непріятель позволялъ гарнизону, по сложеніи оружія, уходить куда было угодно. По этому не видѣли они, зачѣмъ бы тоже самое снисхожденіе не было и имъ оказано въ настоящемъ случаѣ. Однакоже, доводы Вилліамса достигли наконецъ желаемаго успѣха и турки убѣдились, что имъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ терпѣливо предать себя неизбѣжной участи имъ предстоявшей. Послѣ чего совѣтъ, какъ, пишетъ Лекъ, былъ распущенъ.

Тисдель выѣхалъ изъ нашего лагеря обратно въ Карсъ уже передъ сумерками. Ему было поручено просить Вилліамса, располагавшаго на другой день привезти всѣхъ своихъ офицеровъ, дабы онъ привезъ и Керимъ-Пашу, пользовавшагося добрымъ именемъ въ турецкомъ войскѣ и состоявшаго въ чинѣ подполковника подъ начальствомъ генерала Муравьева во время десантной экспедиціи на Босфорѣ въ 1833 году.

Возвращеніе нашихъ плѣнныхъ.

15-го Ноября поутру отправлены къ Карсу повозки за остальными нашими ранеными и плѣнными, которые возвращены въ числѣ 20-ти человѣкъ; раненые уже большею частію

выздоравливали *). Съ ними возвращены семь или восемь бѣглыхъ солдатъ—все люди порочные. Легко могло случиться, что кромѣ выданныхъ намъ людей, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ скрылись, ушли изъ Карса во время сдачи, смѣшавшись съ тою частію турецкихъ войскъ, которую назначено было распустить.

За плѣнными послали извѣстнаго юнкера Данiила Арютинова. Ловкiй человѣкъ этотъ, часто употреблявшiйся для передачи осажденнымъ писемъ, ознакомился уже со многими турками. Ему запрещено было вступать съ ними въ дальнiе разговоры; но онъ, отправляясь къ Карсу, запасся водкою и закусками, чтобы поподчивать своихъ голодныхъ прiятелей. Послѣ оказаннаго Данiилу у заставы крѣпости радушнаго прiема, онъ предложилъ привезенное угощенiе, которое было принято съ признательностью. Въ числѣ собравшихся былъ и Керимъ-Паша, пригласившiй потомъ Данiила къ себѣ въ квартиру. Бесѣдуя съ нимъ, онъ уже откровенно высказывалъ трудное положенiе своихъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ распрашивалъ о происходившемъ на другихъ театрахъ войны, сознаваясь, что тѣсная блокада лишила ихъ возможности получать какiя либо извѣстiя извнѣ. Въ это время по нашему лагерю носился слухъ, будто Омеръ-Паша разбитъ наголову и Данiилъ передалъ эту новость вопросителю.—«Омеръ-Паша заслуживаетъ этого» угрюмо отвѣчалъ Керимъ-Паша, «вмѣсто скорой помощи Карсу, онъ вздумалъ маневрировать, а намъ отъ того приходится теперь сдаваться». Этими словами кончилась бесѣда Керимъ-Паши съ Данiиломъ, котораго онъ однакоже угостилъ чашкою кофе. Керимъ-Паша объ Омеръ-Пашѣ.

Въ 11-ть часовъ утра, снова посланъ былъ А. Корсаковъ съ конвоемъ для встрѣчи Вилліамса. Его скоро увидѣли ѣдущаго впереди довольно многочисленной толпы всадниковъ. Съ нимъ были всѣ находившіеся въ Карсѣ англійскіе офицеры: Лекъ, Тисдель, Томсонъ, докторъ Сандвитъ и письмоводитель Черчиль. Вилліамсъ представилъ всѣхъ Корсакову, равно какъ Второй пріѣздъ Вилліамса.

*) Тяжело раненые были еще оставлены въ Карсѣ.

и ѣхавшихъ съ нимъ турокъ: Ахмедъ-Пашу, Хафизъ-Пашу и Кадыръ-Бея. Керимъ-Паша не могъ воспользоваться сдѣланнымъ ему приглашеніемъ потому, какъ отозвался Вилліамсъ, что сочли необходимымъ оставить его въ лагерѣ, ради спокойствія въ войскѣ.

О перемѣнахъ въ условіяхъ.

Весь поѣздъ подвигался рысью и остановился въ лагерѣ у отведеннаго пріѣзжимъ домика Кауфмана, куда вошли паши и англійскіе офицеры, кромѣ Вилліамса, который былъ приглашенъ къ главнокомандующему. При семъ свиданіи не было много разговоровъ объ условіяхъ сдачи. Онъ только просилъ, чтобы баши-бозукамъ и лазамъ было оставлено оружіе, такъ какъ оно составляло ихъ собственность и принадлежало къ ихъ народному одѣянію; но онъ не получилъ на это согласія главнокомандующаго. Вилліамсъ представлялъ еще, что во избѣжаніе безпорядковъ, могущихъ произойти при сдачѣ оружія цѣлымъ гарнизономъ выведеннымъ изъ крѣпости и выставленнымъ въ полѣ боевымъ порядкомъ, онъ находилъ нужнымъ, изъ осторожности, распорядиться такъ, чтобы турецкія войска, выступая изъ своихъ лагерей, составили бы ружья въ козлы при палаткахъ и вышли въ поле безъ оружія; но онъ просилъ при этомъ, чтобы не измѣнять въ актѣ о сдачѣ, той статьи предварительныхъ условій, которою предоставлялось гарнизону выдти изъ крѣпости съ военными почестями и сдать оружіе и знамена уже на сборномъ мѣстѣ. Главнокомандующій, находя сужденія сіи основательными, согласился на эту мѣру осторожности, какъ равно согласился не измѣнять въ актѣ выговореннаго условія о выступленіи гарнизона съ военными почестями.

Исчисленіе Анатолійской арміи.

Въ этотъ день передано намъ слѣдующее свѣдѣніе о количествѣ войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Карса.

РЕГУЛЯРНОЙ ПѢХОТЫ.

Анатолійскаго корпуса:

1-го полка	2 баталіона	400 человѣкъ
2-го »	4 »	1,800 »

5-го полка	4 баталіона	1,000 человѣкъ.
6-го »	3 »	1,000 »

Гасса-Шишханэ стрѣлковаго, 1-нъ батал. 500 человѣкъ.

Арабистанскаго корпуса.

1-го полка	4 баталіона	1,700 человѣкъ.
3-го »	4 »	1,200 »
4-го »	1 »	200 »
6-го »	3 »	400 »

ПѢХОТЫ РЕДИФА.

2-го полка	4 баталіона	1,200 человѣкъ.
3-го »	3 »	800 »
4-го »	2 »	400 »

(въ числѣ ихъ одинъ баталіонъ изъ жителей Карса).

6-го полка	1 баталіона	400 человѣкъ.

РЕЗЕРВНОЙ ПѢХОТЫ.

Зюльфи-Сани.

1-го полка	4 баталіона	800 человѣкъ.
2-го »	1 »	200 »
1-го стрѣлковаго (Гасса) 4 бат.		1,200 »

Кавалеріи.

Пять пѣшихъ полковъ . . . . 1,000 человѣкъ.

Артиллеріи.

Два полка . . . . 1,800 человѣкъ.
Одинъ полкъ редифа . . . . 500 »

Милиціи.

Баши-бозуковъ . . . . 1,200 человѣкъ.
Лазовъ . . . . 700 »

Итого 18,400 человѣкъ.

Гости были приглашены къ обѣду, во время коего, Вилліамсъ выставилъ человѣколюбіе съ коимъ адъютантъ его Тисдель спасъ отъ смерти изъ рукъ турокъ на штурмѣ 17-го Сентября нѣсколько раненыхъ солдатъ нашихъ, о чемъ было уже извѣстно черезъ возвратившихся плѣнныхъ. Главнокомандующій счелъ справедливымъ благодарить его за такой поступокъ тостомъ, который былъ повторенъ всѣми присутствующими, къ особенному удовольствію молодаго человѣка сего удостоившагося. Подобное же изъявленіе признательности было выражено доктору Сандвиту и прочимъ англичанамъ за попеченіе ихъ о нашихъ раненыхъ, находившихся въ плѣну. Устраняя всякое сужденіе о поводѣ къ подобному человѣколюбію со стороны англичанъ, трудно было не оказать привѣтствія людямъ, коимъ также предстоялъ плѣнъ, послѣ многихъ трудовъ ими перенесенныхъ. Вилліамсъ говорилъ, что онъ только съ 12-го Ноября началъ спокойно высыпаться по ночамъ, полагаясь на то, что мы ихъ болѣе тревожить не будемъ; до того же времени, по словамъ его, онъ не провелъ ни одной ночи спокойно, ежечасно ожидая нападенія.

Актъ о сдачѣ Карса.

Между тѣмъ, полный актъ о сдачѣ Карса былъ составленъ, и Вилліамсъ подписалъ его послѣ обѣда. Актъ сей состоялъ изъ первыхъ девяти статей, служившихъ основаніемъ предварительнымъ условіямъ, которыя были слово въ слово выписаны, а за каждою статьею слѣдовало дополненіе.

Здѣсь излагается договоръ сей въ переводѣ *).

АКТЪ.

О сдачѣ города и крѣпости Карса, составленный на основаніяхъ условленныхъ между главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ генералъ-адъютантомъ Муравьевымъ и генераломъ Вилліамсомъ, комиссаромъ Ея Величества Англійской королевы. $\frac{13}{25}$ ноября 1855 въ главной квартирѣ при Чифтлягая.

Ст. 1-я. «Крѣпость сдается съ неприкосновеннымъ полнымъ вооруженіемъ своимъ».

*) Копія съ сего акта, писаннаго на французскомъ языкѣ, значится въ приложеніяхъ подъ лит. Сс.

Орудія не должны быть заклепаны, лафеты и прочее оружіе сдадутся въ томъ состояній, въ какомъ они находятся; снаряды, порохъ, арсеналы, склады воинской амуниціи, передадутся въ томъ положеніи въ коемъ будутъ находиться по вѣдомостямъ въ день сдачи крѣпости. Изъ архивовъ ничего не должно увозить или уничтожать.

Войска, выступая изъ Карса, оставятъ для караула посты, состоящіе изъ трехъ рядовыхъ при одномъ ефрейторѣ на слѣдующихъ мѣстахъ: къ каждому форту, редуту и батареѣ вооруженнымъ артиллеріею, къ пороховымъ магазинамъ, арсеналамъ или воинскимъ складамъ, къ госпиталямъ, архивамъ, казначействамъ и къ мечетямъ. Турецкое начальство назначитъ къ каждой части сего имущества, какъ то: къ казначействамъ, арсеналамъ, артиллеріи, къ госпиталямъ, провіантскимъ магазинамъ и къ архивамъ особенныхъ комиссаровъ, обязанныхъ передать выше сказанное имущество комиссарамъ, назначеннымъ на сей предметъ отъ русскаго главнокомандующаго. Вслѣдъ за выступленіемъ войскъ, выше названные посты смѣнятся русскими караулами, въ присутствіи прежняго турецкаго коменданта и вновь назначеннаго на сей предметъ русскаго коменданта. Турецкіе солдаты сдаютъ оружіе и амуницію свою русскимъ карауламъ и направляются подъ начальствомъ своего коменданта къ редуту Каплы, гдѣ они ожидаютъ дальнѣйшихъ распоряженій. Комиссары сдадутъ выше названные предметы на другой день послѣ очищенія крѣпости.

Ст. 2-я. «Гарнизонъ, сдаваясь военно-плѣннымъ съ главнокомандующимъ турецкою арміею и всѣми военными начальниками, выйдетъ изъ крѣпости съ военными почестями и сложитъ оружіе свое, знамена и пр. на условленномъ заблаговременно мѣстѣ, откуда гарнизонъ будетъ слѣдовать по назначенію, которое будетъ указано главнокомандующимъ русскихъ войскъ. Въ уваженіе къ мужественной защитѣ оказанной гарнизономъ Карса, офицеры всѣхъ чиновъ сохраняютъ при себѣ сабли».

Всѣ войска, входящія въ составъ карскаго гарнизона, исключая людей, находящихся за болѣзнію въ госпиталяхъ, разря-

дивъ ружья, выступятъ изъ крѣпости въ полномъ военно-походномъ вооруженіи, съ барабаннымъ боемъ, развернутыми знаменами и соберутся къ 10-ти часамъ утра близъ развалинъ Гюмбетъ, гдѣ онѣ построятся въ одну линію баталіонными колоннами. Артиллеристы построятся особенными колоннами по полкамъ. Редифъ, лазы и баши-бозуки станутъ отдѣльно, въ разстояніи полуверсты отъ праваго фланга прочихъ войскъ. Гарнизонъ составитъ ружья въ ко̀злы, сложитъ знамена и всю воинскую принадлежность, послѣ чего выстроится снова въ прежнемъ порядкѣ, впереди ружей.

Въ это время муширъ, главнокомандующій турецкой арміи, подъѣдетъ къ русскому главнокомандующему, коему передастъ строевой рапортъ о своихъ войскахъ, равно какъ и письменныя свѣдѣнія о всемъ вышеназванномъ воинскомъ имуществѣ. Тогда, назначенныя отъ русскаго войска лица, приступаютъ къ перекличкѣ и пріему турецкихъ офицеровъ и солдатъ, для чего турецкіе начальники обязываются представить списки ввѣренныхъ имъ частей. По окончаніи сего, всѣ военно-плѣнные, подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ, переходятъ въ колоннахъ къ мосту при Чифтлигая, гдѣ ихъ принимаютъ русскія войска, назначенныя къ нимъ въ конвой.

Поименованныя въ послѣдующихъ статьяхъ турецкія войска, имѣющія позволеніе возвратиться въ свои дома, направятся по дорогѣ къ с. Томра, подъ особеннымъ прикрытіемъ, и остановятся для ночлега близъ с. Котанлы. Войска эти обязываются хорошо обходиться съ жителями сего селенія и не чинить никакого безпорядка. На другой день колонна сія, слѣдуетъ далѣе тѣмъ же порядкомъ и останавливается на ночлегъ при с. Тозанлы. На третій день, по прибытіи къ подошвѣ Соганлуга, русское прикрытіе останавливается, турки же продолжаютъ движеніе свое черезъ горный хребетъ по направленію къ Эрзруму. Турки обязываются не входить въ с. Бардусъ, гдѣ находятся милиціонеры, поставленные отъ русскихъ войскъ. Отсталые изъ турецкихъ войскъ, которые въ теченіи однѣхъ сутокъ послѣ послѣдняго ночлега, не перейдутъ черезъ Соганлугъ, поступятъ въ число военно-плѣнныхъ.

При выступленіи изъ города и крѣпости, турецкое начальство обязывается оставить въ Карсѣ достаточное число врачей и служителей при больныхъ, находящихся въ госпиталяхъ, до совершеннаго ихъ выздоровленія.

Ст. 3-я. «Частное имущество всѣхъ военно-служащихъ какого бы званія они ни были, остается неприкосновеннымъ».

Каждому лицу входящему въ составъ войскъ, позволяется продать свое имущество или сохранить его, принявъ на себя заботы о перевозкѣ онаго.

Ст. 4-я. «Милиція (редифъ, баши-бозуки, лазы), по предварительномъ опредѣленіи и утвержденіи числа оной — получитъ позволеніе возвратиться въ свои дома».

Редифъ, баши-бозуки и лазы, находящіеся въ госпиталяхъ, пользуются по выздоровленіи тѣми же правами и подчиняются тѣмъ же условіямъ.

Ст. 5-я. «Равнымъ позволеніемъ воспользуются нестроевые чины арміи, какъ то: писаря, переводчики, служители при больныхъ, и проч. по предварительному опредѣленію числа ихъ».

Ст. 6-я «Генералу Вилліамсу предоставляется право представить генералу Муравьеву на утвержденіе, списокъ назначенныхъ по избранію его лицъ, коимъ будетъ позволено возвратиться въ свои дома».

Въ спискѣ семъ не должны находиться лица, состоящія въ военной службѣ одной изъ воюющихъ державъ.

Ст. 7-я. «Всѣ поименованные въ ст. 4-й, 5-й и 6-й, обязуются честнымъ словомъ не носить оружія противъ Его Величества Императора Всероссійскаго, во все продолженіе настоящей войны».

Ст. 8-я. «Обыватели города предаютъ себя великодушію русскаго правительства, которое приметъ ихъ подъ свое покровительство».

Вслѣдъ по передачѣ оружія, обыватели города должны послать къ главнокомандующему русскихъ войскъ депутацію, составленную изъ почетнѣйшихъ гражданъ, которые представятъ ключи города и предадутъ себя великодушію Августѣйшаго Государя Россіи.

Ст. 9-я. «Памятники и городскія зданія, принадлежащія правительству, будутъ сохранены въ неприкосновенности».

Русское правительство, руководствуясь правилами своими уважать обычаи и преданія народовъ его владычеству подчиненныхъ, въ особенности же храмовъ, не коснется зданій посвященныхъ вѣроисповѣданію и историческихъ памятниковъ Карса.

Настоящій актъ одобренъ, и признается дѣйствительнымъ послѣ нижеслѣдующихъ подписей.

Генералъ-Маіоръ Вилліамсъ, по званію своему военнаго комиссара Ея Величества Англійской королевы и по уполномочію отъ мушира Васифъ-Паши, главнокомандующаго Анатолійскою арміею.

Полковникъ Кауфманъ, директоръ военно-походной канцеляріи главнокомандующаго войсками на Кавказѣ, генерала Муравьева.

$\frac{15}{27}$-го Ноября 1855. Главная квартира при Чифтлигая.

Вскорѣ послѣ подписанія акта, Вилліамсъ, пріѣзжавшіе съ нимъ англійскіе офицеры и турецкіе паши возвратились въ Карсъ, дабы распорядиться на основаніи принятыхъ условій, сдачею крѣпости и арміи, назначенною на слѣдующій день, то есть 16-го Ноября. По краткости времени и по крайне-разстроенному состоянію въ коемъ находилось турецкое войско, большая половина частныхъ распоряженій, значущихся въ семъ актѣ, не была приведена въ исполненіе, согласно предположенію, какъ то будетъ вослѣдствіи видно.

Распоряженія и назначенія. По отъѣздѣ гостей, довершены всѣ нужныя распоряженія для встрѣчи ожидаемаго на другой день событія. Такъ какъ согласно акта, турецкіе начальники должны были представить по частямъ списки офицеровъ и людей, поступающихъ въ военноплѣнные, то съ нашей стороны были наряжены офицеры, при переводчикахъ, для пріема по списку плѣнныхъ; избраны также штабъ и оберъ офицеры для отвода партій плѣнныхъ, и принимались мѣры для продовольствія ихъ во время пути.

Назначены были войска, чтобы занять крѣпость, званіе же коменданта въ Карсѣ и начальствованіе надъ городомъ, снача-

ла было временно возложено на артиллеріи полковника Десаже. Для принятія и приведенія въ порядокъ орудій, оружія и казеннаго имущества, назначенъ артиллеріи подполковникъ Брискорнъ, тотъ самый, который со своею батареею такъ твердо удерживалъ позицію нашу на Шорахскихъ высотахъ въ день штурма; въ помощь ему дано нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ по его избранію. Не взирая на всѣ сіи предварительныя распоряженія, войска не переставали, на всякій случай, пребывать въ постоянной готовности къ немедленному движенію на легкѣ, имѣя съ собою въ мѣшкахъ на четыре дня сухарей; артиллеріи же было приказано имѣть въ готовности, на могущую случиться тревогу, по одному ящику на каждое орудіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказано не ослаблять блокадной линіи и по занятіи Карса нашими войсками, какъ равно не пропускать черезъ цѣпь въ лагерь жителей безъ билетовъ отъ вновь поставленнаго начальства, впредь до отмѣны сихъ двухъ распоряженій. Во избѣжаніе же безпорядковъ въ городѣ, не велѣно пускать и нашихъ нижнихъ чиновъ въ Карсъ, въ особенности запрещалось ѣздить и ходить туда милиціонерамъ: офицерамъ позволялось ѣздить въ Карсъ на первыхъ дняхъ только по надобностямъ службы и не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства.

Пропускъ иностранныхъ выходцевъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-е число, были пропущены по приказанію главнокомандующаго, согласно 6-й статьи договора, иностранные выходцы, коихъ списокъ былъ составленъ Вилліамсомъ. Списокъ этотъ былъ предварительно разсмотрѣнъ и потомъ переданъ къ исполненію кн. Дондукову, который принялъ выходцевъ въ своемъ лагерѣ при Бозгалѣ, угостилъ и отправилъ ихъ съ конвоемъ до с. Чиплахлы, гдѣ они были переданы стоявшей тамъ командѣ охотниковъ, а сіи послѣдніе проводили ихъ за Соганлугъ до с. Бардусъ, откуда они слѣдовали далѣе уже на свободѣ. Эмигрантовъ сихъ было восемь человѣкъ, кромѣ слугъ. Они дали кн. Дондукову за общимъ подписаніемъ подписку въ томъ, что обязываются не носить оружія противъ Россіи, во все время продолженія настоящей войны; изъ Чиплахлы же, старшій изъ нихъ прислалъ Дондукову записку съ

изъявленіемъ благодарности за привѣтливый пріемъ и съ отзывомъ о хорошемъ обхожденіи съ ними провожатыхъ.

Уклоненіе выходцевъ Кмети и Кольмана.

Не воспользовались пропускомъ дарованнымъ выходцамъ, турецкіе генералы Исмаилъ Паша (Кмети) и Фаизы-Паша (Кольманъ), оба венгерскіе эмигранты, успѣвшіе въ ночь съ 12-го на 13 Ноября проскочить по равнинной сторонѣ Карса сквозь наши аванпосты, которые, какъ уже было объяснено, трудно было содержать въ исправности, особливо въ длинныя осеннія ночи. По донесенію съ постовъ, въ ту ночь подъѣзжало къ нашей цѣпи изъ Карса четыре человѣка конныхъ, за коими казаки, съѣхавшіеся съ сосѣдственныхъ постовъ, погнались было къ городу; но вскорѣ послѣ того, съ другаго поста замѣтили двухъ всадниковъ, ѣхавшихъ тоже изъ Карса и проскочившихъ вдоль оврага за с. Магараджикъ, къ сторонѣ Кагызмана. За ними также гнались, но уже не къ Карсу а въ поле, однакоже тщетно—всадники, пользуясь темнотою ночи, успѣли укрыться. По быстротѣ лошадей ихъ, можно было догадываться, что то были люди не простаго званія и вскорѣ узнано, что ушедшіе были иностраные выходцы—и одинъ изъ нихъ Кмети.

По офиціальнымъ депешамъ изъ Эрзрума къ Кларендону отъ англійскаго консула Бранта и маіора Стюарта видно, что Кмети и Кольманъ оставили Карсъ съ разрѣшенія Вилліамса 12-го Ноября при захожденіи солнца, еще до возвращенія изъ нашего лагеря Тисделя. Брантъ пишетъ, что извѣстіе о состояніи Карса и предстоявшей сдачѣ, передалъ ему Кмети по приказанію полученному отъ самаго Вилліамса, послѣ тщетнаго старанія его послѣдняго убѣдить обоихъ выходцевъ, дабы они положились на ходатайство его о пропускѣ ихъ; они не склонились на эти убѣжденія, опасаясь чтобы ихъ не передали австрійскому правительству, гдѣ имъ предстояла неизбѣжная гибель. Лекъ объ этомъ обстоятельствѣ говоритъ слѣдующее: «Еслибъ офицеры эти положились на великодушіе генерала Муравьева, какъ ихъ къ тому уговаривалъ генералъ Вилліамсъ, то не довелось бы имъ прибѣгать къ такой, сомнительной въ успѣхѣ мѣрѣ».

Брантъ пишетъ, что Кмети и Кольманъ ушли въ сопровожденіи пяти курдовъ, что будучи знакомы съ окликами нашихъ пикетовъ, они миновали ихъ два, но были узнаны третьимъ и принуждены разсыпаться по горамъ; послѣ чего они съѣхались въ условленномъ мѣстѣ черезъ сутки, и прибыли въ Эрзрумъ, не останавливаясь на пути своемъ въ теченіи трехъ дней и трехъ ночей. У насъ слышно было, что они пронеслись мимо Кагызмана, близь коего останавливались на короткое время для отдыха у береговъ Аракса, и опять погнали ущельемъ этой рѣки, по такъ называемому, собачьему пути, (Итъ-Іоли) до Пассенской долины, а оттуда въ Эрзрумъ, куда привезли первую вѣсть о паденіи Карса.

Какъ бы то ни случилось, предпріятіе было отважное и исполнено молодецки. Поспѣшное уклоненіе Кмети изъ Карса и быстрота съ коею онъ прибылъ въ Эрзрумъ, доставили намъ ту выгоду, что привезенная имъ вѣсть очень скоро пронеслась черезъ Трапезунтъ и Константинополь въ Европу, гдѣ она была передана изъ Брюсселя по телеграфу въ Петербургъ 30-го Ноября—нѣсколькими днями ранѣе полученія о томъ въ столицѣ официальнаго увѣдомленія изъ Карса.

V.

СДАЧА КАРСА.

Наша позиція 16 Ноября.

Насталъ день 16-го Ноября. Погода была пасмурная; сѣрыя облака закрывали небо, и по временамъ, рѣзкій сѣверный вѣтеръ перемежался мелкимъ осеннимъ дождемъ. Войска наши начали двигаться по назначенію съ 8-ми часовъ утра и къ $9^1/_2$ часамъ всѣ заняли указанныя имъ мѣста. Центръ, состоявшій изъ пѣхоты, выстроился впереди нижняго лагеря въ баталіонныхъ колоннахъ, имѣя батареи свои съ заряженными орудіями противъ интерваловъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ центра, въ лѣвой сторонѣ, на скатѣ Бозгалинскаго возвышенія, построился конный отрядъ кн. Дондукова, подавшись лѣвымъ

флангомъ своимъ нѣсколько впередъ. Правый флангъ нашей позиціи состоялъ бо́льшею частью изъ пѣхоты и сталъ отдѣльно отъ центра, имѣя артиллерію свою на высотахъ праваго берега р. Карсъ-Чай; этотъ флангъ также составлялъ уголъ съ линіею центра и былъ обращенъ лицемъ къ тому мѣсту, гдѣ должна была остановиться лѣвая оконечность турецкой арміи. Еще правѣе сихъ войскъ, близъ деревни Команцуръ, выстроился Новороссійскій драгунскій полкъ съ конною артиллеріею, огибая правымъ флангомъ своимъ мѣсто, гдѣ приходилось остановиться тылу сдававшихся, такъ что Анатолійская армія, занявъ назначенное ей пространство, вдвигалась какъ бы въ ящикъ и окружалась нашимъ войскомъ. Люди у насъ были одѣты въ полушубкахъ, имѣя поверхъ оныхъ амуницію. Все движеніе войскъ совершилось безъ шума, по приказаніямъ наканунѣ отданнымъ.

Пріѣздъ англичанъ съ Васифъ-Пашою. Миновалось однакоже 10-ть часовъ утра, время назначенное для сбора Анатолійской арміи, и на равнинѣ около Гюмбета не видно было ни одного человѣка, слышались только въ турецкихъ лагеряхъ залпы отъ разряженія ружей. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, показались турецкія войска, тянувшіяся черезъ мостъ у с. Кичикъ-Кёвъ, и спускавшіяся съ Шорахскихъ высотъ. Въ началѣ 2-го часа пополудни, прибылъ къ намъ въ лагерь Вилліамсъ съ англичанами. Онъ привезъ съ собою главнокомандующаго турецкой арміи, мушира Васифъ-Мегмедъ-Пашу, который тогда въ первый разъ явился генералу Муравьеву:—человѣкъ лѣтъ 63-хъ, небольшаго роста, впрочемъ старикъ еще довольно свѣжій. Одѣтъ онъ былъ очень просто, въ казакинѣ безъ всякаго украшенія и безъ эполетъ, на головѣ простая красная феска, такъ, что онъ по наружности своей и по подобострастію оказываемому имъ англичанамъ, ничѣмъ не казался выше каждаго изъ турецкихъ пашей. Весь пріѣздъ этотъ въ нашъ лагерь былъ неожиданный.

Англичане о выступленіи турокъ изъ Карса. Докторъ Сандвитъ, описывая выступленіе турокъ изъ Карса, говоритъ, что солдаты разряжая ружья свои и составляя ихъ въ ко́злы, не охотно повиновались начальству, что нѣкоторые изъ нихъ даже разбивали при этомъ приклады о камни, вос-

клицая «да погибнутъ такимъ образомъ паши наши, да ляжетъ на нихъ проклятіе Божіе, и матери ихъ да будутъ поруганы»! *) Нѣкоторые изъ офицеровъ будто бы поломали свои сабли и безъ уваженія къ присутствовавшимъ, вызывали проклятіе на голову султана и на все его правленіе. Сандвитъ упоминаетъ также объ отчаяніи карскихъ жителей при выступленіи изъ среды ихъ турецкихъ войскъ. Лекъ въ первой книгѣ своей о блокадѣ Карса пишетъ, что при выступленіи Анатолійской арміи изъ Карса, муширъ ѣхалъ впереди ея, имѣя по одну сторону отъ себя Вилліамса, а по другую его самого—Лека. Оба спутника всѣми мѣрами старались поддержать бодрость духа въ муширѣ, который жалостно стоналъ, говоря что ему, старому человѣку, слишкомъ тягостно было отдавать себя военно-плѣннымъ. По временамъ только становилось ему легче на сердцѣ, когда онъ вспоминалъ, что не имѣетъ права жаловаться, видя англійскихъ офицеровъ за него столько нереносившихъ, которыхъ также уводили плѣнными въ мѣста отдаленныя отъ ихъ родины. Когда поѣздъ сей достигъ развалинъ Гюмбетъ, турецкія войска, по словамъ Лека, выстроились, а англичане съ муширомъ, прибавя ходу лошадямъ, поспѣшили въ нашъ лагерь.

Выѣздъ главнокомандующаго.

Вмѣстѣ съ симъ неожиданнымъ пріѣздомъ, доложили главнокомандующему что Анатолійская армія выстроилась на равнинѣ, гдѣ она собралась вмѣсто десяти часовъ утра, какъ то было условлено, только къ двумъ часамъ по полудни. Генералъ Муравьевъ оставилъ англичанъ въ лагерѣ, но нельзя было поступить такимъ же образомъ съ муширомъ, которому въ сущности слѣдовало представить плѣнную армію; къ тому же надобно было показать его турецкимъ полкамъ, дабы они не тревожились на счетъ участи своего главнаго начальника, и тѣмъ предупредить всякое волненіе, которое могло бы возбудиться нѣсколькими заносчивыми людьми, и потому привѣтливо взявъ

*) На мѣстахъ, гдѣ турки оставили ружья въ укрѣпленіяхъ, въ самомъ дѣлѣ найдено было нѣсколько поломанныхъ ружейныхъ ложъ; но съ умысломъ ли были онѣ перебиты, или случайно, того рѣшить нельзя; боевые же патроны были во множествѣ разметаны около ружей и по всему лагерю.

подъ руку новаго знакомаго своего Васифъ-Пашу, г. Муравьевъ сошелъ съ нимъ пѣшкомъ съ горы къ мосту черезъ Карсъ-Чай, гдѣ оба сѣли верхомъ. Проѣхавъ по фронту первыхъ баталіоновъ центра, главнокомандующій повернулъ на право и переѣхавъ по небольшому старинному каменному мостику черезъ болотистую рѣчку—остановился.

Строй турецкой арміи.

Вдали, направо и налѣво, высоты были заняты нашими войсками, обращенными къ равнинѣ, на которой остановилась вся турецкая армія. Первая линія турецкихъ батлліонныхъ колоннъ, была выстроена довольно отчетливо, съ интервалами, и тянулась на большое пространство. Хотя въ строю никакъ не было болѣе 20,000 человѣкъ, но масса казалась огромною; такъ что ее можно было принять за 30-ти тысячную армію. Причиною сего могло быть то, что заднія линіи небыли такъ сомкнуты въ шеренгахъ какъ первая, и что хвостъ Анатолійской арміи, состоявшій изъ людей отсталыхъ по слабости силъ, тянулся еще изъ города въ безпорядкѣ, примыкая малыми командами или по одиночкѣ къ тылу выстроившихся колоннъ, отъ чего масса имѣла болѣе глубины чѣмъ бы слѣдовало, еслибъ заднія войска были выстроены въ такомъ же порядкѣ какъ головныя.

Впереди турецкой арміи и нѣсколько ближе къ сторонѣ лѣваго фланга ея, стояла небольшая толпа всадниковъ; то былъ Керимъ-Паша, замѣнившій мушира въ командованіи арміею во время отсутствія его. И такъ, на достойнѣйшаго изъ турецкихъ военно-начальниковъ, возложена была горькая обязанность сдавать армію военно-плѣнною. Васифъ-Паша не могъ избѣгнуть сего печальнаго для него зрѣлища, но былъ при этомъ только какъ свидѣтель; изъ англичанъ же находился тутъ одинъ секретарь Вилліамса, Черчиль, который былъ полезенъ, какъ по знанію языка, такъ и потому что ему лично знакомы были всѣ турецкіе начальники. По лѣвую сторону Керимъ-Паши и въ недальнемъ отъ него разстояніи, стояло человѣкъ пятнадцать всадниковъ; между ними видны были красные плащи и нарядныя убранства курдовъ, и среди ихъ отличался одеждою своею Хаджи-Темуръ-Паша, о коемъ было уже нѣсколько разъ гово-

рено. Еще лѣвѣе его и ближе къ войску, видно было человѣкъ десять пѣшихъ; то были старшины города, которые по договору обязывались поднести хлѣбъ-соль. Вдоль по лѣвому низменному берегу р. Карсъ-Чай, пылали костры вновь устроенныхъ кухонь, на коихъ въ огромныхъ артельныхъ котлахъ готовилась пища для голодныхъ гостей. Котлы сіи, тянувшіеся до лѣваго фланга турецкой арміи, должны были на время оживить силы многихъ, иныхъ же—довершить на всегда страданія *).

Съ обѣихъ сторонъ собралось болѣе 50,000 дѣйствующихъ лицъ и зрителей. Движенія никакого—безмолвная царствовала тишина. Событіе происходило многозначительное—зрѣлище было величественное. Все ожидало приказаній. Послѣ краткаго молчанія, генералъ Муравьевъ велѣлъ подозвать къ себѣ главнаго турецкаго начальника, находившагося при арміи. На отличномъ жеребцѣ подъѣхалъ почтенный Керимъ-Паша—бодрый старикъ, воинственной наружности, смуглый лицемъ, съ сѣдою подстриженною бородою, въ простой одеждѣ и въ красной фескѣ, слегка опушенной по краямъ мѣхомъ, что головному убранству его давало нѣсколько видъ черкеской шапки; во всей турецкой арміи онъ одинъ такую носилъ. Взглядъ и носъ Керима орлиные, черты лица его грубыя, но не выражали свирѣпости, а напротивъ того спокойствіе. Въ движеніяхъ и гла- Керимъ-Паша.

*) При началѣ еще переговоровъ предположено было угостить торжественнымъ обѣдомъ ту часть гарнизона, которая поступала въ плѣнъ. Накормить, при первой встрѣчѣ голодныхъ турокъ до поступленія ихъ на общее продовольствіе, было необходимо для поддержанія ихъ силъ; притомъ же люди сіи, утоляя голодъ свой на пиршествѣ нами предлагаемомъ, съ бо́льшимъ довѣріемъ поступали подъ стражу своихъ враговъ, и имъ становилось уже не столь прискорбно разставаться съ товарищами своими, принадлежавшими къ тѣмъ частямъ войскъ, которыя увольнялись на родину; но устроить трапезу въ такихъ обширныхъ размѣрахъ было дѣло не легкое тамъ, гдѣ дрова, мясо, и хлѣбъ, имѣлись хотя безъ недостатка, но употреблялись съ расчетомъ по количеству своихъ собственныхъ потребителей. Для того нужно было участіе почти всѣхъ частей нашихъ войскъ, отъ коихъ надобно было собрать котлы, посуду, разныя принадлежности и самую прислугу. Однакоже дѣло это, порученное заботамъ полковника князя Іосифа Тарханъ-Моуравова, удалось съ желаемымъ успѣхомъ.

захъ его не было замѣтно ни суеты ни робости. Видъ имѣлъ онъ мужественный, но добродушный—доблести за которыя онъ былъ любимъ въ войскѣ, гдѣ его прозвали Бабé-Керимъ, (дѣдушка Керимъ).

Керимъ-Паша подъѣхалъ и не говорилъ ни слова. Онъ отъ природы человѣкъ скромный, не блеститъ особенными дарованіями ума и рѣчи, молчаливъ и считаетъ себя принадлежащимъ къ разряду подданныхъ Султану, называющихся въ народѣ *Эски-Тюркъ*, что значитъ турокъ стараго вѣка, т. е. сохранившій строгіе обычаи правдивости предковъ своихъ и не подражающій новымъ введеніямъ нынѣшняго времени. Главнокомандующій принялъ его ласково, пожалъ ему руку и напомнилъ ему о старомъ знакомствѣ ихъ 1833-го года, когда начальствуя въ Царѣградѣ десантнымъ отрядомъ, онъ имѣлъ также въ распоряженіи своемъ кавалерійскій полкъ, Султанской гвардіи полковника Авни-Бея, у коего Керимъ тогда служилъ подполковникомъ *). Потомъ спросилъ его о ключахъ крѣпости — «ихъ нѣтъ»—отвѣчалъ Керимъ просто. Турки по природѣ своей не формалистики и не знакомы съ пышнымъ обрядомъ сдачи ключей, введеннымъ европейцами. Керимъ-Паша, тутъ же представилъ нѣсколько подъѣхавшихъ пашей, занимавшихъ мѣста дивизіонныхъ начальниковъ и бригадныхъ командировъ. Во все это время Васифъ-Паша стоялъ подлѣ главнокомандующаго съ лѣвой стороны, нѣсколько осадивъ лошадь свою назадъ, и ни во что не вмѣшивался, какъ бы посторонній человѣкъ.

Пріемъ знаменъ. Послѣ сего, главнокомандующій приказалъ Керимъ-Пашѣ, чтобы принесены были знамена. Дѣйствіе сіе совершилось съ необыкновеннымъ порядкомъ. Въ одно время, какъ бы по сигналу, тронулись изъ турецкихъ колоннъ, полковыя знамена, направляясь всѣ прямыми путями къ мѣсту, гдѣ собрались главные начальники. Нарядныя полóтна сихъ знаменъ состояли изъ шелковой ткани красноватаго цвѣта, испещренной бѣлыми узорами и надписями изъ корана. Полотна были очень велики

*) Послѣ столь долгаго времени, генералъ Муравьевъ конечно не могъ бы узнать въ лицѣ Керима, но обстоятельство это было заблаговременно приведено пашею на память главнокомандующему.

и набиты на высокихъ древкахъ, такъ что переноску и сдачу знаменъ, можно было видѣть изъ самыхъ отдаленныхъ частей войска. Унтеръ-офицеры и прапорщики несшіе ихъ, были люди рослые, видные и воинственной наружности; между ними находилось человѣка два негровъ, но такихъ же молодцовъ какъ товарищи ихъ. Пока они сходились, вызваны были наиближайше стоявшаго Тульскаго егерскаго полка 24 унтеръ-офицера и одна карабинерная рота съ полковою музыкою, для пріема и отнесенія знаменъ. Торжественная сдача сія совершилась съ той же тишиною, которая господствовала по всей равнинѣ. Впослѣдствіи говорили, что нѣкоторые изъ турецкихъ командировъ,— не равнодушно разставались со своими знаменами и прощаясь съ ними лобызали ихъ, объясняя солдатамъ, что не они въ томъ виновны, а паши и англичане; но за справедливость сего разсказа поручиться нельзя.

Коль скоро знамена перешли отъ турецкихъ прапорщиковъ въ руки нашихъ унтеръ-офицеровъ, первые возвратились къ своимъ полкамъ, знамена же понесли черезъ каменный мостикъ, въ сопровожденіи карабинерской роты съ музыкою, къ центру нашего строя, а оттуда черезъ мостъ на р. Карсъ-Чай въ верхній лагерь, гдѣ ихъ поставили противъ домика главнокомандующаго. Когда при началѣ сего шествія заиграла музыка, то по всѣмъ войскамъ нашимъ загремѣли перекатные крики ура, обнявшіе всѣ лагери и высоты на которыхъ располагались фланги нашего строя.

Безотчетливость турокъ.

Потомъ, потребованы были отъ турецкаго начальства вѣдомости о казенномъ имуществѣ и списки о состояніи войска, для пріема коихъ назначены были, согласно заключенному условію, особенные офицеры. Но въ то время, туркамъ было не до составленія вѣдомостей — «зачѣмъ вамъ списки и вѣдомости» — отвѣчали они —. «Все ваше: войско, оружіе, запасы и городъ съ обывателями, все это ваше, берите все и сами считайте». — Хотя въ семъ отвѣтѣ, было явное отступленіе отъ условій, но помочь этому было нечѣмъ, ибо ни въ какой части, даже въ баталіонахъ, не было ни списковъ ни вѣдомостей; не отъ кого было получить никакого свѣдѣнія ни объ артиллеріи, ни объ

оружіи, ни о казенномъ имуществѣ, такъ что намъ довелось впослѣдствіи поступить по указанію турецкаго начальства т. е. самимъ собирать свѣдѣнія и все считать.

Шествіе увольняемыхъ турокъ.

Дни были короткіе и время клонилось къ вечеру; надобно было до наступленія ночи распорядиться съ Анатолійскою арміею, почему безъ соблюденія условленныхъ порядковъ, къ коимъ турки не приготовились, приказано было тронуться впередъ тѣмъ частямъ войскъ, которыя назначены были къ увольненію. Потянулись баталіоны редифа или людей втораго призыва на службу, лазы и баши-бозуки. Первые пошли съ мѣста отдѣленіями, имѣя баталіонныхъ командировъ впереди своихъ частей верхомъ на лошадяхъ; но по мѣрѣ того какъ они подвигались, порядокъ этотъ разстроивался, чему было причиною, какъ изнуреніе людей, такъ и тѣснота каменнаго мостика черезъ который они потянулись, ибо рѣчка была болотистая и нельзя было перейти ее вбродъ по сторонамъ. И такъ, колонна эта скоро обратилась въ длинную вереницу людей шедшихъ какъ попало, въ два и три рядомъ, а гдѣ мѣстность позволяла небольшими толпами. Люди были вообще виднаго сложенія и рослые, но очень тощи и съ выраженіемъ мрачнаго равнодушія на лицахъ. Они были обременены разнымъ тряпьемъ и имуществомъ, которое несли на плечахъ въ котомкахъ и сумкахъ, имѣя кромѣ того на себѣ котелки и всякія вещи, такъ, что ноша была не въ соразмѣрности силъ, отчего и шли они нагнувшись и вяло. Не менѣе того, проходя мимо главнокомандующаго, они поднимали голову, съ любопытствомъ взглядывая на русскаго начальника; изъ подъ нахлобученной на лобъ фески, сверкали у нихъ на истощенномъ и вытянутомъ лицѣ вытаращенные глаза; но у многихъ во взглядѣ выражалось болѣе неудовольствія чѣмъ унынія. Одежда на людяхъ была оборванная и обгорѣвшая, сапогъ почти ни у кого не имѣлось; у бóльшей части офицеровъ ноги были обуты въ норшни или обвернуты тряпками. При двухъ баталіонныхъ командирахъ ѣхали верхомъ женщины съ закрытымъ лицемъ и одѣтыя въ черныхъ платьяхъ; у одной изъ нихъ привѣшена была на лукѣ сѣдла дѣтская колыбель, также завѣшенная. Въ колоннѣ замѣ-

чалось между пѣшими нѣсколько человѣкъ, коихъ по виду, нѣкоторымъ измѣненіямъ въ одеждѣ и по походкѣ, можно было признать за европейцевъ.

Лазы и баши-бозуки были вооружены; кромѣ того, на многихъ изъ нижнихъ чиновъ регулярнаго войска, имѣлись собственные сабли и пистолеты. По этому приказано было отобрать у турокъ оружіе по переходѣ ихъ черезъ каменный мостикъ, при чемъ взято по ошибкѣ оружіе и отъ офицеровъ, ибо многихъ нельзя было различить отъ нижнихъ чиновъ, но тутъ же явилась отъ нихъ претензія; послѣ чего, тѣмъ которыхъ признали за офицеровъ, возвратили сабли и даже пистолеты, для защиты, какъ они объясняли, въ предстоящемъ пути, отъ курдовъ. Не менѣе того, за каменнымъ мостикомъ сложены были груды сабель, ятагановъ, пистолетовъ, барабановъ, перемѣшанныхъ съ музыкальными инструментами и тамбуръ-мажорскими булавами, между коими нашлось также нѣсколько знаменъ и значковъ низшаго достоинства. Отобранія оружія у турокъ.

По медленному движенію редифа, главнокомандующій не могъ остаться пока пройдетъ вся колонна; при томъ же надобно было пустить къ котламъ голодныхъ гостей, которые терпѣливо ожидали на то разрѣшенія въ стройномъ порядкѣ; небольшая только часть ихъ съ лѣваго фланга прилакомленная запахомъ варева, отдѣлившись отъ колонны своей, охватила двѣ ближайшія къ нимъ кухни и принялась за пищу, къ которой допустили ихъ наши солдаты. Къ нимъ присоединилось изъ уходившихъ войскъ нѣсколько человѣкъ, которые замедлившись около котловъ, попали въ военно-плѣнные съ тѣми коимъ дано было право утолить голодъ. Оставивъ редифъ, ген. Муравьевъ подъѣхалъ прежде къ ожидавшей его отъ города депутаціи, вышедшей какъ выше сказано пѣшкомъ. Говорили, что то были почетнѣйшіе изъ гражданъ, на что они однакоже не были похожи, какъ по виду, такъ и по одеждѣ. Вмѣсто порядочнаго подноса съ хлѣбомъ-солью, поднесли они молча на измятой жестяной тарелочкѣ, сухой, тоненькій и грязный пшеничный блинокъ, едва имѣвшій вѣса болѣе листа бумаги. Доброй ковриги хлѣба, имъ конечно не откуда было взять, под- Пріемъ городской депутаціи.

*

носъ однакоже могъ быть приличнѣе. Но за исполненіемъ какъ должно обряда сего, мало знакомаго туркамъ, посмотрѣть было некому, да и не до того имъ было; они предавались безусловно участи своей и не думали задобрить русскаго начальника богатымъ да́ромъ. Ихъ успокоили привѣтствіемъ и обѣщаніемъ, что собственность жителей останется неприкосновенною.

Осмотръ войска поступающаго въ плѣнъ.

За симъ, главнокомандующій проѣхалъ отъ центра турецкой линіи, близъ которой онъ находился, къ правому ея флангу, и раздвинувъ ряды первой баталіонной колонны, въѣхалъ въ середину ея, повернулъ направо и такимъ же образомъ раздвигая шеренги, проѣхалъ серединою всей линіи колоннъ до лѣваго фланга, оканчивавшагося тремя колоннами турецкихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Въ осматриваемыхъ войскахъ этихъ, заключалась арабистанская дивизія — лучшая часть анатолійской арміи. Люди были изумлены нечаяннымъ появленіемъ среди рядовъ своихъ русскаго начальника въ сопровожденіи ихъ мушира Васифъ-Паши. Нѣкоторые изъ нихъ, слыша успокоительныя рѣчи ген. Муравьева, повторяемыя Васифъ-Пашею, оглядывались, но въ войскѣ сохранялась тишина. Въ самой серединѣ массы, главнокомандующій встрѣтилъ голову колонны Нижегородскаго драгунскаго полка съ кн. Дондуковымъ, который, оставивъ Бозгалинскую высоту, заѣхалъ въ тылъ турецкой арміи и втѣснился въ ряды ея сзади, въ чемъ никто ему не препятствовалъ.

Обѣдъ военноплѣнныхъ.

Проѣхавъ къ лѣвому флангу, главнокомандующій пригласилъ всѣхъ идти къ обѣду. Спачала народъ колебался, такъ какъ всѣ можетъ быть не знали, что кухни были для нихъ устроены; но когда приглашеніе было громогласно повторено муширомъ и многими другими, то войска хлынули въ безпорядкѣ къ котламъ, которые мигомъ утопили въ массѣ. Накормлено было болѣе 8,000 человѣкъ. Когда по окончаніи обѣда повели плѣнныхъ, то многіе изъ числа слабыхъ, которые не могли подняться и идти за товарищами, остались распростертыми на лугу, гдѣ происходило пиршество; ихъ послѣ уже подняли и увели, нѣкоторые же изъ нихъ, вкусивъ послѣ долгаго воздержанія неумѣренно пищи, тутъ же вкусили и смерть.

Еще продолжалось грозное угощеніе передъ жерлами заряженныхъ картечью орудій съ зажженными фитилями, когда приказано было гр. Нироду спуститься на равнину съ Новороссійскимъ драгунскимъ полкомъ и съ линейною казачьею батареею Есакова. По очищеніи мѣста отъ волочившихся по оному слабыхъ турецкихъ солдатъ, сдѣлано было войсками сими нѣсколько быстрыхъ построеній со спѣшиваніемъ драгунъ, въ присутствіи всего турецкаго начальства; плѣнное войско не обращало на то вниманія, оно было слишкомъ занято своимъ обѣдомъ. Смотръ этотъ съ ученіемъ, показалъ, что лошади находились еще въ довольно хорошемъ состояніи, люди были бодры и не отстали отъ службы. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ войска наши къ концу кампаніи были сохранены въ исправномъ состояніи, такъ что если бы передъ нами не высился Соганлугскій хребетъ покрытый снѣгомъ, то можно-бъ было продолжать походъ къ Эрзруму. Драгунское ученіе.

Пока смотръ сей продолжался, направлены были для занятія Карса: два баталіона Рязанскаго, два баталіона Ряжскаго пѣхотныхъ и два баталіона Тульскаго егерскаго полковъ, одна рота саперъ и полъ-сотни донскаго казачьяго № 4-го полка съ легкою № 1-го батареею Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, всѣ подъ начальствомъ командира послѣдней, полковника Де-Саже, который еще наканунѣ назначенъ временнымъ комендантомъ Карса. Въ тоже время отправленъ былъ адъютантъ Корсаковъ для водруженія русскаго флага на вершинѣ карской цитадели. Вступленіе нашихъ войскъ въ Карсъ.

Когда смотръ былъ оконченъ, главнокомандующій сѣлъ въ коляску, посадивъ къ себѣ мушира Васифъ-Пашу и поскакалъ съ нимъ въ лагерь. У моста черезъ Карсъ-Чай, засталъ онъ еще хвостъ тянувшагося редифа, которому назначено было придти въ тотъ день на ночлегъ къ селеніямъ Веранъ-Кала и Харманъ-Ага, лежавшимъ верстахъ въ четырехъ позади верхняго лагеря и почти по направленію къ Соганлугу, куда имъ слѣдовало на другой день идти. Ихъ конвоировали подполковникъ баронъ Врангель съ двумя баталіонами карабинеръ, однимъ баталіономъ Тульскаго полка, и однимъ дивизіономъ Нижего- Обѣдъ начальниковъ.

родскихъ драгунъ съ двумя легкими орудіями; но такъ какъ тогда уже начинало смеркаться, то конвойные не могли усмотрѣть за всѣми подгоняемыми слабыми людьми, изъ коихъ многіе, тащась за колонною черезъ нашъ лагерь, разбрелись но оному, отыскивая себѣ пріюта и пищи.

Обѣдъ начальниковъ.

Стало уже смеркаться, когда главнокомандующій возвратился въ лагерь. Обѣдъ къ коему приглашены были англичане и главные изъ турецкихъ начальниковъ, начался при свѣчахъ и продолжался довольно долго. Заздравные тосты провозглашались только присутствующимъ лицамъ. Турки были мрачны, какъ бы скрывая тоску свою о постигшей ихъ участи, но покорны и скорѣе подобострастны къ намъ и англичанамъ. Обхожденіе послѣднихъ съ ними было высокомѣрно и, впослѣдствіе времени, не одинъ разъ слышались отъ нихъ горькія жалобы на покровительство оказанное имъ союзниками.

Шествіе военноплѣнныхъ.

Во время обѣда слышно было движеніе колонны поступившихъ въ плѣнъ турокъ, которыхъ съ трудомъ подняли отъ кухонь, гдѣ они наѣлись и хотѣли отдохнуть. Имъ дано было направленіе на ночлегъ къ с. Азаткёвъ, куда дорога вела отъ нашего моста на р. Карсъ-Чай, черезъ верхній лагерь въ гору, по тѣсному оврагу мимо столовой землянки. Медленное и шумное движеніе сіе продолжалось почти во всю ночь, и не взирая на строгость конвойныхъ шедшихъ по обѣимъ сторонамъ густою цѣпью, многимъ изъ числа отсталыхъ удалось въ темнотѣ проскользнуть въ лагерь, гдѣ они бродя съ редифами, отбившимися вечеромъ отъ своей колонны, притыкались какъ мотыльки къ огнямъ виднѣвшимся въ окнахъ *).

*) Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ поздно возвратившихся въ свои бараки, неожиданно нашли у себя незванныхъ гостей: такъ у одного, два турка, сѣвъ на корточки, укутались въ найденную ими енотовую шубу и заснули; въ другомъ баракѣ, они разсѣлись у топившейся печи и съѣли изготовленное кушанье; въ третьемъ, легли на постель и укрылись всѣмъ что попало. Лихорадка трясла ихъ немилосердно; по поданіи симъ несчастнымъ помощи, ихъ отправили на другой день на общее сборное мѣсто плѣнныхъ; не менѣе того поутру нашли нѣсколько турокъ умершими около конюшенъ, разныхъ строеній и въ сѣнныхъ стожкахъ, въ которые они укрывались отъ холода.

16-го же числа въ вечеру былъ отданъ по войску слѣдующій приказъ: «Поздравляю васъ, сотрудники мои. Какъ намѣстникъ Царскій, благодарю васъ. Кровью вашею и трудами повержены къ стопамъ Государя Императора твердыни Малой Азіи. Русскій флагъ развѣвается на стѣнахъ Карса; въ немъ является торжество креста Спасителя. Исчезла какъ прахъ, вся 30,000 анатолійская армія. Въ плѣну главнокомандующій ея со всѣми пашами, офицерами и англійскимъ генераломъ, управлявшимъ обороною, со своимъ штабомъ. Тысячи плѣнныхъ турокъ отправляются на родину нашу свидѣтельствовать о подвигахъ вашихъ. Несочтены еще пріобрѣтенные нами большіе запасы оружія и казеннаго имущества оставшіеся въ Карсѣ; но кромѣ отбитыхъ вами въ теченіи кампаніи орудій и знаменъ, еще 130 пушекъ обогатятъ арсеналы наши. Множество знаменъ, украсятъ святые соборы Россіи, на память постоянныхъ доблестей вашихъ. Вторично поздравляю васъ отъ большаго до меньшаго—сотрудники мои. Вторично благодарю васъ и отъ себя лично, почтенные сослуживцы. Вамъ обязанъ я счастіемъ обрадовать сердце Царя. Вы въ нынѣшнемъ году довершили совершенное вами въ теченіи прошедшихъ двухъ лѣтъ». Приказъ.

«И такъ возблагодарите вмѣстѣ со мною Господа силъ, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ своихъ даровавшаго намъ нынѣ торжество въ самомъ испытаніи, черезъ которое мы еще въ недавнемъ времени прошли».

«Вѣра въ Святое Провидѣніе Божіе соблюдаетъ у васъ духъ воиновъ и удвоиваетъ бодрыя силы ваши. Съ надеждою на покровительство Всевышняго, приступимъ къ новымъ дѣламъ».

Въ тотъ же вечеръ отдано было приказаніе, лагерь подъ Чифтлигая впредь именовать: *становъ Владикарсъ*. Владикарсъ.

Запоздалое прибытіе Анатолійской арміи на сборное для сдачи мѣсто, было причиною что запоздало и вступленіе нашихъ войскъ въ Карсъ. Корсаковъ, спѣша исполнить данное ему порученіе—водрузить флагъ—ѣхалъ лѣвымъ берегомъ рѣки, минуя мостъ при селеніи Кичикъ-Кёвъ, переѣхалъ на правый берегъ уже въ городѣ по понтонному мосту, и потому нигдѣ не видалъ войскъ, кромѣ баталіона двигавшагося къ с. Шо- Корсаковъ въ цитадели.

рахъ. Съ нимъ было въ конвоѣ десять отборныхъ линейныхъ казаковъ съ сотникомъ Элбаевымъ. На пути примкнули къ нему два офицера изъ назначенныхъ въ распоряженіе къ Десаже и флигель-адъютантъ Витгенштейнъ, возвращавшійся съ нѣсколькими казаками своего полка, въ отрядъ къ Бакланову, по ближайшему пути, городомъ.

Въѣхавъ въ Карсъ, Корсаковъ не встрѣтилъ ни души на улицахъ—вездѣ безмолвіе нерушимое—точно въѣзжалъ онъ въ вымершій городъ; иногда развѣ выглядывала голова изъ окна и тотчасъ же пряталась. Онъ нагналъ только нѣсколько обывателей, возвращавшихся въ свои дома, вѣроятно съ проводовъ выступившаго войска. Одинъ изъ нихъ былъ армянинъ, и Корсаковъ взялъ его въ проводники.

Такъ какъ баталіоны наши еще не вступали въ Карсъ, то Корсаковъ рѣшился взойти на самый верхъ цитадели и дожидаться тамъ прихода войскъ. Онъ продолжалъ путь свой по узкимъ улицамъ города, гдѣ посреди безжизненности, возвышались минареты, зданія и строенія какъ бы запустѣлыя. Повернувъ налѣво въ гору, онъ подъѣхалъ къ нижней стѣнѣ цитадели, построенной въ нѣсколько ярусовъ по крутизнамъ скалы ею занимаемой. Ворота были заперты. Кликнули часоваго и надъ воротами показался турка, которому Корсаковъ объявилъ, что онъ присланъ отъ русскаго главнокомандующаго и потому требовалъ пропуска. Часовой сошелъ внизъ и послѣ небольшихъ переговоровъ, съ кѣмъ то къ нему подошедшимъ, слышавшихся за стѣною, зазвенѣли ключи и ворота отворились. Показался комендантъ, турецкій штабъ-офицеръ съ орденомъ на груди. Когда онъ узналъ о цѣли пріѣзда, то почтительно поклонился, что-то проговорилъ о подаркѣ, и предложилъ пріѣзжимъ слѣдовать за нимъ. Проводника армянина отпустили, по въѣздѣ же Корсакова съ командою, ворота опять заперли и оставили при нихъ турецкаго часоваго. Поднявшись за комендантомъ на крутую гору, Корсаковъ оставилъ лошадей съ нѣсколькими казаками на послѣднемъ уступѣ, а самъ взобрался по деревянному мосту на самую высшую оконечность скалы, гдѣ на небольшой площадкѣ, обнесенной каменною стѣною,

стояло три орудія и шестъ на который поднимался турецкій флагъ.

Въ такомъ положеніи Корсаковъ оставался довольно долго въ ожиданіи прибытія Де-Саже, и въ сумеркахъ уже, послалъ сотника Элбаева при двухъ казакахъ съ порученіемъ отыскать и предупредить Де-Саже, что его ожидаютъ въ цитадели, куда между тѣмъ собрались многіе изъ офицеровъ и переводчиковъ, назначенныхъ для пріема въ Карсѣ казеннаго имущества. Съ наступленіемъ ночи стали показываться кое-гдѣ огни въ городѣ; по временамъ слышны были внизу выстрѣлы отъ шатавшихся по улицамъ турецкихъ солдатъ, разряжавшихъ свои ружья. Флагъ подымать было уже поздно. По этому Корсаковъ и офицеры отправились въ занимавшееся турецкимъ комендантомъ небольшое безъ оконъ помѣщеніе, гдѣ они развели огонь и обсушились.

Только въ девятомъ часу ночи, услышали они вдали барабанный бой и музыку баталіоновъ вступающихъ въ Карсъ. Спустившись къ воротамъ, они нашли ихъ отворенными. Пѣхота входила въ цитадель съ артиллеріею, которая съ трудомъ поднималась въ темнотѣ по неровной дорогѣ въ гору. Направленіе войскъ было ошибочное; это случилось оттого, что Де-Саже, отвлеченный какимъ-то распоряженіемъ, не находился съ ними при вступленіи, и что онѣ слѣдовали за обывательскими проводниками, которые полагая сдѣлать лучше, естественнымъ образомъ привели ихъ къ цитадели. По пріѣздѣ Де-Саже, часть войска, не успѣвшая взойти на гору, осталась въ городѣ; разведены же они были по укрѣпленіямъ и заняли въ городѣ караулы, уже на разсвѣтѣ 17-го числа. Занятіе Карса.

17-го Ноября на разсвѣтѣ, Корсаковъ взошелъ опять на верхнюю оконечность цитадели, дабы поднять флагъ, но увидѣлъ что веревки на шестѣ были ночью перерублены. Нашли однакоже способъ утвердить его на верху шеста, и флагъ нашъ осѣнилъ цитадель еще до восхожденія солнца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, грянулъ первый салютный выстрѣлъ изъ турецкаго орудія, стоявшаго подъ шестомъ. Пальба была принята на всѣхъ батареяхъ, гдѣ были подготовлены заряды и разставлены наши Водруженіе флага.

артиллеристы. Затѣмъ, громъ орудій разлился по всѣмъ мѣстамъ Карса и окрестностямъ его, изъ турецкихъ и русскихъ пушекъ.

Письмо къ Государю.

А. Корсаковъ, который въ послѣднее время занимался письменными дѣлами по блокадѣ, и коему поручены были нѣкоторыя сношенія съ англичанами во время переговоровъ, назначенъ былъ курьеромъ съ письмомъ къ Государю отъ главнокомандующаго, о покореніи Карса и для представленія Его Величеству знаменъ турецкой арміи; а дабы онъ въ состояніи былъ доставить также возможное свѣдѣніе о состояніи карскихъ укрѣпленій, ему приказано было, пока изготовлялись бумаги, объѣхать крѣпость и укрѣпленный лагерь, что онъ исполнилъ къ вечеру того же дня, и передъ полуночью, поѣхалъ въ Петербургъ съ письмомъ отъ генерала Муравьева, слѣдующаго содержанія:

«Ваше Императорское Величество»!

«Божіею милостію и благословеніемъ Вашимъ, совершилось наше дѣло. Карсъ у ногъ Вашего Величества».

«Сегодня сдался военно-плѣннымъ, изнуренный голодомъ и нуждами гарнизонъ сей твердыни Малой Азіи. Въ плѣну у насъ самъ главнокомандующій исчезнувшей тридцати-тысячной Анатолійской арміи, муширъ Васифъ-Паша; кромѣ его, восемь пашей, много штабъ и оберъ-офицеровъ и вмѣстѣ съ ними, англійскій генералъ Вилліамсъ со всѣмъ его штабомъ. Взято около 130-ти пушекъ и все оружіе».

«Имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества двѣнадцать турецкихъ полковыхъ знаменъ, крѣпостной флагъ Карса и ключи *) цитадели».

«Вашего Императорскаго Величества»

«вѣрноподданный»

«Николай Муравьевъ».

«16-го Ноября 1855 года
Лагерь при с. Чифтлигая
на р. Карсъ-Чай».

*) Упоминаемые въ письмѣ семъ ключи, состояли изъ стариннаго замка страннаго образца, который Корсаковъ взялъ у коменданта цитадели,

Такъ какъ нѣкоторыя подробности о состояніи Карса, вслѣдъ за выступленіемъ оттуда Анатолійской арміи, могутъ занять читателя, какъ предметъ заслуживающій вниманія любопытнаго наблюдателя, то здѣсь излагаются свѣдѣнія, собранныя о томъ изъ записокъ нѣсколькихъ лицъ, прежде всѣхъ посѣтившихъ сію крѣпость. Ал. Корсаковъ по водруженіи флага, проѣхалъ частью города къ форту Арабъ-Табіэ, который не былъ еще занятъ нашими караулами. Въѣздъ въ фортъ былъ заставленъ рогаткою, возлѣ которой стоялъ турецкій часовой. На голосъ Корсакова, подошелъ офицеръ и пропустилъ его въ укрѣпленіе. Ружья и аммуниція были кое-гдѣ сложены, но большею частью разбросаны по землѣ въ безпорядкѣ, ящики съ зарядами открыты. Отъ Арабъ-Табіэ, спустился онъ по крутой тропинкѣ къ р. Карсъ-Чай и выѣхалъ на Чакмахскія высоты къ Англійскимъ линіямъ, оставленнымъ безъ караула; оружіе въ такомъ же безпорядкѣ валялось на землѣ и во рвахъ. Оттуда поѣхалъ онъ влѣво, и въ укрѣпленіяхъ встрѣтилъ уже наши караулы. Часовые были разставлены при артиллеріи, при зарядныхъ ящикахъ и при оружіи, которое тоже было разбросано и въ большомъ безпорядкѣ. Палатки стояли во множествѣ, прострѣленныя, порванныя и совсѣмъ ветхія. Состояніе Карса и оставленнаго лагеря.

По мѣрѣ того какъ Корсаковъ подвигался, запустѣніе через которое онъ ѣхалъ, замѣнялось дѣятельностію, и ему попадались уже пріемщики воинскаго имущества, наши артиллерійскіе офицеры, которые переходили изъ одного укрѣпленія въ другое и составляли описи. Принимались при томъ мѣры противъ расхищенія, которое можно было ожидать, въ особенности штуцеровъ, ибо на пріобрѣтеніе оныхъ явилось много охотниковъ. Пріѣхавъ въ Тахмасъ-Табіэ, гдѣ былъ лагерь арабистанцевъ, Корсаковъ между множествомъ ветхихъ палатокъ, замѣтилъ одну большую зеленую, исправнѣе другихъ, стоявшую на возвышеніи. То была ставка Кмети. На Шорахскихъ высо-

когда онъ устанавливалъ флагъ. Кромѣ двѣнадцати знаменъ, которыя онъ везъ къ Государю, послано съ нимъ къ военному министру для представленія Его Величеству, еще семь значковъ взятыхъ у партіи лазовъ, при уходѣ ея еще 9-го Октября изъ крѣпости.

тахъ видѣлъ онъ мертвое тѣло турецкаго солдата. Возвращаясь назадъ въ лагерь около горы Лазъ-Тепе, онъ уже встрѣтилъ повозки съ мукою, быковъ и барановъ, доставляемыхъ по распоряженію нашему, жителями окрестныхъ деревень въ Карсъ на базаръ, для продовольствія городскихъ обывателей.

Кн. Витгенштейнъ, разставшись съ Корсаковымъ еще передъ вечеромъ 16-го числа, проѣхалъ шагомъ черезъ весь городъ и нашелъ улицы совершенно пустыми; окна, двери, лавки были заперты и повсюду царствовала мертвая тишина. Не слышалъ онъ даже лая собакъ, утолявшихъ голодъ на трупахъ людей и скота валявшихся по улицамъ. Кое-гдѣ видѣлъ онъ нѣсколько исхудавшихъ турокъ въ чалмахъ, дико на него взглядывавшихъ. Напротивъ того христіане, которыхъ онъ встрѣчалъ, бросались цѣловать у него стремена и крестились въ знакъ единовѣрія. Онъ встрѣтилъ также нѣсколько женщинъ, двигавшихся подобно привидѣніямъ подъ большими чадрами или покрывалами, но при видѣ нашихъ, онѣ вмигъ исчезали въ домахъ, прихлопывая за собою дверьми. Брели въ иныхъ мѣстахъ по улицамъ турецкіе солдаты, которые при встрѣчѣ отдавали ему честь и охотно указывали дорогу. Одинъ изъ нихъ привелъ Витгенштейна на Карадагъ, среди множества палатокъ неодушевленныхъ жизнію военныхъ людей и среди коихъ, оставалось только нѣсколько труповъ прежнихъ жильцовъ ихъ. Нечаянно наткнулся онъ на единственную палатку, которая была освѣщена; вошедши въ нее онъ нашелъ нѣсколько турецкихъ солдатъ тутъ скрывавшихся, вѣроятно выжидая удобнаго случая чтобы уйти. Они перепугались при видѣ казаковъ, и прижались къ углу, другъ на друга; но ихъ успокоили и одного изъ нихъ взяли въ проводники, ибо ночь настигнула Витгенштейна уже при въѣздѣ его на Карадагъ. Едва выбрался онъ изъ послѣдняго укрѣпленія, какъ близъ него раздался пороховой взрывъ, произведенный вѣроятно какими нибудь шатавшимися людьми.

По словамъ одного офицера, ѣздившаго въ Карсъ по надобностямъ службы правымъ берегомъ рѣки Карсъ-Чай, дорога по коей наканунѣ слѣдовала Анатолійская армія, была усѣяна

всевозможными военными принадлежностями, и мѣстами такъ густо, что лошадь наступала на патроны, разсыпанный порохъ и множество пуль. Разодранное платье, тряпки, мѣдные знаки съ изображеніемъ луны и звѣзды, барабаны, ранцы, подсумки, разные ремни, сабли безъ ноженъ и ножны безъ сабель—все это валялось на пути, и между этимъ хламомъ виднѣлись трупы людей, которые не могли доплестись наканунѣ до сборнаго пункта и ночью замерзли на дорогѣ или умерли отъ нужды. По дѣятельности нашихъ артиллерійскихъ офицеровъ, большое количество турецкихъ ружей было уже составлено при укрѣпленіяхъ въ козлы за нашими караулами, и многія турецкія палатки были до верху насыпаны патронами и ящичками съ пистонами; но всего количества конечно нельзя было такъ скоро собрать, и большая часть оружія лежала еще кучами и разбросанною. На нѣкоторыхъ батареяхъ видѣлъ онъ, сидѣвшихъ подлѣ пушекъ турецкихъ офицеровъ, которые съ безсознательнымъ равнодушіемъ слѣдили за распоряженіями нашихъ около оружія.

Спустившись въ городъ, картина бѣдствія рисовалась еще ярче: въ узкихъ улицахъ, почти черезъ каждыя десять сажень, валялись полусгнившіе трупы и остовы лошадей, раздираемые собаками. Ему повстрѣчалось нѣсколько человѣкъ просившихъ помощи; но видѣлъ онъ также обывателей, покойно сидѣвшихъ около своихъ домовъ. Изъ нихъ мусульмане отличались отъ христіанъ тѣмъ, что у первыхъ выражалась на лицахъ свирѣпость и злоба, а у послѣднихъ привѣтливая улыбка, съ которою они встрѣчали новыхъ единовѣрныхъ своихъ властелиновъ. На плоскихъ крышахъ домовъ, бѣгали дѣти, осыпая всякаго прохожаго и проѣзжаго словами: «Урусъ гяуръ! Урусъ кёпегъ»! т. е. русскій певѣрный! русскій пёсъ! *) Офицеръ

*) Свирѣпость жителей Карса, было явленіе новое. Когда мы въ 1829-мъ году взяли Карсъ, то озлобленія сего со стороны ихъ не было, и въ народонаселеніи замѣчалось болѣе мирнаго и торговаго расположенія. Нынѣ же, ненависть обывателей къ намъ была вѣроятно возбуждена иностранцами, долгимъ пребываніемъ среди ихъ султанскихъ войскъ и постоянными военными дѣйствіями въ теченіи трехъ лѣтъ; ненависть сія естественно вызвалась бѣдствіями, которыя мы причинили обывателямъ въ продолжительную блокаду.

этотъ возвращался назадъ лѣвымъ берегомъ рѣки, мимо кладбища, гдѣ похороненныя тѣла едва были присыпаны землею, такъ что вѣтеръ унося насыпь, почти обнажалъ нѣкоторые трупы. Послѣднее замѣчаніе сдѣлано и другими офицерами, которые прибавили, что видѣли собакъ растаскивавшихъ человѣческіе члены съ кладбища.

Бѣдственное шествіе редифа черезъ Соганлугъ.

17-го Ноября, редифъ, баши-бозуки и лазы, назначенные къ увольненію, выступили подъ прикрытіемъ, по направленію къ Соганлугу и пришли на ночлегъ къ с. Котанлы. Переходъ былъ небольшой, но по утомленію турокъ—изнурительный. Тутъ имѣли они на другой день дневку, а 19-го отправились въ дальнѣйшій путь къ Соганлугу, уже безъ нашего надзора. Горестна была участь сихъ людей, изъ коихъ многіе умирали въ пути на привалахъ и ночлегахъ. По извѣстіямъ получавшимся отъ жителей, въ каждомъ селеніи черезъ которое они проходили, хоронили ихъ отъ 100-а—200 и даже до 3-хъ сотъ тѣлъ. Для узнанія о происходившемъ на равнинѣ до подошвы Соганлуга послѣ движенія редифа, посланъ былъ штабъ-офицеръ, который сказывалъ, что онъ на всемъ разстояніи этомъ видѣлъ только отъ 4-хъ до 5-ти сотъ тѣлъ; но и это количество значительно, если присоединить къ нему тѣхъ, которыхъ успѣли похоронить и разбредшихся по одиночкѣ на стороны, вѣроятно также погибшихъ. При этомъ нельзя умолчать, какъ о повиновеніи къ своимъ начальникамъ оказанномъ сими людьми, такъ сказать, до послѣдняго издыханія, такъ и о духѣ заботливости замѣченномъ въ офицерахъ молодой турецкой регулярной арміи. Ротные и баталіонные командиры не переставали пещись о сборѣ командъ на походѣ. На привалахъ и ночлегахъ, каждый начальникъ сзывалъ своихъ людей при выступленіи, строилъ часть свою какъ только было возможно, становился впереди и велъ ее за собою. Но ни тѣ, ни другіе не были уже въ силахъ бороться съ бѣдствіями постигшими ихъ на хребтѣ Соганлуга, откуда, какъ говорили, вся масса разбрелась въ селенія лежащія по долинамъ на сторонѣ отъ большой дороги. Вѣроятно, что ихъ тогда множество погибло, и потому можетъ быть справедливъ по-

сившійся слухъ, что на родину возвратилась только третья часть людей изъ колонны уволенныхъ.

Въ самый день выступленія сей колонны, дошло до свѣдѣнія главнокомандующаго, что у нихъ скрывалось много знаменъ, почему посланъ былъ къ нимъ еще на первый ночлегъ Лорисъ-Меликовъ съ приказаніемъ розыскать ихъ, и Лорисъ нашелъ еще 38 знаменъ и значковъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ были отпечатки натиснутые окровавленными руками убитыхъ враговъ, какъ то водится у лазовъ. При провожаніи сей колонны замѣчено было съ достовѣрностью, что въ ней находилось нѣсколько европейцевъ. Скрытыя знамена и иностранцы.

Вечеру 17-го числа, ген. Муравьевъ пригласилъ къ себѣ на чай начальника баши-бозуковъ Хаджи-Темуръ-Пашу, о коемъ было выше говорено и который, по несостоянію его въ регулярныхъ войскахъ, согласно договору, имѣлъ позволеніе ѣхать. Паша пріѣхалъ со своею обычною пышностію, выражавшеюся въ щегольской одеждѣ его и нарядномъ убранствѣ слугъ и лошадей, обвѣшенныхъ оружіемъ и сбруею оправленными въ серебро. Наружная пышность сія, какъ остатокъ древней роскоши турецкой, не отзывалась однакоже въ простыхъ пріемахъ паши и въ обхожденіи его, обнаруживавшихъ приличіе и привѣтливость порядочнаго человѣка. Родина его была въ Діарбекирѣ, гдѣ онъ былъ вліятеленъ въ народѣ и куда отправлялся. Подготовляя пути къ открытію будущей кампаніи, главнокомандующій старался узнать о расположеніи турецкаго народа къ союзникамъ. Изъ отвѣтовъ паши явно было отвращеніе его къ нимъ; онъ даже выразилъ надежды свои, нѣкогда поборствовать съ нами противъ англо-французовъ для исторженія государя своего изъ подъ ихъ владычества;— «но» присовокупилъ паша, «пока Султанъ будетъ держаться этого союза противъ васъ, я никогда не измѣню обязанностямъ своимъ, и вы постоянно будете видѣть меня въ рядахъ войска моего государя». Съ такими же понятіями и въ такомъ же расположеніи духа находился и Керимъ-Паша. Переговоры съ Хаджи-Темуръ-Пашою.

17-го Ноября получено было непріятное донесеніе, что отправленные 9-го Ноября Лорисомъ-Меликовымъ 22 милиціонера Неудача нашихъ милиціонеровъ.

для собиранія фуража въ Гёльскомъ санджакѣ, были настигнуты въ расплохъ, частью побиты, частью же взяты въ плѣнъ Аслапъ-Пашею; только одинъ изъ нихъ спасся и былъ найденъ 12-го Ноября казачьимъ разъѣздомъ, посланнымъ изъ Ардегана въ с. Джанжара.

Карскіе склады и госпитали. Яцынъ.

Въ послѣдующіе дни продолжали собирать ружья и приводить въ извѣстность пушки, снаряды, порохъ, амуницію и все казенное имущество артиллерійскаго, инженернаго и госпитальнаго вѣдомства. Оно было сложено въ мечетяхъ и разныхъ строеніяхъ, а такъ какъ, по уходѣ турецкихъ начальниковъ завѣдывавшихъ сими частями, склады остались въ неизвѣстности, то розысканіе ихъ было сопряжено съ не малымъ трудомъ, и многіе изъ нихъ открывались случайно или по указанію жителей.

Въ Карсѣ оставлено было турками болѣе 1800 больныхъ, размѣщенныхъ въ четырнадцати мѣстахъ, по мечетямъ, казармамъ и частнымъ домамъ. Медикаментовъ и бѣлья имѣлось достаточно; для пользованія больныхъ оставлено было турками 87 медиковъ и аптекарей, но прислуги мало; мяса и хлѣба совершенно не имѣлось, а также средствъ для доставленія воды. Побудить карскихъ медиковъ къ отправленію службы было весьма трудно, потому что они сами во всемъ нуждались и что не было почти никакой возможности мгновенно снабдить пищею и прислугою такое большое количество больныхъ, между коими люди умирали отъ голода не менѣе какъ отъ болѣзни.

Въ числѣ больныхъ находился Ряжскаго пѣхотнаго полка поручикъ Яцынъ, тяжело раненый на штурмѣ Карса. Съ нимъ лежало также 19-ть плѣнныхъ нижнихъ чиновъ раненыхъ 17-го Сентября; всѣ они подавали надежду къ выздоровленію. Кромѣ ихъ находилось въ Карсѣ еще 20 человѣкъ нижнихъ чиновъ, совершенно оправившихся отъ полученныхъ ранъ.

Состояніе и отправленіе плѣнныхъ.

18-го Ноября началось отправленіе плѣнныхъ въ Александрополь. Они были раздѣлены на пять партій, которыя выступали черезъ день одна послѣ другой, такъ что послѣдняя вышла изъ лагеря 26-го числа. Всего было ихъ до 8,000 человѣкъ, столпившихся на берегу рѣчки, при развалинахъ с. Азатъ-

Кёвъ, гдѣ ихъ окружили стражею отъ нашей пѣхоты. Въ числѣ плѣнныхъ находилось много людей слабыхъ, больныхъ и умирающихъ, и хотя для продовольствованія ихъ употреблялись всѣ имѣвшіяся у насъ средства, но средства сіи состояли только изъ сухарей и мяса, и не вполнѣ удовлетворяли потребности. Постоянно старались раздѣлять людей по роду войска и по баталіонамъ—но безуспѣшно; они между собою перемѣшивались и потому не было никакой возможности правильно раздавать пищу въ такой безпорядливой массѣ; одни только артиллеристы держали себя особо отъ прочихъ, черезъ что они менѣе другихъ и потерпѣли. Въ это время выпалъ снѣгъ, погода сдѣлалась холодная и по ночамъ были порядочные морозы; дровъ едва доставало на вареніе имъ скудной пищи, а селеніе при которомъ ихъ помѣстили, состояло бо́льшею частью изъ полуразрушенныхъ стѣнъ домовъ безъ потолковъ и крышъ, такъ что они много приняли нужды на первомъ сборномъ мѣстѣ. Въ особенности пострадали изъ нихъ тѣ, которымъ довелось оставаться въ такомъ положеніи подъ стражею до выступленія послѣдней партіи, отъ чего ихъ тутъ много и погибло *).

Въ первый еще день, при началѣ шествія плѣнныхъ, нѣкоторые турецкіе офицеры и нижніе чины изъ числа ихъ, просили черезъ нашей ходатайства у главнокомандующаго, дабы имъ позволено было присоединиться къ колоннѣ увольняемыхъ, говоря, что ихъ неправильно помѣстили въ число постоянныхъ регулярныхъ войскъ, и что они принадлежатъ къ составу уходившаго редифа. Хотя повѣрить справедливость сего показанія было невозможно, но оно отчасти могло быть справедливо, потому что во время блокады, баталіоны нѣсколько разъ переформировывались и люди изъ редифа могли быть зачислены на пополненіе постоянныхъ войскъ, поступившихъ въ число военноплѣнныхъ и отправленныхъ къ с. Азатъ-Кёвъ, въ томъ соста-

*) Когда къ плѣннымъ подошелъ вьючный транспортъ съ турецкими палатками, которыя велѣно было снять изъ укрѣпленій и отвезти въ Азатъ-Кёвъ, то они бросились къ вьюкамъ и прорвавшись сквозь нашу цѣпь, подрались за палатки, которыя послужили имъ преимущественно покрывалами по ночамъ.

вѣ какъ они были представлены 16-го Ноября въ день сдачи. Къ тому же, нѣкоторые изъ числа редифовъ, прилакомленные обѣдомъ, изготовленнымъ для военно-плѣнныхъ, примкнули къ нимъ около котловъ, отъ чего они не попали болѣе въ свою колонну увольняемыхъ на родину, прослѣдовавшую въ другую сторону къ с. Харманъ-Ага. По небольшому числу просителей, ходатайство о нихъ пашей было уважено и они присоединились къ числу увольняемыхъ; когда же случай сей сдѣлался извѣстнымъ и огласилась между военно-плѣнными вѣсть объ увольненіи всего редифа, коего колонна двинулась въ противную отъ нихъ сторону, то многіе, прорываясь черезъ цѣпь, стали уходить небольшими партіями, чтобы нагнать редифъ. Нельзя было допустить этого безпорядка, между тѣмъ и не предстояло возможности разбирать права́ каждаго изъ нихъ, почему отправлены были за уклонившимися команды, которыя остановили ихъ на пути и возвратили въ Азатъ-Кёвъ. Но терпѣніе сихъ людей не устояло до окончательнаго отправленія ихъ въ Грузію. Вечеромъ 23-го Ноября, человѣкъ 50 изъ числа ихъ, согласились между собою пробиться; вооружившись палаточными кольями, они бросились на часовыхъ, которые по необходимости должы были прибѣгнуть къ оружію: 15-ть турокъ было заколото штыками, остальные же возвращены къ своему мѣсту.

Кадыръ-Бей. Къ успокоенію плѣнныхъ и къ приведенію ихъ въ порядокъ, при отправленіи партій, какъ и во время слѣдованія ихъ, много способствовалъ намъ находившійся въ числѣ плѣнныхъ полковникъ Кадыръ-Бей, человѣкъ заботливый, который умѣлъ пріобрѣсти вліяніе между спутниками своими и довѣріе русскаго начальства надъ ними поставленнаго, за что онъ по прибытіи въ Тифлисъ былъ награжденъ подаркомъ и деньгами. Когда плѣнные перешли уже черезъ Кавказскія горы, то Васифъ-Паша остававшійся въ Тифлисѣ, получилъ изъ Царяграда увѣдомленіе, что Кадыръ-Бея произвели за прежнюю его службу въ чинъ бригаднаго командира, паши или генералъ-маіора. Во уваженіе усердія его, онъ былъ признанъ въ семъ званіи нашимъ правительствомъ, для полученія своего суточнаго содержанія наравнѣ съ прочими пашами. И такъ мы пріобрѣли въ

Кадыръ-Беѣ десятаго плѣннаго пашу, а съ двумя прежде взятыми въ теченіи кампаніи—двѣнадцатаго.

Шествіе плѣнныхъ партій было сопряжено со многими для нихъ неудобствами, потому что время года было уже позднее, осенняя слякоть перемежалась морозами, а теплаго помѣщенія по дорогѣ неимѣлось, такъ какъ въ тоже время возвращалась и часть войскъ изъ подъ Карса. Ихъ осталось около 1,200 человѣкъ въ палатахъ Александропольскаго госпиталя, гдѣ за ними было хорошее попеченіе, не взирая на истощеніе ихъ, нечистоту и смрадъ отъ нихъ распространявшійся. Но едва они начали приходить въ силы, какъ стали просить, чтобы крупа наша замѣнялась бы сарачинскимъ пшеномъ, и приставали къ смотрителямъ и посѣтителямъ, дабы имъ позволено было курить табакъ въ палатахъ; но ни той ни другой просьбы конечно исполнить было невозможно. Выписка выздоравливавшихъ всегда была сопряжена съ затрудненіями, потому что имъ нехотѣлось оставлять теплаго мѣста и койки, для слѣдованія въ походъ въ холодную и ненастную погоду, при скудной одеждѣ и обуви. Дальнѣйшее шествіе плѣнныхъ въ Россію.

Надобно отдать справедливость вообще всѣмъ турецкимъ офицерамъ находившимся въ плѣну, что они въ госпиталѣ вели себя прилично, а на трудныхъ переходахъ не только не унывали, но поддерживали духъ въ людяхъ, между коими многіе умирали на пути, не взирая на подводы выдаваемыя имъ отъ обывателей для подвоза слабыхъ.

Въ Тифлисѣ размѣстили плѣнныхъ въ карантинныхъ строеніяхъ, гдѣ до нихъ вполнѣ доходили суточныя деньги на продовольствіе. Сперва давали имъ изготовленную на эти деньги пищу, но они пожелали сами заботиться о томъ, и имъ предоставили назначить отъ себя выбранныхъ людей въ кашевары и для закупки припасовъ. Порядокъ этотъ однако не долго сохранился; каждый сталъ деньги брать себѣ на руки и всѣ начали просить увольненія по своимъ надобностямъ въ городъ, откуда многіе къ вечеру не возвращались; они входили въ частные дома, забивались на ночь въ какое нибудь разрушенное строеніе, а днемъ, опять являлись на базарѣ, такъ что въ короткое вре-

мя весь городъ наполнился красными фесками, шлявшимися преимущественно по лавкамъ. Плѣнные турки мало покупали хлѣба, но болѣе домогались меда, сухихъ фруктовъ и курительнаго табаку. Однакоже въ городѣ не сдѣлали они никакого безпорядка и даже не слышно было о воровствѣ, а только въ карантинномъ зданіи, гдѣ былъ ихъ главный притонъ, произвели было драку съ караульными, которые препятствовали имъ растаскивать дрова или уходить безъ спроса.

Такъ какъ плѣнные отправлялись черезъ Кавказскія горы въ позднее время года, то каждаго изъ нихъ снабдили полушубкомъ и парою сапогъ; заготовленіе этихъ предметовъ было причиною что нѣсколько партій столкнулось въ Тифлисѣ въ одно время. Многіе изъ нихъ не умѣли пользоваться такимъ пособіемъ, продавая едва полученные ими обувь и полушубокъ, и проѣдая вырученныя за нихъ деньги на лакомства. Впрочемъ, плѣнные большею частью имѣли при себѣ деньги и не терпѣли въ Россіи крайней нужды, ибо о нихъ было достаточное попеченіе въ городахъ, гдѣ ихъ размѣстили.

Паши въ плѣну. Плѣнные паши были сперва размѣщены во Владикарсѣ по домикамъ у нашихъ старшихъ начальниковъ, которые съ участіемъ заботились о доставленіи имъ возможныхъ удобствъ. Изъ нихъ Керимъ-Паша былъ незваннымъ гостемъ главнокомандующаго, такъ, что они всѣ остались довольными. Муширъ Васифъ-Паша выѣхалъ изъ Владикарса съ одною половиною пашей 20-го Ноября, Керимъ же съ другою 23-го. Вскорѣ послѣ прибытія ихъ въ Тифлисъ, получено было изъ Петербурга назначеніе мѣстопребыванія ихъ по разнымъ городамъ въ Россіи. Керимъ и Гафизъ-Пашу повезли въ Москву, гдѣ они были привѣтливо приняты *). Черкесу Гуссейнъ-Пашѣ досталось провести зиму въ Полтавѣ; муширъ-же Васифъ-Паша просилъ позволенія, по слабости здоровья и по преклоннымъ лѣтамъ, остаться въ Тифлисѣ для избѣжанія зимняго переѣзда черезъ Кавказъ, что и было ему разрѣшено. Когда по заключеніи мира всѣ

*) Керимъ-Паша представлялся въ Москвѣ начальству въ лентѣ Св. Станислава, коего орденъ былъ ему пожалованъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, при заключеніи съ Оттоманскою портою договора.

плѣнные возвращались въ Турцію, Васифъ пожелалъ проѣхать по Имеретинской дорогѣ черезъ Гурію, откуда онъ былъ родомъ, дабы повидаться съ оставшимися у него тамъ родными и поклониться праху своихъ предковъ, что ему было разрѣшено. Онъ навѣстилъ родныхъ своихъ, проживавшихъ въ бѣдности, и возвращаясь во второе отечество свое, былъ принятъ на границѣ Турціи съ почестію, высланнымъ къ нему изъ Батума на встрѣчу коннымъ конвоемъ.

Англичане въ плѣну.

Англичане отправились 18-го Ноября изъ Владикарса въ Тифлисъ, куда ихъ проводилъ гвардіи ротмистръ Башмаковъ. Въ Тифлисѣ принялъ ихъ еще кн. Бебутовъ, передъ отъѣздомъ его въ Мингрелію. Тутъ оставались они нѣсколько времени въ ожиданіи назначенія мѣста пребыванія, куда ихъ слѣдовало отправить въ Россію. Лекъ и Томсонъ назначены были въ Пензу, гдѣ они до заключенія мира пользовались радушнымъ гостепріимствомъ тамошняго общества. Вилліамсъ же съ Тисделемъ и Черчилемъ, для коихъ назначили Рязань, выѣхали гораздо позже, потому что первый изъ нихъ занемогъ и долгое время лежалъ на смертномъ одрѣ въ Тифлисѣ. По заключеніи мира, онъ былъ милостиво принятъ Государемъ въ Петербургѣ, откуда возвратился въ свое отечество черезъ Парижъ *).

VI.

Карсъ по сдачѣ.—Заключеніе.

Первая поѣздка Главнокомандующаго въ Карсъ.

19-го Ноября, главнокомандующій поѣхалъ въ Карсъ для осмотра укрѣпленій праваго берега р. Карсъ-Чай, города и турецкихъ госпиталей. При одномъ изъ въѣздовъ въ укрѣпленный лагерь, **) встрѣтилъ его, вновь назначенный комендантъ

*) Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Вульвичъ, а въ недавнемъ времени генералъ-губернаторомъ въ Канаду—его родину.

**) Небольшой люнетъ прикрывавшій сей въѣздъ, находился въ лѣвой сторонѣ отъ укрѣпленія Сувари-Табіэ, стоявшаго на мѣстѣ гдѣ была построена ген. Муравьевымъ первая батарея, при осадѣ Карса въ 1828-мъ году.

полковникъ Де-Саже. Къ форту Гафизъ-Паша-Табіэ, свезено уже было съ прочихъ мѣстъ много пушекъ и большое количество ружей, составленныхъ въ козлы и сильно покрывшихся свѣжею ржавчиною. Старыя городскія каменныя стѣны, ограждавшія въ 1829-мъ году предмѣстіе Орта-Капи, находились нынѣ въ разрушенномъ положеніи; но двойной рядъ высокихъ стѣнъ съ башнями по восточную сторону города, стоялъ еще въ цѣлости. Правый мысъ Карадага былъ сильно укрѣпленъ и, можно сказать, недоступенъ по вышинѣ и крутизнѣ горы. Обширный и высокій фортъ Арабъ-Табіэ, занимавшій лѣвый мысъ Карадага, примыкалъ съ одной стороны къ недоступнымъ скаламъ праваго берега рѣки. Редюитъ, высившійся въ серединѣ форта, былъ чисто отдѣланъ какъ и все укрѣпленіе.

Квартира Вилліамса. Ратуша.

На обратномъ пути съ Карадага, главнокомандующій былъ встрѣченъ въ предмѣстіи Байрамъ-Паша, армянскимъ архіереемъ съ духовенствомъ, хоругвями и образами въ сопровожденіи армянскихъ старшинъ. Въѣхавъ въ городъ, онъ посѣтилъ квартиру Вилліамса, въ которой помѣстился нашъ комендантъ— небольшой двухъ-ярусный каменный домъ, коего англичанинъ занималъ верхъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ: пріемной, спальней и передней. Самая большая изъ нихъ—пріемная, имѣла не болѣе восьми шаговъ въ длину и шести въ ширину. Вся мебель была уже вывезена первымъ постояльцемъ. Убранства въ комнатѣ не было никакого; оставались только вырѣзанныя изъ англійской иллюстраціи картины побѣдъ одержанныхъ союзниками въ Крыму, коими были во множествѣ оклеены стѣны. Оттуда главнокомандующій поѣхалъ въ ратушу, гдѣ его ожидало человѣкъ десять старшинъ изъ первостатейныхъ гражданъ Карса. Ратуша ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ домовъ; она заключалась въ небольшомъ каменномъ строеніи на тѣсной улицѣ, съ которой черезъ низкую дверь прямо всходили по старой и неопрятной лѣстницѣ во второй ярусъ. Диванная комната, служившая для засѣданій городской думы или меджлиса, могла имѣть около 12-ти шаговъ въ длину и 10-ти въ ширину. Въ глубинѣ ея находилась низенькая софа съ большими подушками, обтянутыми поношенною и поблекшею шелковою

матеріей; холодный покой этотъ былъ замѣчателенъ, по неопрятности въ высшей степени въ немъ господствовавшей. Главнокомандующій обратился къ старшинамъ съ успокоительными обѣщаніями, что все имущество ихъ останется неприкосновеннымъ и что жители пріобрѣтутъ покровительство наше, если будутъ вести себя мирно, покоряться власти надъ ними поставленной и исполнять требованія новаго ихъ начальства. Старшины все выслушивали съ безотчетливымъ равнодушіемъ и хотя они обѣщали повиноваться, но въ сущности, слѣдуя природной своей безпечности, они надѣялись отдѣлаться отъ тяготѣвшихъ надъ ними настояній.

Такое направленіе обнаружилось при посѣщеніи главнокомандующимъ турецкихъ госпиталей, для продовольствія коихъ съ перваго дня приказано было старшинамъ собрать денегъ и купить муки, къ чему они однакоже еще не приступали; между тѣмъ, въ нихъ погибало отъ болѣзней, нужды и голода до 100 человѣкъ въ сутки; ибо съ выѣздомъ изъ Карса турецкаго начальства, разрушилось все воинское управленіе, и госпитали остались безъ прислуги и даже безъ средствъ для доставленія воды въ палаты. Наше начальство, обремененное на первыхъ порахъ безчисленнымъ множествомъ разнородныхъ распоряженій, хотя и успѣло сдѣлать пособіе въ главномъ отдѣленіи госпиталя, но оно не могло еще обратить вниманія своего на разбросанныя по всему городу малыя отдѣленія, о коихъ попеченіе было возложено на старшинъ. Отъ того случилось, что оставленныя турецкимъ начальствомъ въ палатахъ кровати, хотя и были снабжены порядочными вещами и бѣльемъ на людяхъ, но между полу-живыми существами ихъ занимавшими и брошенными безъ прислуги и пищи, лежали и мертвые. Странна была безмолвная тишина, царствовавшая въ этихъ живыхъ кладбищахъ, издававшихъ нестерпимый смрадъ. Въ подобныхъ случаяхъ, скорая помощь страждущему человѣчеству, зависитъ только отъ строгихъ мѣръ. Послѣ немедленнаго поданія первой помощи больнымъ, предсѣдатель городской думы, почетный старшина, былъ заключенъ въ одномъ изъ этихъ отдѣленій, до представленія требуемыхъ на содержаніе больныхъ денегъ, и

Турецкіе госпитали.

через нѣсколько часовъ сумма была представлена. Примѣръ этотъ пробудилъ дѣятельность турецкихъ мѣстныхъ властей и по другимъ предметамъ городскаго управленія, гдѣ нельзя было обойтись безъ ихъ участія. Въ главномъ госпиталѣ, расположенномъ на покатости горы по направленію къ цитадели, замѣчалось нѣсколько болѣе порядка; но строеніе было ветхое, палаты, корридоры, худыя лѣстницы и деревянные полы были также унитаны смертоноснымъ зловоніемъ, не взирая на то, что при тогдашней холодной погодѣ, не было въ этихъ полуразрушенныхъ зданіяхъ ни печей, ни оконныхъ рамъ со стеклами, которыя замѣнялись прорванною бумагою.

Турецкіе врачи. На одномъ изъ дворовъ главнаго отдѣленія госпиталя, гдѣ вещей и медикаментовъ имѣлось въ изобиліи, представились главнокомандующему 87 лекарей, антекарей и фельдшеровъ, выстроившихся въ одну шеренгу и одѣтыхъ въ разнородныхъ мундирахъ и костюмахъ. Большая часть ихъ состояла изъ грековъ и армянъ; но было между ними много пѣмцевъ, италіанцевъ и венгровъ—англичанинъ только одинъ. Изъ числа ихъ приказано было оставить не болѣе 24-хъ человѣкъ для леченія больныхъ турокъ, за что назначено имъ временно небольшое жалованье; прочихъ же приказано отпустить, а черезъ нѣсколько дней и выслать въ Эрзрумъ, потому что многіе изъ нихъ хотѣли оставаться въ Карсѣ; держать же въ городѣ сбродъ неизвѣстныхъ намъ людей, едва ли имѣвшихъ настоящія медицинскія свѣдѣнія, было бы неумѣстно.

Посѣщеніе цитадели. Продолжая объѣздъ свой, генералъ Муравьевъ въѣхалъ въ цитадель по крутому скалистому пути; подымаясь все выше между стѣнами, коихъ расположеніе трудно было бы опредѣлить, онъ достигъ самой вершины вышеграда, увѣнчанной открытою башнею, въ коей находилось три орудія и развѣвался на высокомъ шестѣ нашъ Андреевскій флагъ. Съ этого мѣста далеко обозрѣвались окрестности и долъ горы, на покатости коей расположенъ былъ городъ. Однакоже надъ этимъ возвышеннымъ мѣстомъ господствовалъ еще выстроенный за рѣкою сильный фортъ Вели-Паша-Табіэ. Изъ числа находившейся въ цитадели турецкой артиллеріи, не велѣно было вывозить четыре

пушки и одну мортиру, а напротивъ того приказано привести ихъ въ норядокъ, подобрать снаряды и назначить къ нимъ прислугу, дабы угрожать городу если-бы жители возмутились. Въ цитадели найдено было нѣсколько пороховыхъ складовъ небрежно сложенныхъ въ строеніяхъ безъ дверей, такъ что отъ малѣйшей неосторожности прохожихъ, могло случиться несчастіе.

Снятіе блокадныхъ постовъ.

19-го числа сдѣлано было распоряженіе о снятіи главныхъ блокадныхъ отрядовъ, съ замѣною ихъ казачьими заставами и пикетами на близкомъ разстояніи отъ города. Нельзя было оставить Карсъ безъ наблюденія, потому что въ немъ скрывались еще штабъ и оберъ-офицеры и люди принадлежащіе къ числу военно-плѣнныхъ, оставшіеся тамъ по семейнымъ или домашнимъ надобностямъ; могли также скрываться и иностранцы. Коменданту приказано было по розысканіи ихъ, отправлять военно-плѣнныхъ въ Александрополь, а людей принадлежащихъ къ редифу, высылать въ Эрзрумъ. Ему поручено было также открыть и собрать все оружіе, которое, въ особенности штуцера, уносили жители, а всего болѣе наши охотники и маркитанты. Нѣкоторыя изъ сихъ ружей, найдены были брошенными въ рѣку, вѣроятно самими турецкими солдатами, другія же попались въ руки обывателямъ, почему имъ было объявлено, что заставы не снимутся и жители не получатъ свободы выѣзжать изъ города безъ вида, пока не выдадутъ спрятанныхъ ими ружей, коихъ отысканіе возложено было на городскихъ старшинъ, какъ и отвѣтственность за сокрытіе ихъ. Въ теченіи послѣдовавшихъ за тѣмъ трехъ дней, было представлено жителями 635 ружей. Вскорѣ послѣ того, внѣшнія заставы были сняты, а оставлены только небольшіе караулы при нѣкоторыхъ въѣздахъ. Жители стали во множествѣ выѣзжать изъ Карса въ Эрзрумъ, въ чемъ имъ не препятствовали; впрочемъ въ числѣ ихъ могло быть много и такихъ, которые съ приближеніемъ нашихъ войскъ укрылись въ Карсъ изъ деревень, во избѣжаніе посѣщеній отъ фуражировъ. За всѣмъ тѣмъ, городъ остался еще достаточно населенъ и недолгое прошло время, какъ на базарѣ опять закипѣла дѣятельность.

Панихида и молебен. 20-го Ноября, въ походной церкви совершено было, при собраніи отъ всѣхъ частей войскъ, богослуженіе съ панихидою въ память убитыхъ въ дѣлѣ 17-го Сентября и благодарственное молебствіе за успѣхъ дарованный нашему оружію, при чемъ во время возглашенія многолѣтія Государю, произведена салютная пальба 101-мъ выстрѣломъ изъ орудій. По окончаніи богослуженія, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Обзоръ укрѣпленій лѣваго берега рѣки. 21-го Ноября главнокомандующій ѣздилъ въ турецкій лагерь для осмотра укрѣпленій на лѣвомъ берегу р. Карсъ-Чай. Желая болѣе ознакомиться съ нѣкоторыми частностями боя 17-го Сентября, онъ взялъ съ собою тѣхъ изъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые ближе участвовали въ приступѣ Карса и пригласилъ съ собою Керимъ-Пашу. Ему желательно было повѣрить при этомъ и воспоминанія свои о мѣстности видѣнной имъ въ 1828-мъ году. По объѣздѣ шорахской и чакмахской позицій турокъ, осмотрѣнъ былъ обширный и сильный фортъ Вели-Паша-Табіэ; фортомъ симъ нельзя было бы овладѣть безъ траншейныхъ работъ, еслибъ непріятель сталъ его защищать по утратѣ передовыхъ своихъ позицій. Редутъ Юксекъ-Табіэ, не могъ бы устоять, еслибъ намъ удалось занять Тахмасъ-Табіэ, коего мѣстность надъ нимъ командуетъ. Ни одинъ изъ сихъ редутовъ не былъ бы въ состояніи держаться, еслибъ мы прежде заняли Баши-бозукскую гору, надъ ними значительно господствующую; но едва ли предстояла возможность занять открытою силою сію гору, по высотѣ ея, крутизнѣ и по каменистому на нее подъему. Выслѣжено также было молодецкое движеніе Кауфмана съ Рязанскимъ баталіономъ, пронизавшимъ на-сквозь линіи турецкихъ укрѣпленій, армію и лагерь ея; спасеніемъ своимъ обязанъ онъ былъ отважности своей и распорядительности, столько же какъ оплошности турокъ.

Предмѣстье Орта-Капи. На обратномъ пути, главнокомандующій переѣхалъ черезъ небольшой мостъ на правый берегъ рѣки, въ предмѣстіе Орта-Капи, населенное большею частью армянами. Тутъ, вездѣ кипѣла дѣятельность; лавки, пекарни и бойни были открыты; на улицахъ видно было много турокъ, изъ коихъ даже нѣкоторые подходили съ просьбами. Лѣсъ съ накрытыхъ прежде ря-

довъ базара, былъ разобранъ по распоряженію карскаго начальства турецкими войсками для варенія пищи, потому что дровяные запасы въ послѣднее время блокады истощились. Съ этой стороны также не существовало старой каменной стѣны съ башнями, ограждавшей предмѣстіе Орта-Капи въ 1829-мъ году. При выѣздѣ изъ предмѣстья и внутри укрѣпленнаго лагеря, сложенъ былъ запасъ сосноваго строеваго лѣса, вывезенный до начала кампаніи турками изъ Соганлугскихъ горъ, для разныхъ оборонительныхъ построекъ въ лагерѣ. Этотъ драгоцѣнный товаръ немедленно былъ причисленъ къ нашему запасу и весною 1856-го года, сплавленъ вмѣстѣ съ бараками Владикарса, по рѣкамъ Карсъ-Чай и Арпа-Чай, къ безлѣсному Александрополю, гдѣ матеріалъ сей обходился казнѣ въ покупкѣ весьма дорого. Не велѣно было инженерному вѣдомству его расходовать безъ разрѣшенія высшаго начальства.

Русскія могилы.

22-го Ноября составлена была отъ всѣхъ полковъ сборная команда, которая отправилась подъ начальствомъ штабъ-офицера, чтобъ оправить насыпи на кладбищахъ нашихъ убитыхъ во время штурма. Это было исполнено тщательно, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ около Шорахскихъ высотъ водружены были на могилахъ высокіе деревянные кресты, которые стояли еще при сдачѣ нами туркамъ обратно Карса.

Убыль и уронъ Анатолійской арміи.

Здѣсь оканчивается описаніе кампаніи нашей 1855-го года въ Малой Азіи и объясненіе разныхъ обстоятельствъ сопровождавшихъ событіе сіе. Съ покореніемъ Карса исчезла *тридцатитысячная* Анатолійская армія, коей числительность, одно время при началѣ похода, даже превосходила сію цифру. Нельзя въ точности опредѣлить утраты ея въ частностяхъ; но приблизительно можно сказать, что въ теченіе лѣта, взято нами около 2,000 плѣнныхъ и перебѣжчиковъ; до 3,000 успѣло перебраться изъ крѣпости въ Эрзрумъ; 8½ тысячъ погибло на штурмѣ, отъ холеры, голода и истощенія; близъ 2,000 осталось въ Карсѣ въ госпиталяхъ; изъ остальныхъ 14½ тысячъ, больше половины взято военно-плѣнными, а прочіе распущены по домамъ. Пашей, въ томъ числѣ и главнокомандующій турецкою арміею, взято 12-ть; штабъ и оберъ-офицеровъ, за исключеніемъ остав-

ленныхъ по болѣзни въ Карсѣ, выведено оттуда въ границы наши плѣнными: первыхъ 62, а вторыхъ 603. Взятъ англійскій генералъ со всѣми его помощниками и штабомъ. Знаменъ и значковъ во время всей кампаніи, въ дѣлахъ и при сдачѣ Карса, взято около 60-ти, и кромѣ того, множество разныхъ трофеевъ, какъ то тамбуръ-мажорскихъ булавъ, трубъ, барабановъ и проч.

Пріобрѣтенные запасы и оружіе.

Мѣдныхъ орудій пріобрѣтено 136, въ числѣ коихъ много было осадныхъ и большаго калибра. Пѣхотныхъ строевыхъ ружей французскаго и англійскаго издѣлія, на половину ударныхъ, поступило въ тифлисскій арсеналъ 18,000 и сверхъ того до 1,000 отличныхъ штуцеровъ. Судя по количеству пѣхотныхъ войскъ находившихся въ Карсѣ, надобно полагать, что еще значительное количество ружей было утаено жителями, зарыто или брошено въ рѣку самими солдатами передъ сдачею. Кромѣ того вывезено нами изъ Карса много кавалерійскихъ строевыхъ карабиновъ, пистолетовъ и сабель, такъ что всего оружія отъ регулярныхъ войскъ собрано было болѣе 27,000 штукъ, не считая того оружія, которое пріобрѣли отъ иррегулярныхъ.

Найдено было въ Карсѣ:

Зарядпыхъ и патронныхъ ящиковъ разнаго рода.	1,225
Сундуковъ съ боевыми зарядами.	1,956
Боевыхъ зарядовъ въ боченкахъ.	250
Бомбъ и гранатъ разнаго калибра	830
Изготовленныхъ снарядовъ около	1,000 *)

*) За совершенную точность сихъ данныхъ о пріобрѣтенныхъ нами снарядахъ, нельзя поручиться, по неимѣнію въ настоящее время официальныхъ о томъ вѣдомостей; впрочемъ, показанное здѣсь число ящиковъ, снарядовъ и артиллерійскихъ запасовъ, почерпнутое изъ свѣдѣній собранныхъ на первыхъ порахъ—кажется не преувеличено. Собственно о ружейныхъ патронахъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ неупоминалось, что могло случиться отъ того, что при требовавшейся тогда поспѣшности въ составленіи первыхъ вѣдомостей, патроны вообще съ боевыми зарядами, считались сундуками и боченками, въ которыхъ они были уложены, или наполняли найденные 1,225 зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ. Всѣхъ же ружейныхъ патроновъ оказалось въ послѣдствіи до 6.000,000.

Порохъ размѣщался въ восьми погребахъ; для перевозки онаго, по сдѣланнымъ въ то время соображеніямъ, нужно было 2,000 обывательскихъ арбъ *).

Въ карскихъ складахъ найдено было значительное количество большихъ мѣдныхъ артельныхъ котловъ для варенія пищи. Издѣлія такого рода всегда бываютъ въ изобиліи и въ отличномъ видѣ у турокъ, по богатству мѣдной руды добываемой около Трапезунта, и по охотѣ вообще азіятцевъ къ мѣдной посудѣ. Найдено было также около тысячи строевыхъ уланскихъ сѣделъ съ приборомъ — всѣ хорошей англійской работы и не бывшія въ употребленіи. Сѣдла сіи были однакоже сложены небрежно кучею, въ одной изъ опорожненныхъ карскимъ начальствомъ мечетей. Нашли тоже довольное число пѣхотныхъ сумъ и аммуницій, небольшое количество заготовленнаго сухаго лѣса для артиллерійскихъ подѣлокъ и особо сложенный паркъ инструментовъ для инженерныхъ работъ. Въ лагерѣ снято было около 2,000 палатокъ, но большею частью худыхъ. Въ госпиталѣ собрано нѣкоторое количество вещей и порядочнаго бѣлья. Аптеки были снабжены лекарствами. Отысканы также наборы англійскихъ фельдшерскихъ и хирургическихъ инструментовъ.

Предполагавшіяся мѣры для продолженія войны.

Главнокомандующій располагалъ усилить въ теченіи зимы свой осадный паркъ, употребивъ на то турецкія орудія большаго калибра. По заключеніи мира, 12-ть орудій изъ числа пріобрѣтенныхъ были отправлены въ Сухумъ-Кале, въ замѣнъ оставшихся тамъ при уступкѣ мѣста сего въ 1854-мъ году союзникамъ; изъ остальныхъ, 100 привезено въ Тифлисъ, гдѣ онѣ были поставлены вокругъ арсенала и корпусной церкви; прочія же остались въ Александропольской крѣпости съ орудіями взятыми кн. Бебутовымъ въ 1853-мъ и 54-мъ годахъ въ сраженіяхъ подъ Башъ-Кадыкляромъ и Кюрюкъ-Дере. Предположено также было перемѣнить въ полкахъ старыя кремне-

*) Если при тогдашнемъ изнуренномъ состояніи обывательскаго скота и по трудностямъ пути, полагалось только по 10-ти пудъ на арбу, то пороху оказывалось 20,000 пудъ, чего при имѣвшихся на Кавказѣ запасахъ, слишкомъ достаточно было для продолженія войны въ 1856-мъ году, безъ усиленія оныхъ новою присылкою изъ Россіи.

выя ружья, вновь пріобрѣтенными ударными, которыя были хорошей работы и находились въ исправномъ состояніи; отобранными же кремневыми ружьями и такими же прежде сданными въ арсеналы, вооружить 33 дружины ополченія, изъ коихъ къ веснѣ слѣдующаго года, 14-ть ожидались изъ Харькова на Кавказскую линію, а 19-ть изъ Самарской и Оренбургской губерній, должны были прибыть па судахъ изъ Астрахани въ Баку; для сихъ же дружинъ назначались котлы и аммуниція пріобрѣтенные въ карскихъ складахъ.

Полки должны были укомплектоваться въ теченіи предстоявшей зимы людьми изъ сформировавшейся во время кампаніи на Кавказской линіи запасной дивизіи, что и было исполнено; кромѣ того предполагалось перевести съ линіи въ Кавказскій край, еще одну бригаду резервной дивизіи, такъ что для продолженія военныхъ дѣйствій въ 1856-мъ году, собиралось достаточно войскъ *). По сей причинѣ, главнокомандующій представилъ на Высочайшее усмотрѣніе предположеніе свое, не спѣшить присылкою въ томъ году 19-ти дружинъ моремъ. Мѣра сія давала морскому вѣдомству возможность съ бо́льшимъ удобствомъ распорядиться симъ отправленіемъ въ Баку; сухопутному же начальству—время и способы приготовить на мѣстѣ высадки и въ краѣ все нужное, чтобы обезпечить содержаніе и здоровье такой массы народа, непривыкшаго къ новому климату въ которомъ дружинамъ довелось бы начинать военное образованіе свое и службу. Симъ распоряженіемъ сберегались къ кампаніи 1857-го года новые и сильные резервы, которые отдохнувъ, вооружившись и порядочно устроившись въ теченіи зимы, принесли бы дѣйствительную пользу въ военныхъ дѣйствіяхъ и на слѣдующіе года.

Выгоды отъ пріобрѣтенія Карскаго пашалыка.

Пріобрѣтеніе Карскаго пашалыка составляло предметъ особенной важности, по плодородной его почвѣ, по изобильнымъ

*) Войскъ было достаточно для охраненія края и въ 1855-мъ году, что доказывается отправленіемъ во время кампаніи на Донъ изъ Черноморіи Донскаго казачьяго № 29-го полка, а съ лѣваго фланга Кавказской линіи въ Крымъ 4-хъ сотенъ Дунайскаго казачьяго войска, приведенныхъ туда изъ Новороссійскаго края, передъ открытіемъ войны.

сѣнокосамъ и по необходимымъ для насъ въ той странѣ Соганлугскимъ лѣсамъ. Пространная область сія, въ которой подрядчики наши до войны запасались дешевымъ хлѣбомъ для продовольствія части войскъ нашихъ въ Закавказскомъ краѣ, оставаясь за нами, обезпечила бы содержаніе оныхъ и удешевила бы значительные расходы, несомые на сей предметъ правительствомъ. Важность сего пріобрѣтенія въ торговомъ, военномъ и политическомъ отношеніяхъ, была постигнута въ Европѣ. Мы ставили преграду англійской торговлѣ съ Персіею черезъ Трапезунтъ и Эрзрумъ, препятствуя движенію каравановъ по сему пути. Въ военномъ отношеніи, покореніе Карса при уничтоженіи Анатолійской арміи было важно тѣмъ, что съ открытіемъ весеннихъ путей, неминуемо долженъ былъ покориться намъ и Эрзрумъ — столица обширнаго управленія въ Малой Азіи, откуда, смотря по обстоятельствамъ, предстояла возможность покуситься на походъ къ Царюграду. Но въ такомъ случаѣ, крѣпость Карсъ по ветхости и другимъ неудобствамъ ея, а турецкій укрѣпленный лагерь по обширности онаго, не могли принести намъ пользы; посему главнокомандующій, располагая устроить себѣ иную точку опоры для дальнѣйшихъ дѣйствій во внутренность края, избралъ для сооруженія новой крѣпости станъ свой Владикарсъ—пунктъ представляющій болѣе всѣхъ удобствъ, какъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ и въ тактическомъ. Послѣ подробнаго осмотра и съемки сей мѣстности, былъ составленъ проэктъ крѣпости, коей планъ съ примѣрною смѣтою былъ посланъ въ Петербургъ. Но по измѣнившимся вскорѣ обстоятельствамъ, предположеніе сіе несостоялось, и временное обладаніе Карскимъ пашалыкомъ принесло намъ выгоду только въ томъ отношеніи, что пріобрѣтеніе сіе было положено на вѣсы при уступкахъ сдѣланныхъ нами на переговорахъ, когда заключался мирный трактатъ.

Проектированная крѣпость Владикарсъ.

Главнокомандующій оставался по сдачѣ Карса еще близъ двухъ недѣль въ станѣ, дабы распорядиться отправленіемъ плѣнныхъ, выступленіемъ войскъ, учрежденіемъ правленія въ покоренномъ краѣ и вывозомъ изъ Карса турецкой артиллеріи, оружія и казеннаго имущества. Послѣднее обстоятельство было

Гарнизоны въ Карсѣ и Ардеганѣ.

сопряжено съ большими затрудненіями, по недостатку въ подвозочныхъ средствахъ и почти непроходимому состоянію дорогъ. Всѣ войска не могли оставаться на зиму въ Карсѣ, какъ потому что часть ихъ нужно было приблизить къ сторонѣ, гдѣ еще находилась армія Омеръ-Паши, такъ и по разоренному состоянію въ коемъ находились селенія пашалыка, послѣ трехъ кампаній среди ихъ совершившихся. По отправленіи изъ Карса плѣнныхъ, войска стали выступать на зимнія квартиры въ свои границы, за исключеніемъ 2-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, двухъ батарей артиллеріи и нѣсколькихъ сотень казаковъ, оставшихся въ Карсѣ съ ген.-маіоромъ Фетисовымъ. Для занятія Ардегана, назначено было три сотни Донскихъ казаковъ съ восемью конно-ракетными станками; охраненіе сего города было поручено Донской конной артиллеріи эсаулу Кульгачеву. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждены были казачьи посты для сообщенія между Карсомъ и Ардеганомъ отъ Донскихъ полковъ, а между Ардеганомъ и Ахалкалакомъ отъ Ахалцыхской конной милиціи. Трудное отъ снѣговъ и мятелей по симъ путямъ сообщеніе, было причиною что въ Ардеганѣ не было поставлено пѣхоты, которая могла бы иногда подвергнуться недостатку въ продовольствіи.

Выступленіе и распредѣленіе войскъ на зиму.

Прежде всѣхъ выступили полки 13-й пѣхотной дивизіи, которые были направлены въ Ахалцыхъ. Изъ нихъ Виленскій полкъ двинувшись прямымъ путемъ на с. Карзахъ и кр. Ахалкалакъ, перешелъ съ частію артиллеріи, въ позднее уже время года, черезъ затруднительный Чалдырскій хребетъ горъ. Съ присоединеніемъ къ симъ полкамъ нѣсколькихъ баталіоновъ резервной дивизіи, собралось въ Ахалцыхѣ достаточно силъ для отраженія Омеръ-Паши, если бы ему могло еще притти на мысль тронуться впередъ послѣ паденія Карса. 10-ть баталіоновъ гренадерской бригады возвратились въ свои штабъ-квартиры въ окрестности Тифлиса, куда было направлено также нѣсколько баталіоновъ резервной дивизіи. Сія часть войскъ сосредоточивалась около Тифлиса, съ цѣлью предпринять черезъ нѣсколько времени походъ въ Мингрелію для изгнанія оттуда Омеръ-Паши, если бы удалось зимою перевезти изъ Тифлиса черезъ Имере-

тинскія горы провіантъ, на мѣсто истребленнаго кн. Мухранскимъ; предпріятіе сіе было необходимо, ибо до изгнанія изъ предѣловъ нашихъ Омеръ-Паши, нельзя было начинать наступательныхъ дѣйствій противъ Эрзрума. Состоявшіе въ дѣйствующемъ корпусѣ два баталіона Мингрельскаго полка, возвратились въ свою штабъ-квартиру, въ Карабагъ. За тѣмъ прочія войска дѣйствующаго корпуса, не входившія въ составъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и не имѣвшія ни постоянныхъ квартиръ, ни особаго хозяйства, были расположены на зиму въ границахъ нашихъ, по селеніямъ на лѣвомъ, берегу Арпачая; Рязанскій полкъ сталъ въ Ахалкалакѣ и окрестностяхъ; Ряжскій, занялъ Александрополь высылая одну роту въ с. Пирвали, для содержанія сообщенія съ гарнизономъ Карса, на который возложено было содержать пѣхотою посты при бывшихъ селеніяхъ Визинъ-Кёвъ и Хаджи-Вали. Драгунская бригада расположилась въ Караклисѣ и въ Делиджанѣ (Дилижанъ); Нижегородскій драгунскій полкъ въ Елисаветполѣ; артиллерія при своихъ частяхъ; казаки по пограничнымъ селеніямъ. Баязидскій отрядъ остался на зиму, какъ выше было сказано, въ Сурмалинскомъ участкѣ Эриванской губерніи. Полки конно-мусульманъ и Курдовъ распущены по домамъ.

Съ поступленіемъ подъ наше владычество, Карскій пашалыкъ получилъ названіе области, областнымъ же начальникомъ назначенъ былъ полковникъ Лорисъ-Меликовъ. Въ Карсѣ, при оставленіи въ прежнемъ порядкѣ городской думы, сосредоточены были, въ возможно меньшихъ размѣрахъ, гражданскія управленія, какъ то: канцелярія, казначейство, почтовое вѣдомство, полиція и прочія, къ коимъ были опредѣлены изъ Тифлиса опытные по сему дѣлу и избранные гражданскіе чиновники. Управленіе Карскою областью.

Новая область была раздѣлена на уѣзды или санджаки, а именно:

1-й Тахтинскій или собственно Карскій.

2-й Гёльскій.

3-й Ардеганскій.

4-й Заришатскій.

5-й Башъ-Шурагельскій.

6-й Кагызманскій.

7-й Гечеванскій.

8-й Ольтинскій.

Но городъ Ольта не поступилъ настоящимъ образомъ во владѣніе наше, хотя старшины его являлись въ Карсъ съ повинною, хотя и доставлялся иногда оттуда хлѣбъ въ маломъ количествѣ. По отдаленности сего города, отдѣлявшагося отъ Карса однимъ изъ высокихъ отроговъ Соганлугскихъ горъ и по близости онаго къ Эрзруму, главнокомандующій нерѣшился оставить тамъ на зиму слабаго гарнизона, а только въ послѣднихъ числахъ Ноября приказалъ Лорису-Меликову послать къ Ольтинскимъ почетнымъ жителямъ письмо, съ тремя сотнями Карапапахской милиціи, набранной въ покоренныхъ нами сандкакахъ. Дѣло это было поручено Ширинъ-Беку, молодому человѣку, родомъ Гурійцу, котораго похитили еще въ ребяческомъ возрастѣ и продали въ Царѣградѣ, гдѣ онъ достался рабомъ Васифъ-Пашѣ и нѣкогда былъ у него любимцемъ. При покореніи нами Карса, Ширинъ-Бекъ содержался въ заточеніи, по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ нами и былъ высвобожденъ только по занятіи нами крѣпости. Онъ успѣшно совершилъ возложенное на него испытаніе, дошелъ до Ольты со ввѣренною ему командою, принялъ отъ жителей покорность, однакоже тамъ не остался. За исключеніемъ Ольтинскаго уѣзда, всѣ прочіе оставались въ совершенномъ повиновеніи; во всѣхъ поставлены были мудиры или уѣздные начальники изъ жителей, по порядку существовавшему до завоеванія. Для обсужденія дѣлъ и тяжбъ и для раскладокъ между жителями повинностей, учреждены были совѣты состоявшіе изъ муллы или духовнаго лица и мѣстныхъ старшинъ, а для наблюденія за управленіемъ ихъ, назначены офицеры изъ туземныхъ милицій или охотниковъ.

Ольта Щеринъ-Бекъ.

Расходы и устройство Карса.

По распорядительности Лориса-Меликова, порядокъ скоро водворился, какъ въ области, такъ и въ самомъ городѣ Карсѣ. Откупныя статьи, существовавшія при турецкомъ правленіи, были приведены въ извѣстность и стали давать доходы, въ числѣ коихъ важнѣйшій получался отъ соляныхъ копей пріобрѣ-

тенныхъ нами на берегахъ Аракса, вблизи Кагызмана. Къ числу доходовъ принадлежалъ и податной хлѣбъ, собиравшійся съ уѣздовъ менѣе пострадавшихъ отъ войны и поступавшій частью на продовольствіе карскаго гарнизона, частью же на усиленіе александропольскихъ запасовъ, которые изготовлялись для предстоявшей кампаніи 1856 года. Изъ мечетей, многія были заняты во время блокады складами хлѣба и аммуниціи, отъ чего старики находили ихъ оскверненными, но не менѣе того и на насъ возлагали они вину оскверненія, говоря что въ городѣ занятомъ невѣрными, не можетъ быть мусульманскаго богослуженія. Въ этомъ случаѣ Лорисъ-Меликовъ поступилъ съ должною энергіею. Собравъ мулловъ, онъ погрозилъ имъ взысканіемъ, если будутъ смущать народъ подобными разглашеніями и приказалъ снова убрать мечети и приступить къ богослуженію. Приказаніе это было немедленно исполнено, и богослуженіе было возстановлено прежнимъ порядкомъ. Судъ и расправа чинились между жителями по мѣстному обычаю, подъ нашимъ наблюденіемъ.

Торговыя сношенія Карса съ Эрзрумомъ возстановились, чему нельзя было и препятствовать безъ крайняго стѣсненія обывателей. Карскій базаръ оживился, жители занялись обычною своею промышленностію, на рынкахъ проявилось прежнее изобиліе *). Во время блокады Карса, въ особенности послѣ штурма, ассигнаціи наши значительно упали въ Закавказскомъ краѣ, такъ что въ нашихъ мусульманскихъ провинціяхъ жители вовсе перестали было принимать ихъ. Съ паденіемъ Карса ассигнаціи пошли опять въ торговыхъ оборотахъ, не только въ нашихъ границахъ, но и на базарѣ въ Карсѣ, гдѣ ихъ охотно принимали. Жители хотѣли, чтобы такимъ же образомъ принимались нами и турецкія ассигнаціи называемыя каймэ, но сего нельзя было допустить. Однако торговцы, покупали условную монету сію за полцѣны и отправляли ее на размѣнъ въ Эрзрумъ, гдѣ получали отъ того хорошій барышъ.

---

*) Показались даже русскія лавочки съ самоварами.

Городъ устроивался и очищался. Съ тѣсныхъ улицъ Карса были убраны лошадиные остовы среди ихъ валявшіеся, а изъ пустыхъ домовъ, человѣческіе трупы въ нихъ иногда еще открывавшіеся *); городъ принялъ иной видъ и запустѣніе смѣнилось дѣятельностію. Въ теченіи зимы, Карсъ оживлялся различными торжествами, къ которымъ жители собирались съ любопытствомъ; народъ успокоился, сталъ довѣрять намъ и пересталъ хмуриться; обыватели Карса оставались довольными, вели себя смирно и исполняли всѣ наши требованія съ возможною точностію.

Вѣсти изъ Эрзрума.

Изъ Эрзрума получались въ то время извѣстія, что въ городѣ и окрестностяхъ считалось около 16,000 войскъ, но между ними господствовало неповиновеніе; усилили подвозъ провіанта; мечети и караванъ-сараи наполняли пшеницею и ячменемъ — запасы, на которые намъ можно было расчитывать для кампаніи 1856-го года. Между простымъ народомъ носился въ Эрзрумѣ слухъ, что мы обратно отдадимъ Карсъ и Баязидъ въ замѣнъ Севастополя, который будетъ намъ возвращенъ. Необъяснимы такія предреканія, поселяющіяся въ мнѣніяхъ народныхъ массъ, хотя безотчетно, но въ согласіи съ послѣдующими событіями!

Возвращеніе Баязидскаго отряды.

Первое извѣстіе о паденіи Карса дошло въ Баязидскій отрядъ очень скоро, но не официальными путями. Ген. Сусловъ узналъ о томъ, черезъ одного турецкаго солдата принадлежавшаго къ редифу, съ коимъ онъ былъ уволенъ на родину. Часть Баязидскаго пашалыка была покорена еще въ 1854-мъ году ген. маіоромъ Врангелемъ; но тогда войска не остались тамъ на зиму, потому что единственное сообщеніе оставшееся у нихъ съ Эриванскою губерніею, пролегало по трудной дорогѣ черезъ хребетъ Агри-Дагъ. Какъ ни желательно было главнокомандующему, чтобы войска сіи расположились на зиму въ Баязидскомъ пашалыкѣ, но не будучи лично знакомъ съ мѣстностью, онъ не рѣшился положительно предписать такую мѣру Суслову. По

*) Въ одномъ изъ оставленныхъ строеній, было ихъ найдено десять, вмѣстѣ сброшенныхъ.

взятіи Карса, Суслову было только приказано перейти обратно за хребетъ Драмъ-Дагъ и отступить въ Баязидскій санджакъ, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ приказаній, съ тѣмъ однакоже, что если къ тому времени дорога изъ Баязида въ Эриванскую губернію становилась бы уже неудобопроходимою, то бы онъ, до полученія новаго предписанія, перешелъ въ наши предѣлы и расположился бы на зимнихъ квартирахъ въ Сурмалинскомъ участкѣ. Сусловъ перешелъ обратно за Драмъ-Дагъ 23-го Ноября, 24-го онъ прибылъ къ с. Зейдкану, откуда слѣдовалъ далѣе въ Баязидскій санджакъ, и, не дождавшись другаго предписанія, на основаніи перваго распоряженія, перешелъ черезъ горы обратно въ Эриванскую губернію—признавая мѣру сію необходимою по тогдашнему состоянію путей.

Набѣгъ Асланъ-Паши.

Настоящія военныя дѣйствія въ теченіи зимы не возобновлялись, и хотя въ окрестностяхъ Карса не было ни одного случая разбоя или хищничества, нельзя однакоже сказать, чтобъ одинокіе люди, принадлежавшіе къ войску, могли безопасно ѣздить въ дальнія деревни къ сторонѣ Соганлуга, откуда всегда можно было ожидать нападенія отъ небольшихъ шаекъ Курдовъ; со стороны же непріятеля былъ только одинъ набѣгъ, который по значительности своей, могъ назваться вторженіемъ. Набѣгъ этотъ былъ предпринятъ съ предѣловъ Ольты или Пеняка Асланъ-Пашею, тѣмъ самымъ, котораго разбили вначалѣ кампаніи подъ Ахалкалакомъ. Асланъ-Паша принадлежалъ къ числу родовыхъ властителей, оставшихся въ этой оконечности владѣній Турціи на ленныхъ правахъ къ Султану. Лишившись черезъ завоеванія наши лучшихъ земель своихъ и доходовъ, онъ скрывался въ ущельяхъ около Ольты и постоянно искалъ случая воспользоваться отъ насъ какою нибудь добычею. Въ этотъ разъ намѣревался онъ напасть на сборщиковъ фуража посылаемыхъ Лорисомъ-Меликовымъ въ Гёльскій санджакъ. Собравъ до 400-тъ всадниковъ, онъ вторгнулся въ этотъ санджакъ черезъ Панжрутскій хребетъ, въ надеждѣ застать нашихъ въ расплохъ. Асланъ-Паша съ братомъ своимъ Изетъ-Бекомъ и большею частью партіи, сталъ въ с. Сейнотъ, расположивъ остальныхъ людей въ с. с. Хораванкъ и Чуль-Пенекъ. Но не

дремалъ бдительный Кульгачевъ, который въ то время, 20-го Декабря, выступилъ изъ Ардегана съ тремя сотнями донскаго казачьяго № 21-го полка и четырьмя конно-ракетными станками, для обзора страны. Освѣдомившись въ с. Туркашенѣ о сборѣ непріятеля, онъ внезапно двинулся съ двумя сотнями черезъ Урутъ на Сейнотъ, а третью сотню послалъ съ сотникомъ Коротковымъ вправо на с. Хораванкъ, чтобы охватить непріятельскую партію съ двухъ сторонъ. Когда Кульгачевъ приблизился къ с. Сейнотъ на разстояніе пяти верстъ, Коротковъ выгналъ уже турокъ изъ сс. Хораванкъ и Чуль-Пенека, и преслѣдовалъ ихъ къ Сейноту, гдѣ былъ встрѣченъ главными силами непріятеля. Подошедшій въ это время Кульгачевъ, устремился во флангъ выстроившихся турокъ и опрокинувъ ихъ, преслѣдовалъ на разстояніе 15-ти верстъ. Во время бѣгства своего, турки оставили по дорогѣ до 60-ти тѣлъ и 10-ть человѣкъ раненыхъ взятыхъ нами въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ находились знаменоносецъ и слуга Паши, показавшіе, что онъ самъ былъ раненъ пикою. При сей встрѣчѣ у турокъ отбито 30 лошадей и много оружія. Нашъ уронъ состоялъ изъ одного убитаго и трехъ раненыхъ казаковъ. Въ тотъ же день, т. е. 20-го Декабря, эсаулъ Кульгачевъ возвратился въ Сейнотъ, гдѣ оставивъ тяжело раненыхъ турокъ на попеченіе жителей, прибылъ на ночлегъ въ с. Дадашинъ, пройдя въ теченіи 13-ти часовъ времени по глубокимъ снѣгамъ и въ сильные морозы, болѣе 100 верстъ. На другой день онъ возвратился въ Ардеганъ. Съ тѣхъ поръ весь завоеванный нами край, совершенно уже успокоился, такъ, что люди наши могли всюду безопасно ѣздить. Въ Баязидскомъ пашалыкѣ, по отбытіи оттуда нашихъ войскъ, военныхъ дѣйствій въ теченіи зимы происходить не могло; но сосѣдственныя племена Курдовъ, воспользовались отсутствіемъ нашимъ, чтобы взять денежную дань съ монаховъ Армянскаго монастыря Сурбъ-Оганеса и съ Армянскихъ селеній, въ коихъ мы были лѣтомъ; впрочемъ не слышно было чтобъ они причиняли христіанамъ жестокостей и разоренія.

Дѣйствія союзниковъ въ теченіи зимы.

Въ теченіи зимы союзники располагали поднять на англійскихъ корабляхъ 10,000 Египетскаго войска изъ Евпаторіи,

для высадки въ Трапезунтъ; но оказалось, что изъ сего числа 6,000 человѣкъ были заражены цынготною болѣзнею, и вначалѣ Декабря мѣсяца прибыло туда моремъ только 800-тъ человѣкъ пѣхоты. Въ Эрзрумѣ продолжались приготовленія къ оборонѣ.

Парадъ Георгіевскихъ кавалеровъ.

26-го Ноября, въ день праздника побѣдоносца Георгія, совершено въ походной церкви стана Владикарсъ, богослуженіе при собраніи войскъ, послѣ чего онѣ проходили церемоніальнымъ маршемъ.

Выѣздъ Главнокомандующаго изъ Владикарса.

28-го числа, главнокомандующій опять ѣздилъ въ Карсъ, чтобы видѣть продолжавшееся тогда отправленіе турецкихъ орудій и прочихъ запасовъ намъ доставшихся. Трудное дѣло сіе подвигалось съ успѣхомъ, по дѣятельности приставленныхъ къ оному артиллерійскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ—изъ нихъ въ особенности подполковника Брискорна. Окончивъ главныя распоряженія свои подъ Карсомъ, главнокомандующій выѣхалъ оттуда 30-го Ноября и прибылъ въ тотъ же день въ Александрополь, гдѣ провелъ нѣсколько дней для осмотра госпиталей, крѣпости, въ коей во время кампаніи производились нѣкоторыя работы и для распоряженій по части продовольствія заготовлявшагося къ предстоявшему на слѣдующій годъ походу.

ВОЙНА ЗА КАВКАЗОМЪ

ВЪ 1855 ГОДУ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

КАМПАНІЯ ВЪ МИНГРЕЛІИ.

I.

ПЛАНЫ И ДѢЙСТВІЯ ТУРЕЦКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ДЛЯ ЗАЩИТЫ МАЛОЙ АЗІИ.

Военныя дѣйствія происходившія въ теченіи лѣта 1855-го г. на Черноморскихъ берегахъ Мингреліи и Гуріи, были маловажны. Дѣйствія сіи ограничивались небольшими стычками между турками и нашими передовыми войсками, преимущественно милиціонерами, и подробно описаны въ предшествующихъ главахъ, гдѣ онѣ показаны въ томъ порядкѣ, какъ о нихъ получались извѣстія. Въ первой главѣ изложены, взглядъ на театръ войны въ Мингреліи и Гуріи и начертанный тогда планъ кампаніи въ долинѣ Ріона, на случай еслибы непріятель высадился въ большихъ силахъ на нашихъ берегахъ; тамъ же показано расположеніе нашихъ отрядовъ, силы ихъ и упомянуто о происходившихъ весною волненіяхъ въ Мингреліи. По симъ причинамъ, здѣсь не повторяются всѣ сіи свѣдѣнія, съ коими читатель уже ознакомился. Вступленіе.

Вторженіе непріятеля въ большихъ силахъ со стороны моря, ожидалось въ теченіи всего лѣта; но войска его стали показываться только въ началѣ Сентября мѣсяца. Съ цѣлью освобо-

дить Карсъ, Омеръ-Паша высадилъ ихъ въ Сухумъ-Кале—самый отдаленный пунктъ отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій. Въ настоящей главѣ изложены будутъ, какъ военныя дѣйствія этого запоздалаго пособія, такъ и мѣры предпринятыя нами для отраженія онаго; по сему настоящее описаніе начинается только со времени высадки, и оканчивается отплытіемъ Омеръ-Паши. Но до высадки турецкой арміи, коей появленіе на нашихъ берегахъ было вызвано успѣхами нашими въ Малой Азіи, происходили между правительствами союзниковъ и ихъ главнокомандующими многія совѣщанія и пренія, какъ объ избраніи лучшаго направленія для десанта, такъ и о составѣ сего вспомогательнаго для Анатолійской арміи войска. Разсказъ о сихъ совѣщаніяхъ и дѣйствіяхъ, замѣчательный по ихъ медленности и продолжительности, предшествуетъ начертанному здѣсь походу, и потому изложеніе ихъ составитъ предметъ перваго отдѣла настоящей главы *).

Требованіе Вилліамса.

Еще въ Мартѣ и Апрѣлѣ мѣсяцахъ, Вилліамсъ жаловался англійскому правительству на безпечность Порты, которая не смотря на очевидныя приготовленія русскихъ къ наступательному движенію, не заботилась ни о снабженіи, ни объ усиленіи Анатолійской арміи. По соображеніямъ Вилліамса, Анатолійская армія, въ тогдашнемъ ея составѣ, не была въ силахъ охранять обширныя границы турецкихъ владѣній въ Малой Азіи; онъ находилъ, что армію сію надобно было подкрѣпить по крайней мѣрѣ 15,000-ми пѣхоты, 3,000-ми кавалеріи и 2,000 артиллеристовъ, и что при такомъ только усиленіи можно было имѣть нѣкоторыя надежды на успѣхъ при встрѣчѣ съ русскими; но Порта мало обращала вниманія на эти жалобы и требованія, слабо поддерживаемыя англійскимъ правительствомъ и посланникомъ. Ссылаясь на невозможность отдѣлить какую бы то ни было часть войска отъ Дунайской или Крымской арміи, Порта

*) Занимательныя свѣдѣнія сіи, почерпнутыя изъ офиціальныхъ переписокъ между министерствами союзниковъ и ихъ главнокомандующими, изданы въ Лондонѣ въ 1856-мъ году въ особомъ сборникѣ, подъ названіемъ blue book, содержащемъ и переписки разныхъ властей по дѣламъ происходившимъ на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи.

ограничивалась перепискою съ главнокомандующими въ Крыму, или же составленіемъ проэктовъ, которыхъ даже не пыталась приводить въ исполненіе, какъ на примѣръ, проэктъ набора 6,000 чел. изъ армянъ-христіанъ въ Малой Азіи. Такимъ образомъ, до Іюня мѣсяца, не было принимаемо никакихъ мѣръ къ усиленію Анатолійской арміи.

Предположения для усиления Анатолийской армии.

Наконецъ, когда въ половинѣ Іюня, получено было въ Константинополѣ извѣстіе о сосредоточиваніи около Александрополя русскаго войска, коего силы полагали въ 36,000 человѣкъ, и объ ожидаемомъ движеніи онаго къ Карсу—Порта и англійскій посланникъ, впервые обратили надлежащее вниманіе на положеніе дѣлъ въ Малой Азіи, и стали изыскивать средства, чтобы остановить движеніе русскихъ или противупоставить имъ препятствія. Доставка въ Эрзрумъ предметовъ нужныхъ для карскаго гарнизона, была усилена. Для подкрѣпленія самой арміи, на первыхъ порахъ предположено было немедленно присоединить къ ней 5,000 человѣкъ изъ Батума, два баталіона изъ Галеба (посланные противъ Эздеширъ-Бея) и кавалерійскій полкъ, расположенный въ Сивасѣ. Потомъ рѣшено было присоединить всю Батумскую армію (15,000) къ Карской, и сухопутное это усиленіе войскъ, поддержать крейсированіемъ нѣсколькихъ судовъ у Черноморскихъ береговъ. Но все это осталось безъ исполненія, потому что вниманіе Порты вскорѣ сосредоточилось на болѣе обширномъ планѣ — экспедицію въ Редутъ-Кале, какъ на вѣрнѣйшій по ея мнѣнію способъ выручить Анатолійскую армію изъ затруднительнаго ея положенія.

План экспедиции въ Редутъ-Кале.

Планъ диверсіи изъ Редутъ-Кале въ Грузію, съ цѣлью отвлечь тѣмъ русскія войска отъ Карса, возникъ собственно въ Портѣ, и въ первый разъ былъ изложенъ на совѣщаніи 16-го Іюня [1]) происходившемъ между великимъ визиремъ, сераскиромъ, Фуадъ-Пашою и лордомъ Стратфордомъ. Извѣстно уже было, что Карсъ обложенъ; знали, что сообщенія его съ Эрзрумомъ прерваны, и что продовольствія въ городѣ было не болѣе, какъ на три мѣсяца. По этому, всѣми присутствовавшими на совѣщаніи

*) Въ семъ извлеченіи, какъ и во всей книгѣ, употребляется старый стиль.

было единодушно признано, что крайнее положеніе Анатолійской арміи требуетъ скорой помощи, хотя бы то сопряжено было съ рисками и пожертвованіями. Для сего представлялось три способа:

1. Отправить подкрѣпленія черезъ Трапезунтъ и Эрзрумъ,— что отвергалось Портою на слѣдующихъ основаніяхъ: по крайне-дурному состоянію дорогъ, высадное войско не могло иначе выступать изъ Трапезунта и переходить черезъ горы, какъ малыми отрядами, которые не были бы въ состояніи, ни освободить Карсъ, ни защищать Эрзрумъ; для выручки Карса, необходимо было держать войско въ совокупности, дабы оно числительностію своею по крайней мѣрѣ равнялось силамъ осаждающей арміи. Но для достиженія сего, двигаясь изъ Трапезунта въ Эрзрумъ небольшими частями, потребовалось бы болѣе трехъ мѣсяцевъ, и едва ли могъ бы еще въ это время совершиться переходъ высаднаго войска въ полномъ его составѣ; между тѣмъ русскія войска успѣли бы занять Эрзрумъ и всѣ главные пути ведущіе въ Царьградъ.

2. Высадить войско въ Редутъ-Кале, и укрѣпившись въ немъ, угрожать тылу осаждавшей арміи и сообщеніямъ ея съ Грузіею. Но и это признано неудобоисполнимымъ, по причинѣ смертоноснаго климата на Мингрельскихъ берегахъ, отъ чего, въ короткое время погибло бы высаженное войско.

3. Въ третьемъ способѣ, а именно: въ немедленномъ движеніи высаженнаго въ Редутъ-Кале войска черезъ Кутаисъ въ Грузію, Порта видѣла единственную возможность, подать дѣйствительную помощь Карсу, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть и главной цѣли войны, въ чемъ она успѣла убѣдить и склонить на свою сторону англійскаго посланника, лорда Стратфорда.

Главныя затрудненія для исполненія этого плана состояли: во первыхъ, въ составленіи экспедиціоннаго корпуса; во вторыхъ, въ доставленіи онаго на Мингрельскій берегъ и въ третьихъ, въ снабженіи десанта средствами продовольствія и сухопутнымъ транспортомъ. При разсмотрѣніи сихъ вопросовъ представлялось слѣдующее;

1. По трактату, заключенному съ британскимъ правительствомъ, Порта, между прочимъ, обязалась поставить 20,000 человѣкъ пѣхоты, которые, обучившись подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ, должны были поступить въ составъ англійской арміи и въ полное распоряженіе англійскаго начальства, подъ названіемъ турецкаго контингента. Первая его половина, въ числѣ 10,000 т. человѣкъ, уже собранная, обучалась подъ начальствомъ ген. Вивіана въ лагерѣ подъ Буюкъ-Дере, близъ Константинополя. Вторая половина должна была въ свое время поступить изъ Булгарской арміи.

Не имѣя въ распоряженіи своемъ свободныхъ войскъ, Порта предложила для составленія экспедиціоннаго корпуса взять контингентъ ген. Вивіана, присоединивъ къ нему и вторую половину онаго 20,000

Батумскій гарнизонъ	12,000	Пѣхоты.
Сверхъ того, изъ Болгарской арміи еще . . .	5,000	
Албанцевъ	2,000	
Итого	39,000	

Кавалерійскій отрядъ Битсона	3,000	Кавалеріи.
Полкъ Египетской регулярной кавалеріи . .	800	
Тунисскій кавалерійскій полкъ.	600	
Итого	4,400	

Всего *тридцать девять тысячъ* человѣкъ пѣхоты и *четыре тысячи шесть сотъ* человѣкъ кавалеріи.

2. Для перевезенія въ Редутъ-Кале экспедиціонной арміи съ артиллеріею, кавалеріею, аммуниціею и мѣсячнымъ продовольствіемъ, требовалось 20 кораблей и до 300 транспортныхъ судовъ, могущихъ поднять груза до 6,000 тоннъ.

3. Снабженіе экспедиціонной арміи продовольствіемъ и вьючными лошадьми, въ числѣ 9,000 потребовало бы, по расчету турецкаго генералъ квартирмейстера и коммисаріатскаго управленія, не менѣе трехъ мѣсяцевъ, такъ что по прибытіи арміи, даже безъ промедленія, въ Кутаисъ, она не могла бы двинуться въ Грузію ранѣе конца Сентября.

Измѣненіе плана экспедиціи въ Редутъ-Кале.

Трудность, а можетъ быть и невозможность удовлетворенія по двумъ послѣднимъ предметамъ, была причиною нѣкотораго измѣненія въ планѣ. Вмѣсто единовременной высадки цѣлой арміи, предложено было перевозить ее по частямъ, начавъ съ контингента ген. Вивіана, къ которому въ Редутъ-Кале долженъ былъ присоединиться 12-ти тысячный Батумскій гарнизонъ. Составленный такимъ образомъ отрядъ, немедленно двинулся бы къ Кутаису, между тѣмъ какъ транспортныя суда, перевозили бы остальныя части войска въ Редутъ Кале, гдѣ инженеры съ помощію туземныхъ рабочихъ, должны были устроить укрѣпленный лагерь. Начальство надъ всею экспедиціей, предложено было возложить на ген. Вивіана.

Возраженія англійскаго правительства.

Но, ни первый планъ, ни его видоизмѣненіе не были одобрены англійскимъ правительствомъ, не смотря на старанія Стратфорда, представить ихъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Не довѣряя административной распорядительности турецкихъ властей, британское правительство считало безразсуднымъ, перебросить 40 тысячъ человѣкъ въ страну неизвѣстную, зловредную по ея климату, среди племенъ вѣроятно враждебныхъ, безъ достаточнаго обезпеченія продовольствіемъ, безъ сухопутнаго транспорта и безъ сообщеній съ основнымъ пунктомъ дѣйствій. Равно безразсудною находило оно и мысль, противупоставить устроенному русскому войску, силы на-скоро собранныя изъ разныхъ мѣстъ, худо обученныя и не знающія дисциплины. Оно полагало, что по всѣмъ вѣроятіямъ, половина сего войска падетъ жертвою болѣзней между Редутъ-Кале и Кутаисомъ, остальная же часть будетъ разбита русскими между Кутаисомъ и Тифлисомъ. Не болѣе того одобрялся и самый планъ диверсіи. Англійское правительство находило, что посылая подкрѣпленія, благоразумнѣе было направлять ихъ къ тылу турецкой, чѣмъ русской арміи, и оно настаивало на томъ, чтобы всѣ силы, какія ни будутъ собраны, отправлялись бы на Трапезунтъ и Эрзрумъ. Генералу же Вивіану было подтверждено отъ лорда Панмюра *), ограждать честь британскаго оружія, и не срамить достоинства

*) Тогдашній Военный Министръ.

онаго, участіемъ въ проэктахъ Порты, которые онъ называлъ дикими и необдуманными.

Порта продолжаетъ приготовленія.

Хотя несогласіе англійскаго правительства, отчасти и поражало дѣятельность Порты въ приготовленіяхъ къ экспедиціи, но не прекратило ихъ совершенно. Посланъ былъ приказъ въ Болгарскую армію о содержаніи въ готовности къ походу 15,000 человѣкъ, заготовлялись оружіе, продовольствіе, вьючныя лошади и транспортныя суда. Порта, поддерживаемая лордомъ Стратфордомъ, не теряла надежды склонить на свою сторону англійское правительство, коего согласіе было необходимо для употребленія въ дѣло контингента и кавалерійскаго отряда Битсона.

Предложеніе Омеръ-Паши.

Между тѣмъ, планъ экспедиціи сообщенъ былъ на разсмотрѣніе Омеръ-Паши, которому критическое положеніе дѣлъ въ Малой Азіи, доставляло возможность выйти изъ второстепеннаго и мало лестнаго положенія его въ Крыму. Вмѣсто изложенія своего мнѣнія, онъ предложилъ себя лично въ начальники предполагаемой экспедиціи, почему и планъ ея вновь измѣнился. *)

Мысль подобной экспедиціи возникла у Омеръ-Паши ранѣе, вслѣдствіе извѣстій полученныхъ изъ Карса и сообщенныхъ ему главнокомандующимъ англійской арміи въ Крыму, лордомъ Рагланомъ. Въ нотѣ отъ 25-го іюня/7-го іюля къ г. Симпсону, турецкій главнокомандующій объяснялъ важное значеніе Карса отъ коего зависѣло, по его мнѣнію, сохраненіе Эрзрума и бо́льшей части Малой Азіи, причемъ онъ предложилъ чтобы изъ 60-ти тысячной турецкой арміи, находившейся въ бездѣйствіи подъ Севастополемъ, въ Евпаторіи и Керчи, отдѣлить 25,000 человѣкъ пѣхоты, 3,000 кавалеріи, съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи, и съ этими силами, подъ его, Омеръ-Паши начальствомъ, сдѣлать высадку на одинъ изъ пунктовъ Кавказскаго берега. Для обсужденія этой мысли, онъ желалъ совѣщаться съ союзными главнокомандующими, которые однакоже отъ сего

*) Въ приложеніи подъ букв. Д. д. помѣщена краткая біографія Омеръ-Паши, извлеченная изъ статьи Лондонской Иллюстраціи 1853 года и дополненная ген. Муравьевымъ, подъ начальствомъ коего онъ служилъ въ 1833 году.

тогда уклонились. Получивъ составленныя по сему предмету въ Константинополѣ предположенія, Омеръ-Паша съ большимъ увлеченіемъ, снова обратился къ своему проэкту и настоятельно требовалъ свиданія съ главнокомандующими союзниковъ. Онъ передалъ генераламъ Пелисье и Симпсону, что Порта, увѣдомляя его о беззащитномъ положеніи всей Малой Азіи даже до Константинополя, просила его не теряя времени, изыскать и привести въ исполненіе средства къ отвращенію великой опасности, грозящей Турціи, а слѣдовательно и общему дѣлу союзниковъ.

Омеръ-Паша ближе выразилъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ нотѣ отъ $\frac{\text{30-го іюня}}{\text{12 го іюля}}$ къ ген. Симпсону: планъ, составленный Портою съ согласія лорда Стратфорда и ген. Вивіана, имъ не одобрялся. Турецкій контингентъ, въ которомъ англійскіе офицеры еще не свыклись ни съ людьми, ни съ языкомъ, не могъ по его мнѣнію, съ пользою быть употребленъ въ предполагаемую экспедицію. Напротивъ того, онъ, называя себя, выставлялъ, что по довѣрію къ нему турокъ, и по извѣстности его въ Азіи, гдѣ совершилъ нѣсколько кампаній, ему легче и вѣрнѣе будетъ пріобрѣсти расположеніе иноземцевъ и помощь отъ туземныхъ жителей, коихъ участіе считалъ весьма важнымъ для добыванія продовольствія и полученія свѣдѣній о непріятелѣ. По этому онъ полагалъ за лучшее, не касаясь контингента, взять на себя предполагаемую экспедицію, и совершить ее съ помощію однѣхъ турецкихъ войскъ, находившихся въ Крыму. Угрожая сообщеніямъ русской арміи съ Грузіею, Омеръ-Паша полагалъ прежде всего принудить ее къ отступленію отъ Карса, послѣ чего зима пріостановила бы военныя дѣйствія, такъ что до весны 1856-го года осталось бы довольно времени для сформированія въ Азіи арміи достаточной на защиту турецкихъ владѣній, въ чемъ онъ надѣялся успѣть личнымъ своимъ вліяніемъ и знаніемъ страны.

Совѣщаніе 2-го Іюля.

На совѣщаніи $\frac{\text{2-го Іюля}}{\text{14-го іюля}}$, происходившемъ въ главной квартирѣ французскаго главнокомандующаго, въ присутствіи самого Пелисье, равно какъ генераловъ Симпсона, Омеръ-Паши, Ла-Мармара, Мартенпре (Martinprey) и адмираловъ Лайонсъ (Lyons),

Брюа и Стюартъ, Омеръ-Паша, изложивъ свой взглядъ, заключилъ мнѣніемъ, что если желаютъ остановить успѣхи русскаго оружія, то не должно терять времени, и что его армія есть единственная, а онъ единственный турецкій генералъ, которые съ успѣхомъ могутъ противустать русскимъ въ Азіи. Съ другой стороны, не предвидя подъ Севастополемъ дѣйствій при которыхъ потребовалось бы участіе турецкаго войска, онъ не видѣлъ и причинъ могущихъ препятствовать исполненію его предложенія *).

Но доводы Омеръ-Паши, остались тщетными. Никто изъ присутствовавшихъ не убѣдился въ необходимости удаленія его съ частью войска изъ Крыма, и совѣщаніе кончилось безъ результата. Не довольствуясь симъ, Омеръ-Паша въ сопровожденіи подполковника Симмонса, который велъ отъ его имени переписку по сему предмету со всѣми властями, уѣхалъ въ Константинополь для личныхъ переговоровъ съ Портою.

На одномъ съ нимъ кораблѣ, отправился въ Константинополь и подполковникъ Сюло (Suleau), подъ предлогомъ болѣзни, собственно же, съ тайнымъ порученіемъ отъ гг. Пелисье и Симпсона къ французскому и англійскому посланникамъ. Въ письмѣ, врученномъ имъ лорду Стратфорду отъ ген. Симпсона, сей послѣдній, извѣщая его о происшедшемъ, просилъ употребить все свое вліяніе, чтобы и въ Портѣ доставить перевѣсъ мнѣнію главнокомандующихъ союзныхъ войскъ надъ мнѣніемъ Омеръ-Паши.

Омеръ-Паша въ Константинополѣ.

Не смотря на столь сильное по видимому сопротивленіе, не смотря даже на то, что неожиданное прибытіе (5-го іюля / 17-го іюля) Омеръ-Паши, произвело на первую минуту въ самой Портѣ неудовольствіе, онъ скоро поладилъ съ высшими властями и былъ не только милостиво принятъ, но и награжденъ Султаномъ. Планы его встрѣтили здѣсь гораздо болѣе сочувствія, чѣмъ въ лагерѣ

*) При этомъ совѣщаніи были представлены турецкимъ главнокомандующимъ, какъ видно изъ письма ген. Симпсона къ лорду Редклифу, кипы бумагъ заключавшія по увѣренію Омеръ-Паши, наставленія отъ его правительства, когда же присутствовавшіе потребовали перевода оныхъ, то онъ отозвался, что трудъ этотъ занялъ бы не менѣе двухъ недѣль времени.

подъ Севастополемъ. Онъ съ настойчивостію выразилъ мысль свою, что никакая попытка чрезъ Трапезунтъ и Эрзрумъ не будетъ и не можетъ быть удачна. Не говоря уже о потерѣ времени и трудностяхъ перехода, онъ, ни по какимъ военнымъ соображеніямъ, не могъ надѣяться на успѣхъ при встрѣчѣ съ русской арміею на пути ея отъ Карса къ Эрзруму. Напротивъ того, занявъ быстрымъ движеніемъ Кутаисъ и овладѣвъ Сурамомъ (Sourou-Pass), ключемъ пути ведущаго къ Тифлису, онъ могъ бы, смотря по обстоятельствамъ, идти къ Тифлису или черезъ Ахалцыхъ на соединеніе съ Анатолійскою арміею, если бы Карсъ устоялъ до того времени. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, между Тифлисомъ и Редутъ-Кале находилось всего около 15,000 русскаго войска—обстоятельство служащее по мнѣнію его доказательствомъ, что русскій главнокомандующій не полагалъ союзниковъ въ силахъ напасть на него съ этой стороны. По симъ причинамъ Омеръ-Паша находилъ, что успѣха ожидать можно было только отъ экспедиціи черезъ Редутъ-Кале. Для устраненія же возраженій какъ англійскаго правительства, не соглашавшагося на преждевременное употребленіе въ дѣло турецкаго контингента, такъ и крымскихъ главнокомандующихъ, не соглашавшихся на ослабленіе Крымской союзной арміи, Омеръ-Паша предложилъ: вмѣсто войскъ, которыя будутъ взяты изъ Крыма для экспедиціи, отправить въ Крымъ же контингентъ ген. Вивіана, при чемъ онъ представлялъ, что въ стѣнахъ Евнаторіи или Балаклавы, контингентъ не подвергаясь преждевременно чрезмѣрнымъ тягостямъ полевой службы, могъ бы продолжать формированіе свое, съ равнымъ, если не съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Турціи.

Въ лордѣ Стратфордѣ, Омеръ-Паша не нашелъ противника, но напротивъ того встрѣтилъ въ немъ сильнаго помощника и заступника предъ англійскимъ правительствомъ; вѣроятно оттого, что планъ его въ сущности мало отличался отъ прежнихъ, въ составленіи коихъ участвовалъ и самъ британскій посолъ.

Согласіе англійскаго правительства.

Уступая симъ представленіямъ, англійское правительство высоко цѣнившее военныя достоинства Омеръ-Паши, и по видимому, еще болѣе заботившееся о контингентѣ, согласилось

на диверсію изъ Редутъ-Кале, которую положили совершить безъ участія въ ней контингента, равно и на перемѣщеніе контингента въ Крымъ: оно обратилось даже къ французскому правительству съ убѣжденіями, не препятствовать Портѣ воспользоваться способностями Омеръ-Паши тамъ, гдѣ онѣ наиболѣе нужны и обѣщаютъ успѣха. Переписка по сему предмету продолжалась довольно долго, и согласіе обоихъ правительствъ было сообщено Портѣ и Омеръ-Пашѣ не ранѣе $\frac{\text{23-го Іюля}}{\text{4-го августа}}$, вмѣстѣ съ приказаніемъ г. Вивіану изготовиться къ отправленію съ контингентомъ въ Евпаторію.

Опасеніе за участь Карса.

Въ продолженіи этого времени, вѣсти приходившія изъ Карса, становились все тревожнѣе. Блокада съ каждымъ днемъ болѣе стѣснялась. Всѣ запасы въ окрестностяхъ были истреблены. Въ крѣпости провіантъ истощался, и хотя Вилліамсъ не писалъ объ этомъ, опасаясь чтобы депеши его не были перехвачены, но адъютантъ сераскира, оставившій Карсъ въ послѣднихъ числахъ Іюля, привезъ изустное донесеніе, что продовольствія въ немъ оставалось не болѣе, какъ на пять недѣль. Слѣдовало ожидать, что гарнизонъ будетъ вынужденъ къ сдачѣ голодомъ, если быстрыя и сильныя мѣры не будутъ приняты къ его освобожденію. Омеръ-Паша въ нотѣ отъ $\frac{\text{4-го августа}}{\text{16-го августа}}$ къ лорду Кларендону, уже выражалъ неувѣренность ~~свою въ томъ~~, чтобы предпринимаемая имъ экспедиція могла предупредить паденіе Карса; но онъ во всякомъ случаѣ надѣялся движеніемъ своимъ въ Грузію, помѣшать утвержденію русскихъ въ Эрзрумской области.

Новыя несогласія.

Между тѣмъ какъ при такомъ положеніи дѣлъ, быстрота въ исполненіи была главнымъ условіемъ успѣха, новая и продолжительная переписка завязалась о томъ, какія именно части изъ крымской турецкой арміи, должны войти въ составъ экспедиціоннаго корпуса. Лучшія находились въ Балаклавѣ и въ Керчи; въ Евпаторіи же былъ расположенъ корпусъ составленный изъ смѣшанныхъ египетскихъ, арабскихъ и турецкихъ войскъ, безъ достаточныхъ средствъ къ движенію. Омеръ-Паша конечно желалъ имѣть у себя войска изъ Балаклавы и Керчи;

но правительства, особенно же главнокомандующіе на то не соглашались.

Справедливость требованія Омеръ-Паши была очевидна. Предпринимая экспедицію въ непріятельскую страну и ожидая, въ случаѣ преждевременнаго паденія Карса, встрѣчи съ осаждавшею арміею, онъ долженъ былъ имѣть подъ своимъ начальствомъ войско испытанное, послушное и привыкшее къ лишеніямъ. Въ противномъ случаѣ онъ вовсе отказывался отъ экспедиціи. Лордъ Стратфордъ всѣми силами старался устранить это новое препятствіе, и убѣдительно представлялъ своему правительству, что согласившись однажды на экспедицію, оно не должно было лишать Омеръ-Пашу средствъ къ совершенію ея лучшимъ, по возможности, образомъ. Порта съ своей стороны объявила, что сдѣлавъ все отъ нея зависѣвшее для спасенія Карса, она отнынѣ слагала съ себя всякую отвѣтственность, въ случаѣ паденія сей крѣпости. Ожиданіе этого послѣдняго событія было столь сильно, что Омеръ-Паша уже колебался на счетъ пункта высадки, и рѣшился, не опредѣляя его заранѣе, руководствоваться въ этомъ отношеніи дальнѣйшими событіями и движеніями русской арміи. Онъ опасался также, чтобы паденіе Карса не повлекло за собою безпорядковъ и побѣговъ въ Румилійской арміи его, набранной преимущественно изъ жителей Малой Азіи, которые въ такомъ случаѣ могли страшиться за участь своихъ семействъ и имуществъ, лишенныхъ защиты.

Приготовленія. Чтобы не оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи при ожиданіи отвѣта отъ англійскаго и французскаго правительствъ, Порта $\frac{\text{11-го августа}}{\text{23-го августа}}$, отправила въ Варну и Сизополь 5-ть кораблей и 12-ть пароходовъ, которые могли поднять въ одинъ разъ до 16,400 человѣкъ пѣхоты или же 3,420 лошадей. Три батареи со всѣми снарядами, принадлежностями и лошадьми, были посажены на корабли; остальныя суда забрали вьючныхъ лошадей, сколько могли. Всѣ они должны были выгрузиться въ Батумѣ, и возвратившись, перевозить пѣхоту. Такимъ образомъ Омеръ-Паша надѣялся въ два рейса т. е. при благопріятной погодѣ черезъ три недѣли или черезъ мѣсяцъ, имѣть на азійскомъ берегу Чернаго моря около 15,000 пѣхоты и 3,420

лошадей. Немедленно по высадкѣ, онъ предполагалъ сдѣлать хотя небольшую демонстрацію. Остальныя войска, вьючныя лошади и понтонный паркъ, должны были перевозиться по мѣрѣ транспортныхъ средствъ.

Накопецъ, ожидаемое позволенiе послѣдовало $\frac{\text{17-го августа}}{\text{29-го августа}}$, и было сообщено по телеграфу въ Крымъ генералу Симпсону. Англiйскiй кабинетъ безусловно соглашался на требованiе Омеръ-Паши; французскiй же, только подъ условiемъ согласiя на то главнокомандующихъ. Хотя и неизвѣстно, когда именно извѣстiе о томъ сообщено было Портѣ и Омеръ-Пашѣ; но изъ депеши лорда Стратфорда къ Кларендону, отъ 26-го Августа, видно, что составъ экспедицiоннаго корпуса былъ слѣдующiй: Составъ и отправленiе экспедицiоннаго корпуса.

Пѣхоты.	15,000 чел.	изъ Болгарiи.
	10,000 »	» Балаклавы.
	12,000 »	» Батума.

Кавалерiи 3 или 4,000 изъ Константинополя.

Присоединивъ къ сему два казачьихъ полка сформированныхъ изъ поляковъ и нѣсколько иррегулярной конницы, весь корпусъ долженъ былъ состоять изъ 40 или 45 тысячъ.

Изъ депешъ полковника Симмонса и Лорда Стратфорда къ Кларендону видно, что главнокомандующiй французской армiи Пелисье, согласился только 6-го Сентября отпустить три баталiона отборныхъ турецкихъ стрѣлковъ, которыхъ Омеръ-Паша очень желалъ имѣть у себя, и что 14-го Сентября перевозка войскъ и припасовъ еще продолжалась съ медленностiю, по недостатку въ транспортныхъ судахъ.

III.

ВЫСАДКА ОМЕРЪ-ПАШИ—СИЛЫ ЕГО И НАСТУПЛЕНIЕ—ОБОРОНИТЕЛЬНЫЯ МѢРЫ И СИЛЫ НАШИ.

Въ четвертой главѣ видно, что значительная часть непрiятельскаго десантнаго корпуса—до 25,000 человѣкъ, высадилась уже 2-го Сентября въ Батумѣ. По словамъ англичанина Прибытiе Омеръ-Паши къ нашимъ берегамъ

Олифанта, сопровождавшаго сію армію въ качествѣ частнаго лица, Омеръ-Паша отплылъ изъ Крыма 23-го Августа. Окончательное же отправленіе войска, послѣдовало только въ началѣ Октября, по недостатку транспортныхъ судовъ у турокъ, довольствовавшихся на сей предметъ своими средствами *). Замѣтно, что часть сихъ войскъ, коснулась Трапезунта, куда пріѣзжалъ и самъ Омеръ-Паша изъ Сухума, посѣщенный имъ 4-го Сентября. По возвращеніи изъ Трапезунта, онъ остановился нѣсколько времени въ Батумѣ, для приведенія въ порядокъ разстроенной отъ болѣзней Египетской дивизіи Мустафы-Паши, а самаго Мустафу послалъ въ Царьградъ, дабы онъ тамъ далъ правительству отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Не взирая на признанную виновность Мустафы-Паши, его прислали обратно на то же мѣсто, поручивъ въ командованіе его еще больше войскъ и съ возложеніемъ на него обязанности содѣйствовать вторженію Омеръ-Паши, движеніемъ вверхъ по лѣвому берегу Ріона. Сіи то распоряженія подали поводъ, къ разнесшемуся слуху, что наступленіе его отряда въ Гурію, начнется въ одно время со вторженіемъ Омера въ Мингрелію, т. е. что военныя дѣйствія откроются по обоимъ берегамъ Ріона.

Не взирая на всѣ совѣщанія происходившія между начальниками союзныхъ войскъ о направленіи турецкой арміи, кажется что самое мѣсто десанта не было опредѣлительно указано, и что избраніе онаго было предоставлено Омеръ-Пашѣ, который, высаживая главную часть своихъ войскъ въ Батумѣ и Редутъ-Кале, самъ еще не начерталъ себѣ плана военныхъ дѣйствій,

---

*) Причины поздняго прибытія отоманскихъ войскъ къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, заключались въ препятствіяхъ и промедленіяхъ чинимыхъ къ отплытію ихъ изъ Крыма, главнокомандующими союзныхъ войскъ. Обстоятельство сіе подало поводъ Олифанту отозваться въ дневникѣ веденномъ имъ въ теченіи сей кампаніи и изданномъ въ 1856-мъ году, что Омеръ-Пашѣ оставалось ожидать времени, когда союзные генералы въ состояніи будутъ обойтись безъ сихъ турецкихъ солдатъ, минуя покровительства коихъ, они не находили себя достаточно обезпеченными (Secure), тогда какъ туркамъ нужно было спѣшить на освобожденіе своихъ единоземцевъ, заключенныхъ въ Карсѣ.

предоставляя себѣ рѣшить обстоятельство это уже на восточномъ берегу моря.

Избраніе Сухума для высадки

По видимому, Омеръ-Паша только въ Батумѣ рѣшился приступить къ вторженію въ наши границы съ береговъ Абхазіи и для того основнымъ пунктомъ дѣйствій своихъ, избралъ, брошенный нами въ 1854-мъ году, Сухумъ-Кале. Причиною такого измѣненія въ планѣ операцій поставлялъ онъ, собранныя имъ свѣдѣнія въ Батумѣ о состояніи края между симъ городомъ и Кутаисомъ, объясняя при томъ, что начавъ наступленіе отъ Сухумъ-Кале, онъ надѣялся обезпечить свой лѣвый флангъ и могъ двигаться по удобнѣйшимъ путямъ*). Единственное и конечно важное удобство представляющееся въ Сухумѣ для высадки, состоитъ въ природной гавани, гдѣ суда могутъ стоять въ безопасности, чего вовсе не достаетъ въ Редутъ-Кале; но гавань Батумская считается въ числѣ лучшихъ на берегахъ Чернаго моря, и хотя нельзя было помышлять о прямомъ движеніи изъ Батума къ Карсу, однако ближайшая дорога изъ Батума черезъ Редутъ-Кале въ Кутаисъ, ничѣмъ не хуже отдаленныхъ путей ведущихъ къ Кутаису изъ Сухума, ибо на сихъ послѣднихъ путяхъ встрѣчаются переправы черезъ двѣ значительныя рѣки: Кодоръ и Ингуръ, и кромѣ того много быстрыхъ потоковъ, которые истекая изъ Свеанецкихъ горъ Кавказа, по орошеніи Мингреліи, впадаютъ въ Ріонъ съ правой его стороны.

Перевозка войскъ изъ Батума въ Сухумъ

Въ первой половинѣ Сентября мѣсяца, началась перевозка войскъ изъ Батума на разные береговые пункты и въ Сухумъ-Кале, гдѣ къ 20-му Сентября собралось уже до 10,000 турецкихъ войскъ; къ 5-му числу Октября, было ихъ въ сборѣ до 15,000 при 20-ти орудіяхъ; усиленъ также гарнизонъ Редутъ-Кале, а къ войскамъ, находившимся въ Кабулетахъ, присоединено три баталіона изъ Батума.

Пріѣздъ Омеръ-Паши въ Сухумъ.

21-го сентября прибылъ въ Сухумъ-Кале самъ Омеръ-Паша на англійскомъ суднѣ Циклопѣ. Турецкіе корабли, находившіеся въ гавани, отдали ему салютъ девятнадцатью пушечными выстрѣлами; когда же лодка на которой онъ съѣзжалъ при-

*) Олифантъ стр. 42-я.

стала къ берегу, то его встрѣтили другимъ салютомъ изъ орудій возводившейся турками батареи. Всѣ высадившіяся уже войска выстроились и музыкою привѣтствовали приближеніе судна на коемъ находился ихъ главнокомандующій. Онъ сошелъ на берегъ окруженный блистательнымъ штабомъ, среди коего замѣтны были европейскіе офицеры; говорили, что между ними находился одинъ французскій генералъ. Омеръ-Паша былъ одѣтъ въ короткомъ, богато вышитомъ полукафтанѣ, на головѣ феска, обутъ въ ботфорты, на шеѣ и груди его блестѣли бриліантовыя звѣзды.

Пріемъ владѣтеля Абхазіи Омеромъ.

У пристани ожидалъ его владѣтель Абхазіи, генералъ-адъютантъ князь Михаилъ Шервашидзе въ простой черкеской одеждѣ сѣраго сукна; за нимъ стояло до 20-ти разноплеменныхъ старшинъ, изъ коихъ болѣе другихъ были извѣстны Гаджи-Герендукъ-Берзекъ, родомъ убыхъ, и Гасанъ-Моргани. Владѣтель хотѣлъ поклониться Пашѣ по турецкому обычаю, опустивъ руку къ землѣ; но Омеръ остановилъ его, пожалъ у него руку и сказалъ по русски: «здравствуй Михаилъ»; за тѣмъ турецкій главнокомандующій сѣлъ на коня и поѣхалъ къ ожидавшимъ его войскамъ. Шервашидзе шелъ нѣкоторое время возлѣ него, но видя что съ нимъ не говорятъ и не обращаютъ на него вниманія, повернулъ къ занимаемому имъ дому.

Войско привѣтствовало Омера съ одушевленіемъ. Судя о количествѣ онаго приблизительно по числу судовъ на которыхъ оно приплыло, можно было полагать, что тогда было уже высажено: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи до 12,000. Судовъ разнаго ранга находилось на сухумскомъ рейдѣ до двадцати, въ томъ числѣ пять англійскихъ пароходовъ, которые отличались отъ прочихъ отдѣлкою своею и быстротою на ходу. Омеръ, осмотрѣвъ войско, изъявилъ всѣмъ свое удовольствіе. Возвращаясь, онъ увидѣлъ стоявшаго передъ домомъ своимъ владѣтеля Абхазіи, слѣзъ съ лошади и сказалъ ему нѣсколько словъ также по русски. Словъ сихъ никто не могъ понять, но полагали, что въ рѣчахъ турецкаго главнокомандующаго, заключалось позволеніе князю Михаилу возвратиться къ намъ, еслибы онъ того пожелалъ. Квартира владѣтеля находилась почти насу-

противъ дома, занимаемаго на берегу моря Омеръ-Пашею; но Ибрагимъ Ханъ *) объявилъ кн. Михаилу, что квартира сія назначалась для какого то Паши, почему перевели его въ небольшой офицерскій домъ, находившійся въ слободкѣ.

Князь Щервашидза провозглашенъ правителемъ Абхаза.

Вообще, владѣтелю Абхазіи не показывали ни особеннаго расположенія, ни большаго довѣрія; и онъ съ своей стороны также не довѣрялъ туркамъ, а болѣе опасался за себя лично. Однакоже, не взирая на такія сомнительныя съ обѣихъ сторонъ отношенія, Омеръ-Паша, заботясь объ удержаніи горцевъ въ повиновеніи, счелъ за нужное признать кн. Михаила правителемъ его же княжества, и торжественно облекъ его въ это званіе, какъ о томъ упомянуто въ четвертой главѣ. По сему случаю собралось множество старшинъ и народа; войска выстроились вдоль по улицѣ ведущей отъ дома занимаемаго Омеромъ, до квартиры кн. Шервашидзе. На этомъ торжествѣ присутствовали также многіе иностранцы и командиры стоявшихъ на рейдѣ англо-французскихъ судовъ, съ коихъ произведена была салютная пальба. Послѣ того, Омеръ-Паша обратился къ Абхазскимъ начальникамъ и старшинамъ съ рѣчью, коею требовалъ дабы они по прежнему признавали надъ собою власть Хамидъ-Бея (кн. Михаила). Всѣ съ удовольствіемъ приняли сіе рѣшеніе, кромѣ самаго кн. Шервашидзе, которому казалось, что при такомъ оборотѣ дѣла, онъ останется въ убыткѣ **), ибо онъ всего болѣе домогался присоединенія къ владѣнію своему Самурзакани, отдѣлявшей Абхазію отъ Мингреліи и состоявшей въ непосредственномъ управленіи нашего правительства.

Приглашеніе Омера князьямъ Дмитрію и Григорію Щервашидзе.

Назначеніе *владѣтеля* Шервашидзе *правителемъ* Абхазіи, не попрепятствовало однакоже Омеръ-Пашѣ позвать къ себѣ молодаго князя Маджара Шервашидзе, и приказать ему немедленно войти въ переговоры съ вѣрными намъ и служившими въ нашихъ войскахъ князьями Дмитріемъ и Григоріемъ Шерва-

*) Молодой человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, приверженецъ Омеръ-Паши, выдававшій себя за потомка Кумыкскихъ Хановъ. Слухъ носился, что онъ повредилъ князю Ширвашидзе у Омера, вслѣдствіе какого-то оскорбленія нанесеннаго его самолюбію владѣтелемъ Абхазіи.

**) Олифантъ.

шидзе, поручивъ кн. Маджару написать имъ, что, «если они покинули родину вслѣдствіе неудовольствій съ владѣтелемъ, укрываясь отъ его притязаній на ихъ наслѣдственныя имѣнія, то въ настоящее время причинъ сихъ болѣе не существуетъ; что отнынѣ, каждый будетъ владѣть своимъ, что Михаилъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему искони принадлежало, что имъ предоставляется самимъ назначить условія на которыхъ согласны возвратиться и что онъ, условія эти утвердитъ грамотою». Кромѣ того Омеръ-Паша самъ обратился съ письмомъ *) къ полковнику кн. Димитрію; но всѣ приглашенія къ означеннымъ лицамъ, чтобы склонить ихъ къ измѣнѣ, остались какъ извѣстно, тщетными. Равнымъ образомъ, для увлеченія жителей на сторону турокъ, исправлявшій при Омерѣ должность начальника штаба, обращался съ письмомъ къ проживавшему въ Мингреліи графу Розмардюку **).

Свиданіе Омера съ Магмедъ-Эминомъ. Назначеніе его.

По отданному, въ первое еще посѣщеніе Сухума Омеромъ приказанію, прибылъ къ вторичному пріѣзду его въ сіе мѣсто, Мегмедъ-Эминъ, хвалившійся частными успѣхами своими при неудачной экспедиціи его въ Карачай, и Омеръ-Паша, повѣривъ мнимому вліянію Мегмедъ-Эмина въ Кавказскихъ горахъ, назначилъ его правителемъ всѣхъ племенъ черкесскихъ, начиная отъ владѣній Шамиля до земель шапсуговъ и паухайцевъ, коими въ то время номинально управлялъ Сеферъ-Паша. Такъ, увлекаясь высокимъ значеніемъ своимъ, Омеръ-Паша мечталъ раздавать области и княжества, коихъ жители и не помышляли покоряться, ни ему, ни намѣстникамъ его. Засимъ онъ отправилъ Мегмедъ-Эмина въ горы, для сбора ополченія, приказавъ ему: всѣхъ живущихъ далѣе мѣстъ занимаемыхъ горнымъ об-

*) Копія съ письма Омеръ-Паши къ полковнику кн. Дмитрію Шервашидзе, какъ и съ отвѣта сего послѣдняго къ турецкому главнокомандующему, находятся въ приложеніяхъ подъ букв. E. e.

**) Копія съ письма сего значится въ приложеніяхъ подъ букв. F. f. Графъ Розмардюкъ эмигрантъ послѣднихъ временъ, поселившійся уже около десяти лѣтъ въ Мингреліи, гдѣ онъ подъ покровительствомъ правительницы княгини Дадіанъ, съ успѣхомъ занимался учрежденіемъ шелкомотальной фабрики.

ществомъ Айбги, что близь Ахчинсхоу, направить со стороны абадзеховъ въ Кабарду, а живущихъ по сю сторону Айбги, собрать къ Сухуму, откуда имъ назначалось слѣдовать, подъ начальствомъ Ибрагимъ-Хана, въ походъ съ Омеръ-Пашею въ Мингрелію. Всего же горнаго ополченія надѣялись собрать до 20,000 человѣкъ; но по сказаніямъ самихъ англичанъ *) черкесы послѣ перваго знакомства въ Анапѣ съ турецкими чиновниками, старавшимися поработить ихъ власти своего правительства, остыли къ союзникамъ, смотрѣли на нихъ съ недовѣріемъ и обнаруживали единственное желаніе свое, дабы ихъ оставили однихъ.

Обхожденіе Омера съ жителями.

Всѣми путями изыскивая средства къ пріобрѣтенію себѣ народности, Омеръ-Паша отдалъ приказъ по войску, дабы часовые допускали къ нему безъ малѣйшаго затрудненія всѣхъ имѣющихъ въ немъ надобность. Онъ возвысилъ таксу установленную его предмѣстникомъ Мустафа-Пашею на мѣстныя произведенія, и за все приказалъ платить золотомъ и серебромъ. Всѣ прибывающіе къ нему абхазцы и горцы, угощались на его счетъ; между тѣмъ онъ приказалъ старшинамъ, собрать къ Сухуму сколь можно болѣе конницы; пѣхоты, Омеръ-Паша отъ нихъ не принималъ, при чемъ предупредилъ ихъ, что никого не будетъ ждать, а начнетъ въ свое время военныя дѣйствія съ наличными своими средствами.

Омеръ-Паша привезъ изъ Крыма около 20-ти человѣкъ нашихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Севастополемъ и во всеуслышаніе говорилъ, что одѣнетъ ихъ и пошлетъ къ намъ въ лагерь, вѣроятно для распространенія вѣстей объ успѣхахъ союзниковъ. Люди эти дѣйствительно были отпущены къ намъ и въ тоже время отправлены за Кавказъ, для присоединенія къ своимъ полкамъ.

И такъ, не упуская ни единаго способа къ достиженію своей цѣли, представитель турецкой власти въ Абхазіи и передъ вольными обществами Кавказа, Омеръ-Паша является въ народѣ доступнымъ, ласковымъ, безпристрастнымъ, уважающимъ

*) Олифантъ стр. 10-я.

собственность и права, почти расточительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сильнымъ. Между подчиненными же ему турками, онъ является самовластнымъ и грознымъ карателемъ зла, отсылаетъ къ суду въ Константинополь предмѣстника своего Мустафу-Пашу за неправильное употребленіе отпущенныхъ ему суммъ, и разбиваетъ чубукъ свой о́ голову одного изъ первыхъ владѣльцевъ Кобулета, за то что тотъ осмѣлился доложить ему о затрудненіяхъ представлявшихся при разработываніи дороги отъ с. Легви до Чолока.

Предпринятыя мѣры къ оборонѣ.

Дабы отразить нападеніе ожидавшееся съ двухъ сторонъ, въ Гуріи и Мингреліи, князь Мухранскій принялъ слѣдующія мѣры:

Въ Гуріи, на позиціи при Акетахъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бруннера, расположены были три баталіона Брестскаго пѣхотнаго полка и Черноморскій линейный № 12 баталіонъ при 4-хъ горныхъ орудіяхъ; въ Гуріамтѣ Черноморскій линейный № 9-го баталіонъ, на Нагоитскихъ высотахъ четвертый баталіонъ Брестскаго пѣхотнаго полка съ 4-мя легкими орудіями. Гурійскую милицію укомплектовали и поставили по турецкой границѣ отъ Николаевска до Маквинстъ, а для подкрѣпленія ее, заняли Озургети двумя сотнями линейныхъ казаковъ.

При устьѣ Ріона находились три сотни мингрельской милиціи и команда Азовскихъ казаковъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ фарватеръ рѣки приближается къ берегамъ, сдѣланы были завалы для стрѣлковъ. Дороги отъ Редута по обоимъ берегамъ р. Хопи, были испорчены и заграждены крѣпкими завалами. Для первоначальной обороны сихъ заваловъ, назначены были двѣ сотни пѣшей мингрельской милиціи, которымъ служили резервомъ линейные №№ 14-го и 16-го баталіоны.

Дорогу ведущую отъ Анакліи къ Зугдиди, также испортили и заградили завалами. Для обороны переправы черезъ р. Ингуръ, были назначены: Литовскій егерскій полкъ съ 4-мя горными орудіями, Донской № 11-го полкъ, три сотни Донскаго № 2-го полка, вся конная мингрельская милиція и пѣшія мингрельскія сотни.

Общій резервъ расположенъ былъ при с. Сортіоаннѣ. Онъ состоялъ изъ: двухъ баталіоновъ Куринскаго егерскаго полка, Черноморскаго линейнаго № 11-го баталіона, двухъ ротъ резервнаго саперскаго баталіона при 4-хъ легкихъ и 4-хъ горныхъ орудіяхъ. Черноморскій линейный № 10-го баталіонъ съ батарейною № 1-го батареею, находились въ Усть-Цхенисъ-Цхали, Грузинскій линейный № 1-го баталіонъ въ Кутаисѣ. Сверхъ того на лѣвомъ берегу рѣки Цхенисъ-Цхали, собрано было пять имеретинскихъ конныхъ дружинъ, состоявшихъ изъ князей и дворянъ.

Сдѣланы были предварительныя распоряженія дабы въ случаѣ нужды можно было немедленно вызвать еще пять пѣшихъ имеретинскихъ дружинъ и мингрельское пѣшее ополченіе.

Стычка подъ Редутъ-Кале.

Подобно мрачной тучѣ набѣгающей съ горизонта моря, угрожало вторженіемъ своимъ въ предѣлы наши многолюдное непріятельское войско; но не взирая на это, посты наши не отходили, гдѣ только было возможно отъ береговъ моря и даже нападали на малыя непріятельскія части. Турки ежедневно выгоняли изъ Редутъ-Кале скотъ на пастьбу къ урочищу Миходже, версты на три отъ укрѣпленія по берегу моря, въ направленіи къ Набадѣ. Азовской казачей флотиліи эсаулу Могильному, поручено было напасть на небольшую команду высылаемую непріятелемъ для прикрытія пасшагося стада. 27-го Сентября Могильный, взявъ съ собою 100 человѣкъ конной милиціи, 60 пѣшей и 60 казаковъ при 3-хъ офицерахъ, прибылъ къ разсвѣту на урочище Миходже и расположилъ команду свою скрытно по опушкѣ лѣса и въ канавахъ. Спустя часъ послѣ того, турки выдвинули изъ Редута къ Миходже нѣсколько пѣхоты. Казаки и пѣшіе милиціонеры открыли по ней изъ засады огонь, и когда непріятель пришелъ отъ неожиданной встрѣчи въ замѣшательство, то конница бросилась на него въ атаку, но была остановлена вновь показавшимся непріятелемъ гораздо многочисленнѣе насъ; турки остановились и открыли перестрѣлку, которая продолжалась около часа. Послѣ этого, Могильный сталъ отступать и непріятель не преслѣдуя его, также возвратился въ Редутъ. При этомъ раненъ у насъ одинъ офицеръ и 5 лошадей,

контужено два милиціонера. Непріятель имѣлъ также нѣкоторый уронъ.

Между тѣмъ высадка въ Сухумъ-Кале производилась съ большею дѣятельностью, и самый Сухумъ укрѣплялся; войсками покрылись всѣ окрестности города и отдаленныя пастбища его окружающія, запестрѣли подъ табунами и стадами нѣсколькихъ тысячъ подъемныхъ лошадей и скота привезенныхъ изъ Варны; съ ними прибыли и болгары назначенные погонщиками къ устроивавшемуся обозу. Кромѣ того, выгружалось еще съ судовъ значительное количество провіанта.

Высыдка въ Сухумѣ. Всѣхъ дѣйствующихъ войскъ высадившихся въ началѣ Октября мѣсяца въ Сухумѣ, пѣхоты, кавалеріи и артиллеристовъ, было около 30,000 человѣкъ; при этой арміи находилось много иностранцевъ — французовъ, поляковъ, англичанъ и венгровъ. Изъ нихъ замѣчательнѣйшіе были Фергадъ-Паша *) Искендеръ-Паша **), англійскіе полковники Симмонсъ ***), Баллардъ, Каддель и много другихъ, которые принимали близкое участіе въ дѣлахъ сего похода. Олифантъ пишетъ что онъ въ послѣдствіи видѣлъ во время отступленія Омеръ-Паши, находившагося въ семъ походѣ съ турецкими войсками аравитянина Бу-маза, извѣстнаго сподвижника Абдъ-эль-Кадера ****). Въ числѣ временныхъ посѣтителей былъ пріѣхавшій изъ Анапы въ Сухумъ герцогъ Нюкастльскій, котораго кн. М. Шервашидзе пригласилъ къ себѣ на охоту въ окрестности мѣстопребыванія своего Очамчири, какъ о томъ упоминается въ четвертой главѣ.

---

*) Фергадъ - Паша — генералъ Штейнъ. Рюстовъ въ книгѣ своей Krieg gegen Russland, называетъ его венгромъ и говоритъ что онъ сдѣлался извѣстнымъ по Зибенбюргской кампаніи (Jiebenbürgischer Feldzug).

**) По словамъ Олифанта Искендеръ былъ родомъ полякъ и имѣлъ множество ранъ полученныхъ имъ на службѣ въ войскахъ нѣсколькихъ державъ, гдѣ онъ разновременно находился. У насъ говорили что настоящее имя его было: Ильинскій.

***) Полковникъ Симмонсъ имѣлъ оффиціальное званіе отъ Британскаго правительства при Омеръ-Пашѣ.

****) У насъ носился слухъ что при Омерѣ состоялъ также нѣкогда служившій у насъ графъ Замойскій.

За недостаткомъ вѣрныхъ свѣдѣній о первоначальныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ турецкой арміи изъ Сухума въ предѣлы Мингреліи, нельзя съ точностію опредѣлить времени выступленія непріятельскихъ войскъ, ни обозначить порядокъ движенія оныхъ. Рюстовъ, въ книгѣ своей Krieg gegen Russland, говоритъ, что авангардъ ихъ выступилъ 22-го Сентября, подъ начальствомъ Фергадъ-Паши (Stein), направляясь вдоль берега моря на югъ къ с. Окумъ. Главныя силы, тогда еще не трогались изъ Сухумъ-Кале, гдѣ оказался недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ. Олифантъ же пишетъ, что авангардъ, состоявшій изъ трехъ эскадроновъ кавалеріи, двинулся по этой дорогѣ только 27-го Сентября и что на другой день рано поутру, происходило въ Сухумѣ торжество, по случаю полученнаго тамъ извѣстія объ отбитомъ штурмѣ Карса; суда стоявшія на рейдѣ, были убраны разноцвѣтными флагами, и Омеръ-Паша самъ извѣстилъ армію свою о семъ радостномъ событіи, при громкихъ восклицаніяхъ войскъ и пушечной пальбѣ. Онъ былъ верхомъ, и въ то же время лично повелъ по дорогѣ къ Кутаису 5,000 человѣкъ пѣхоты съ двумя батареями артиллеріи, торжественно шествуя подъ звукъ полковыхъ музыкъ и при раздававшемся громѣ орудій. Рюстовъ же пишетъ, что Омеръ выступилъ изъ Сухума къ с. Очамчири, только въ первыхъ числахъ Октября мѣсяца.

Выступленіе турокъ изъ Сухума — по иностраннымъ извѣстіямъ.

По свѣдѣніямъ получавшимся въ Гурійскомъ отрядѣ черезъ лазутчиковъ, первоначальное наступательное движеніе турокъ совершилось иначе. 2-го Октября высадилось въ Очамчири 300 человѣкъ регулярной конницы, присланныхъ изъ Батума. На другой день присоединилось къ нимъ еще 100 человѣкъ. Передовой отрядъ этотъ занялъ пикетами всѣ переправы по рѣкѣ Галидзга, отъ моря до с. Поквеши, дабы прекратить сообщенія между Абхазіею и Самурзаканью. Съ перваго дня высадки этой кавалеріи, Маджаръ-Паша *) производилъ рекогносцировку дороги по берегу моря до с. Гудава, увѣщевая всѣхъ встрѣчавшихся ему жителей, оставаться покойными и обѣщаясь, что

Выступленіе турокъ изъ Сухума — по нашимъ свѣдѣніямъ.

*) Онъ же Фергадъ-Паша.

они не подвергнутся обидамъ и разоренію, при открытіи военныхъ дѣйствій.

2-го Октября, тронулся изъ Сухума одинъ эшелонъ турецкихъ войскъ, который въ тотъ же день дошелъ до с. Кодоръ. При сей части находился братъ владѣтеля Абхазіи, кн. Александръ Шервашидзе. Эшелонъ этотъ, состоявшій изъ девяти баталіоновъ и девяти орудій, 7-го Октября находился въ Очамчири. Омеръ-Паша пребывалъ еще въ Сухумѣ. Того же 7-го Октября, кавалерія непріятельскаго авангарда передвинулась отъ рѣки Галидзга къ рѣкѣ Гудавѣ. Всѣмъ авангардомъ командовалъ начальникъ штаба Омера, Фергадъ-Паша (Stein).

16-го Октября, въ Гурійскомъ отрядѣ получено было извѣстіе, что восемь турецкихъ баталіоновъ, двигаясь черезъ Самурзакань, по пути къ Рухѣ, дошли до с. Мухури, разработывая дорогу.

По свѣдѣніямъ полученнымъ 20-го Октября оказывалось, что наступательное движеніе непріятеля, производилось нѣсколькими эшелонами по двумъ направленіямъ: по берегамъ моря къ Анакліи и по Рухской дорогѣ къ Оцарцѣ. Кромѣ того, замѣтно было движеніе множества судовъ вдоль морскаго берега, почему можно было полагать, что на сихъ судахъ также перевозилось войско.

Отпаденіе Самурзаканда.

При первомъ извѣстіи о началѣ движенія турокъ, кн. Мухранскій вызвалъ къ себѣ Самурзаканскихъ почетныхъ людей, которые безпрекословно прибыли къ нему, изъявляя совершенную готовность свою упорно противустоять туркамъ. Но такое расположеніе умовъ продолжалось не долго. Первый примѣръ отпаденія подалъ начальникъ Самурзаканской милиціи, штабсъротмистръ кн. Зурабъ-Чхотуа; за нимъ послѣдовала вся милиція исключая небольшой части оной, оставшейся вѣрною своему долгу и перешедшей вмѣстѣ съ Самурзаканскимъ приставомъ на лѣвый берегъ Ингура. Отправленный кн. Мухранскимъ 14-го числа въ Самурзакань съ двумя сотнями Мингрельской милиціи подпоручикъ кн. Дадіанъ, для партизанскихъ дѣйствій въ тылу турокъ, отозванъ 17-го числа назадъ, потому что жители,

не только оказывали ему явное неблагорасположеніе, но даже перестрѣливались съ его передовыми постами.

Первое появленіе непріятеля на Ингурѣ.

Въ продолженіи дня 17-го Октября, легкія непріятельскія войска, преимущественно составленныя изъ абхазцевъ, появлялись въ разныхъ мѣстахъ на правомъ берегу Ингура; но встрѣченныя выстрѣлами нашихъ наблюдательныхъ пикетовъ, разставленныхъ по лѣвому берегу—скрывались. Въ продолженіи 18-го числа, вдоль рѣки все было спокойно. Турки стягивались, и Омеръ-Паша, какъ слышно было, занимался введеніемъ новаго управленія въ Самурзакани.

Движеніе турецкой арміи по иностраннымъ извѣстіямъ.

Рюстовъ, описывая движенія турецкой арміи отъ Сухума къ р. Ингуру, говоритъ, что Омеръ-Паша, тронулся съ главными силами за авангардомъ своимъ въ началѣ Октября къ с. Очамчири, отстоящему отъ Сухума по берегу моря на 35 верстъ. Здѣсь онъ остановился для устройства провіантскаго магазина; авангардъ же его, состоявшій изъ 22-хъ баталіоновъ, подъ начальствомъ Фергадъ-Паши, двинулся къ р. Ерти-Цхали, черезъ которую навелъ 14-го Октября близь с. Гудавы *) понтонный мостъ, привезенный съ десантомъ.

Омеръ оставался въ Очамчири до 20-го Октября, занимаясь перевозкою провіанта въ Гудаву, гдѣ былъ устроенъ второй магазинъ. 20-го Октября, отрядъ двинулся къ р. Ингуру, а 22-го Октября Омеръ присоединился къ нему съ главными силами. Онъ имѣлъ тогда въ наличности четыре бригады пѣхоты; каждая изъ нихъ состояла изъ восьми фузелерныхъ и одного егерскаго баталіоновъ—итого тридцать шесть баталіоновъ, 1,000 всадниковъ, 27-ми полевыхъ и 10-ти горныхъ орудій, всего не много болѣе 20,000 человѣкъ. Остальная часть арміи его, отъ 10,000 до 11,000 человѣкъ, была употреблена для прикрытія магазиновъ въ Сухумъ-Кале, Очамчири и Гудавѣ. Переходъ этотъ, отъ Сухума до Ингура, имѣющій въ прямомъ направленіи около 70-ти верстъ, продолжался 20 дней **).

*) Тутъ должна быть у Рюстова погрѣшность въ названіи рѣки или селенія, ибо с. Гудава находится на рѣкѣ того же имени, верстахъ въ 7-ми не доходя переправы черезъ р. Ерти-Цхали.

**) Рюстовъ опорочивая такое медленное движеніе, на коемъ не встрѣтилось никакого сопротивленія, вычисляетъ: что для достиженія такимъ

Олифантъ, который находился при турецкой арміи, въ книгѣ своей мало передаетъ подробностей о движеніи отъ Сухума къ Ингуру. Онъ говоритъ однакоже, что турецкій авангардъ, находился 18-го Октября близъ с. Ерти-Цхали (должно быть на р. того же имени) въ 3-хъ часахъ хода отъ р. Ингура. Авангардъ сей выступилъ отъ Ерти-Цхали къ Ингуру 19-го Октября въ составѣ 6,000 человѣкъ пѣхоты и артиллеріи, впереди коихъ шло два баталіона стрѣлковъ подъ начальствомъ полковника Балларда; всѣмъ же отрядомъ командовалъ Абди-Паша. Главная часть сего войска остановилась на одинъ часъ разстоянія не доходя Ингура, стрѣлки же, съ двумя баталіонами пѣхоты и двумя полевыми орудіями, заняли позицію на обширной равнинѣ, которая отдѣлялась отъ рѣки только лѣсною полосою, имѣющею менѣе версты въ поперечникѣ.

Общій выводъ о движеніяхъ и силахъ Омеръ Паши.

Безъ положительныхъ свѣдѣній о распоряженіяхъ сдѣланныхъ Омеръ-Пашею для достиженія береговъ Ингура, нельзя съ точностью изложить порядка, въ коемъ совершилось сіе наступательное движеніе; но изъ всѣхъ собранныхъ о томъ свѣдѣній и сличенія ихъ между собою, явствуетъ, что непріятель употребилъ на переходъ 70-ти верстъ точно 20 дней; что 17-го Октября передовыя милиціи Омера показывались уже на правомъ берегу рѣки, что авангардъ его достигъ берега сего 19-го числа, и что главныя силы непріятеля, стянувшись къ Ингуру 22-го Октября, расположились около с. с. Оцарце и Чабурисхинджи. Всего турецкаго регулярнаго войска, за исключеніемъ оставленныхъ частей для охраненія магазиновъ, собралось на берегу Ингура, не болѣе 20,000 человѣкъ при 27-ми полевыхъ и 10 горныхъ орудіяхъ и съ небольшимъ количествомъ горскихъ ополченій.

образомъ и этимъ путемъ Карса, отстоящаго отъ Очамчири на 215 верстъ, (еслибъ еще дорога сія была доступна), Омеръ употребилъ бы не менѣе трехъ мѣсяцевъ. Далѣе Рюстовъ замѣчаетъ, что если на разстояніи 70-ти верстъ, въ странѣ прибрежной и пріязненной туркамъ, Омеръ-Паша долженъ былъ оставить позади себя треть арміи для прикрытія магазиновъ, то очевидно что подавшись внутрь страны еще на 20 миль, онъ остался бы вовсе безъ войскъ, и ему довелось бы идти одному на покореніе Тифлиса.

Движение неприятеля со стороны Гурии.

Извѣстія, получавшіяся до 15-го Октября изъ Кобулетъ, были успокоительны; хотя и говорили, что турки намѣревались произвести вторженіе и съ этой стороны, но не замѣчалось никакихъ особенныхъ къ тому приготовленій и все происходившее въ той странѣ, ограничивалось небольшими сшибками между Гурійскими милиціонерами и турецкою передовою стражею. 15-го Октября, часу во второмъ по полудни, одинъ непріятельскій пароходъ на пути изъ Редутъ-Кале, остановился противъ Поти и произвелъ выстрѣлъ ядромъ. Затѣмъ продолжалъ онъ слѣдованіе свое къ Николаевску и по прибытіи туда, сдѣлалъ еще 28 выстрѣловъ, коихъ цѣль или значеніе остались неизвѣстными. 15-го же Октября, получено было извѣстіе, что Мустафа-Паша дѣлаетъ поголовный сборъ кобулетцевъ и что регулярныя войска двинутся изъ Батума. Вскорѣ за тѣмъ въ Чурукъ-су прибыло изъ Николаевска значительное число кавалеріи и приведено въ Кобулетъ два баталіона; 18-го числа 2,000 человѣкъ регулярной пѣхоты расположилось въ Легвѣ, а баши-бозуки, занимавшіе густыми толпами лѣсистый хребетъ горъ, выдвинулись до р. Чолока, откуда они однако же отступили при появленіи со стороны Озургетъ и на богильской дорогѣ Гурійской милиціи. Гарнизонъ въ Редутъ-Кале получилъ значительныя подкрѣпленія моремъ. Въ ночь съ 16-го на 17-е Октября, турки вышли изъ Редута и переправились черезъ р. Циву *), въ числѣ, какъ показывали лазутчики, до 1,000 человѣкъ, съ 3-мя орудіями. Утромъ 17-го числа, непріятель появился передъ нашимъ передовымъ заваломъ и открылъ по немъ огонь изъ пушекъ и ружей, при чемъ мы однакоже не имѣли никакой потери. Послѣ нѣсколькихъ штуцерныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны, турки подались назадъ и въ виду нашемъ занялись земляною работою, какъ казалось устройствомъ батареи. 18-го Октября три баталіона вышли изъ Редутъ-Кале и, слѣдуя берегомъ моря, дошли до Набады, откуда въ тотъ же день къ вечеру возвратились въ укрѣпленіе. На морѣ замѣтно было безпрестанное движеніе пароходовъ и парусныхъ судовъ.

*) Небольшая рѣка, впадающая подъ редутомъ въ р. Хопи съ лѣвой ея стороны.

Распредѣленіе и сила отрядовъ.

При самомъ началѣ сихъ движеній трудно было рѣшить съ какою цѣлью они производились; но если непріятель намѣревался только отвлечь вниманіе наше въ эту сторону, то все же нельзя было пренебречь ими, тѣмъ болѣе, что и изъ за Ингура, слышно было о намѣреніи Омера вторгнуться единовременно съ двухъ сторонъ: въ Мингрелію и въ Гурію; по этому оборона Гуріи, вошла въ общія соображенія кн. Мухранскаго для защиты нашихъ границъ какъ со стороны Ингура, такъ и отъ Редутъ-Кале, по обоимъ берегамъ Ріона и со стороны Кобулета. Въ семъ намѣреніи онъ притянулъ къ передовымъ войскамъ часть резервовъ своихъ, расположенныхъ въ Сортіоаннѣ, въ Усть-Цхенисъ-Цхали и въ Кутаисѣ, и расположилъ войска по всѣмъ границамъ слѣдующимъ образомъ:

Мѣры къ оборонѣ.

Такъ какъ напоръ непріятеля со стороны Абхазіи уже ясно обрисовывался, то для обороны переправы черезъ Ингуръ, назначена была бóльшая часть войскъ, а именно:

ПѢХОТЫ:

Литовскаго егерскаго полка	4	баталіона.
Куринскаго егерскаго полка	2	»
Грузинскій линейный баталіонъ № 1-го . .	1	»
Черноморскій линейный № 11-го баталіонъ.	1	»
Черноморскаго лин. № 16-го батал. одна рота	1/4	»
3-го резерв. сапернаго батал. двѣ роты . .	1/2	»
ИТОГО	8 3/4	батал.

Что могло составить близъ 5,000 человѣкъ подъ ружьемъ.

АРТИЛЛЕРІИ:

Легкой № 1-й батареи.	4	орудій.
Горной № 1-й батареи	4	»
Горныхъ, Сухумкальскаго артил. гарнизона .	4	»
ИТОГО	12	орудій.

КОННИЦЫ:

Донской № 11-го полкъ	6	сотень.
Донскаго № 2-го полка	3	сотни.
Линейныхъ казаковъ	2	»
ИТОГО	11	сотень.

Что, по малочисленности сотень Донскихъ казаковъ, могло составить не болѣе 700 всадниковъ.

МИЛИЦІИ:

Конныхъ Имеретинскихъ дружинъ	4	сотни.
Конныхъ Мингрельскихъ дружинъ	4	»

И сверхъ того, мѣстныя пѣшія Мингрельскія сотни. Что могло составить отъ 3-хъ до 4,000 конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ обывателей.

Во всемъ же отрядѣ имѣлось: пѣхоты и конницы, кромѣ артиллерійской прислуги, около 5,700 человѣкъ, а съ милиціями по болѣе 9,000.

Такъ какъ море доставляло непріятелю возможность внезапно усиливаться на разныхъ береговыхъ пунктахъ и оттуда начинать наступательныя дѣйствія свои внутрь края, то надобно было готовиться къ повсемѣстному отпору. Хотя дороги ведущія отъ Редутъ-Кале были испорчены и ограждались крѣпкими завалами, изъ коихъ передовой находился верстахъ въ трехъ отъ Редута, но слѣдовало имѣть въ виду, что еслибъ непріятель превозмогъ сіи препятствія и двинулся бы по этимъ дорогамъ въ большихъ силахъ, то онъ могъ совершенно разъединить отдѣльныя части Гурійскаго отряда.

Охраненіе этихъ путей возложено было на командира Черноморскаго линейнаго № 14-го баталіона подполковника Бибикова, подъ начальствомъ коего состояло на семъ пунктѣ:

Брестскаго пѣхот. полка 4-й бат.	1	баталіонъ.
Черноморскаго лин. № 10 бат. двѣ роты.	$^{1}/_{2}$	»
Черноморскаго лин. № 14 бат. три роты.	$^{3}/_{4}$	»

и два горныхъ орудія.

Что составляло около 1,200 человѣкъ пѣхоты подъ ружьемъ, при двухъ орудіяхъ.

Кромѣ того при семъ отдѣльномъ отрядѣ имѣлось двѣ сотни пѣшей мингрельской милиціи и пѣшее ополченіе, составленное изъ жителей с. Хорги и другихъ сосѣднихъ деревень; ибо на то время приказано было созвать со всей Мингреліи народное ополченіе, которое однакоже не собралось въ большомъ количествѣ.

Въ случаѣ надобности, подполковникъ Бибиковъ усиливался еще двумя ротами, изъ числа трехъ ротъ Черноморскаго линейнаго № 16-го баталіона, расположенными при с. Хеты, гдѣ находился передовой магазинъ, и гдѣ онѣ служили связью между его колонною и отрядомъ занимавшимъ берега Ингура.

Выше было уже сказано о мѣрахъ предпринятыхъ для защиты входа въ р. Ріонъ. Оборона праваго берега устья сей рѣки, возложена была на Азовскихъ казаковъ съ тремя сотнями Мингрельской милиціи; на лѣвомъ берегу поставлены были три стрѣлковыя Имеретинскія сотни, а для усиленія сихъ постовъ, присоединены къ нимъ штуцерныя команды Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ №№ 10-го и 12-го. На случай же, еслибы непріятель прорвался вверхъ по рѣкѣ съ канонерскими лодками или съ рѣчными пароходами, равно и для прикрытія пути ведущаго въ Кутаисъ, кромѣ заваловъ по берегамъ, устроены были близъ впаденія р. Цивы *) въ Ріонъ, возлѣ Кодорской переправы и при Усть-Цхенисъ-Цхали, береговыя батареи; къ первому изъ сихъ мѣстъ выдвинуты были при впаденіи въ Ріонъ рѣки Хевисъ-(Чкенисъ?)-Цхали три пѣшія Имеретинскія дружины, въ послѣднемъ мѣстѣ, гдѣ находились главные магазины наши, оставлены двѣ роты Черноморскаго линейнаго № 10-го баталіона и батарейная № 1-го батарея, при двухъ Имеретинскихъ пѣшихъ дружинахъ. Кутаисъ, гдѣ не оставалось болѣе войскъ, охранялся стражею, составленною изъ городскихъ обывателей.

*) Иная рѣка Цива—вытекающая изъ горъ и впадающая въ Ріонъ съ правой его стороны, близъ с. Текляши, пониже р. Техуръ.

Оборона Гуріи поручалась по прежнему ген. маіору Брунне-ру, коего отрядъ, расположенный на Акетскихъ высотахъ, состоялъ изъ:

Брестскаго пѣхотнаго полка	3 бат.
Черномор. линейныхъ №№ 9-го и 12-го батал. .	2 »
ИТОГО	5 бат.

Легкихъ орудій	4 ар.
Горныхъ орудій	2 »

Всего пѣхоты было у него подъ ружьемъ около 2,500 человѣкъ, при 6-ти орудіяхъ.

Сверхъ того въ распоряженіи Бруннера состояли: Рачинская конная дружина, вся Гурійская милиція и вызванное къ тому времени Гурійское ополченіе.

И такъ для обороны Мингреліи и Гуріи, находилось на всѣхъ пунктахъ, въ распоряженіи кн. Мухранскаго, подъ ружьемъ:

Пѣхоты, кромѣ артиллер. прислуги . . .	9,500 чел.
Казаковъ	700 »
Милицій, конныхъ и пѣшихъ, около . . .	9,000 »
А ВСЕГО . . .	19,200 чел.
Орудій	28

Кромѣ того, флотилія Азовскихъ лодокъ съ казаками, все народное ополченіе и одна военно-рабочая рота.

Подкрѣпленія посланныя къ Гурійскому отряду.

Хотя кн. Мухранскій и принималъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для охраненія съ имѣвшимися у него средствами порученнаго ему края, но силъ у него было недостаточно, чтобы оберегать всѣ границы и въ тоже время удержать напоръ 20-ти тысячнаго войска Омеръ-Паши. Въ предупрежденіе неравнаго боя, коему Мухранскій подвергался, кн. Бебутовъ воспользовался первою представившеюся возможностію, постепенно снимать съ Лезгинской кордонной линіи часть войскъ тамъ расположенныхъ, для отправленія ихъ на подкрѣпленіе Гурійскаго отряда. Онъ не могъ ранѣе исполнить сего, потому что безпрерыв-

но получались тревожныя извѣстія о поголовныхъ сборахъ горцевъ дѣлаемыхъ Шамилемъ, и хотя слухи сіи въ концѣ Октября еще не прекращались, но по наступившему позднему времени года, когда Лезгинскія горы покрываются снѣгами, казалось вѣроятнымъ, что Шамиль не отважится болѣе на вторженіе въ Кахетію, или въ Тушино-Пшаво-Хевсурскій округъ. Основываясь на семъ, кн. Бебутовъ направилъ съ Лезгинской линіи въ Кутаисъ въ распоряженіе кн. Мухранскаго, какъ о томъ упоминается въ шестой главѣ, 5-й баталіонъ Кубанскаго егерскаго полка съ двумя орудіями горной № 1-й батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, а изъ Тифлиса въ Кутаисъ же, 4-й и 5-й баталіоны Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Кубанскій баталіонъ съ горными орудіями имѣлъ прибыть въ Кутаисъ 10-го Ноября, а Тенгинскіе баталіоны 12-го.

Сравнительныя силы обѣихъ сторонъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ Октября мѣсяца, войска Гурійскаго отряда изготовились къ встрѣчѣ непріятеля. Главная часть отряда сего, собравшаяся подъ личнымъ начальствомъ кн. Мухранскаго на лѣвомъ берегу рѣки Ингура для обороны переправы ея, состояла изъ 5,700 человѣкъ при 12-ти орудіяхъ, а съ милиціями считалось въ ней болѣе 9,000 человѣкъ. Съ Рухской позиціи нашей, что на Ингурѣ, видны были передовые ряды палатокъ главныхъ силъ Омеръ-Паши, стянувшаго къ тому же времени на правомъ берегу рѣки, 20,000 регулярнаго войска при 37-ми орудіяхъ и съ небольшимъ числомъ горскаго ополченія.

III.

СРАЖЕНІЕ НА ИНГУРѢ.

Планъ дѣйствій кн. Мухранскаго.

Князь Мухранскій въ донесеніи своемъ о положеніи дѣлъ пишетъ, что при несоразмѣрности силъ его съ силами непріятеля, ему предстояло избрать одинъ изъ слѣдующихъ трехъ способовъ дѣйствія:

1) Оставить Мингрелію безъ выстрѣла и отступить въ Иметію, гдѣ, сосредоточивъ войска, ожидать дальнѣйшихъ собы-

тій. Но такое отступленіе безъ выстрѣла, могло сильно поколебать довѣріе къ намъ мингрельцевъ и распространить уныніе между имеретинами и гурійцами. Омеръ-Паша, видя осуществленіе своихъ надеждъ и торжественнаго обѣщанія даннаго имъ въ Сухумъ-Кале арміи: *пройти до самаго Кутаиса безъ выстрѣла*, сталъ бы дѣйствовать рѣшительнѣе, и вполнѣ воспользовался бы численнымъ перевѣсомъ своихъ силъ надъ нашими. «Только между Кутаисомъ и Тифлисомъ» говорилъ Омеръ въ Сухумѣ, «русскіе осмѣлятся, быть можетъ, вступить съ нами въ бой.»

2) Сосредоточить Мингрельскій отрядъ внутри края, избравъ для боя позицію коей выгоды уравновѣсили бы несоразмѣрность силъ обѣихъ сторонъ. По мнѣнію Мухранскаго такихъ оборонительныхъ позицій въ лѣсномъ краѣ, какова Мингрелія, встрѣчается много; но при необыкновенно сухой погодѣ, продолжавшейся уже цѣлый мѣсяцъ, лѣсныя дороги сдѣлались удобопроходимыми, и потому непріятель легко бы могъ обойти всѣ эти позиціи.

3) Встрѣтить упорнымъ боемъ непріятеля на первомъ его шагѣ въ Мингрелію, конечно не въ надеждѣ заставить его отказаться отъ дальнѣйшихъ предпріятій, но въ увѣренности, что онъ понесетъ потерю гораздо значительнѣе нашей и что за тѣмъ, ничто не помѣшаетъ намъ отступить внутрь края.

Изъ сихъ трехъ средствъ, кн. Мухранскій избралъ послѣднее, которое возможно было съ выгодою примѣнить къ плану кампаніи въ той странѣ, изложенному въ первой главѣ сей книги. Линію же Ингура, онъ находилъ удобною для обороны, по затрудненіямъ встрѣчающимся непріятелю на переправахъ черезъ сію быструю и широкую рѣку, и потому онъ рѣшился удерживать эту линію, не взирая на значительное протяженіе оной, не соотвѣтствовавшее количеству войскъ имѣвшихся въ его распоряженіи.

Позиція на Ингурѣ.

Мухранскій писалъ, что дороги, ведущія отъ Редутъ-Кале внутрь Мингреліи, по обоимъ берегамъ рѣки Хопи, пролегаютъ на нѣкоторое разстояніе черезъ непроходимый болотистый лѣсъ по тѣснинамъ, которыя легко можно оборонять съ незначитель-

ными силами, противъ многочисленнаго непріятеля. Онъ находилъ, что по усиленіи сихъ природныхъ затрудненій завалами, пути эти будутъ достатотно обезпечены оставленными для обороны оныхъ $2^1/_4$ бат. при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Бибикова.

Дорога ведущая отъ Анакліи вверхъ по лѣвому берегу Ингура, до устья рѣки Джумы, имѣетъ одинакія свойства съ вышеописанными двумя редутъ-кальскими дорогами, и еще болѣе ихъ представляетъ удобствъ для обороны, въ особенности послѣ того какъ ихъ заградили сильными завалами *). Подполковнику Клостерману, назначенному для охраненія сего пути, дано было въ распоряженіе, изъ войскъ собранныхъ для обороны Ингура: двѣ роты Литовскаго егерскаго полка, двѣ роты 3-го Саперного баталіона и одна рота Черноморскаго № 16-го баталіона, всего $1^1/_4$ баталіонъ, которые расположились впереди переправы черезъ р. Джуму и около с. Дарчени.

За тѣмъ, для обороны линіи Ингура отъ устья Джумы до Рухской позиціи, оставалось $7^1/_2$ баталіоновъ. Хотя, выше Рухской позиціи Ингуръ имѣетъ во многихъ мѣстахъ броды, но прибрежная, гористая и пересѣченная мѣстность, не позволяла непріятелю тамъ переправляться съ главными силами, почему для охраненія рѣки выше Рухи, ограничились назначеніемъ однѣхъ Мингрельскихъ милицій.

Ингуръ, отъ Рухской позиціи до устья Джумы, на разстояніе 26-ти верстъ, протекаетъ почти въ прямой линіи, многими рукавами, которые раздѣляются лѣсистыми островами. Вслѣдствіе мелководія рѣки на всемъ этомъ протяженіи, ее вездѣ можно перейти вбродъ, но не безъ опасности для пѣхоты, по значительной быстротѣ теченія. Ниже Рухи оба берега совершенно плоскіе, сухіе и покрыты лѣсомъ, пересѣкающимся множествомъ полянъ и полями селеній Коки, Дарчени и Кахаты. По лѣвому берегу, параллельно теченію рѣки, въ разстояніи отъ нея отъ 3-хъ до 4-хъ верстъ, пролегаетъ удобная для движенія дорога изъ с. Дарчени въ мѣстечко Зугдиди.

*) Смотри планъ сраженія на Ингурѣ.

Лѣсистые берега Ингура дозволяли какъ непріятелю такъ и намъ, скрытно располагать свои аванпосты. По временамъ происходила перестрѣлка, но безъ всякаго для насъ вреда. Первыя дѣйствія на Ингурѣ.

22-го Октября, значительная масса непріятельской кавалеріи двинулась отъ с. Оцарце правымъ берегомъ р. Ингура вверхъ къ с. Пахулани; къ вечеру она возвратилась назадъ. 23-го числа въ полдень, турки повторили это движеніе и начали было переправляться черезъ Ингуръ противъ с. Лія, но встрѣченные выстрѣлами Мингрельской милиціи, отступили.

24-го Октября около полдня, войсковой старшина кн. Эристовъ, съ командуемыми имъ двумя сотнями линейныхъ казаковъ, переправился черезъ первый рукавъ Ингура близь с. Коки для рекогносцировки, и вскорѣ открылъ отрядъ турецкой регулярной кавалеріи. Кн. Эристовъ тотчасъ же атаковалъ непріятеля, который разсыпался, частію по тропинкамъ густаго лѣса, частію же бросился въ рѣку, при чемъ у турокъ нѣсколько человѣкъ увлечено быстротою теченія, три осталось на мѣстѣ изрубленными и одинъ вахмистръ, въ полномъ вооруженіи, взятъ нами въ плѣнъ. Съ нашей стороны небыло никакой потери. По показанію плѣннаго, отрядъ этотъ служилъ конвоемъ для какого то европейскаго офицера, обозрѣвавшаго мѣстность. При первой тревогѣ, офицеръ этотъ ускакалъ такъ поспѣшно, что оставилъ на мѣстѣ свою записную книжку, подобранную казаками. Плѣнный показалъ также, что рекогносцировки производятся по всему правому берегу Ингура, съ цѣлью отыскать мѣста́ удобныя для наведенія понтонныхъ мостовъ *).

Расположеніе войскъ по Ингуру.

25-го Октября расположеніе отряда вдоль Ингура было слѣдующее:

Рухская позиція, хотя крѣпкая сама по себѣ, была занята сильнѣе всѣхъ, потому что оттуда пролегалъ ближайшій и са-

*) Изъ дневника Олифанта видно, что англичане дѣлали рекогносцировки для отысканія бродовъ на Ингурѣ; но о сей встрѣчѣ, случившейся на острову, онъ ничего не пишетъ. Говоря о происходившихъ перестрѣлкахъ съ одного берега на другой, онъ упоминаетъ о племянникѣ владѣтеля Абхазіи кн. Шервашидзе, десяти-лѣтнемъ мальчикѣ, находившемся въ походѣ при братѣ владѣтеля кн. Александрѣ, и передаетъ что мальчикъ этотъ былъ легко раненъ въ ногу.

мый удобный путь по открытой мѣстности къ м. Зугдиди и къ с. Цаиши. Колонна поставленная на Рухи подъ начальствомъ Ген.-Маіора кн. Григ. Дадіана, состояла изъ 1-го и 2-го баталіоновъ Литовскаго егерскаго полка, двухъ ротъ Черноморскаго линейнаго № 10-го баталіона, дивизіона горныхъ орудій Сухумъ-Кальскаго артиллерійскаго гарнизона, трехъ сотень Донскаго № 11-го полка и двухъ конныхъ Мингрельскихъ дружинъ. Сверхъ того, пѣшее Мингрельское ополченіе, расположено было частію въ Зугдиди, частію же вверхъ по лѣвому берегу Ингура къ с. Лія.

Въ 9-ти верстахъ ниже Рухской позиціи, слѣдуя изгибамъ рѣки, встрѣчается Кахатская переправа. Прибрежная мѣстность оной покрыта сплошнымъ лѣсомъ, допускающимъ впрочемъ движеніе густою цѣпью. Для обороны этого лѣса, расположены были здѣсь, подъ начальствомъ маіора кн. Дадіана, 4-й баталіонъ Литовскаго егерскаго полка и Лечумская конная дружина.

Верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ ниже Кахатской переправы, начинается часть теченія Ингура, представляющая на небольшомъ протяженіи нѣсколько переправъ, которыя вообще извѣстны подъ названіемъ Нормансвихъ. Мѣстность эта перерѣзана многими глубокими протоками Ингура, покрыта болѣе или менѣе густымъ кустарникомъ и разбросанными саклями съ окружающими ихъ заборами. Для охраненія этого пространства, которымъ непріятель могъ воспользоваться, вблизи переправъ поставленъ былъ Черноморскій линейный № 11-го баталіонъ, подъ начальствомъ подполковника Званбая, со взводомъ легкой № 1-й батареи, а нѣсколько позади онаго, двѣ роты Грузинскаго линейнаго 1-го баталіона, подъ начальствомъ полковника Іоселіани, со взводомъ батарейной № 1-го батареи.

Верстахъ въ двухъ ниже, на Ингурѣ снова имѣется нѣсколько бродовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Кокскихъ переправъ, около коихъ мѣстность такая же какъ и противъ Нормансвихъ. Здѣсь поставлены были подъ начальствомъ войсковаго старшины кн. Эристова, двѣ роты 3-го баталіона Литовскаго егер-

скаго полка съ двумя сотнями линейныхъ казаковъ и взводомъ батарейной № 1-й батареи.

Въ резервѣ для частей, оборонявшихъ Норманскія и Кокскія переправы, находились 1-й и 3-й баталіоны Куринскаго егерскаго полка, со взводомъ батарейной № 1-й батареи и четыре конныя Имеретинскія дружины *). Главное начальство надъ всѣми частями, предназначенными для обороны Кахатской, Норманскихъ и Кокскихъ переправъ, возложено было на Л. Гв. казачьяго полка полковника кн. Дмитрія Шервашидзе.

Небольшой отрядъ Клостермана оставался, какъ выше сказано, на переправѣ черезъ р. Джума, для защиты Анаклійской дороги. Во всѣхъ пяти мѣстахъ, гдѣ находились войска на р. р. Ингурѣ и Джумѣ, для усиленія обороны сдѣланы были окопы. Общее направленіе отрядовъ въ случаѣ приказанія отступать, назначено было къ с. Цаниши.

Сраженіе на Ингурѣ.

По официіальному донесенію **) кн. Мухранскаго, непріятель произвелъ первый выстрѣлъ изъ орудія противъ нашихъ войскъ расположенныхъ впереди Рухской позиціи, 25-го Октября въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня. Канонада съ обѣихъ сторонъ постепенно усиливавшаяся, черезъ полчаса сдѣлалась весьма частою. На другихъ пунктахъ рѣки, все оставалось спокойнымъ. Мухранскій поспѣшилъ къ Рухи, чтобы лично наблюдать за ходомъ дѣла. Послѣ канонады, продолжавшейся болѣе

*) Распредѣленіе артиллеріи въ семъ росписаніи войскъ собранныхъ для обороны Ингура, нѣсколько различествуетъ отъ вышеприведеннаго по отрядамъ, какъ количествомъ орудій, такъ и калибромъ ихъ; по сему последнему показанію значится при войскахъ, встрѣтившихъ Омеръ-Пашу на Ингурѣ 14 орудій, а не 12, какъ выше сказано, въ числѣ же 14-ти орудій— 6 батарейныхъ, тогда какъ въ прежнемъ росписаніи артиллеріи, вся батарейная батарея показана въ Усть-Цхенисъ-Цхали. Такъ какъ оба свѣдѣнія сіи извлечены изъ официіальныхъ донесеній кн. Мухранскаго, то, если въ перепискѣ ихъ не произошло ошибки, надобно полагать, что передъ самымъ дѣломъ на Ингурѣ, въ назначеніи орудій по отрядамъ были сдѣланы перемѣны. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что на Ингурѣ орудій было не 12, а 14.

**) Слѣдующее здѣсь описаніе сраженія на Ингурѣ, извлечено изъ реляціи о ходѣ дѣла сего, составленной и представленной кн. Мухранскимъ.

двухъ часовъ, но не причинившей никакого вреда нашимъ стрѣлкамъ, засѣвшимъ позади заваловъ, непріятель двинулъ въ рѣку часть своей пѣхоты, но встрѣченный выстрѣлами нашей цѣпи, тотчасъ же обратился назадъ. За симъ, канонада начала ослабѣвать и прекратилась къ вечеру на обоихъ берегахъ Ингура противъ Рухи; изрѣдка только прерывалась тишина выстрѣломъ изъ орудія съ непріятельской стороны. Того же дня въ исходѣ перваго часа по полудни, въ лѣсу противъ Норманскихъ переправъ, на правомъ берегу Ингура, произведены были нашими передовыми милиціонерами сигнальные выстрѣлы, и вслѣдъ за тѣмъ они переправились обратно на нашъ берегъ, съ извѣстіемъ, что непріятель приближается въ значительныхъ силахъ. Черноморскій линейный № 11-го баталіонъ и взводъ легкой № 1-й батареи, находившіеся впереди, немедленно изготовились къ бою; двѣ роты Грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона, только что успѣвшія къ тому времени прибыть къ Ингуру форсированнымъ маршемъ съ береговъ рѣки Цивы, прервали отдыхъ свой, чтобы поддержать въ случаѣ нужды передовыя части.

Вскорѣ, турки открыли изъ кустовъ противуположнаго берега штуцерный огонь, который постепенно сталъ усиливаться; но такъ какъ непріятель былъ скрытъ, то наши стрѣлки отвѣчали на ихъ выстрѣлы только изрѣдка. Между тѣмъ полковникъ кн. Дмитрій Шервашидзе, услышавъ перестрѣлку, лично прискакалъ на мѣсто съ двумя конными имеретинскими дружинами, которыхъ спѣшилъ и разсыпалъ по берегу рѣки, между Кокскими и Норманскими переправами.

Ободренные слабостію нашего огня, и не ожидая встрѣтить сильнаго отпора, турки рѣшились начать переправу прямо противъ устроенной нами батареи. Густыя колонны ихъ двинулись къ рѣкѣ, и массы непріятельской пѣхоты, съ громкими восклицаніями, вступили въ Ингуръ; люди держались другъ за друга, чтобы устоять противъ быстроты теченія. Въ эту минуту, взводъ легкихъ орудій, подъ начальствомъ поручика Симонова, открылъ картечный огонь, поддержанный частымъ ружейнымъ и штуцернымъ огнемъ нашей пѣхоты. Спѣшенная Имеретинская милиція, подъ предводительствомъ 85-ти лѣтняго старца, доб-

лестнаго подполковника кн. Симона Церетели, усиливала своими винтовками нашъ смертоносный огонь. Въ густыхъ рядахъ переправлявшейся непріятельской пѣхоты, мгновенно образовались широкіе прорывы; уцѣлѣвшіе люди хватались другъ за друга и увлекали товарищей своихъ въ быстрину. Посреди грохота жаркой перестрѣлки, раздавались вопли отчаянія; вскорѣ рѣка очистилась отъ турокъ, изъ которыхъ многіе погибли. Колонны же, остававшіяся на правомъ берегу, возвратились въ лѣсъ. Но отраженіе сіе дорого намъ стоило. Не заботясь о себѣ, думая лишь о пораженіи непріятеля, начальники и подчиненные выскочили изъ заваловъ на самый берегъ, и представили собою широкую цѣль для ружейныхъ и картечныхъ выстрѣловъ. Въ числѣ убитыхъ былъ командиръ Черноморскаго № 11-го баталіона, храбрый подполковникъ Званбай *). Выбыло также изъ строя много людей изъ прислуги орудій и побито большое число артиллерійскихъ лошадей.

Двѣ роты грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона присоединились къ сражающимся, подъ командою полковника Іоселіани, который принялъ общее начальство. Вслѣдъ за тѣмъ, непріятель началъ вторую переправу, саженяхъ въ 400-хъ выше первой. Противъ нее направлены были густыя цѣпи стрѣлковъ и спѣшенные милиціонеры, коихъ огонь усиливался гранатною картечью. Турки оставили и другую попытку сію съ замѣтною потерею, о чемъ свидѣтельствовали трупы ихъ, несомые быстриною рѣки мимо нашей батареи.

Тѣмъ не менѣе, турецкій главнокомандующій, основывая свои надежды на извѣстной ему малочисленности нашихъ войскъ, не отступалъ отъ своего предпріятія. Верстахъ въ двухъ выше нашей батареи, непріятель отыскалъ въ густомъ лѣсу переправу и успѣлъ перевести черезъ рѣку значительную массу пѣхоты. Наша батарея была обойдена съ праваго ея фланга, но и это не поколебало несокрушимаго мужества оборонявшихся. По опушкѣ лѣса и по кустамъ, загорѣлась жаркая перестрѣлка; наши войска не подавались ни шагу назадъ. Полков-

*) Родомъ Абхазецъ.

никъ Іоселіани, былъ убитъ; принявшій начальство надъ 11-мъ баталіономъ штабсъ-капитанъ Кобелевъ, раненый въ руку, не хотѣлъ оставить боя, но вслѣдъ за тѣмъ получилъ другую смертельную рану; командованіе баталіономъ принялъ поручикъ Рубцовъ. Для общаго начальствованія на Норманскихъ переправахъ, полковникъ кн. Дмитрій Шервашидзе послалъ Куринскаго егерскаго полка маіора Ивина.

Между тѣмъ, въ началѣ 3-го часа по полудни, густыя массы непріятельской пѣхоты появились противъ Кокской переправы, обороняемой двумя ротами Литовскаго егерскаго полка, двумя сотнями линейныхъ казаковъ и взводомъ батарейныхъ орудій. Удачное дѣйствіе нашей артиллеріи, заставило турокъ отказаться отъ переправы въ этомъ мѣстѣ; но вслѣдъ за тѣмъ, успѣли они перевести значительную часть своей пѣхоты верстахъ въ $1^1/_2$ выше, между Норманскими и Кокскими переправами. Войсковой старшина кн. Эристовъ, видя себя обойденнымъ съ праваго фланга, отдалъ приказаніе отступать за ближайшій протокъ Ингура. Такъ какъ турки сильно тѣснили его, то онъ долженъ былъ часто останавливаться, отстрѣливаясь картечью и неоднократно ударяя въ штыки. Но непріятель, овладѣвшій Кокскими переправами, перевелъ черезъ рѣку значительную часть своей кавалеріи, которая появилась противъ лѣваго фланга отдѣленія князя Эристова. Линейные казаки спѣшились, и небольшая колонна сія, построившись въ каре, продолжала отступленіе свое въ возможномъ порядкѣ, останавливая огнемъ своимъ бросавшуюся на нее непріятельскую конницу, къ чему способствовало присутствіе духа оказанное поручикомъ Кашаевымъ, распоряжавшимся артиллеріею.

Хотя всѣ покушенія непріятеля противъ Норманскихъ переправъ и были отбиты или удерживались съ успѣхомъ, но турки, наступая рѣшительно на Кокскія переправы, обходили оборонительную линію нашу съ лѣваго фланга и угрожали даже нашему тылу. Для удержанія съ этой стороны непріятеля, полковникъ кн. Дмитрій Шервашидзе двинулъ на подкрѣпленіе колонны кн. Эристова, остававшіеся въ резервѣ два баталіона Куринскаго полка съ двумя батарейными и двумя горными ору-

діями, самъ же, съ двумя Имеретинскими дружинами подъ начальствомъ князей Сико Цулукидзе и Бебе Агія Швили, понесся въ атаку на густыя толпы непріятеля, чѣмъ заставилъ турецкую пѣхоту, наполнившую уже пространство между Коками и Норманами, податься назадъ. Мужественный отпоръ, противупоставленный на протокѣ Ингура баталіонами Куринскаго егерскаго полка, остановилъ здѣсь натискъ турокъ, но тѣмъ не менѣе видно было, что нѣтъ возможности долѣе держаться противъ непріятеля перешедшаго черезъ Ингуръ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, 15-ти баталіоновъ и безпрестанно усиливавшагося. Сообразивъ эти обстоятельства, кн. Дмитрій Шервашидзе послалъ приказаніе отступать Норманской колоннѣ, которая до сихъ поръ не уступала ни пяди земли непріятелю, но уже находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи.

Не смотря на свою многочисленность, турецкая колонна, дѣйствовавшая изъ лѣса противъ праваго фланга нашей норманской колонны, не подвигалась впередъ, почему Омеръ-Паша поддержалъ усилія свои въ той сторонѣ новою атакой, которую направилъ прямо на фронтъ нашей батареи. Вторично двинулись турки бродомъ, гдѣ часа за два передъ тѣмъ погибло у нихъ столько людей. На правомъ нашемъ флангѣ огонь усилился, съ противоположнаго берега посыпался градъ ядеръ, картечи и пуль — но все это снова сокрушилось о непоколебимость нашихъ войскъ и атака была снова отражена. При этомъ, маіоръ Ивинъ былъ тяжело раненъ; артиллеріи поручикъ Рубцовъ, принявшій командованіе надъ линейнымъ баталіономъ № 11-го убитъ; оказался большой недостатокъ въ прислугѣ при орудіяхъ, изъ коихъ одно подбито, почти всѣ артиллерійскія лошади были побиты. На мѣсто маіора Ивина общее командованіе принялъ грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона капитанъ Панфиловъ; командованіе надъ баталіономъ № 11-го — поручикъ Яндоловскій, артиллеріею же распоряжался поручикъ Симоновъ. Въ сію то критическую минуту получено было приказаніе отъ полковника кн. Дмитрія Шервашидзе, отступать.

Солнце уже сѣло, сумерки постепенно сгущались. Непріятель наступалъ съ фронта и съ обоихъ фланговъ, люди тащили

на себѣ орудія, прикрываемыя цѣпью, которая по временамъ раздавалась, чтобы дать просторъ для картечнаго выстрѣла. Два раза непріятель бросался въ штыки на орудія и два раза былъ отбитъ; но потери наши все болѣе и болѣе увеличивались. Такъ какъ людямъ не возможно было долѣе тащить на себѣ орудія, то рѣшено было остановиться и троекратнымъ залпомъ картечью, хотя временно удержать напоръ непріятеля. По исполненіи сего, три орудія, поспѣшно приведенныя въ негодность, были брошены. За тѣмъ, отступленіе продолжалось отдѣльными кучками, пробивавшимися по кустамъ сквозь толпы непріятеля.

Въ это время кн. Мухранскій пріѣхалъ съ Рухской позиціи къ мѣсту боя. На пути своемъ, послалъ онъ приказаніе колоннѣ маіора кн. Дадіана двинуться по Ингуру къ Норманскимъ переправамъ, но приказаніе это пришло уже поздно. Собравъ встрѣтившіяся ему части Грузинскаго № 1-го, Черноморскаго № 11-го баталіоновъ, линейныхъ казаковъ и милиціонеровъ, онъ снова двинулъ ихъ къ лѣсу въ атаку. Непріятель вѣроятно полагая, что къ намъ прибыло подкрѣпленіе, началъ было отступать передъ нашимъ фронтомъ, но на обоихъ флангахъ нашихъ продолжался сильный огонь. Такимъ образомъ мы успѣли пробиться почти до самаго Ингура, гдѣ турки приступили уже къ устройству укрѣпленія. Это движеніе дозволило намъ выручить одно орудіе *). Между тѣмъ, ночь уже совершенно наступила, и потому необходимо было прекратить бой и отступить на большую дарченскую дорогу **).

---

*) Въ реляціи не объяснено: изъ числа ли трехъ захваченныхъ турками орудій, отбито сіе послѣднее или же возвращенное орудіе сіе было четвертое захваченное непріятелемъ, ибо въ первомъ донесеніи кн. Мухранскаго, писанномъ отъ 25-го октября въ самый день сраженія, неупоминается о семъ случаѣ, а говорится только о трехъ потерянныхъ орудіяхъ.

**) Въ этой послѣдней свалкѣ, былъ смертельно раненъ, находившійся при кн. Мухранскомъ въ должности адъютанта, прапорщикъ Шимановскій, убито и ранено нѣсколько милиціонеровъ принадлежавшихъ къ его конвою.

Такъ совершился на Ингурѣ кровопролитный бой, въ коемъ многіе начальники отличились своимъ самоотверженіемъ. Всѣ части войскъ, бывшія въ огнѣ, взаимно соперничали въ мужествѣ; но по ходу самаго дѣла, въ наибольшемъ блескѣ обнаружили доблесть свою тѣ, на которыхъ возложена была оборона Нормансхихъ переправъ, въ особенности же Черноморскій линейный № 11-го баталіонъ, который всѣхъ болѣе понесъ потери и нанесъ оной непріятелю. Смѣлая атака Кутанской и Багдадской имеретинскихъ дружинъ, остановившихъ натискъ турецкой регулярной пѣхоты, вызываетъ также похвалу свидѣтелей сего подвига. Отличившіеся.

Ночью всѣ части, занимавшія линію Ингура, отступили по указаннымъ имъ дорогамъ, и къ утру слѣдующаго дня, отрядъ сосредоточился въ с. Хета, кромѣ Рухской колонны отошедшей по верхней Мингрельской дорогѣ, на Часвиджи (Чаквиджи) и Абасъ-Туманъ. Отступленіе къ с. Хета.

По сказаніямъ о дѣлѣ на Ингурѣ Рюстова, почерпнувшаго передаваемыя имъ свѣдѣнія вѣроятно изъ англійскихъ источниковъ, видно, что 23-го Октября возведено было турками нѣсколько земляныхъ батарей противъ Рухи, въ ночь съ 24-го на 25-е батареи сіи были вооружены, а 25-го Октября*) турки открыли сильный огонь. Занявъ такимъ образомъ на этомъ пунктѣ вниманіе наше, Омеръ-Паша, съ тремя бригадами спустился по теченію рѣки и въ 8-ми верстахъ ниже Рухи, переправился черезъ боковой рукавъ Ингура на островъ Коки **). Авангардъ сего отряда состоялъ изъ $3\frac{1}{2}$ баталіоновъ пѣхоты и 4-хъ орудій подъ начальствомъ англійскаго подполковника Баларда. Балардъ перешелъ лѣсистый островъ поперегъ; когда же онъ началъ приближаться къ правому берегу главнаго рукава, Рюстовъ о дѣлѣ на Ингурѣ.

---

*) По словамъ Рюстова утромъ.

**) На картѣ видно, что Ингуръ протекая, какъ прежде сказано, многими рукавами, составляетъ въ семъ мѣстѣ длинный островъ и, что сѣверный рукавъ, который не есть главный, называется Хурга, главный же или лѣвый рукавъ, отдѣляющій Самурзакань отъ Мингреліи, протекалъ впереди нашей позиціи.

то встрѣтилъ Мингрельскія милиціи, которыя отступили на лѣвый берегъ рѣки и открыли нашу батарею, поставленную противъ главнаго брода. По всѣмъ соображеніямъ, переходъ на этомъ пунктѣ оказался весьма труднымъ*). Омеръ-Паша, получивъ о томъ извѣстіе, приказалъ Баларду, занимать насъ перестрѣлкою и послалъ на нижнюю оконечность острова Османъ-Пашу съ бригадою пѣхоты, а къ верхней полковника Симмонса съ двумя фузелерными баталіонами и полубаталіономъ стрѣлковъ. Въ 4,000-хъ шагахъ ниже, и въ 2,000-хъ выше главнаго брода **), были открыты другіе, хотя не столь удобные броды. Далѣе Рюстовъ пишетъ, что кн. Багратіонъ, все еще оставался съ бо́льшею частью войска у Рухи и, что противу 27-ми турецкихъ баталіоновъ, занимавшихъ островъ, у насъ было на лѣвомъ берегу рѣки только 2,000 человѣкъ милиціи и 4 баталіона, изъ коихъ 2 расположены были близъ главнаго брода, а остальные 2 противъ брода, къ которому направлялся Османъ-Паша ***).

Около четырехъ часовъ по полудни, полковникъ Симмонсъ перешелъ съ отрядомъ на южный берегъ главнаго рукава, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Пробираясь лѣсистымъ берегомъ, онъ подошелъ къ нашей позиціи, противъ главнаго брода ****) на 700 шаговъ, и былъ открытъ не ранѣе, какъ по выходѣ изъ лѣса. По словамъ Рюстова: «Русскіе атаковали Симмонса, но были опрокинуты послѣ упорнаго боя». Тутъ былъ убитъ адъютантъ Симмонса, англійскій капитанъ Ды́мокъ *****).

*) Вѣроятно Норманская переправа, защищаемая подполковникомъ Званбаемъ съ Черномор. линейн. № 11-го бат., гдѣ происходилъ жаркій бой о коемъ Рюстовъ впрочемъ не́ упоминаетъ, ограничиваясь показаніемъ, что переходъ черезъ рѣку на семъ пунктѣ оказался весьма труднымъ.

**) Первая изъ сихъ двухъ переправъ, находится по видимому нѣсколько пониже Кокской, а другая, между Норманскою и Кахатскою переправами, противъ праваго берега начала послѣдняго лѣваго протока Ингура.

***) Рюстовъ конечно не могъ знать съ точностію количество и расположеніе нашихъ войскъ; но жаль, что въ описаніи его не выставлены названія мѣстностей, по коимъ можно бы съ большею опредѣлительностію, сличить разсказъ его съ настоящею реляціею о ходѣ дѣла.

****) Норманская переправа.

*****) Тутъ же былъ убитъ командиръ грузинскаго № 1-го линейнаго бат. полковникъ Іоселіани.

Между тѣмъ и Османъ-Паша достигъ нижняго брода; но два русскіе баталіона расположенные для обороны онаго, видя что дѣло, начатое Симмонсомъ, рѣшилось въ пользу турокъ — отступили безъ боя. По завязавшейся близъ Коки перестрѣлкѣ и по угрожавшей съ той стороны русскимъ опасности, было послано ими нѣсколько баталіоновъ на усиленіе отступавшихъ, но подкрѣпленіе сіе не могло уже поспѣть во время *).

По словамъ Рюстова: «Багратіонъ, самъ прибывшій на мѣсто боя, далъ приказаніе отступать. Русскіе должны были покинуть 5 орудій **) и 6 зарядныхъ ящиковъ, потому что большая часть артиллерійскихъ лошадей была перебита».

Олифантъ, который былъ свидѣтелемъ сраженія на Ингурѣ как частное лицо, даетъ о семъ дѣлѣ весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія, онъ также нигдѣ не называетъ мѣстностей. Въ дневникѣ его упоминается объ ужасномъ картечномъ и ружейномъ огнѣ, выдержанномъ авангардомъ подъ командою Баларда, когда онъ показался изъ лѣса противъ нашей батареи, гдѣ турки лишились болѣе 100 человѣкъ убитыми и ранеными; ***) видно также, что Балардъ съ англичаниномъ Лонгвортомъ (Longworth) ****) старались, но безуспѣшно, отыскать въ семъ мѣстѣ бродъ, послѣ чего онъ рѣшился отвѣчать на дѣйствіе нашей батареи, и огонь его вскорѣ усилился артиллеріею приведенною самимъ Омеръ-Пашею, которою командовалъ англійскій полковникъ Кабделъ (Cabdell). Олифантъ упоминаетъ также о недостаткѣ патроновъ, оказавшемся у стрѣлковъ, Олифантъ о дѣлѣ на Ингурѣ.

*) Видно, что разсказъ этотъ касается отступленія небольшой части командуемой кн. Эристовымъ. Ходъ дѣла на семъ мѣстѣ весьма неполно описанъ у Рюстова, хотя онъ и упоминаетъ о двухъ Куринскихъ баталіонахъ, высланныхъ изъ резерва на помощь кн. Эристову, у коего было не два баталіона какъ онъ пишетъ, а только двѣ роты пѣхоты и двѣ сотни казаковъ.

**) Ошибочно.

***) Должно по видимому быть на Норманской переправѣ, гдѣ былъ убитъ подполковникъ Званбай. Тотъ самый бой, о коемъ умалчиваетъ Рюстовъ.

****) Тотъ самый, который лѣтомъ старался пробраться черезъ Карачай къ Шамилю, но не достигъ цѣли своей, какъ то объяснено въ 4-й главѣ.

къ коимъ былъ посланъ на подкрѣпленіе 4-ый полкъ. Входя въ подробности этого дѣла онъ пишетъ, что командиръ полка сего, 70-ти лѣтній старецъ, опередившій съ полкомъ своимъ скрывавшихся въ кустахъ стрѣлковъ Баларда, выстроился фронтомъ на берегу рѣки и открылъ огонь по нашимъ укрѣпленіямъ; но не могъ устоять и долженъ былъ отойти въ лѣсъ. По словамъ Олифанта, грохотъ орудій и мелкаго оружія продолжался на семъ мѣстѣ нѣсколько часовъ и длился до вечера безъ видимыхъ послѣдствій; такъ что исходъ предпріятія казался сомнительнымъ, пока не увидѣли колонну Османъ-Паши, спускавшуюся лѣсомъ ниже, для отысканія другаго брода. Колонна сія, состоявшая изъ 5,000 человѣкъ и къ коей пріѣхалъ Олифантъ, переходила черезъ два небольшіе протока рѣки и подошла къ правому берегу главнаго рукава Ингура, быстро текущаго въ семъ мѣстѣ въ узкой ложбинѣ. Здѣсь турецкія войска, бросились въ рѣку и достигнувъ лѣваго берега, были встрѣчены жаркимъ огнемъ, отъ котораго лишились около 150 человѣкъ *); но они продолжали свой натискъ и русскіе, по словамъ его, не дождавшись удара, разсыпались по лѣсамъ. Какъ только турецкія войска начали выстроиваться, что было уже въ темнотѣ, услышались ими побѣдныя восклицанія, возвѣщавшія о завладеніи батареею **). Олифантъ пишетъ, что какимъ способомъ овладѣли сею батареею, осталось для нихъ загадкою, потому что когда онъ отъ того мѣста отъѣзжалъ, то переходъ вбродъ Ингура противъ устроеннаго для обороны сего пункта землянаго укрѣпленія, казался ему предпріятіемъ неблагоразумнымъ. Онъ упоминаетъ, также какъ Рюстовъ, о переправѣ Симмонса выше Норманскаго брода, объ обходномъ движеніи его и о боѣ выдер-

---

*) Олифантъ, говоря объ уронѣ, по видимому смѣшиваетъ дѣло на Кокской переправѣ съ отпоромъ противупоставленнымъ туркамъ послѣ переправы ихъ черезъ рѣку, при отступленіи князя Эристова, когда на подкрѣпленіе его высланы были изъ резерва Куринскіе баталіоны и Имеретинскія конныя дружины.

**) Какою именно, не говоритъ; но заключать должно, что тутъ упоминается объ окопахъ нашихъ на Норманскихъ переправахъ, гдѣ происходилъ самый сильный бой.

жанномъ имъ, уже почти въ тылу нашей Норманской позиціи, гдѣ онъ потерялъ до 50-ти человѣкъ, въ томъ числѣ капитана Ди́мока.

При всей неполнотѣ и неясности сихъ свѣдѣній, онѣ нѣкоторымъ образомъ согласуются съ нашимъ описаніемъ сраженія на Ингурѣ, и видно, что отпоръ данный непріятелю на Норманской переправѣ, былъ сильный, почему должно полагать, что турки понесли на семъ мѣстѣ значительную потерю.

Уронъ нашъ въ сей день заключался, убитыми: въ 2-хъ штабъ-офицерахъ, 5-ти оберъ-офицерахъ и 140-ка нижнихъ чинахъ; ранеными: въ 2-хъ штабъ-офицерахъ, 6-ти оберъ-офицерахъ и въ 237-ми нижнихъ чинахъ. Безъ вѣсти пропало 42 человѣка; всего штабъ и оберъ-офицеровъ 15, нижнихъ чиновъ 419 *). Потеря милиціонеровъ неизвѣстна, но не можетъ быть значительна. По словамъ Рюстова, уронъ турокъ состоялъ изъ 68-ми человѣкъ убитыхъ, 238-ми раненыхъ и 4-хъ безъ вѣсти пропавшихъ; но надобно полагать, что уронъ ихъ былъ гораздо значительнѣе нашего, по преимуществу позицій нашихъ и по отбившимся усиліямъ турокъ перейти черезъ Ингуръ вбродъ массами, подъ огнемъ нашей артиллеріи и пѣхоты. Олифантъ говоритъ, что потеря турокъ не доходила до 400 человѣкъ, напротивъ того, нашу потерю увеличиваетъ, какъ онъ пишетъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, до 1,200 человѣкъ; Симмонсъ же, въ официальномъ донесеніи увѣдомляетъ Кларендона, что мы въ сей день лишились по меньшей мѣрѣ отъ 1,600 до 1,800 человѣкъ убитыми и ранеными. Олифантъ въ разсказѣ своемъ говоритъ также, что прежде вечера, въ лѣсахъ было найдено и похоронено около 400 русскихъ тѣлъ; но подобныя свѣдѣнія не сообразны ни съ истиною, ни съ ходомъ дѣла, ни съ количествомъ нашихъ силъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ. Плѣнныхъ нашихъ Олифантъ видѣлъ отъ 30-ти до 40-ка Уронъ.

*) Въ приложеніяхъ подъ букв. Gg, имѣется имянной списокъ штабъ и оберъ офицерамъ и перечневая вѣдомость нижнимъ чинамъ убитымъ и раненымъ, какъ и безъ вѣсти пропавшимъ въ сраженіи 25-го Октября.

человѣкъ. Онъ говоритъ, что мы лишились трехъ орудій и семи зарядныхъ ящиковъ, изъ коихъ въ одномъ насчиталъ онъ 27-мь пробоевъ отъ штуцерныхъ пуль. Вѣроятно, что съ орудіями оставлены были нами и ящики, о коихъ въ нашей реляціи не упоминается; количество же пробоевъ, оказавшихся на одномъ изъ нихъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ упоренъ былъ бой происходившій на Норманской переправѣ.

Занятіе Омеръ-Пашею Зугдиди.

26-го Октября вечеромъ, отправленъ былъ изъ с. Хеты къ р. Джумѣ казачій разъѣздъ, который встрѣтился съ непріятельскимъ разъѣздомъ или партіею, приближавшеюся отъ Зугдиди къ Джумѣ; при чемъ въ происшедшей перестрѣлкѣ и рукопашной схваткѣ, одинъ казакъ былъ убитъ и двое ранены. Обстоятельство сіе не совсѣмъ согласуется съ разсказомъ Олифанта, который пишетъ, что Балардъ и Симмонсъ предприняли только 27-го Октября рекогносцировку къ Зугдиди, взявъ съ собою два баталіона стрѣлковъ и два полка кавалеріи. По словамъ его, на пути сдѣлано было по нимъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ изъ лѣсовъ, скрывавшимися въ нихъ Мингрельскими милиціонерами. Въ Зугдиди видѣли они еще отъ 15-ти до 20-ти казаковъ, которые при появленіи ихъ уклонились; но городъ былъ совершенно пустъ, ибо жители всѣ удалились *). Англичане не останавливаясь долгое время въ Зугдиди, возвратились въ тотъ же вечеръ довольно поздно въ лагерь, къ лѣвому берегу Ингура, при чемъ ходившій съ ними отрядъ, порядочно набрался живностью всякаго рода. Войско Омера стояло такъ оплошно, что отрядъ сей, состоявшій изъ 2,000 человѣкъ, вступилъ въ главный лагерь не будучи даже ни кѣмъ окликанъ **). Вся турецкая армія собралась только 28-го числа, около Зугдиди, гдѣ она расположилась лагеремъ на обшир-

---

*) Могло случиться, что разъѣздные казаки наши столкнулись наканунѣ съ партіею турецкихъ фуражировъ, пробравшихся на р. Джуму мимо Зугдиди окольными путями, когда мѣстечко сіе еще не было занято непріятелемъ; впрочемъ, можетъ быть и рекогносцировка предпринята англичанами въ Зугдиди тогда какъ оно было уже занято передовыми турками, но въ то время едва ли оставались тамъ казаки.

**) Изъ книги Олифанта.

ной равнинѣ по юго-западную сторону города. Омеръ-Паша съ любопытствомъ осматривалъ дворецъ княгини Дадіанъ и полюбовавшись богатому убранству онаго, какъ и красотою разведеннаго покойнымъ ея мужемъ сада, поставилъ ко всѣмъ выходамъ часовыхъ.

Грабежи Абхазцевъ.

По словамъ Олифанта, войска предались по всему околодку грабежу, въ чемъ болѣе всѣхъ участвовали 200 человѣкъ конныхъ абхазцевъ, приставшихъ къ турецкой арміи и до такой степени своевольныхъ, что они силою увезли отъ родителей, какъ ему говорили, 60-тъ мальчиковъ и дѣвочекъ, выбирая ихъ изъ числа самыхъ красивыхъ. Омеръ-Паша всячески старался успокоить народъ и въ присутствіи своемъ наказалъ палками нѣсколько человѣкъ изъ абхазцевъ, послѣ чего выслалъ ихъ всѣхъ изъ арміи въ свои дома; къ церкви же и на улицахъ, приказалъ поставить часовыхъ, а для предупрежденія безпорядковъ, запретилъ даже охотиться въ окрестностяхъ.

Кн. Михаилъ Шервашидзе и княгиня Дадіанъ. Письмо къ ней Омера.

Въ Зугдиди кн. Михаилъ Шервашидзе предложилъ Омеръ-Пашѣ услуги свои, испрашивая себѣ позволенія съѣздить къ княгинѣ Дадіанъ, съ цѣлью, какъ онъ объяснялъ, склонить свояченицу свою, послѣдовать его примѣру и присоединиться къ туркамъ. Лонгвортъ (Longworth), занимавшій мѣсто англійскаго коммисара при арміи, предлагалъ даже написать къ княгинѣ письмо. Но Омеръ-Паша по видимому не довѣрялъ кн. Михаилу, который, хотя и находился совсѣмъ на свободѣ, но подъ надзоромъ—и предложеніе его не было принято. Между тѣмъ Омеръ-Паша самъ написалъ письмо *) къ княгинѣ Дадіанъ, которая получила его въ замкѣ своемъ Гордіи, гдѣ она тогда пребывала. Письмо это присланное ею черезъ Мухранскаго къ кн. Бебутову, по совѣту послѣдняго, осталось безъ отвѣта, но княгиня не послѣдовала совѣту данному ей также кн. Бебутовымъ, самой переѣхать къ войску и отправить дѣтей своихъ въ Тифлисъ или Кутаисъ; она не хотѣла оставить Мингрелію, гдѣ еще находила убѣжище въ трудно-доступной для турокъ гористой части своего владѣнія, о сохраненіи коего она

*) Копія письма сего находится въ приложеніяхъ подъ букв. Hh.

заботилась, какъ и о возстановленіи народа противъ вторгнувшагося непріятеля.

Дѣйствія подъ Редутъ-Кале.

Во время сраженія 25-го Октября, командовавшій войсками, расположенными по обоимъ берегамъ рѣки Хопи на Редутъ-Кальской дорогѣ, подполковникъ Бибиковъ, услышавъ сильную канонаду со стороны Ингура, сдѣлалъ демонстрацію противъ турецкаго гарнизона. Съ этою цѣлью, онъ подвинулся нѣсколько впередъ и въ виду Редутъ-Кале, но внѣ выстрѣловъ артиллеріи, построилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ. Въ укрѣпленіи сдѣлалась тревога, гарнизонъ вышелъ въ ружье и нѣсколько всадниковъ поскакало берегомъ моря къ сторонѣ Анакліи; послѣ того Бибиковъ отступилъ. Въ ночь съ 26-го на 27-е число, редутъ-кальскій гарнизонъ, получивъ моремъ подкрѣпленіе, сталъ готовиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ и устроилъ переправу черезъ рѣку Циву, протекающую около укрѣпленія. Въ то же время, на правомъ берегу рѣки Хопи, турки начали разработывать дорогу, за которою трудились цѣлую ночь при свѣтѣ фонарей.

Набѣги Аджарцевъ.

Въ теченіи Октября мѣсяца, Аджарцы неоставались покойными и не переставали набѣгами своими тревожить пограничныхъ жителей Ахалцыхскаго уѣзда *).

IV.

НАСТУПЛЕНІЕ ОМЕРЪ-ПАШИ ВЪ МИНГРЕЛІЮ.

Предположенія и дѣйствія кн. Мухранскаго.

Въ первомъ донесеніи кн. Бебутову о сраженіи на Ингурѣ, кн. Мухранскій объяснялъ свой дальнѣйшій планъ дѣйствій, заключавшійся въ томъ, чтобы по возможности держаться на тѣхъ линіяхъ, гдѣ подобно бою на Ингурѣ, непріятель понесъ бы потерю гораздо значительнѣе нашей; но вслѣдъ за симъ Бебутовъ получилъ отъ Мухранскаго другое донесеніе, коимъ онъ

*) Рядъ этихъ хищническихъ набѣговъ показанъ въ приложеніяхъ подъ букв. Ii.

увѣдомлялъ о занятіи Зугдиди непріятелемъ, выдвинувшемъ передовыя части свои на р. Джуму; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ излагалъ новый взглядъ свой на предстоявшія обстоятельства, по которымъ измѣнился его прежній планъ дѣйствій.

Отступленіе Мухранскаго и истребленіе передовыхъ складовъ.

Вторженіе Омеръ-Паши въ Мингрелію, писалъ Мухранскій, многочисленность силъ которыми онъ располагалъ и, въ особенности, преувеличенные о нихъ слухи, произвели неблагопріятное впечатлѣніе на Мингрельцевъ. Партія неблагонамѣренныхъ людей, успѣла ослабить въ жителяхъ, если не преданность къ нашему правительству, то по крайней мѣрѣ готовность противустоять общему врагу. Такимъ образомъ, большая часть Мингрельской милиціи разсѣялась, а жители укрылись въ лѣсахъ, спасая семейства свои и имущества и нисколько не помышляя о нанесеніи вреда непріятелю. При продолжавшейся тогда сухой погодѣ, всѣ лѣсныя дороги пересѣкающія Мингрелію, сдѣлались удобопроходимыми; охранять ихъ войсками, Мухранскій не находилъ возможности, а на оборону ихъ туземцами не полагался. Имѣя въ виду превосходство силъ Омеръ-Паши надъ нашими, Мухранскій признавалъ необходимымъ, держать войска свои въ совокупности; но принимая во вниманіе, что всѣ позиціи, которыя бы онъ избралъ для боя въ лѣсной полосѣ, можно было обойти съ фланговъ и съ тыла, и что въ случаѣ неудачи, могли произойти гибельныя послѣдствія для всего отряда удаленнаго отъ своихъ складовъ и магазиновъ, онъ рѣшился оставить позиціи при селеніяхъ Хета и Хопи, равно какъ и дороги ведущія отъ Редута по обоимъ берегамъ р. Хопи къ с. Наджихеви, и сосредоточить отрядъ свой на р. Цивѣ, что и было имъ исполнено ночью 28-го Октября, при чемъ бараки Черноморскихъ линейныхъ №№ 14-го и 16-го баталіоновъ, равно какъ и Хетскій провіантскій магазинъ, по приказанію его, были преданы огню.

Расположившись на Цивской позиціи, Мухранскій выставилъ кавалерію свою, для наблюденія за непріятелемъ, впереди с. Холони, откуда высылались аванпосты по дорогамъ, ведущимъ изъ селеній Хорги и Хеты. Отдѣльная колонна подъ начальствомъ ген.-маіора кн. Дадіана расположилась на Абедатскихъ

высотахъ, часть милиціи выставили къ сторонѣ Аббасъ-Тумана, тяжести же отряда, отвозились назадъ и складывались на Марани, что уже въ Имеретіи.

Продолжая отступленіе, Мухранскій сосредоточилъ въ первыхъ числахъ Ноября всѣ войска находившіяся въ Мингреліи, вблизи Маранской почтовой станціи, перейдя на лѣвый берегъ р. Цхенисъ-Цхали, съ цѣлью, какъ онъ писалъ отъ 5-го Ноября, притянуть къ себѣ изъ Гуріи войска ген. Бруннера и вступить тогда въ рѣшительный бой съ непріятелемъ, если бы Омеръ-Паша попытался вторгнуться въ Имеретію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предалъ онъ пламени провіантскій магазинъ на р. Техурѣ и бараки построенные въ Сортъ-Іоаннѣ. Часть хлѣба, и, за немногими какъ онъ писалъ исключеніями, всѣ тяжести перевезены были на лѣвый берегъ р. Цхенисъ-Цхали, откуда онъ съ дѣятельностію продолжалъ дальнѣйшую перевозку запасовъ изъ Марани въ Кутаисъ.

Военныя дѣйствія на границахъ Гуріи.

Во все это время, турки не предпринимали настоящихъ военныхъ дѣйствій со стороны Гуріи, гдѣ происходили только маловажныя движенія, хотя отрядъ командуемый Мустафа-Пашею въ Кобулетахъ и усилился новыми подкрѣпленіями, привезенными съ моря. Легви и Очхамури заняты были регулярными отрядами непріятеля, впереди же ихъ было разсыпано по лѣсу множество баши-бозуковъ. 29-го Октября, 400 человѣкъ регулярной пѣхоты, выйдя изъ Николаевска, направились къ уничтоженному нами Чохатскому мосту, но послѣ завязавшейся перестрѣлки съ высланными отъ насъ милиціонерами, непріятель отступилъ къ Николаевску, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными.

30-го Октября, турки густою массою пѣхоты и конницы двинулись на селеніе Лихаури, гдѣ они были встрѣчены всею собранною тамъ Гурійскою милиціею, подъ начальствомъ кн. Малакія Гуріеля. Бой продолжался болѣе часа, послѣ чего милиція, уступая численному перевѣсу, отступила за устроенные позади завалы. Непріятель не преслѣдовалъ гурійцевъ, съ приближеніемъ же вечера оставилъ Лихаури и возвратился къ р. Чолокъ.

Наша потеря заключалась въ 3-хъ убитыхъ и 5-ти раненыхъ милиціонерахъ.

Новыя подкрѣпленія высылаемыя къ Гурійскому отряду.

Хотя Омеръ-Паша не преслѣдовалъ Мухранскаго при обратномъ движеніи его, но не менѣе того, кн. Бебутовъ, получивъ первое извѣстіе объ отступленіи Гурійскаго отряда, нашелъ необходимымъ еще усилить его, независимо отъ тѣхъ трехъ баталіоновъ и двухъ горныхъ орудій, объ отправленіи которыхъ въ Кутаисъ было выше сказано. Вслѣдствіе сего, онъ направилъ въ Кутаисъ изъ Ахалцыхскаго отряда два баталіона резервной дивизіи, именно: Грузинскій и Кавказскій линейные въ полномъ ихъ составѣ, подъ начальствомъ командира Кавказской резервной бригады полковника Ляпунова, замѣнивъ ихъ на мѣстахъ тогдашняго ихъ расположенія, нѣсколькими ротами Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка. Кромѣ сего, главнокомандующій приказалъ послать изъ Ахалцыха еще два баталіона Бѣлостокскаго полка; а дабы не ослаблять обороны Ахалцыхскаго уѣзда, онъ назначилъ двумъ баталіонамъ Бѣлостокскаго полка, съ 8-ю легкими орудіями и съ одною сотнею Гурійской пѣшей милиціи, находившимся въ отрядѣ ген. Базина подъ Карсомъ при с. Омарага, слѣдовать въ Ахалцыхъ; касательно же артиллеріи, предоставилъ кн. Бебутову взять оной сколько бы онъ призналъ нужнымъ изъ Ахалцыха, гдѣ ее было достаточно; независимо отъ сего Бебутову указано было на батарейную № 2-го батарею 13-й артиллерійской бригады, отправленную за излишествомъ 7-го октября изъ подъ Карса въ Тифлисъ и на 4 орудія батарейной № 5-й батареи 21-й артиллерійской бригады, оставшіяся въ запасѣ въ теченіи всего лѣта на Царскихъ колодцахъ *).

Воззваніе къ жителямъ.

Около того же времени, кн. Бебутовъ призывалъ жителей Имеретіи, Мингреліи и Гуріи къ возстанію противъ непріятеля, особымъ посланіемъ распространеннымъ по всему краю; за тѣмъ послѣдовало отъ намѣстника кавказскаго воззваніе къ князьямъ, дворянамъ, духовенству и людямъ всѣхъ сословій въ томъ

*) О сихъ распоряженіяхъ для усиленія Гурійскаго отряда, значится въ шестой главѣ описанія кампаніи.

краѣ. Воззваніе сіе было принято жителями, преимущественно въ той части страны, которая была еще свободна отъ непріятельскаго вторженія, т. е. въ Имеретіи и Гуріи, съ полною готовностью, выразившеюся насамомъ дѣлѣ при сборѣ ополченій, не измѣнившихъ воинственному духу коимъ издавна знаменуются сіи народы *).

О сочувствіи жителей къ этимъ воззваніямъ, упоминаетъ и Рюстовъ. Омеръ-Паша, говоритъ онъ далѣе, старавшійся кротостію сыскать себѣ расположеніе мингрельцевъ, принужденъ былъ разстаться съ новыми союзниками своими магометанскими абхазцами, которые черезмѣрно предавались грабежамъ и разбоямъ; по словамъ его, и англичане сопровождавшіе Омеръ-Пашу, наконецъ убѣдились, что союзы съ малыми горскими князьями, могли болѣе служить помѣхою, чѣмъ помощію въ христіанскихъ странахъ Закавказскаго края; ибо ихъ образъ войны, неминуемо велъ къ ожесточенію жителей и тѣмъ самымъ къ лишенію войскъ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей.

Выступленіе Омера изъ Зугдиди.

Омеръ-Паша, какъ выше было видно, не тревожилъ Гурійскаго отряда въ отступленіи его; онъ провелъ пять дней въ Зугдиди въ распоряженіяхъ для доставленія изъ Сухума продовольствія. Авангардъ его, состоявшій изъ 6-ти баталіоновъ, (въ томъ числѣ и стрѣлковые) и изъ 600 человѣкъ кавалеріи при 2-хъ легкихъ орудіяхъ и нѣсколькихъ горныхъ мортиркахъ, выступилъ 1-го Ноября изъ Зугдиди подъ командою Искендеръ-Паши. 3-го Ноября Омеръ-Паша самъ двинулся со всею арміею и расположился лагеремъ при с. Цаиши. 5-го Ноября онъ прошелъ черезъ с. Хопи до с. Холони; на пути своемъ турки овладѣли, какъ пишутъ иностранцы, 12,000-ми овчинъ, оставленными нами при сожженныхъ баракахъ**). Въ Хопи, Омеръ-Паша

---

*) О семъ воззваніи также упомянуто въ предшествующей главѣ.

**) Подъ сими овчинами надобно разумѣть полушубки нижнихъ чиновъ, которые были оставлены или истреблены со всѣмъ имуществомъ ихъ и цейхгаузами. Впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не было тутъ у насъ и 3,000 полушубковъ.

осматривалъ находящійся тамъ извѣстный древностію своею монастырь, по коему провожалъ его оставшійся на своемъ мѣстѣ престарѣлый настоятель или монахъ. Въ с. Холони, турецкая армія вышла на дорогу ведущую изъ Редутъ-Кале въ Кутаисъ; продолжая движеніе свое, она прибыла 6-го числа къ нашему бывшему Сахарбедскому казачьему посту, гдѣ расположилась лагеремъ на берегахъ р. Цивы; авангардъ арміи былъ выдвинутъ къ с. Сенаки на рѣку Техуръ, черезъ которую Искендеръ-Паша построилъ мостъ. Высланная имъ оттуда конная партія, встрѣтилась 7-го Ноября съ разъѣздомъ Донскихъ казаковъ, посланнымъ отъ насъ на правый берегъ р. Цхенисъ-Цхали; въ происшедшей по сему случаю между селеніями Гезяти и Онтопо сшибкѣ, у насъ убитъ одинъ урядникъ. Олифантъ пишетъ, что кромѣ того взято было два казака въ плѣнъ.

Измѣненіе Омеромъ операціонной линіи.

Послѣ медленнаго шествія турецкой арміи отъ Зугдиди до р. Цивы, Омеръ-Паша остановился лагеремъ при с. Текляши, гдѣ онъ рѣшился измѣнить направленіе растянутой и неудобной операціонной линіи своей изъ Сухумъ-Кале, избравъ другую гораздо кратчайшую линію изъ Редутъ-Кале по шоссейной дорогѣ, соединяющейся позади его лагеря съ дорогою, по которой онъ двигался. Сообразно съ симъ, онъ направилъ всѣ подвозы моремъ на Редутъ-Кале и занялся устройствомъ магазиновъ и исправленіемъ дорогъ, что его задержало около двухъ недѣль на р. Цивѣ *).

*) Обсуживая дѣйствія турецкаго главнокомандующаго, Рюстовъ замѣчаетъ: что съ 13-го Октября по 18-е Ноября, т. е. въ теченіи 37-ми дней, Омеръ-Паша перешелъ 15 миль; слѣдовательно, подвигался онъ впередъ въ однѣ сутки безъ малаго только на полмилю. Еслибъ онъ предпринялъ наступленіе свое отъ Редутъ-Кале, то двигаясь такимъ же образомъ, перешелъ бы къ этому времени четыре мили за Кутаисъ; но такъ какъ Омеръ началъ движеніе свое отъ Сухумъ-Кале и наконецъ нашелся вынужденнымъ, перенести основный пунктъ своей операціонной линіи въ Редутъ-Кале, то онъ въ сущности подвинулся впередъ всего только на три съ половиною мили—разстояніе между Редутъ-Кале и рѣкою Цива. И такъ можно сказать, заключаетъ Рюстовъ, что съ 13-го Октября по 18-е Ноября, Омеръ-Паша ежедневно подвигался впередъ не болѣе какъ на 1,000 шаговъ и что продолжая шествіе свое такимъ ходомъ, онъ могъ поспѣть въ Тифлисъ, не прежде февраля мѣсяца 1857 года. (Въ семъ замѣчаніи Рюстова сохраненъ новый стиль).

Депеша Симмонса къ Кларендону, о силахъ Омера.

Едва войска расположились на р. Цивѣ, какъ Симмонсъ, на котораго возложены были сношенія Омеръ-Паши съ властями союзныхъ державъ, послалъ къ лорду Кларендону отъ $\frac{7}{19}$ Ноября депешу, въ коей онъ между прочимъ писалъ, что «хотя въ турецкой арміи и числилось всего до 40,000 человѣкъ, но что она не будетъ въ состояніи держаться передъ Кутаисомъ или въ самомъ городѣ, если къ этому времени на усиленіе русскихъ прибудетъ изъ подъ Карса армія Муравьева, потому что въ настоящее время у Омеръ-Паши не было болѣе 20,000 человѣкъ подъ ружьемъ; вслѣдствіе чего потребуются значительныя и дѣйствительныя подкрѣпленія, безъ которыхъ нельзя было далеко вдаваться въ край для встрѣчи непріятеля».

Симмонсъ продолжаетъ, что Омеръ-Паша не могъ воспользоваться десяти-тысячнымъ Батумскимъ отрядомъ Мустафы-Паши, пока положительнымъ образомъ не обнаружилась настоящая экспедиція, предпринятая для освобожденія Карса; тѣмъ болѣе не могъ онъ сдѣлать сего, что Батумское войско было очень разстроено отъ дурнаго управленія онымъ и отъ болѣзней, и что хотя кое какъ пособили симъ недостаткамъ, но къ веснѣ слѣдующаго года нельзя было разсчитывать болѣе какъ на 6,000 человѣкъ изъ Батума. Кромѣ того, необходимо было оставить сильные отряды войскъ для охраненія магазиновъ въ Сухумъ-Кале и въ с. Очамчири, для огражденія Зугдиди и для сохраненія сообщеній въ тылу арміи, такъ, что «когда она достигнетъ Кутаиса, то» — повторяетъ Симмонсъ, «въ арміи Омера не будетъ болѣе 20,000 человѣкъ».

Далѣе онъ пишетъ, что если справедливо, дошедшее до него извѣстіе «о выступленіи ген. Муравьева изъ подъ Карса для подкрѣпленія Мухранскаго въ Имеретіи, то на сторонѣ русскихъ будетъ превосходство силъ, противъ которыхъ турки не въ состояніи будутъ держаться. Впрочемъ соединеніе русскихъ силъ» по взгляду Симмонса «нельзя было ожидать прежде весны». Онъ оканчиваетъ депешу свою къ Кларендону, изложеніемъ мнѣнія своего, что «если настоящими успѣхами обязаны войскамъ прибывшимъ изъ подъ Севастополя, по согласію британскаго и французскаго правительствъ, то дальнѣйшихъ успѣ-

ховъ можно будетъ достичь, только по сформированіи сильнаго резерва, подъ командою Омеръ же Паши, изъ турецкихъ войскъ служившихъ въ Румиліи или въ Крыму».

Наконецъ полились столь давно ожидаемые нами дожди; вскорѣ за тѣмъ поля и дороги превратились въ непроходимыя топи, а рѣки и ручьи—въ быстрые и глубокіе потоки. Сорвало выстроенный въ авангардѣ Омера, Скендеръ-Пашею, на р. Техуръ, мостъ; той же участи подвергся сооруженный турками мостъ на р. Цивѣ. Пока стояла еще хорошая погода, Омеръ не рѣшался преслѣдовать Мухранскаго и не воспользовался успѣхомъ, который пріобрѣлъ на Ингурѣ; если бы въ это время полились дожди, то Мухранскому было бы крайне затруднительно переправляться въ отступленіи своемъ черезъ разлившіеся въ тылу его потоки, подъ натискомъ турецкой арміи. Измѣнившаяся погода указывала Омеръ-Пашѣ, что ему слѣдовало остановиться не своевременнымъ и запоздалымъ вторженіемъ своимъ въ Мингрелію; но онъ и сего не сдѣлалъ, а промедлилъ долгое время въ приготовленіяхъ на Цивѣ; пустился же онъ, какъ далѣе будетъ видно, впередъ, едва ли достаточно взвѣсивъ остававшіяся въ пользу его условія, въ позднее время года, и тогда, какъ Мухранскій успѣлъ уже собрать силы свои и изготовиться къ твердому отпору въ выгодной позиціи, на лѣвомъ берегу широкой и быстрой рѣки Цхенисъ-Цхали. По свѣдѣніямъ Рюстова, который не передаетъ ихъ за положительныя, Омеръ-Паша побужденъ былъ къ сему наступательному движенію будто бы письмомъ, полученнымъ имъ отъ Шамиля, извѣщавшаго, что онъ пресѣкъ близь Дербента сообщенія наши вдоль Каспійскаго моря; но ничего подобнаго въ Дагестанѣ не случилось, а еслибы это и было справедливо, то событіе сіе по отдаленію своему отъ театра войны, не могло имѣть вліянія на дѣйствія въ Мингреліи, гдѣ дѣла наши должны были въ скоромъ времени получить какой-либо исходъ — по видимому въ нашу пользу—и даже блистательный. Но надежды на сей блистательный исходъ скоро рушились вслѣдствіе распоряженій кн. Мухранскаго.

Измѣненіе погоды. Дожди.

Истребление Мухранским нашихъ запасовъ.

Кн. Мухранскій, находя, что невозможно было отдѣлять особыхъ частей войскъ, для охраненія переправъ на р. Цхенисъ-Цхали, близъ Маранской почтовой станціи, и на Ріонѣ при устьяхъ р. Цхенисъ-Цхали, предалъ пламени устроенные на этихъ мѣстахъ мосты, равно приказалъ сжечь Маранскій временный госпиталь и Маранскіе магазины, тогда какъ непріятель еще нигдѣ не показывался впереди занимаемой нами позиціи, и тогда какъ хлѣбные запасы наши были сложены въ бунтахъ на лѣвомъ же берегу р. Цхенисъ Цхали, прикрывавшей доступъ къ нимъ, какъ и къ нашей позиціи. Эти разрушительныя дѣйствія совершились въ два пріема: ночью съ 7-го на 8-е Ноября и послѣ полудня 8-го Ноября. Истреблена были огнемъ также вся Ріонская флотилія наша, которую, какъ говорили, по мелководію Ріона, затруднялись ввести выше въ рѣку; сожжены всѣ казенныя строенія, уничтожены запасы инженернаго рабочаго инструмента и проч. При этомъ, какъ доносилъ Мухранскій, вывезено изъ Марани все, что дозволяли перевозочныя средства и между прочимъ, артиллерійскіе запасы *).

Гурійскій отрядъ съ подкрѣпленіями въ сборѣ на р. Цхенисъ-Цхали.

8-го Ноября, въ самое время втораго пожара, присоединился къ отряду Мухранскаго на правомъ берегу Ріона и на лѣвомъ р. Цхенисъ-Цхали, ген.-маіоръ Бруннеръ съ колонною, выступившею по прежнимъ распоряженіямъ изъ Гуріи съ Чехатаурскихъ высотъ, гдѣ она въ послѣднее время находилась. Въ тотъ же день прибыли къ кн. Мухранскому передовыя войска, изъ числа отправленныхъ на усиленіе Гурійскаго отряда семи баталіоновъ, т. е. выступившіе прежде другихъ изъ Тифлиса 3 баталіона: 2 Тенгинскаго пѣхотнаго и 1-нъ Кубанскаго егерскаго

---

*) Такое всеобщее истребленіе хлѣбныхъ запасовъ нашихъ, собранныхъ и свезенныхъ въ сей отдаленный край, по весьма труднымъ дорогамъ и съ большимъ иждивеніемъ, имѣло послѣдствіемъ—перезимованіе турецкой арміи въ Мингреліи и удаленіе кн. Мухранскаго отъ командованія Гурійскимъ отрядомъ. Непонятный поступокъ Мухранскаго, служилъ въ то время предметомъ многихъ толковъ. Для объясненія этого прискорбнаго событія, поручено было кн. Бебутову, собрать полныя свѣдѣнія о частностяхъ сопровождавшихъ оное. Результатъ сдѣланныхъ имъ по сему дѣлу офиціальныхъ розысканій, показанъ въ приложеніяхъ подъ букв. Jj.

полковъ съ 2-мя горными орудіями, такъ, что въ Гурійскомъ отрядѣ къ 8-му Ноября собралось уже, при достаточномъ количествѣ артиллеріи, 20 баталіоновъ. Изъ нихъ 10 были поставлены въ центрѣ позиціи при с. Ганири; боковыя же колонны, каждая изъ 5-ти баталіоновъ, въ Кулашахъ и въ Хони. Впереди ихъ, по теченію рѣки, выставлены были караулы изъ милиціи, за коими размѣстили конницу, какъ ближайшій къ нимъ резервъ. Въ этомъ расположеніи Мухранскій ожидалъ нападенія непріятеля, съ коимъ онъ, считая и мѣстное ополченіе, находился тогда въ равныхъ числительныхъ силахъ. Онъ имѣлъ передъ турками преимущество крѣпкой позиціи и кромѣ того, ожидались въ подкрѣпленіе еще четыре сильные баталіона.— Всѣ эти условія къ успѣху имѣлись у Мухранскаго въ виду, когда онъ приступилъ къ истребленію нашихъ запасовъ. Мухранскій писалъ отъ 8-го Ноября къ кн. Бебутову, что приметъ оборонительный бой и если обстоятельства дозволятъ, то перейдетъ самъ въ наступленіе *). Но непріятель не являлся, и передовая кавалерія его показалась только черезъ два дня послѣ пожара, т. е. 10-го числа, на р. Цхенисъ-Цхали, а 12-го отступила, какъ то будетъ далѣе видно.

Движенія и стычки на правомъ берегу р. Цхенисъ-Цхали.

По официальнымъ донесеніямъ Мухранскаго, разъѣзды непріятельскаго авангарда, коимъ командовалъ Фергадъ-Паша, 10-го числа, появились на правомъ берегу р. Цхенисъ-Цхали, по временамъ перестрѣливаясь съ нашею милиціею. По донесенію его отъ 12-го Ноября, главныя силы непріятеля перешли отъ р. Цивы къ р. Техуръ, откуда одинъ эшелонъ выдвинулся даже до р. Абаши; но обстоятельство сіе—о выступленіи въ ту пору Омеръ-Паши изъ Цивскаго лагеря, неудостовѣряется свѣдѣніями иностранныхъ повѣствователей, которые передаютъ, что главныя турецкія силы, двинулись отъ р. Цивы впередъ

*) Такое намѣреніе Мухранскаго—принять бой—не замѣтно изъ помѣщенной въ приложеніяхъ подъ букв. К.к копіи съ даннаго имъ ген. Миронову предписанія, изъ коего напротивъ того видно, что онъ, въ случаѣ приближенія турокъ къ устью р. Цхенисъ-Цхали, располагалъ, по истребленіи нашихъ запасовъ, отступить къ Кутаису.

только $\frac{20\ \text{Ноября}}{2\ \text{Декабря}}$; къ Абашѣ же передвинулась, по видимому, только часть пѣхоты, находившаяся въ турецкомъ авангардѣ.

По донесенію Мухранскаго, поручикъ Мингрельской милиціи кн. Александръ Пагава, узнавъ, что какой-то турецкій Паша, производившій съ частью кавалеріи рекогносцировку праваго берега рѣки Цхенисъ-Цхали, возвращался по р. Абашѣ въ свой лагерь, устроилъ 12-го Ноября около с. Дзигури, что между с. с. Абаша и Онтопо, засаду изъ 52 человѣкъ охотниковъ, преимущественно однофамильныхъ и родственныхъ ему князей и дворянъ. Въ сумерки, турецкій отрядъ приблизился къ мѣсту засады и былъ встрѣченъ сперва ружейнымъ залпомъ, а потомъ ударомъ въ шашки. Это неожиданное нападеніе привело непріятеля въ смятеніе; нѣкоторые отстрѣливались, но большая часть обратилась въ бѣгство. На мѣстѣ осталось тѣло знатнаго Убыхскаго князя Чуи и еще два трупа. Со стороны Мингрельцевъ раненъ былъ только одинъ человѣкъ. Послѣ сего, Фергадъ-Паша того же дня перешелъ обратно за рѣку Техуръ. По носившимся слухамъ, происшествіе это такъ взволновало Фергадъ-Пашу, что онъ велѣлъ задержать Мингрельцевъ попадавшихся ему на пути и, для наведенія страха, приказалъ надъ ними сдѣлать всѣ приготовленія къ смертной казни, но потомъ отпустилъ ихъ.

Судя по подобному происшествію, разсказанному въ запискахъ Олифанта, полагать должно, что паша этотъ былъ самъ Фергадъ-венгерскій выходецъ Штейнъ. Въ дневникѣ Олифанта сказано, что Фергадъ-Паша! занимаясь рекогносцировкою и побужденіемъ жителей къ построенію разрушенныхъ нами мостовъ, подъѣзжалъ къ одному селенію въ сопровожденіи находившихся у него въ конвоѣ нѣсколькихъ *черкесскихъ* всадниковъ, замѣнившихъ при немъ отосланныхъ въ дома свои абхазцевъ. Жители селенія сего, увидѣвъ приближеніе горцевъ и опасаясь быть разграбленными, собрались во множествѣ съ оружіемъ для защиты своихъ домовъ и семействъ. Едва хотѣли они броситься на пріѣзжихъ, какъ горцы, которыхъ повѣствователь называетъ черкесами, поспѣшно ускакали, предоставивъ Фергадъ-Пашѣ съ своимъ адъютантомъ, выбраться изъ

опасности какъ онъ самъ зналъ, въ чемъ онъ не безъ малаго труда успѣлъ.

Въ вышеназванномъ дневникѣ также упоминается о безпорядкахъ производимыхъ этими горцами по деревнямъ, отъ чего возмущались жители и за что грабители были наказываемы англійскими офицерами; когда же о томъ доведено было до свѣдѣнія Омеръ-Паши, то онъ отвѣчалъ, что въ небольшихъ грабежахъ, черкесамъ не должно было препятствовать, потому что они не получали ни жалованья, ни хлѣба.

Для ближайшаго наблюденія за непріятелемъ, 18-го Ноября, ген. маіоръ кн. Григоріи Дадіанъ отправился съ Имеретинскими конными дружинами и двумя сотнями линейныхъ казаковъ на р. Техуръ къ с. Накалакеви. Весь Гурійскій отрядъ былъ сосредоточенъ около с. Хони, для дѣйствій на правомъ или лѣвомъ берегу р. Цхенисъ-Цхали, смотря по обстоятельствамъ. Между тѣмъ вода въ р. Цхенисъ-Цхали поднялась отъ дождей до такой степени, что всякое сообщеніе съ одного берега на другой прекратилось и осталось доступнымъ только для одиночныхъ отважныхъ и привычныхъ всадниковъ, почему ген. маіоръ кн. Григорій Дадіанъ, видя постепенную прибыль воды, возвратился съ кавалеріею на лѣвый берегъ рѣки. Пѣхота Гурійскаго отряда снова заняла прежнее расположеніе свое, отдѣльными колоннами вдоль рѣки, отъ Хони до Кулаши.

Выступленіе Омера съ береговъ рѣки Цивы.

20-го Ноября, Омеръ-Паша наконецъ оставилъ берега р. Цивы и тронулся съ арміею впередъ, во время сильной бури продолжавшейся цѣлый день. Войско его дошло до р. Техуръ и на берегу оной разбило свои палатки. Главная квартира расположилась въ Сенаки, гдѣ размѣстили по домамъ и стрѣлковые баталіоны. Мѣстечко это, въ коемъ производилась еще продажа кое-какихъ съѣстныхъ припасовъ при занятіи онаго турецкимъ авангардомъ, по видимому потерпѣло въ нынѣшній разъ отъ прилива войскъ, коего люди вламывались въ запертые дома удалившихся обывателей *).

*) Въ красивомъ мѣстечкѣ семъ имѣла домъ свой и проживала до вторженія турокъ первая жена кн. Михаила Шервашидзе, княгиня Минии Дадіанъ. Тутъ же проводила часть лѣта правительница Мингреліи со своимъ семействомъ.

Переправа через р. Техуръ.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, турецкая армія приступила къ переходу черезъ рѣку Техуръ, на коей, разрушенный водою мостъ былъ замѣненъ кладками для пѣшеходовъ. Хотя равнина на которой собралось войско была гораздо выше рѣки, но люди стояли по колѣно въ грязи, среди коей валились обовьюченныя лошади и останавливались пушки. По ниже моста устроенъ былъ, для опыта, на двухъ понтонахъ паромъ черезъ рѣку, разлившуюся въ семъ мѣстѣ на 25 сажень ширины. Люди по одиночкѣ перебирались по нетвердымъ кладкамъ и выстроивались на противуположной сторонѣ; орудія же начали бережливо опускать съ берега и становить на паромы. Но при такихъ затрудненіяхъ, переправа крайне замедлялась, почему воспользовались вскорѣ открытымъ ниже сего мѣста бродомъ, по коему потянулись черезъ быстрый потокъ длинныя вереницы конницы, пѣхоты и артиллеріи, хотя воды́ для пѣшеходовъ и было въ поясъ. На переправѣ присутствовалъ верхомъ Омеръ-Паша, окруженный своимъ штабомъ *).

Лагерь Омера при Абаша.

Съ открытіемъ брода, ускорилась переправа, такъ что спустя нѣсколько послѣ полудня, вся армія была уже на походѣ; погода разведрилась и войско, двигавшееся до темноты, съ наступленіемъ ночи расположилось лагеремъ близъ небольшаго потока, съ котораго мостъ, устроенный обывателями, былъ также снесенъ водою. На слѣдующее утро 22-го Ноября, армія продолжала путь свой по колѣно въ грязи, часто останавливаясь для перехода черезъ встрѣчавшіяся глубокія рѣчки, и расположилась лагеремъ близъ селенія Абаша, въ нѣскольких верстахъ отъ рѣки Цхенисъ-Цхали. Тутъ Омеръ-Паша объѣхалъ все свое войско, возбуждая въ людяхъ духъ обѣщаніями, что они на слѣдующій день вступятъ въ дѣло.

Ночная тревога.

Къ ночи полилъ опять сильный дождь, такъ что лучшія палатки протекали. Передъ свѣтомъ слѣдующаго дня, въ лагерѣ сдѣлалась общая тревога, по случаю услышанныхъ вблизи ружейныхъ выстрѣловъ. Вмигъ, вся армія стала въ ружье, но

*) Описаніе переправы, черезъ р. Техуръ, позаимствовано изъ дневника Олифанта.

посланный разъѣздъ никого болѣе не засталъ. Для раскрытія обстоятельства сего, Балардъ былъ отправленъ, не взирая на продолжавшійся ливень, съ двумя баталіонами стрѣлковъ на рекогносцировку въ ту сторону откуда слышались выстрѣлы; но онъ ничего не открылъ, кромѣ конскихъ слѣдовъ подъѣзжавшихъ всадниковъ. Между тѣмъ во́ды усилились съ такою быстротою, что небольшая рѣчка, за которою стояла палатка Омеръ-Паши, сдѣлалась въ теченіи ночи непроходимою, какъ для пѣшихъ, такъ и для конныхъ людей.

Рекогносцировки.

23-го Ноября сдѣланы были рекогносцировки къ берегамъ Цхенисъ-Цхали. Симмонсъ и Балардъ предприняли обзоръ внизъ до устья рѣки, Скендеръ же Паша вверхъ по теченію до с. Хони. Они нашли, что рѣка разлилась болѣе чѣмъ на 200 шаговъ въ ширину, увлекая въ стремительномъ теченіи своемъ острова сложившіеся изъ кустовъ растеній и даже части береговъ, отдѣлявшихся отъ материка съ каменными обломками. Англичане видѣли черезъ рѣку кое-гдѣ передовыхъ людей нашихъ, которые по нимъ сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ; они замѣтили также вдали часть нашихъ войскъ и убѣдились, что доступа къ нимъ не было, хотя жители и показали имъ нѣсколько мѣстъ на коихъ, въ иное время имѣлись броды черезъ рѣку.

Положеніе турецкой арміи.

Во все это время облака разражались по равнинѣ, на которой стояла турецкая армія и обратили лагерное мѣсто ея въ совершенное болото. Не только лошади, неимѣвшія ни крыши ни продовольствія, много пострадали отъ такого состоянія погоды, но и люди стали нуждаться, такъ что нѣкоторые солдаты турецкихъ пѣхотныхъ полковъ покупали сухари въ стрѣлковыхъ баталіонахъ, снабженныхъ продовольствіемъ лучше первыхъ, платя по десяти паръ за каждый сухарь. Кромѣ того вся армія Омера нуждалась въ обуви *).

Такимъ образомъ провелъ Омеръ-Паша съ войскомъ своимъ 24 и 25 Ноября подъ безпрерывнымъ проливнымъ дождемъ, растворившимъ почву въ коей утопала турецкая армія. Реког-

*) Предметъ, который никогда не былъ обезпеченъ въ турецкой регулярной пѣхотѣ удовлетворительнымъ образомъ.

носцировки слѣдовали одна за другою, не доставляя новыхъ свѣдѣній; военные совѣты безпрестанно собирались, не приводя ни къ какому рѣшенію:—поводы къ наступленію или къ отступленію, оставались тѣ же самые.

V.

Отступленіе Омеръ-Паши.

Вѣсть о паденіи Карса.

25-го Ноября вечеромъ, пріѣхалъ къ Омеръ-Пашѣ комендантъ изъ Редутъ-Кале съ извѣстіемъ о паденіи Карса—и вѣсть сія рѣшила колебанія турецкаго главнокомандующаго. Къ намъ доходили слухи, что послѣ долгаго разговора съ комендантомъ онъ сказалъ ему: «мы лишились Карса, продовольствія у меня нѣтъ, люди мои болѣютъ, перевозочныя средства уничтожились отъ недостатка въ фуражѣ, я нахожусь посреди края самаго бѣднаго, гдѣ нельзя ничего достать; при этомъ, слякоть ужасная, русскіе получили подкрѣпленія и мнѣ нельзя здѣсь долѣе оставаться, тѣмъ болѣе, что я не достигъ своей цѣли—помочь Карсу». Онъ въ тотъ же день отправилъ въ обратный путь понтоны съ артиллеріею, кромѣ горной, и самъ поѣхалъ съ черкескою кавалеріею на Циву, приказавъ войскамъ, на слѣдующій день выступить туда же.

Отступленіе неприятеля.

25-го же числа дождь прекратился. Не взирая на все претерпѣнное во время похода войсками Омера, приказаніе къ отступленію было принято не безъ ропота нижними чинами *), которыхъ передъ симъ обнадеживали зимовыми квартирами, по крайней мѣрѣ въ Кутаисѣ. Составленный для прикрытія отступленія главныхъ силъ аріергардъ изъ отборной пѣхоты и штуцерныхъ баталіоновъ при нѣсколькихъ горныхъ орудіяхъ съ частью кавалеріи, остановился 27-го Ноября на разсвѣтѣ на р. Абаша, подъ начальствомъ Скендеръ-Паши. Того же числа къ вечеру, аріергардъ, тревожимый преслѣдованіемъ нашихъ конныхъ партій, переправился на правый берегъ Техура.

*) Олифантъ.

Хотя дождь прекратился и вода начала сбывать, но весьма медленно. Не было никакой возможности перевести главныя силы наши на правый берегъ рѣки Цхенисъ-Цхали, и потому должно было ограничиться отправленіемъ въ Мингрелію конныхъ отрядовъ и милиціи для преслѣдованія непріятеля.

26-го числа переправился черезъ Цхенисъ-Цхали противъ с. Хони ген.-маіоръ кн. Дадіанъ, въ сопровожденіи прибывшихъ къ нему изъ Мингреліи охотниковъ, съ которыми онъ направился къ с. Бандза: Полковникъ кн. Дмитрій Шервашидзе съ линейными казаками и сводною командою мѣстныхъ всадниковъ подъ начальствомъ гвардіи ротмистра кн. Дмитрія Гуріеля, переправился черезъ рѣку у с. Ганири и направился къ Абашѣ; штабъ-ротмистръ же кн. Микеладзе, стоявшій съ тремя стрѣлковыми Имеретинскими сотнями у с. Гезати, на правомъ берегу Цхенисъ-Цхали, двинулся вслѣдъ за непріятелемъ по большой дорогѣ на Онтопо.

Того же числа вечеромъ, полковникъ кн. Дмитрій Шервашидзе, узнавъ, что часть непріятельской кавалеріи прибыла для фуражировки въ с. Сепіети, двинулся къ этому мѣсту, находившемуся въ тылу турецкаго аріергарда. Едва появились казаки и милиціонеры, какъ турецкая кавалерія обратилась въ бѣгство; но баталіонъ пѣхоты, прикрывавшій ее, открылъ сильный огонь. Перестрѣлка продолжалась около двухъ часовъ, послѣ чего непріятель отступилъ къ главнымъ силамъ своимъ на Абашу, подобравъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. Нашъ уронъ состоялъ изъ 2-хъ убитыхъ и 6-ти раненыхъ. Преслѣдованіе.

Штабъ-ротмистръ кн. Микеладзе, подъ вечеръ открылъ изъ лѣса ружейный огонь по части турецкаго аріергарда, которая только что начала разбивать свой лагерь на лѣвомъ берегу Абаши. Встревоженные этимъ турки, сняли свои палатки и перешли на правый берегъ, подъ прикрытіемъ своихъ стрѣлковъ.

Въ продолженіи дня 27-го числа, турецкія главныя силы расположились между рѣками Техуръ и Цива, имѣя аріергардъ на мѣстѣ бывшей Техурской станціи. Между тѣмъ кн. Дмитрій Шервашидзе достигъ боковою дорогою черезъ с. Котіанеты, Экскихъ высотъ. Узнавъ о появленіи турокъ въ Сенаки, кн. Шер-

вашидзе отправилъ 28-го числа въ это мѣстечко 400 человѣкъ, прибывшихъ къ нему доброконныхъ Имеретинскихъ милиціонеровъ подъ начальствомъ маіора кн. Цулукидзе; линейные казаки и прочіе милиціонеры составили резервъ. При появленіи нашихъ въ с. Сенаки, непріятельская кавалерія ускакала. Находившаяся на базарѣ команда штуцерныхъ людей, застигнутая въ расплохъ, частію разбѣжалась по лѣсу, частію же была изрублена; одинъ изъ нихъ взятъ въ плѣнъ. Оттуда конница наша бросилась за собравшимся непріятелемъ къ дому княгини Миники, урожденной Дадіанъ; но здѣсь уже турки успѣли придти въ порядокъ и встрѣтили нашихъ выстрѣломъ изъ орудія. Полковникъ кн. Дмитрій Шервашидзе счелъ за лучшее прекратить наступленіе и возвратиться на Экскія высоты. Наша потеря заключалась въ одномъ убитомъ милиціонерѣ; непріятель на мѣстѣ оставилъ до 20-ти тѣлъ.

Ген.-маіоръ кн. Григорій Дадіанъ, къ вечеру 27-го числа также достигъ Экскихъ высотъ, откуда обозрѣлъ турецкій лагерь, расположенный на рѣкахъ Техурѣ и Цивѣ. На разсвѣтѣ 28-го числа, Мингрельскіе охотники напали на непріятельскій пикетъ, выставленный на рѣкѣ Тобучѣ; при этомъ, изъ числа четырехъ турокъ стоявшихъ на семъ пикетѣ, трое были убиты на мѣстѣ, а четвертый раненый успѣлъ уйти. Въ ту же ночь, Сахарбедскіе жители разрушили мостъ на р. Скуріи, что было на пути отступленія турокъ. Для возобновленія моста сего непріятель выслалъ на слѣдующій день баталіонъ.

Кромѣ этихъ дѣйствій, произведенныхъ нашими легкими отрядами, 27-го числа партія Мингрельцевъ, посланная ген.-маіоромъ кн. Григоріемъ Дадіанъ, напала вблизи Сенаки на турецкій пикетъ, состоявшій изъ трехъ человѣкъ, которые, обороняв-шись, всѣ погибли.

Не смотря на то, что вода въ р. Цхенисъ-Цхали опять поднялась отъ снова полившихся дождей, кн. Багратіонъ Мухранскій переправилъ 29-го Ноября черезъ сію рѣку сводно-стрѣлковую команду, составленную изъ людей вооруженныхъ штуцерами всего отряда. Ихъ перевезли черезъ рѣку на лошадяхъ и присоединили къ нимъ пять сотень Донскаго № 11-го полка

со всею конною Имеретинскою милиціею. Къ вечеру, кн. Мухранскій прибылъ въ с. Накалакеви. Казаки, посланные 30-го Ноября для рекогносцированія по лѣвому берегу Техура, нашли, что турки совершенно оставили рѣку сію и отступили къ Цивѣ. 1-го Декабря Мухранскій перешелъ на Экскія высоты, отправивъ казаковъ для преслѣдованія турокъ по большой дорогѣ.

Турецкая армія въ Холонѣ.

На разсвѣтѣ 2-го Декабря, казаки напали на часть турецкаго аріергарда, остававшуюся еще на лѣвомъ берегу р. Цивы. Непріятель перешелъ на правый берегъ подъ прикрытіемъ огня своихъ стрѣлковъ и уничтожилъ за собою переправу; при этомъ раненъ былъ одинъ казакъ. Между тѣмъ, наши штуцерные стрѣлки заняли лѣсистую высоту подлѣ большой дороги, по которой отступали турки, чѣмъ понудили непріятеля свернуть съ дороги и продолжать отступленіе свое по болотистому лѣсу. Къ вечеру того же дня, вся турецкая армія расположилась въ совокупности на Холонскихъ высотахъ, гдѣ остановился и Омеръ-Паша со своею главною квартирою, вблизи монастыря.

Нападеніе кн. Григор. Дадіанъ на Зугдиди.

Ген.-маіоръ кн. Григорій Дадіанъ, узнавъ, что въ Зугдиди находится незначительное число турецкой пѣхоты, предпринялъ нападеніе на это мѣстечко съ партіею Мингрельцевъ, въ числѣ 260-ти человѣкъ. 2-го Декабря, сдѣлавъ усиленный переходъ въ 75 верстъ, партія его расположилась на р. Джумѣ въ 4-хъ верстахъ отъ Зугдиди; на слѣдующій день въ $5\frac{1}{2}$ часовъ утра, тихо подойдя къ мѣстечку, Мингрельцы внезапно напали на оное съ разныхъ сторонъ. Тѣ изъ турокъ, которые находились на улицахъ, были тотчасъ же изрублены или взяты въ плѣнъ, но изъ оконъ домовъ посыпались пули; милиціонеры, увлеченные первою удачею, съ мужествомъ атаковали непріятеля въ строеніяхъ, и въ нѣкоторыхъ изъ оныхъ встрѣтили упорное сопротивленіе. Самая горячая схватка произошла внутри двухъ этажной кофейни, гдѣ князья Апакидзевы, выпустивъ всѣ патроны, ударомъ въ шашки, успѣли окончательно одолѣть своихъ противниковъ, уже въ верхнемъ этажѣ строенія. Домъ принадлежащій кн. Григ. Дадіанъ, былъ занятъ ротою непріятельской пѣхоты и его не могли взять, ни даже зажечь; но за исключеніемъ этого дома, послѣ трехъ съ половиною ча-

совъ боя, все мѣстечко было очищено отъ турокъ. Давъ партіи своей полчаса отдыха, кн. Григорій Дадіанъ отступилъ къ рѣкѣ Чанисъ-Цхали, а для ночлега остановился въ с. Кырцхи. Потеря наша состояла изъ трехъ убитыхъ, двадцати шести раненыхъ и тридцати шести контуженныхъ; лошадей убито пятьнадцать и ранено шесть. Потеря непріятеля была значительна; однихъ плѣнныхъ взято три офицера, тридцать два нижнихъ чина и шесть торговцевъ; сверхъ того въ руки Мингрельцевъ досталось много оружія, лошадей и другаго имущества.

Кн. Мухранскій на Холонскихъ высотахъ.

6-го Декабря, ген.-маіоръ кн. Багратіонъ Мухранскій съ сводно-стрѣлковою командою и съ кавалеріею полковника кн. Дмитрія Шервашидзе, занялъ высоты, тянущіяся къ сѣверу отъ большой дороги, между с. с. Холони и Хопи. Цѣль этого распоряженія заключалась въ томъ, чтобы отнять у непріятеля всякую возможность получать продовольствіе изъ окрестныхъ деревень.

Состояніе турецкой арміи.

По получавшимся тогда достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, турецкая армія терпѣла большую нужду и находилась въ бѣдственномъ положеніи. Появилась смертность между людьми; скотъ и лошади падали въ значительномъ количествѣ, такъ что въ мясномъ продовольствіи и въ перевозочныхъ средствахъ оказался большой недостатокъ *). По перенесеніи Омеръ-Пашею операціонной линіи изъ Сухумъ-Кале въ Редутъ-Кале, турецкія войска были выведены изъ Абхазіи, и сообщеніе съ моремъ учредилось отъ Редутъ-Кале по лѣвому берегу р. Хопи черезъ с. Хорги. Хотя дорога эта по сторонамъ обезпечивалась отъ нападенія непроходимыми болотами, но она была чрезвычайно топкая; провіантъ поднимали изъ Редута, сперва на каюкахъ по р. Хопи до Хоргинской церкви, откуда переносили его люди до лагеря на плечахъ. При этомъ и море въ то время было бурное, отъ чего затруднялось движеніе судовъ и замедлялась выгрузка.

*) Слухъ носился, что кн. Михаилъ Шервашидзе, возвратившійся послѣ перваго занятія турками Зугдиди, въ Абхазію, прислалъ Омеръ-Пашѣ на продовольствіе войскъ 100 коровъ, которыя онъ собралъ съ Самурзаканцевъ, и 200 вьючныхъ лошадей; но отъ этого незначительнаго пособія, положеніе турокъ не могло улучшиться.

О безпрестанныхъ стычкахъ, затруднявшихъ отступленіе и фуражировки непріятеля, упоминаютъ Рюстовъ и Олифантъ. Послѣдній изъ нихъ, въ особенности изображаетъ то разстроенное состояніе, въ которое пришла турецкая армія. Онъ пишетъ, что при ретирадѣ снова полились дожди — артиллерія на каждомъ шагу увязала въ грязи, по которой едва ползкомъ пробирались люди изнуренные отъ голода и усталости, подлѣ дороги же лежало множество издохшихъ лошадей. Обыватели принимали участіе въ ночныхъ тревогахъ причиняемыхъ отступавшимъ; нѣсколько разъ случалось, что часовые, стоявшіе не въ большомъ разстояніи отъ штабныхъ палатокъ, были застрѣлены; фуражиры не могли болѣе отдаляться отъ лагеря, и отъ того войско оставалось безъ мяснаго продовольствія. Всѣ сіи обстоятельства, какъ и неудачный исходъ кампаніи, много озабочивали Омеръ-Пашу, который рѣшился мѣрами жестокости остановить жителей *). По словамъ англійскаго повѣствователя, замѣтно было, что Омеръ-Паша въ то время упалъ духомъ **). **Иностранцы о состояніи турецкой арміи.**

Пока событія сіи совершались на правомъ берегу Ріона, ничего особеннаго не происходило на лѣвомъ берегу сей рѣки. У насъ носились слухи, что во время наступленія Омеръ-Паши, **Военныя дѣйствія въ Гуріи.**

---

*) Омеръ-Паша дѣйствительно разстрѣлялъ нѣсколько Мингрельцевъ. Олифантъ разсказываетъ объ одномъ случаѣ подобной казни; но передавая пустые толки носившіеся по турецкому лагерю, онъ пишетъ, что разстрѣленный былъ адъютантъ кн. Мухранскаго, переодѣтый въ мингрельское платье и пріѣзжавшій въ лагерь лазутчикомъ.

**) Олифантъ пишетъ, что Омеръ-Паша по собраніи арміи около Холонскаго монастыря, гдѣ онъ расположился со своею главною квартирою, принималъ одну изъ приближенныхъ особъ кн. Екатерины Дадіанъ, посланную къ нему правительницею Мингреліи съ графомъ Розмардюкъ (Rosmarduc), для принесенія жалобы на кн. Михаила Шервашидзе Абхазскаго, въ томъ, что онъ увелъ въ Абхазію 260 семействъ Самурзаканцевъ, жившихъ на островѣ Коки, гдѣ происходило сраженіе при переходѣ черезъ Ингуръ. До присоединенія Самурзакани къ Россіи, обладаніе Кокскими селеніями было постоянно предметомъ спора между владѣтелями Мингреліи и Абхазіи. Ходатайство княгини Дадіанъ осталось безъ послѣдствій; но по словамъ Олифанта, оно вѣроятно было бы уважено, еслибы просительница лично явилась на судъ Омера.

къ нему пріѣзжалъ Батумскій Мустафа-Паша и получилъ приказаніе дѣйствовать наступательно со стороны Гуріи; однако сей послѣдній не предпринималъ рѣшительныхъ дѣйствій.

При выступленіи изъ Гуріи ген. Бруннера съ отрядомъ на присоединеніе къ кн. Мухранскому, для защиты края сего оставались только одпѣ мѣстныя милиціи; но гурійцы, одушевленные присутствіемъ и дѣятельностію кн. Малакія Гуріеля, скрыли свои семейства и имущества въ безопасныхъ мѣстахъ и смѣло ожидали къ себѣ вторженіе турокъ. Разосланныя Омеръ-Пашею прокламаціи, были приняты ими съ негодованіемъ.

14-го Ноября, непріятельская партія перебралась для хищничества черезъ границу противъ Гуріамта, но была встрѣчена милиціонерами сотни кн. Александра Накашидзе и отражена съ урономъ.

19-го Ноября турки, перейдя Чолокъ, по направленію къ Озургети, завязали перестрѣлку съ милиціею, но къ вечеру отступили.

27-го Ноября многочисленная турецкая партія, составленная изъ пѣхоты и конницы, напала къ сторонѣ Озургети, на милиціонную цѣпь, которую заставила отступить къ бывшему карантину; но партія эта была удержана въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ ея, собравшеюся на тревогу изъ разныхъ мѣстъ милиціею, и возвратилась въ свои границы. Въ тоже время, другая партія, сильнѣе первой, проникла черезъ Богили и Бергенали до Натанебской переправы; но здѣсь она была встрѣчена тремя сотнями милиціи подъ начальствомъ кн. Михаила Накашидзе, опрокинута и преслѣдуема до самой границы. Потеря непріятеля неизвѣстна; съ нашей же стороны убитъ одинъ урядникъ и ранено шесть милиціонеровъ.

29-го Ноября, турецкая партія пробралась въ Гурію черезъ с. Лихаури, но встрѣченная двумя сотнями милиціи, высланными кн. Малакіемъ Гуріель, была опрокинута съ большою потерею, не подобравъ даже двухъ убитыхъ. Съ нашей стороны убитъ былъ завѣдывавшій сотнею Бахвской дружины.

Занятіе вновь Акедской позиціи.

Когда обозначилось отступательное движеніе Омеръ-Паши, кн. Мухранскій снова занялъ въ Гуріи прежнюю позицію на Акетскихъ высотахъ, пославъ для сего 9-й и 12-й Черномор-

скіе линейные баталіоны. Слабый отрядъ сей усиливался дружинами гурійскаго ополченія, которыя постоянно содержались въ полномъ составѣ, по распоряженію общаго начальника ихъ, маіора Мачаваріани. Занятіе нами вновь Акетской позиціи, успокоило гурійцевъ, во всякомъ случаѣ встревоженныхъ выводомъ всѣхъ войскъ нашихъ изъ ихъ края, и вмѣстѣ съ тѣмъ дало намъ способъ воспользоваться сохранившимся тамъ запасомъ продовольствія; ибо ген. Бруннеръ, при отступленіи своемъ изъ Акетъ, сдалъ, имѣвшіеся тамъ бараки и до 500 четв. сухарнаго провіанта, предводителю дворянства Озургетскаго уѣзда кн. Эристову, который сберегъ ихъ и сдалъ обратно нашимъ войскамъ въ цѣлости. Вскорѣ послѣ того, турецкія войска, находившіяся на границѣ, отодвинулись назадъ къ Чурукъ-Су и къ Батуму, оставивъ только наблюдательные посты изъ небольшаго числа баши-бозуковъ, и за тѣмъ Мустафа-Паша въ той сторонѣ болѣе не показывался.

Продолженіе военныхъ дѣйствій въ Мингреліи.

Обратимся теперь опять къ военнымъ дѣйствіямъ, происходившимъ въ Мингреліи, гдѣ, какъ выше было сказано, Омеръ-Паша стянулъ войска свои на позицію около с. Холони. Кн. Мухранскій остановился противъ него на высотахъ, за селеніями Хопи и Холони, со сводною командою штуцерныхъ людей всего Гурійскаго отряда съ казаками и милиціею. Излагаемыя здѣсь свѣдѣнія о сихъ дѣйствіяхъ почерпнуты изъ офиціальныхъ донесеній.

7-го Декабря, ген.-маіоръ кн. Григор. Дадіанъ, по возвращеніи изъ Зугдиди, присоединился съ находившеюся при немъ Мингрельскою милиціею къ легкому отряду кн. Багратіона Мухранскаго, на высотахъ между р. р. Хопи и Скурчи, противъ Холонской позиціи турецкаго корпуса.

12-го Декабря въ полдень, непріятель двинулся значительною массою регулярной пѣхоты противъ нашихъ аванпостовъ, занимавшихъ высоты Ломури и Налимори, къ югу отъ с. Хорши. Находившаяся тамъ Рачинская конная дружина, встрѣтила непріятеля и, съ помощію дружины охотниковъ, поддержала перестрѣлку до сумерокъ. При отступленіи непріятеля, наши милиціонеры преслѣдовали его почти до самаго лагеря.

Въ этой перестрѣлкѣ ранены: начальникъ 1-й сотни Рачинской дружины, кн. Давыдъ Эристовъ и три милиціонера.

11-го Декабря, кн. Мухранскій, поручивъ легкій отрядъ свой въ командованіе кн. Григор. Дадіанъ, отправился въ с. Бандзу, по требованію кн. Бебутова, прибывшаго туда изъ Тифлиса.

Того же дня въ 11-мъ часу утра, баталіонъ турецкихъ стрѣлковъ появился противъ аванпостовъ занятыхъ Рачинскою дружиною маіора князя Симона Цулукидзе. Спустя часъ послѣ того, шесть турецкихъ баталіоновъ при четырехъ горныхъ орудіяхъ, выдвинулись противъ праваго фланга нашихъ войскъ, и, выславъ густыя цѣпи стрѣлковъ, зажгли крайнія сакли разбросаннаго с. Хорши. Чтобы остановить дальнѣйшее наступленіе непріятеля и распространеніе пожара, кн. Григ. Дадіанъ, двинулъ къ с. Хорши, подъ начальствомъ кн. Димитрія Шервашидзе, линейныхъ казаковъ и четыре сотни Имеретинской милиціи. Сводно-штуцерная команда наша, заняла гребень Ахалидохорскихъ возвышенностей. Приблизясь къ с. Хорши, кн. Дм. Шервашидзе оставилъ въ резервѣ одну сотню линейныхъ казаковъ и Сачхерскую дружину кн. Александра Церетели; передовыя же дружины подъ предводительствомъ маіора кн. Симона Цулукидзе, ворвались въ с. Хорши, атаковали непріятельскія цѣпи и заставили ихъ бѣжать къ сомкнутымъ частямъ войскъ, съ потерею до 30-ти убитыхъ, которыхъ тѣла остались на мѣстѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, турки открыли ружейный и артиллерійскій огонь; съ нашей стороны отвѣчали имъ съ успѣхомъ спѣшенные милиціонеры, засѣвшіе по саклямъ и позади заборовъ селенія.

Въ продолженіи этого дня, турки нѣсколько разъ пытались вытѣснить нашу милицію изъ селенія, но постоянно были отбиваемы. Кн. Дмитрій Шервашидзе, находя, что расположеніе нѣкоторыхъ частей по оврагамъ, было не выгодно, отозвалъ ихъ на высоты. Турки, принявъ это движеніе за отступленіе, начали переходить черезъ оставленные овраги для преслѣдованія нашихъ, но встрѣченные сильнымъ ружейнымъ огнемъ, принуждены были прекратить наступленіе и потянулись обратно въ лагерь. Наши аванпосты заняли прежнія свои мѣста.

Съ нашей стороны потеря въ этотъ день состояла изъ 6-ти убитыхъ милиціонеровъ; ранено было 4-е оберъ-офицера, 22 милиціонера и 1-нъ казакъ; безъ вѣсти пропалъ одинъ милиціонеръ.

12-го Декабря къ вечеру, кн. Мухранскій возвратился къ нашимъ передовымъ частямъ. Между тѣмъ временемъ, назначено было направить изъ Гуріи одну дружину къ селенію Чалодиди, что недалеко отъ Редута, дабы тревожить отступавшаго непріятеля на сообщеніяхъ его около с. Хорги; но посланная предварительно для осмотра мѣстности партія Мингрельцевъ, встрѣтила такія препятствія отъ полноводія рѣкъ и топей, между низовьями оныхъ, что она не могла проникнуть до редутской дороги и принуждена была возвратиться къ устью р. Цивы. И такъ, предпріятіе это было отмѣнено, а назначенная для совершенія онаго дружина Гурійскаго ополченія, была переведена изъ Акета черезъ Кодоръ на усиленіе дѣйствовавшихъ на правомъ берегу Ріона милицій, къ коимъ дружина сія присоединилась 13-го Декабря. Въ послѣдовавшія за тѣмъ двѣ ночи, турки производили тревоги на нашихъ аванпостахъ, но безъ всякаго для нихъ успѣха; при этомъ у насъ былъ раненъ одинъ милиціонеръ.

Возвращеніе нашихъ лѣтучихъ отрядовъ.

Князь Мухранскій, находя, что послѣ сихъ дѣйствій, дальнѣйшее занятіе с. Хорши оказывалось безполезнымъ, вывелъ оттуда войска и самъ возвратился 17-го Декабря къ штабу Гурійскаго отряда, остававшемуся въ с. Хони. Къ сему побуждали его также наступившіе въ то время холода, весьма чувствительные для войска на горахъ, гдѣ оно было расположено, и сверхъ того совершенное истощеніе у жителей запасовъ, отъ чего и турки не могли болѣе добывать въ тѣхъ мѣстахъ продовольствія. Имеретинскія конныя дворянскія дружины, крайне утомленныя походомъ продолжавшимся уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, были распущены кн. Мухранскимъ по домамъ, а прибывшая дружина Гурійскаго ополченія, возвращена на свое мѣсто. Сводно-штуцерная команда, поставлена въ Сенаки, а участвовавшій также въ семъ походѣ, Черноморскій линейный № 16-го баталіонъ—въ с. Бандза, двѣ сотни линейныхъ казаковъ — въ Онтопо, Донской № 11-го полкъ отправленъ въ

с. Анарія. Для содержанія же непріятеля въ тревожномъ состояніи, собиралась вновь Мингрельская милиція, подъ начальствомъ ген.-маіора кн. Григ. Дадіанъ, которому подчинены были и всѣ прочія части войскъ, оставшіяся въ границахъ Мингреліи.

Непріятель на пути въ Редутъ-Кале.

Изъ Холони, турецкое войско двигалось къ Редутъ-Кале частями и по одиночкѣ, въ бѣдственномъ положеніи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Олифантъ, самъ съ трудомъ добравшійся до берега моря, откуда онъ съ товарищемъ своимъ Лонгвортъ (Longworth), отправился въ Царьградъ. Однакоже непріятель оставилъ въ Холони значительный аріергардъ, который обнесъ лагерь свой сильными укрѣпленіями, для прикрытія тяжестей и слабыхъ, тянувшихся къ Редутъ-Кале но единственной дорогѣ, сдѣлавшейся почти непроходимою, при чемъ потратилось у турокъ много людей и скота. Изъ сихъ распоряженій казалось, что непріятель, едва ли имѣвшій тогда средства къ отплытію, нашелся вынужденнымъ по сей причинѣ остаться на зимованіе въ Мингреліи.

Расположеніе турецкой арміи.

О расположеніи по разнымъ лагерямъ турецкой арміи, не имѣлось тогда вѣрныхъ и положительныхъ свѣдѣній; но по тѣмъ, которыя можно было позже собрать, казалось, что къ концу Декабря, на позиціи при Холони, оставалось подъ начальствомъ Абдулла-Паши, восемь баталіоновъ. Вскорѣ послѣ того, какъ мы оставили позицію при с. Хорши, Фергадъ-Паша занялъ мѣсто сіе съ двумя баталіонами. Османъ-Паша, остановился въ селеніи Наджихеви съ шестью баталіонами. Мачаваріани-Паша съ двумя баталіонами охранялъ Хопійской монастырь, въ коемъ находились у турокъ склады пороха и инструментовъ. Въ Бутулязени, гдѣ примыкала дорога ведущая изъ Редутъ-Кале, содержался караулъ изъ 80-ти человѣкъ. 20 Декабря, Искендеръ-Паша снова занялъ Зугдиди двумя баталіонами и 50-ю человѣками конницы. Основываясь на сихъ свѣдѣніяхъ, можно было полагать, что въ укрѣпившемся аріергардѣ оставалось 16 или 18 баталіоновъ. Прочія непріятельскія войска, собрались въ Редутъ-Кале и расположились по лѣвому берегу р. Цивы, т. е. отъ прежняго карантиннаго строенія къ быв-

шему Набатскому таможенному посту, гдѣ онѣ укрывались отъ непогоды въ шалашахъ, обирая для продовольствія безплатно у жителей окрестныхъ селеній, все что могли найти для себя съѣстнаго. Изъ Редутъ-Кале не отправляли войскъ цѣлыми частями обратно за море, но больныхъ отослали всѣхъ въ Царьградъ. Около половины Декабря, стояло на рейдѣ у Редутъ-Кале шесть турецкихъ судовъ, доставившихъ провіантъ, зимнюю одежду и обувь для нижнихъ чиновъ.

Омеръ-Паша въ г. Хорги.

Омеръ-Паша самъ не долго оставался въ Холони. Еще въ первой половинѣ Декабря, онъ перебрался со своимъ штабомъ къ Редутъ-Кале, гдѣ поселился въ с. Хорги, занявъ домъ обывателя Джергетъ-Кобени *). Регулярную кавалерію свою, расположилъ онъ по домамъ хоргинскихъ жителей. За Омеромъ выѣхали изъ Холонскаго лагеря всѣ находившіеся при арміи англичане, за исключеніемъ полковника Баларда, оставшагося при аріергардѣ.

Размѣщеніе Гурійскаго отряда на широкихъ квартирахъ.

Въ предшествующей главѣ видно, что 6 Ноября изъ подъ Карса поручено было главнокомандующимъ кн. Бебутову ѣхать въ Гурійскій отрядъ, для приведенія въ устройство, какъ пошатнувшагося состоянія дѣлъ въ Мингреліи, такъ и для возстановленія въ подлежащемъ порядкѣ военныхъ дѣйствій. Бебутовъ долженъ былъ выѣхать изъ Тифлиса 19 Ноября, но былъ задержанъ разными распоряженіями, которыя ему встрѣтились по случаю послѣдовавшей между тѣмъ сдачи Карса, и потому онъ могъ оставить Тифлисъ, только 29 Ноября. Въ тогдашнее позднее время года, дороги были въ такомъ положеніи, что Бебутовъ поспѣлъ въ Кутаисъ не прежде 5 Декабря, проѣхавъ въ теченіи 7 дней на почтовыхъ лошадяхъ не болѣе 230 верстъ, изъ коихъ еще первая половина пролегала по ровному пути; замедленіе же послѣдовало на другой половинѣ пути въ Имеретинскихъ горахъ, гдѣ онъ большею частью долженъ былъ идти пѣшкомъ. Бебутовъ признавалъ наступательное движеніе

*) У насъ носился слухъ, и кажется основательный, что Омеръ-Паша проживая въ с. Хорги, взялъ себѣ въ жены, дочь одного Мингрельскаго дворянина.

дѣломъ не сбыточнымъ, по недостатку сухарнаго провіанта. «Десятидневный провіантъ въ войскахъ» писалъ онъ отъ 23-го Декабря, по осмотрѣ имъ полковъ, «большею частью пополненъ; но для движенія впередъ, надобно имѣть въ готовности сухарей, по крайней мѣрѣ на 20 дней, чтобы въ случаѣ наступленія ненастной погоды и разлива рѣкъ, войска не остались безъ продовольствія между рѣками. Въ послѣднее время, возстановилась хорошая погода, по ночамъ бываютъ морозы, дороги осушаются и въ рѣкахъ вода спала; но образовавшіяся отъ прежнихъ дождей топи, замерзающія ночью, распускаются днемъ и могутъ представить большія препятствія для движенія артиллеріи; броды въ рѣкахъ еще столь глубоки, что для сохраненія здоровья солдатъ, надобно устроить на четырехъ рѣкахъ мостовыя переправы или прибѣгнуть къ весьма медленному способу переправы войскъ на Чарвадарскихъ лошадяхъ, и, наконецъ, морозы въ здѣшнемъ краѣ и сухая погода зимою, суть явленія столь рѣдкія, что не должно расчитывать на продолжительность ихъ». Соображая всѣ сіи обстоятельства, Бебутовъ пе находилъ возможности, двинуться съ главными силами впередъ для атаки непріятеля, а признавалъ за лучшее, для успокоенія утомленныхъ отъ похода войскъ, тѣснившихся въ с. Хони, разставить ихъ на пространныхъ квартирахъ. Онъ не могъ расположить ихъ въ селеніяхъ за правымъ берегомъ рѣки, по затрудненіямъ которыя представились бы на переправахъ черезъ разлившіеся потоки, и потому занялъ селенія лежащія между лѣвымъ берегомъ рѣки Цхенисъ-Цхали и Кутаисомъ, чѣмъ облегчалось и доставленіе въ войска провіанта изъ Кутаиса, гдѣ еще оставался небольшой запасъ хлѣба, послѣ истребленія Мухранскимъ всѣхъ передовыхъ магазиновъ нашихъ и главнаго провіантскаго склада, находившагося близь Марани въ Усть-Цхенисъ-Цхали.

Возвращеніе войскъ изъ Гурійскаго отряда въ Грузію.

Вмѣстѣ съ симъ, Бебутовъ нашелся въ необходимости отправить обратно изъ Гурійскаго отряда въ Грузію семь баталіоновъ и дивизіонъ артиллеріи, ибо къ тому времени присоединились уже къ Гурійскому отряду и баталіоны резервной дивизіи, о коихъ было выше сказано. Онъ рѣшился приступить

къ сей неизбѣжной мѣрѣ по крайности, въ которой находился отъ недостатка въ провіантѣ, не спрашивая на то разрѣшенія главнокомандующаго, и назначенныя имъ войска, выступившія изъ Гурійскаго отряда тремя эшелонами 14-го 16-го и 18-го Декабря, возвратились на зимованіе въ Грузію.

Послѣ того, Бебутовъ поѣхалъ на свиданіе къ кн. Екатеринѣ Дадіанъ, гдѣ ему предстояли сложныя занятія, для успокоенія мингрельскаго дворянства, потрясеннаго грознымъ вторженіемъ турокъ и для возстановленія колебавшейся во многихъ мѣстахъ власти.

Главнокомандующій, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ изъ Карса въ Тифлисъ, отозвалъ кн. Мухранскаго отъ занимаемаго имъ мѣста и назначилъ для командованія Гурійскимъ отрядомъ, командира 2-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Бруннера, который дѣятельно принялся за приведеніе въ извѣстность и въ порядокъ ввѣренное ему управленіе, въ коемъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, могли встрѣтиться разные недостатки. Бруннеръ смѣняетъ Мухранскаго.

Хотя не предвидѣлось, чтобы непріятель въ состояніи былъ въ скоромъ времени предпринять новое наступленіе, но не менѣе того, необходимо было имѣть на всякій случай какую либо часть Гурійскаго отряда въ сборѣ, въ родѣ авангарда, отъ войскъ расположенныхъ на пространныхъ квартирахъ. По этому, главнокомандующій приказалъ безотлагательно принять сіи необходимыя мѣры осторожности, на которыя дотолѣ не было обращено должнаго вниманія. Для исполненія сего, въ с. Бандзѣ собранъ былъ подъ начальствомъ подполковника Бибикова небольшой отрядъ, составленный изъ Черноморскихъ линейныхъ №№ 14-го и 16-го баталіоновъ и своднаго штуцернаго баталіона съ Донскимъ казачьимъ № 11-го полкомъ. Къ отряду сему, должны были присоединиться 4-е горныя орудія, а для сообщенія онаго съ с. Хони, построили черезъ р. Цхенисъ-Цхали пѣшеходный мостъ. Авангардъ въ с. Бандза.

Приступлено было также, черезъ посредство правительницы княгини Дадіанъ, пребывавшей тогда въ с. Гарди, къ собранію сколько нибудь новой Мингрельской милиціи, ибо часть ея, какъ Возстановленіе передовой стражи.

выше сказано, была распущена; другая же, по прекращеніи военныхъ дѣйствій, самовольно и по одиночкѣ разошлась по домамъ, вслѣдствіе ненастной погоды и крайней нужды ею переносимой на аванпостахъ. Милиціи сей назначалось охраненіе передовой линіи нашей по лѣвому берегу р. Цивы, начиная отъ устья сей рѣки вверхъ по всему протяженію ея до нагорной мингрельской дороги. Главное начальство надъ сею линіею и всѣми войсками находившимися за правымъ берегомъ р. Цхенисъ-Цхали, было возложено на кн. Григорія Дадіана, а для усиленія ихъ вызывались къ первымъ числамъ Января мѣсяца 1856-го года изъ Имеретіи, три сотни конныхъ охотниковъ.

Непріятельская партія на Цивѣ.

Во все это время, непріятель не дѣлалъ никакого движенія впередъ. Однажды только, кавалерійская его партія доходила по большей дорогѣ отъ Холонской позиціи до р. Цивы и простоявъ тамъ короткое время, возвратилась назадъ.

Продовольствіе Гурійскаго отряда зимою.

Въ такомъ положеніи провели войска зиму, съ обѣихъ сторонъ не предпринимая никакихъ дѣйствій, турки — вѣроятно по разстроенному положенію въ которое они пришли послѣ Мингрельской кампаніи, мы же—за недостаткомъ провіанта, заставившимъ кн. Бебутова отослать часть войскъ обратно въ Грузію. Для продовольствія, значительно ослабленнаго черезъ сіе Гурійскаго отряда, принимались главнокомандующимъ всевозможныя мѣры. Съ трудомъ пріобрѣтали покупкою и кукурузу, которую перемалывали, замѣняя при выдачѣ провіанта, четвертую часть онаго сею мукою. Старанія для доставленія хлѣба изъ Тифлиса въ Имеретію на подводахъ и вьюкахъ мало удавались; нанимавшіеся по убѣжденію, за дорогія цѣны возчики не доходили до назначенія своего въ Кутаисъ и хлѣбъ оставался дорогою въ топяхъ среди переѣзда черезъ Имеретинскія горы. Закуплены были дорогою цѣною небольшіе избытки хлѣба, имѣвшіяся у жителей Имеретіи, которые мало занимаются производствомъ пшеницы. Не пренебрегли даже доставленіемъ муки въ Имеретію, по открытому въ послѣднихъ годахъ и едва существовавшему еще новому пути, черезъ главный Кавказскій хребетъ изъ Алагирскаго серебрянаго завода, что близь Влади-

кавказа, на мѣстечко Они, лежащее уже на южной покатости горъ. Симъ путемъ перенесено было пѣшими осетинами на плечахъ, черезъ снѣговой хребетъ, около 100 четвертей муки; но всѣ эти средства едва удовлетворяли суточной потребности продовольствія Гурійскаго отряда.

Омеръ-Паша остался зимовать въ Мингреліи и продолжалъ укрѣпляться на своей Холонской позиціи. Но его нельзя было оставить въ такомъ положеніи, если бы только представилась возможность къ отправленію снова въ Мингрелію войскъ, при достаточномъ количествѣ хлѣба; ибо отъ изгнанія турецкой арміи изъ Мингреліи, зависѣлъ успѣхъ предполагавшихся наступательныхъ дѣйствій въ 1856-мъ году за Карсомъ, куда надобно было стянуть, какъ можно болѣе войскъ. Съ сею цѣлью, главнокомандующій приступилъ зимою къ заготовленію сухарей, по восточную сторону горъ раздѣляющихъ Карталинію отъ Имеретіи, въ мѣстечкѣ Сурамѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ подрядить въ Персіи до 3,000 вьючныхъ лошадей, которыхъ обѣщались доставить въ Тифлисъ къ Апрѣлю мѣсяцу. Заготовленія сіи дѣлались, сколько возможно было, безъ огласки, для того, чтобы съ открытіемъ весны, вдругъ двинуться къ Кутаису съ собраннымъ въ окрестностяхъ Тифлиса войскомъ, по пятамъ коего должны были слѣдовать вьючные транспорты съ обильнымъ запасомъ сухарей. Внезапное нападеніе на запоздавшаго въ Мингреліи Омеръ-Пашу, развязало бы насъ въ той сторонѣ, послѣ чего войска могли еще поспѣть въ концѣ Мая на высокія окрестности Карса, гдѣ весна открывается гораздо позже. Приготовленія для изгнанія Омеръ-Паши.

Случилось иначе. Въ послѣднихъ числахъ Января или въ началѣ Февраля, турки внезапно сожгли свои бараки, оставили позицію свою впереди Хопи, очистили Зугдиди и стянулись вплоть къ морю, гдѣ они расположились вдоль по берегу на узкой полосѣ, отдѣленной непроходимыми болотами отъ твердой земли; укрѣпившись въ дефиле при с. Хорги, что вблизи Редутъ-Кале, они начали стягиваться къ Батуму. Внезапное и быстрое уклоненіе турецкой арміи, какъ и продолжавшійся у насъ недостатокъ продовольствія, были причиною, что нельзя Отступленіе турокъ изъ Холони и дѣйствія нашихъ милицій.

было тогда помышлять о преслѣдованіи съ главными силами непріятеля; но уходившія съ Холонской позиціи турецкія войска, были нѣсколько разъ тревожимы Гурійскими и Мингрельскими милиціями, изъ лѣсовъ и болотъ примыкающихъ къ пути ихъ слѣдованія, какъ по суши, такъ и на водахъ р. Хопи, при чемъ непріятель потерпѣлъ видимый уронъ. Въ одномъ изъ сихъ нападеній, довольно значительная партія Гурійской милиціи переправилась черезъ р. Ріонъ, около с. Чалодиди и, скрывшись въ лѣсахъ, внезапно открыла ружейный огонь по слѣдовавшему дорогою турецкому баталіону, который отъ сего неожиданнаго огня дрогнулъ и разбѣжался пополамъ—впередъ и назадъ, оставя на мѣстѣ, какъ говорили, до 40-ка человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, въ томъ числѣ и войсковаго муллу.

Состояніе турокъ послѣ перемирія.

По заключеніи въ Крыму общаго перемирія, предшествовавшаго обнародованію мира, турки недопустили въ середину своего лагеря офицера посланнаго главнокомандующимъ для опредѣленія демаркаціонной линіи. Видѣнныя имъ по пути оставленныя Холонскія укрѣпленія, имѣли высокую профиль и были построены со тщаніемъ; около нихъ возвышались могильныя насыпи, а по дорогѣ валялось много лошадиныхъ остововъ. Передовыя турецкія войска представились въ хорошемъ видѣ; но по собраннымъ въ то время положительнымъ свѣдѣніямъ, прочія находились въ жалкомъ состояніи.

Омеръ-Паша въ Царѣградѣ и Трапезунтѣ.

Омеръ-Паша съ ранней весны, еще до заключенія перемирія, ѣздилъ въ Константинополь, гдѣ носились слухи, что уже рѣшено было лишить его званія и почестей; но слухи эти вскорѣ разсѣялись, и напротивъ того стали говорить, что онъ оставилъ Мингрелію по данному ему приказанію съ тѣмъ, чтобы при наступленіи благопріятной погоды направиться къ Эрзруму для прикрытія сего города, и для возвращенія по возможности отъ насъ послѣднихъ завоеваній. Изъ Константинополя, Омеръ-Паша пріѣзжалъ по заключеніи уже перемирія въ Трапезунтъ, гдѣ онъ, въ присутствіи многихъ, изъявилъ сожалѣніе свое о прекращеніи военныхъ дѣйствій, говоря, что союзники черезъ то лишились, предстоявшаго имъ испытанія Мингрельскихъ грязей, въ коихъ армія его утопала.

Такъ совершилась кампанія 1855-го года въ Мингреліи. Что Омеръ-Паша не имѣлъ намѣренія дѣйствовать положительно и энергическими средствами для освобожденія Карса, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія; напротивъ того, въ мысляхъ его таилось только желаніе достичь сего результата легкимъ способомъ, т. е. отвлечь осаждавшія Карсъ войска, однимъ появленіемъ своимъ вдали театра военныхъ дѣйствій, не подвергая себя прямому столкновенію съ нашими главными силами. Къ оправданію такого мнѣнія служитъ болѣе всего, настойчивость съ коею онъ требовалъ дабы десантъ былъ направленъ не въ Трапезунтъ, откуда только можно было сдѣлать, съ надеждою на успѣхъ, попытку для освобожденія Карса; послѣ многихъ колебаній, онъ окончательно высадился—но не въ Батумѣ, даже не въ Редутъ-Кале, а въ самомъ отдаленномъ пунктѣ отъ театра военныхъ дѣйствій—въ Сухумъ-Кале. Къ подтвержденію сего мнѣнія служитъ и перехваченное нами подъ Карромъ письмо Омеръ-Паши къ Вилліамсу, писанное $\frac{2}{14}$ Октября изъ Сухумъ-Кале, *) по полученіи извѣстія объ отбитомъ штурмѣ. Въ поздравительномъ письмѣ семъ, нигдѣ не выражается намѣреніе Омера дѣйствовать усиленно для выручки Карскаго гарнизона, коему какъ бы собственными средствами предоставлялось выйти изъ своего положенія, ибо въ томъ письмѣ изъявлены только надежды, что обѣ арміи могутъ соединиться. Уклончивость Омеръ-Паши, проявляется еще въ медленности, съ которою онъ сталъ двигаться впередъ, по полученіи извѣстія объ отбитомъ штурмѣ, какъ бы въ надеждѣ, что все дѣло обойдется и безъ участія его арміи, тогда какъ быстрое въ то время наступленіе, хотя бы изъ отдаленнаго Сухумъ-Кале, могло доставить туркамъ значительныя выгоды; ибо тогда стояла еще хорошая погода и не поспѣли бы подкрѣпленія, посланныя Бебутовымъ и главнокомандующимъ къ Гурійскому отряду.

Обзоръ военныхъ дѣйствій въ Мингреліи.

Избранный Омеръ-Пашею отдаленный пунктъ для высадки, и медленность его наступательнаго движенія, могли завлечь кн. Мухранскаго къ нарушенію первоначально утвержденнаго пла-

*) Копія съ письма сего, значится въ приложеніяхъ подъ буквою V.

на кампаніи: *отступать въ случаѣ сильнаго напора со стороны непріятеля и, бросивъ Мингрелію и Гурію, сосредоточитъ всѣ свои силы для принятія боя около Марани на лѣвомъ берегу рѣки Цхенисъ-Цхали.* Онъ могъ увлечься надеждою, съ малыми силами своими, остановить на Ингурѣ непріятеля, коего нерѣшимость вполнѣ обнаруживалась; но при Омеръ-Пашѣ находилось много иностранцевъ, побуждавшихъ его къ предпріимчивости въ виду непріятеля. Мухранскаго нельзя винить за то что онъ пытался сберечь Зугдиди, сію возникающую столицу Мингреліи и роскошное мѣстопребываніе правительницы. Съ цѣлью сохранить духъ между мингрельцами, онъ также не хотѣлъ передать родину ихъ въ руки непріятеля, не испытавъ боя. Неудача его на Ингурѣ, повлекла за собою истребленіе всѣхъ нашихъ передовыхъ магазиновъ, что также было неизбѣжно.

Тутъ опять проявляется обычная медленность и нерѣшимость Омеръ-Паши, не воспользовавшагося одержанною имъ побѣдою. Онъ медлитъ въ Зугдиди, на Цивѣ и войска наши не будучи преслѣдуемы, собираются, согласно первоначальному плану кампаніи, на лѣвомъ берегу р. Цхенисъ-Цхали.

Пришла голова колонны, высланная изъ Грузіи на помощь Гурійскому отряду, мы уже стали, казалось, твердою ногою на рубежахъ Имеретіи и въ силахъ по крайней мѣрѣ равныхъ съ непріятельскими, все возстановлено, оставалось только вознаградить прежнюю неудачу—когда необъяснимое истребленіе кн. Мухранскимъ главныхъ хлѣбныхъ запасовъ нашихъ, лишило насъ средствъ, поразить непріятеля въ конецъ, и блистательнымъ образомъ довершить кампанію.

Омеръ-Паша вѣроятно зналъ о нуждахъ нашихъ въ хлѣбѣ *) и о возвращеніи части войскъ въ Грузію, почему и остался зимовать въ Мингреліи, а весною слѣдующаго года, безнаказанно уклонился въ виду дѣлаемыхъ нами приготовленій для его изгнанія.

---

*) Удивительно, что иностранные писатели нигдѣ не упоминаютъ объ истребленіи Маранскихъ запасовъ, давшемъ средство турецкой арміи зимовать въ Мингреліи.

Предположенія Олифанта о дальнѣйшихъ успѣхахъ и движеніи союзныхъ войскъ къ Тифлису, указываютъ незнаніе мѣстности и народнаго духа. Онъ пишетъ, что если бы турецкая армія заняла зимнія квартиры въ Кутаисѣ, то правительница Мингреліи, слѣдуя примѣру князя Михаила Шервашидзе, подчинилась бы Омеръ-Пашѣ, какъ равно и главныя фамиліи въ Имеретіи и Гуріи. Но онъ ошибался: жители Гуріи постоянно показывали преданность свою нашему правительству, не взирая на то, что половина Гуріи была уже раззорена турками въ 1854-мъ году. Вражда же Имеретинцевъ къ турецкому владычеству, подъ коимъ край сей въ прежніе годы находился долгое время, можетъ назваться непримиримою. За Кутаисомъ непріятелю предстояли бы тѣснины Имеретинскихъ горъ, гдѣ его легко было остановить съ небольшимъ количествомъ войскъ. Вступая въ Карталинію, союзники встрѣтили бы воинственное населеніе Грузинъ, готовое поголовно вооружиться противъ вторженія, а передъ Тифлисомъ преградили бы имъ въ дефилеяхъ путь, войска наши усиленныя многолюдными дружинами гражданъ; не только Тифлисъ оказался бы недоступнымъ, но и всякаго отступленія лишился бы непріятель, отважившійся на такое предпріятіе.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Съ заключеніемъ общаго перемирія не прекратились приготовленія къ кампаніи 1856-го года. Военныя дѣйствія въ Кавказскомъ краѣ предвидились на трехъ отдѣльныхъ пунктахъ: во первыхъ—за Карсомъ къ Эрзруму, гдѣ главнымъ силамъ предстояло дѣйствовать наступательно, совокупно съ Баязидскимъ отрядомъ; во вторыхъ—въ долинѣ Ріона, гдѣ дѣйствія могли быть только оборонительныя и наконецъ, открывался новый театръ войны въ Черноморіи, гдѣ должно было ожидать высадки, со времени вторженія союзниковъ въ Азовское море.

По иностраннымъ неофиціальнымъ извѣстіямъ, казалось, что главныя усилія союзниковъ обратятся къ Эрзруму черезъ Трапезунтъ, куда они располагали отправить турецкую армію выбравшуюся изъ Мингреліи. Значительнѣйшую и лучшую часть оной, полагали составить изъ Египетской дивизіи, которую предназначалось перевести изъ Евпаторіи въ Трапезунтъ. Англія намѣревалась въ случаѣ нужды, высадить весною 1856-го года въ Азію половину своей Крымской арміи. По симъ причинамъ, вниманіе главнокомандующаго было преимущественно обращено къ сторонѣ Эрзрума, съ тѣмъ, чтобы быть въ состояніи нетолько противоборствовать симъ новымъ силамъ, но и для того, чтобы по отраженіи ихъ, дѣйствовать далѣе, по мѣрѣ имѣющихся средствъ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ разрушенія и плѣненія турецкой арміи, Эрзрумъ, оставшійся почти безъ защиты, могъ быть занятъ нами весною 1856-го года, прежде того какъ бы собрались въ сей городъ вспомогательныя силы, ибо имъ предстоялъ бы весьма трудный переходъ черезъ горы опоясывающія котловину въ коей находится Трапезунтъ. Хрис-

тіанское населеніе Малой Азіи, ожидало только появленія нашего, чтобы всѣми мѣрами содѣйствовать дальнѣйшему движенію. Патріархъ Несторіанъ, Аврамій, настоятельно убѣждалъ насъ придти въ г. Ванъ, гдѣ обѣщался собрать многолюдное ополченіе. Курды, населяющіе ту сторону, не замедлили бы роями присоединиться къ намъ. Мусульманское населеніе Малой Азіи, недовольное угнетательными и частыми поборами турецкаго правительства, не стало бы противодѣйствовать нашимъ успѣхамъ, тѣмъ болѣе, что многіе вліятельные люди изъ числа отпущенныхъ нами по взятіи Карса въ дома свои, показывали явное негодованіе къ своимъ европейскимъ союзникамъ. Вѣроломная и всегда колеблющаяся Персія, могла присоединиться къ намъ по ненависти Шаха къ англичанамъ, послѣ происшедшей у него ссоры съ британскимъ повѣреннымъ. Нусръ-Эддинъ-Шахъ, тяготился вліяніемъ британскихъ агентовъ во внутреннихъ распорядкахъ своихъ; онъ кромѣ того домогался воинской славы и завоеваній. Въ такомъ видѣ представлялось намъ политическое состояніе дѣла, при ожидавшемся открытіи въ Малой Азіи военныхъ дѣйствій, къ коимъ приготовленія не прекращались.

Войска наши были укомплектованы въ теченіи зимы 14-ю маршевыми баталіонами, высланными изъ запасной дивизіи въ сильномъ составѣ, формировавшейся изъ рекрутъ на Кавказской линіи. Драгунскіе полки укомплектовались присланными изъ Россіи, въ отличномъ видѣ, резервными на коняхъ дивизіонами, такъ, что полки сіи могли выводить въ строй болѣе рядовъ, чѣмъ при началѣ похода 1855-го года. Для усиленія дѣйствующаго корпуса, переводилась еще съ Кавказской линіи, одна бригада резервной дивизіи, а изъ Дагестана одинъ баталіонъ, безъ чувствительнаго ограниченія оборонительныхъ способовъ нашихъ въ той сторонѣ. Дѣйствующій за Карсомъ корпусъ можно было еще усилить войсками 13-й пѣхотной дивизіи изъ Ахалцыха, куда, какъ и въ Мингреліи, нельзя было ожидать новаго вторженія непріятеля. Изъ взятыхъ нами турецкихъ пушекъ большаго калибра, предполагалось умножить нашу осадную артиллерію. Съ покореніемъ Карса пріобрѣтено было поро-

ху и патроновъ въ изобиліи. Такъ какъ мѣстныя милиціи принесли намъ большую пользу въ кампаніи 1855-го года, не взирая на непрочность состава ихъ, произшедшаго отъ поспѣшности съ коею онѣ набирались, то сдѣланы были новыя положенія, какъ для наряда людей, такъ и для содержанія ихъ, по сформированіи полковъ, въ возможномъ благоустройствѣ.

Для содержанія имѣющаго собраться войска, которое было бы гораздо многочисленнѣе дѣйствовавшаго въ 1855-мъ году, съ успѣхомъ заготовлялись въ большомъ количествѣ сухари въ Александрополѣ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ; для усиленія же запаса сего, пріобрѣталось еще покупкою въ предѣлахъ Персіи, по частнымъ сношеніямъ съ тамошнимъ мѣстнымъ начальствомъ, 20,000 четвертей пшеницы. Кромѣ того, въ бытность нашу подъ Карсомъ, перемолвлено было съ нѣсколькими изъ окрестныхъ жителей Эрзрума, о заготовленіи хлѣба въ случаѣ появленія въ той сторонѣ нашихъ войскъ, причемъ агенты сіи не могли имѣть въ виду иныхъ запасовъ какъ тѣ, которые изготовлялись подрядчиками для турецкой арміи и коихъ большіе склады были уже собраны въ деревняхъ около Эрзрума, что намъ было положительно извѣстно.

Для подвоза при войскѣ провіанта, были также приняты мѣры, и вольнонаемные транспорты, какъ на обывательскихъ подводахъ, такъ и на вьюкахъ, получали новое образованіе, со введеніемъ коего, можно было ожидать болѣе порядка, слѣдственно и успѣха.

При имѣвшихся отъ издержекъ 1855-го года остаткахъ въ звонкой монетѣ, обыкновенной того времени смѣты интендантскихъ и прочихъ расходовъ, оказывалось достаточно.

Для продолженія войны въ 1857-мъ и въ послѣдующихъ годахъ, имѣлись въ виду оставшіеся въ запасной дивизіи рекруты и тридцать три дружины временнаго ополченія, изъ коихъ Харьковскія и Полтавскія, пришли въ сильномъ составѣ на Кавказскую линію; прочія же дружины Самарской и Оренбургской губерній, которыя назначались къ отправленію Каспійскимъ моремъ въ Баку, предполагалось остановить на мѣстѣ выступленія ихъ, во первыхъ: дабы не обременить Закавказскаго края

излишними людьми, при имѣвшемся уже достаточномъ количествѣ войскъ, во вторыхъ: чтобы не подвергнуть новобранцевъ неудобствамъ и нуждамъ, неизбѣжнымъ при поспѣшномъ отправленіи ихъ въ несродный для нихъ климатъ, отъ чего могли бы оказаться между ними болѣзни и смертность, и наконецъ, дабы не затрудняться продовольствіемъ такой массы народа. Главнокомандующій желалъ, чтобы ополченія сіи прибыли въ Баку, только къ концу 1856-го года, такъ что люди были бы сбережены и созрѣли бы въ постепенномъ образованіи своемъ, къ веснѣ 1858-го года. Для вооруженія же всѣхъ дружинъ, имѣлись склады оружія, пріобрѣтеннаго отъ Анатолійской арміи и нѣсколько тысячъ кремневыхъ ружей, сданныхъ изъ полковъ въ Георгіевскій арсеналъ, по перемѣнѣ сихъ ружей ударными, почему и было обращено вниманіе арсенала на починку этого оружія.

На второмъ театрѣ военныхъ дѣйствій—въ Мингреліи и Гуріи, какъ выше сказано, нельзя было ожидать новаго вторженія многочисленной союзной арміи; но не менѣе того, надобно было принять нѣкоторыя оборонительныя мѣры, для обезпеченія по крайней мѣрѣ Кутаиса. Съ сею цѣлью, окрестная мѣстность сего города была тщательно изслѣдована и на лѣвомъ берегу р. Цхенисъ-Цхали, повыше с. Хони, на первыхъ уступахъ горъ, избрано было мѣсто для построенія сильнаго укрѣпленнаго лагеря, который предполагалось снабдить достаточнымъ количествомъ продовольствія. Если бы войска наши не были въ состояніи противоборствовать вторженію непріятеля, то онѣ заняли бы сію крѣпкую позицію, пребывая въ здоровомъ климатѣ и предоставивъ непріятелю дѣйствовать въ смертоносныхъ низменностяхъ Ріонской долины. Непріятелю предстояло тогда: или атаковать укрѣпленный лагерь, или же, минуя его, идти прямо къ Кутаису. Въ первомъ случаѣ, на долю ему доставалось предпринять почти осаду, а во второмъ, онъ открывалъ во время движенія лѣвый флангъ свой атакѣ съ нашей стороны, изъ укрѣпленнаго лагеря; для охраненія же самаго Кутаиса отъ внезапнаго набѣга, составленъ былъ проэктъ возведенія въ окрестностяхъ города полевыхъ укрѣпленій, такъ, чтобы можно бы-

ло отразить нападеніе съ небольшимъ гарнизономъ и съ помощію граждань.

Оставался третій, вновь могущій открыться театръ военныхъ дѣйствій—на берегахъ Черноморіи, гдѣ союзники въ 1855-мъ году, не предпринимали еще ничего особеннаго, а англичане ограничивались дѣланіемъ около береговъ промѣровъ и сожиганіемъ прибрежныхъ рыбачьихъ хижинъ.

По оставленіи нами Анапы, поселился въ сей крѣпости, пріѣхавшій изъ Адріанополя черкесъ Сеферъ-бей. Слышно было, что при немъ находилось не болѣе 50-ти человѣкъ турецкихъ служивыхъ людей, отъ 2-хъ до 300 человѣкъ черкесъ и нѣсколько иностранныхъ офицеровъ и торговцевъ; но онъ принялъ на себя, именемъ Султана, званіе турецкаго паши и коменданта и сталъ распоряжаться въ городѣ, какъ бы въ столицѣ мнимаго своего владѣнія. Бывшую церковь нашу, обратилъ онъ въ мечеть, а прибывшимъ французскимъ инженерамъ не позволилъ взорвать ту часть укрѣпленія, которая была обращена къ морю.

Въ началѣ весны 1856-го года, главнокомандующій, поѣхалъ въ Черноморье, дабы ознакомиться съ тамошнимъ положеніемъ дѣлъ и для принятія нужныхъ мѣръ къ оборонѣ края, въ случаѣ высадки союзниковъ. Вся страна эта, встревоженная въ прошедшемъ году оставленіемъ Анапы, уже успокоилась, вслѣдствіе мѣръ принятыхъ вновь назначеннымъ наказнымъ атаманомъ ген.-маіоромъ Филипсономъ. Для безопасности Екатеринодара, со тщаніемъ была выстроена въ теченіи лѣта по распоряженію его, насупротивъ города, при лѣвомъ берегѣ Кубани, хорошо вооруженная каменная башня, съ боковыми, насыпными верками. Оставленное было, по прежнимъ распоряженіямъ, укрѣпленіе на Варениковской переправѣ черезъ Кубань, было снова занято Филипсономъ, исправлено и вооружено; пограничные кордоны содержались бдительно и вездѣ замѣтна была дѣятельность и вниманіе. Для охраненія праваго фланга Черноморіи, избрана была Филипсономъ, при Темрюковской станицѣ выгодная позиція, и охраняющій ее отрядъ, порученъ былъ дѣятельному и опытному штабъ-офицеру Черноморскаго войска, полковнику Бабичу.

Во время объѣзда этого края, главнокомандующій сдѣлалъ распоряженіе, для сбора на Кубани, въ случаѣ непріятельскаго десанта, до 35,000 челов. войска, не лишая праваго фланга и прочихъ частей Кавказской линіи, потребнаго количества войскъ для охраненія онаго. Лабинская линія, не была оставлена согласно прежнимъ предположеніямъ, напротивъ того, подвинулась еще впередъ въ 1855-мъ году двумя новыми укрѣпленіями, вверхъ по малой Лабѣ до подошвы Кавказскихъ горъ. Принимались также мѣры для снабженія подвижными госпиталями и артиллерійскими парками сей новой 35-ти тысячной арміи, собиравшейся изъ войскъ, входившихъ въ составъ Кавказскаго корпуса, и находившихся на правомъ же флангѣ линіи. Валы окружавшіе станицы Черноморскаго войска, для огражденія ихъ отъ внезапнаго нападенія, были всѣ возобновлены безплатно, квартировавшими въ нихъ войсками.

Главнокомандующій осмотрѣлъ также Таманскій полуостровъ и навѣстилъ груды развалинъ, въ которыя превращенъ былъ городъ Тамань союзниками въ экспедицію ихъ на сей берегъ, о коей упоминается въ четвертой главѣ. Изъ Азовскаго моря возвращались тогда черезъ проливъ англійскіе пароходы. Изъ Тамани видно было много союзныхъ судовъ, стоявшихъ на Керченскомъ рейдѣ. По произведенной ими салютной пальбѣ, можно было предполагать, что тамъ было получено извѣстіе о заключеніи ожидавшагося уже мира.

Миръ былъ дѣйствительно заключенъ—и главнокомандующій получилъ о томъ увѣдомленіе отъ военнаго министра съ фельдъегеремъ, заставшимъ его на обратномъ пути изъ Тамани—въ Темрюкѣ. Вѣсть сія застигла его среди дѣлаемыхъ имъ распоряженій къ продолженію военныхъ дѣйствій—и распоряженія сіи, были немедленно прекращены. Миновались надежды на блистательные успѣхи, которые предвидѣлись при открытіи военныхъ дѣйствій въ малой Азіи. Мы снова заняли часть Кавказскихъ береговъ Чернаго моря, и отдали туркамъ обширную и богатую Карскую область съ Поцхоскимъ санджакомъ, Баязидскій пашалыкъ и всѣ сдѣланныя нами завоеванія въ кампанію 1855-го года.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

R.

1.

ВѢДОМОСТЬ.

О числѣ убитыхъ, раненныхъ и контуженныхъ Генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, 17-го Сентября на штурмѣ Карса.

	Убито.	Ранено.	Контужено.	ИТОГО.
Генераловъ	—	4	—	4
Изъ штаба первой колонны, и прикомандированныхъ къ оной на время штурма:				
Штабъ-офицеровъ	—	1	—	1
Оберъ-офицеровъ	1	5	—	6
Изъ штаба второй колонны.				
Оберъ-офицеровъ	1	1	—	2
Пѣхота.				
Гренадерскаго полка.				
Штабъ-офицеровъ	3	3	1	7
Оберъ-офицеровъ	8	15	2	25
Резервнаго баталіона того же полка.				
Оберъ-офицеровъ	—	1	2	3
Лейбъ-карабинернаго Эриванскаго полка.				
Штабъ-офицеровъ	—	4	1	5
Оберъ-офицеровъ	4	20	3	27
Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка.				
Оберъ-офицеровъ	1	1	3	5

	Убито.	Ранено.	Контужено.	ИТОГО.
Виленскаго егерскаго полка.				
Штабъ-офицеровъ	3	1	1	5
Оберъ-офицеровъ	6	12	6	24
Рязанскаго пѣхотнаго полка.				
Оберъ-офицеровъ	—	2	—	2
Ряжскаго пѣхотнаго полка.				
Штабъ-офицеровъ	1	1	1	3
Оберъ-офицеровъ	4	7	5	16
Бѣлевскаго егерскаго полка.				
Штабъ-офицеровъ	2	1	1	4
Оберъ-офицеровъ	14	14	8	36
Тульскаго егерскаго полка.				
Штабъ-офицеровъ	—	2	—	2
Оберъ-офицеровъ	13	9	4	26
Двухъ баталіоновъ Мингрельскаго егерскаго полка.				
Штабъ-офицеровъ	—	2	—	2
Оберъ-офицеровъ	6	9	3	18
Кавказскаго сапернаго баталіона.				
Оберъ-офицеровъ	3	1	—	4
Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.				
Штабъ-офицеровъ	1	—	—	1
Оберъ-офицеровъ	—	1	1	2
Артиллерія.				
Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.				
Штабъ-офицеровъ	1	—	—	1
Оберъ-офицеровъ	1	4	1	6
13-й артиллерійской бригады.				
Штабъ-офицеровъ	—	—	1	1
Оберъ-офицеровъ	—	1	—	1

	Убито.	Ранено.	Контужено.	ИТОГО.
Донской конно-артиллерійской № 6-го батареи.				
Штабъ-офицеровъ	—	—	1	1
Вновь сформированнаго изъ турецкихъ орудій горнаго дивизіона.				
Оберъ-офицеровъ	—	2	—	2
Кавалерія.				
Тверскаго драгунскаго полка.				
Оберъ-офицеровъ	—	—	2	2
Нижегородскаго драгунскаго полка.				
Оберъ-офицеровъ	1	1	--	2
Сборно-линейныхъ казачьихъ полковъ.				
№ 1-го				
Штабъ-офицеровъ	—	1	—	1
Оберъ-офицеровъ	—	2	1	3
№ 2-го				
Оберъ-офицеровъ	—	2	—	2
Тифлисской и Горійской дворянскихъ дружинъ.				
Оберъ-офицеровъ	—	1	—	1
Итого. . . Генераловъ	—	4	—	4
Итого. . . Штабъ-офицеровъ . .	11	16	7	34
Итого. . . Оберъ-офицеровъ . .	63	110	41	214

2.

ВѢДОМОСТЬ.

О числѣ убитыхъ, раненыхъ, контуженныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ 17-го Сентября на штурмѣ Карса.

	Убито.	Ранено.	Контужено.	Безъ вѣсти пропало.	ИТОГО.
Пѣхота.					
Гренадерскаго полка	259	695	190	33	1,177
Резервнаго баталіона того же полка.	39	66	13	—	118
Лейбъ-карабинернаго Эриванскаго полка	168	616	178	80	1,042
Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка .	48	151	45	26	270
Виленскаго егерскаго полка. . .	468	418	48	—	934
Рязанскаго пѣхотнаго полка . .	35	35	17	3	90
Ряжскаго пѣхотнаго полка . . .	157	322	90	7	576
Бѣлевскаго егерскаго полка . . .	377	531	84	—	992
Тульскаго егерскаго полка . . .	350	335	95	5	785
Двухъ баталіоновъ Мингрельскаго егерскаго полка	255	312	63	5	635
Кавказскаго сапернаго баталіона.	66	126	42	—	234
Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.	7	53	19	5	84
Артиллерія.					
Кавказской гренадерской артиллерійской бригады батарейной № 1-го батареи	8	29	21	—	58
Резервной батареи той же бригады.	—	1	4	—	5
Батарейной № 2-го батареи. . .	1	1	2	—	4
Легкой № 1-го батареи	10	28	2	—	40
13-й артиллерійской бригады.					
Бригаднаго штаба	—	1	—	—	1
Дивизіона легкой № 2-го батареи.	3	9	9	—	21
Вновь сформированнаго изъ турецкихъ орудій горнаго дивизіона .	2	7	5	—	14

	Убито.	Ранено.	Контужено.	Безъ вѣсти пропало.	ИТОГО.
Кавалерія.					
Тверскаго драгунскаго полка . .	1	11	7	—	19
Нижегородскаго драгунскаго полка	11	18	4	—	33
Сборно-линейныхъ казачьихъ полковъ.					
№ 1-го	1	21	10	—	32
№ 2-го	4	16	6	—	26
Донскихъ казачьихъ полковъ.					
№ 4-го	4	8	1	—	13
№ 35-го.	—	1	3	—	4
Грузинскихъ дружинъ.	3	6	3	—	12
Милиціи гвардіи полковника Лориса-Меликова	—	1	—	—	1
Конвойной команды	1	1	—	—	2
А всего.	2,278	3,823	961	164	7,226

3.

ИМЯННОЙ СПИСОКЪ.

Генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, убитымъ, раненымъ и контуженнымъ 17-го Сентября на штурмѣ Карса.

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Генералъ-Лейтенанты.	
1	Ковалевскій	Умеръ 21 Сентября.
	Князь Гагаринъ 1-й	Тяжело ранены.
	Генералъ-Маіоры.	
	Майдель.	
4	Броневскій.	
	Состоявшіе при Генералъ-Лейтенантѣ Ковалевскомъ.	
1	Адъютантъ его поручикъ Сикорскій. .	
	Старшій Адъютантъ штаба 13-й пѣхотной дивизіи штабсъ-капитанъ Трикоза	Убитъ.
	Гевальдигеръ штаба 13-й пѣхотной дивизіи поручикъ Родіоновъ.	Ранены.
	Генеральнаго штаба капитанъ Радичь .	
	Прикомандированные на время штурма къ колоннѣ Ген. Ковалевскаго.	
	Генеральнаго штаба полковникъ Рудановскій	Ранены.
	Путей сообщенія капитанъ Казначеевъ.	
	Состоявшій при подполковникѣ Кауфманѣ.	
	Лейбъ-карабинернаго Эриванскаго полка подпоручикъ Макѣевъ.	

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Состоявшій при Генералъ-Маіорѣ Майдель въ должности старшаго адъютанта.	
8	Кабардинскаго егерскаго полка поручикъ Ивенсенъ	Убитъ.
	Гренадерскаго полка.	
	Маіоры.	
	Командиръ 1-го баталіона.	
1	Герсевановъ	Убиты.
	Командиръ 2-го баталіона.	
	Вальховскій	
	Теръ-Гукасовъ	
	Пирадовъ	Раненъ.
	Командующій тремя ротами 4-го баталіона.	
	Вибергъ	Контуженъ.
	Князь Трубецкой	Ранены.
7	Князь Аваловъ	
	Капитаны.	
1	Гулленбегенъ	Тяжело раненъ.
	Тарсаидзе	Раненъ.
	Теръ-Степановъ	Убиты.
	Штабсъ-Капитаны.	
	Колмогордскій	
	Арестакесъ	Раненъ.
	Поручики.	
	Пилларъ-фонъ-Пильхау	Раненъ.
	Петровъ	Убитъ.

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Подпоручики.	
	Юдинъ	Убиты.
	Пожидаевъ	Убиты.
10	Єаковъ	Тяжело ранены.
	Саранжевъ	Тяжело ранены.
	Кваліевъ	Ранены.
	Пилларъ-фонъ-Пильхау	Ранены.
	Черкасовъ	Ранены.
	Богдановскій	Ранены.
	Коргановъ	Ранены.
	Сухотинъ	Контужены.
	Агаповъ	Контужены.
	Прапорщики.	
	Кополадзе	Убиты.
20	Гедевановъ	Убиты.
	Быковъ	Убиты.
	Ратіевъ	Легко раненъ.
	Орбеліанъ	Ранены.
	Цниціановъ	Ранены.
25	Князь Гуріель	Ранены.
	Резервнаго баталіона того же полка.	
1	Поручикъ Потебня	Контуженъ.
	Прапорщики.	
	Кабаянъ	Раненъ.
3	Селивановъ	Контуженъ.
	Л. карабинернаго Эриванскаго полка.	
1	Подполковникъ Баронъ Врангель	Легко раненъ.

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Маіоры.	
	Визировъ	Тяжело ранены.
	Баронъ Врангель	Тяжело ранены.
	Рогожинъ	Тяжело ранены.
5	Бѣлогородскій	Контуженъ.
	Капитаны.	
1	Кантуровъ.	Тяжело ранены.
	Полянскій	Тяжело ранены.
	Чакалинъ	Легко раненъ.
	Соколовскій	Убитъ.
	Штабсъ-Капитаны.	
	Мендѣлеевъ	Легко раненъ.
	Микадзе.	Тяжело раненъ.
	Ковторадзе	Легко раненъ.
	Бучкіевъ	Тяжело раненъ.
	Поручики.	
	Голынецъ	Тяжело ранены.
10	Мартуладзе	Тяжело ранены.
	Калиновскій	Тяжело ранены.
	Верещинскій	Контужены.
	Князь Гедевановъ	Контужены.
	Беръ.	Убиты.
	Денфоръ	Убиты.
	Подпоручики.	
	Нарышкинъ	Легко раненъ.
	Адраціани	Тяжело ранены.
	Натіевъ.	Тяжело ранены.
	Олизаръ.	Контуженъ.

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Прапорщики.	
20	Глеченко	Тяжело ранены.
	Эндауровъ.	
	Шервашидзе	
	Меценовъ	Легко раненъ.
	Ковторадзе	Тяжело ранены.
	Нижерадзе.	
	Нацваловъ.	
27	Сованеловъ	Убитъ.
	Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка.	
1	Капитанъ Филимоновъ	Контуженъ.
	Поручикъ Небескій.	Раненъ.
	Подпоручикъ Гамчагурди	Контуженъ.
	Прапорщики.	
	Сохацкій	Убитъ.
5	Дмитріевъ	Контуженъ.
	Виленскаго егерскаго полка.	
	Командиръ полка.	
1	Полковникъ Шликевичъ	Убитъ.
	Подполковники.	
	Одинцовъ . . :	Убитъ.
	Кулеша.	Контуженъ.
	Маіоры.	
	Де-Жерье	Убитъ.
5	Юрьевъ.	Раненъ.
1	Капитанъ Невельскій	Раненъ.

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Штабсъ-Капитаны.	
	Фромандіеръ	Убитъ.
	Попе . . . . , .	Тяжело раненъ.
	Поручики.	
	Кондрацкій	Раненъ.
	Ванинъ.	Убитъ.
	Обручевъ	Раненъ.
	Орезгунъ . . :	
	Маашниковъ	Контужены.
	Гримъ	
10	фонъ-Рубенау.	Раненъ.
	Натара	Тяжело раненъ.
	Подпоручики.	
	Ковальскій	Убиты.
	Сухинъ	
	Суринъ	Ранены.
	Голосовъ	
	Годзе	Тяжело раненъ.
	Сикорскій 2-й	Контуженъ.
	Прапорщики.	
	Сульчинскій	Убиты.
	Хартуляріи	
20	Пащенко	Раненъ.
	Авраховъ	Тяжело раненъ.
	Скульскій	Раненъ.
	Голянскій	Контужены.
24	Савичь	

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Рязанскаго пѣхотнаго полка.	
	Прапорщики.	
1	Дьяковъ	Ранены.
2	Подгорецкій	
	Ряжскаго пѣхотнаго полка.	
	Командиръ полка.	
1	Полковникъ Ганецкій 2-й	Контуженъ.
	Командиръ 2-го баталіона.	
	Полковникъ Брещинскій.	Убитъ.
3	Маіоръ Грузинцовъ.	Раненъ.
	Капитанъ Хлюстинъ	Убитъ.
	Поручикъ Андреевъ	Раненъ.
	Подпоручики.	
	Яцынъ 2-й	Контуженъ.
	Яцынъ 1-й.	Взятъ въ плѣнъ раненый и возвращенъ по взятіи Карса.
	Симоновъ	
	Ладыженскій	Ранены.
	Ломачевскій	
	Прапорщики.	
	Эринсъ	
	Радкевичь	Убиты.
10	Пуцеревскій	
	Лесли	Ранены.
	Ждановъ	
	Полубинскій	
	Гедіоповъ	
	Певницынъ	Контужены.
16	Марченко	

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Бѣлевскаго егергскаго полка.	
	Командиръ полка.	
1	Полковникъ Неёловъ 2-й.	Раненъ.
	Командиръ 4-го баталіона.	
	Подполковникъ Жефаридзевъ	Убитъ.
	Маіоры.	
	Командиръ 1-го баталіона.	
	Жиллетъ	Контуженъ.
	Командиръ 3-го баталіона.	
4	Скородумовъ	Убитъ.
	Капитаны.	
1	Новосельскій	Контуженъ.
	Хотяинцевъ	Раненъ.
	Загорскій	Контуженъ.
	Штабсъ-Капитаны.	
	Палеологъ.	Ранены.
	Звягинъ	
	Ковалевскій	
	Пятницкій.	
	Зеленинъ	
	Поручики.	
	Сидорскій	Убиты.
10	Дышлевскій	
	Браслинскій	
	Брекелевъ.	
	Ильинскій 1-й	
	Кудрявцовъ	
	Доновъ	Ранены.
	Бородка	

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Подпоручики.	
	Масальскій-Кашура	Убиты.
	Лашкевичь.	
	Чулковъ 1-й	
	Сашальскій	
	Ильинскій 2-й	
	Вольскій	
	Бучинскій	Ранены.
	Князь Гагаринъ	
	Гофштетеръ	
	Коронико	
	Хрещевъ	
	Языковъ	
	Кольчугинъ	
	Павловъ.	Контужены.
	Старожевскій.	
	Прапорщики.	
	Реутовъ	Раненъ.
	Князь Волконскій	Контужены.
	Щеиновъ	
	Целанскій	
	Алексѣевъ	
	Тульскаго егерскаго полка.	
	Маіоры.	
	Михайловъ	Ранены.
	Афремовъ	
	Штабсъ-Капитаны.	
	Дударь	Убитъ.
	Клушинъ	Раненъ.

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Поручики.	
	Апухтинъ	Убиты.
	Емельяновъ	
	Бобровъ	
	Чернопятовъ	
	Вышневскій	Раненъ.
	Кутновскій	Контуженъ.
	Подпоручики.	
	Любимовъ	Взятъ въ плѣнъ раненый и возвращенъ по взятіи Карса.
10	Соболевскій	Убиты.
	Борисовъ	
	Голицынскій 1-й	
	Зарецкій 1-й	
	Горбатовъ	Ранены.
	Голицынскій 2-й.	
	Коленда	
	Ярмушъ	Контуженъ.
	Прапорщики.	
	Богоявленскій	Убиты.
	Раппъ	
20	Саранчевъ.	
	Шамаринъ.	
	Савченко	Ранены.
	Чистяковъ	
	Зарецкій 2-й	
	Лосовскій	Контужены.
26	Гедвило	
	Мингрельскаго егерскаго полка.	
1	Полковникъ Серебряковъ	Ранены.
	Маіоръ Баумъ	

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Капитаны.	
1	Якунинъ	Ранены.
	Хандомировъ	
	Соколовскій	
	Хитровъ	Контуженъ.
	Поручики.	
	Абашидзе	Ранены.
	Сулхановъ	
	Ищенко	
	Терпеловскій	Убиты.
	Долухановъ	
10	Поповъ	
	Подпоручикъ Бѣляевъ	Убитъ.
	Прапорщики.	
	Де-Ридель	Ранены.
	Шмаковъ	
	Жикинъ	
	Мухранскій	Контужены.
	Погуляй	
	Баратовъ	Убиты.
18	Литебрантъ	
	Кавказскаго Саперного баталіона.	
	Штабсъ-Капитаны.	
1	Кокаревъ	Убиты.
	Аксеновъ 2-й	
	Поручикъ Аксеновъ 1-й	
4	Подпоручикъ Купферъ	Тяжело раненъ.

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.	
	Командиръ баталіона.	
1	Полковникъ Лузановъ	Убитъ.
	Капитанъ Каменскій	Раненъ.
	Поручикъ Грессеръ.	Контуженъ.
	Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.	
1	Полковникъ Москалевъ	Убитъ.
	Той же бригады батарейной № 1-го батареи.	
	Штабсъ-Капитанъ Дударовъ	Убитъ.
	Поручикъ Давыдовъ 6-й	Легко раненъ.
3	Прапорщикъ Мензенкампфъ	Тяжело раненъ.
	Легкой № 1-го батареи.	
1	Поручикъ Свичевскій	Контуженъ.
	Подпоручикъ Гасфортъ	Ранены.
3	Прапорщикъ Князь Гагаринъ	
	13-й полевой артиллерійской бригады.	
1	Полковникъ Тигерстетъ	Контуженъ.
2	Поручикъ Пивоваровъ.	Раненъ.
	Донской конно-артиллерійской № 6-го батареи.	
1	Подполковникъ Двухженовъ	Контуженъ.

№	Чины и фамиліи.	Отмѣтка.
	Вновь сформированнаго горнаго дивизіона.	
1	Штабсъ-Капитанъ Броневскій	Ранены.
2	Поручикъ Дулухановъ.	
	Тверскаго драгунскаго полка.	
1	Капитанъ Ачкасовъ	Контужены.
2	Поручикъ Слатинъ.	
	Нижегородскаго драгунскаго полка.	
	Прапорщики.	
1	Вердеревскій	Раненъ.
	Князь Грузинскій	Убитъ.
	Сборныхъ линейныхъ казачьихъ полковъ.	
	№ 1-го.	
1	Войсковой старшина Тришатный. . .	Раненъ.
	Есаулы.	
1	Соколовъ	Ранены.
	Огіевскій	
3	Колосовъ	Контуженъ.
	№ 2-го.	
1	Сотникъ Анонкинъ.	Ранены.
2	Хорунжій Кузьминъ	
	Тифлисской и Гурійской дворянскихъ дружинъ.	
1	Прапорщикъ Черкезовъ	Раненъ.

S.

Фирманъ и двѣ граматы Султана.

1.

Фирманъ арміи въ Карсѣ.

Главнокомандующему нашей арміи въ Анатоліи Меллидъ-Васифъ-Пашѣ.

Да будетъ тебѣ извѣстно по полученіи сей царской граматы, тебѣ вышеназванному Визирю, что я поздравляю тебя и вмѣстѣ съ тобою фериковъ (дивизіонныхъ начальниковъ), эмировъ (командующихъ), забитовъ (офицеровъ) и всѣхъ храбрыхъ солдатъ, съ совершеннымъ успѣхомъ увѣнчавшимъ нынѣ ваше оружіе. Вы удержали Карсъ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, противъ непріятеля втрое-кратъ сильнѣе васъ; стойкостью вашею, соблюденіемъ дисциплины и перенесеніемъ лишеній, вы явили величайшія добродѣтели воина и всѣ доказали вашу храбрость.

Доблесть сія, еще болѣе выразившаяся 17-го Мугарема въ отраженіи непріятельской атаки, прославляя отечество наше и родъ, заслуживаетъ одобреніе всего свѣта.

Вы оказали себя достойными поборниками и братьями по оружію храбрыхъ союзниковъ нашихъ, одержавшихъ знаменитыя побѣды въ Крыму, какъ и храбрыхъ людей коихъ имена прославились при осадѣ Силистріи. Начиная отъ главнокомандующаго до солдата, вы всѣ, равно и союзные начальники и офицеры служащіе въ нашей арміи, вполнѣ доказали свою храбрость и преданность и одержали побѣду, которая украситъ исторію нынѣшней войны вмѣстѣ съ именами вашими. Заслуги ваши удостоиваются нашего царскаго признанія, и вы всѣ служите предметомъ Моего постояннаго доброжелательства.

Въ милостивомъ вниманіи нашемъ останутся на всегда тѣ, которые пали за отчизну свою и родъ; оставшихся отъ нихъ сиротъ призрю какъ собственныхъ своихъ дѣтей, и всѣмъ имъ окажется на дѣлѣ мое особенное царское благоволеніе. Всѣ тѣ, которые участвовали въ сей побѣдѣ, удостоятся за заслуги ихъ получить почетную медаль, которую мы приказали нынѣ же изготовить.

Почести коими вознаграждаются особенныя заслуги главнаго начальника и старшихъ офицеровъ, отзываются на всей арміи. Ты, лично оказалъ усердіе и искуство свое, какъ въ начальствованіи надъ войскомъ, такъ и въ защитѣ крѣпости и въ достиженіи настоящаго торжественнаго исхода. Ты доносишь, что знаменитые ферики Керимъ-Паша и Вилліамсъ-Паша и Мирлива-Паши, въ особенности доказали преданность свою и мужество. Посему мы жалуемъ тебѣ саблю богато-украшенную алмазами; Керимъ и Вилліамсъ-Пашамъ знаки моего царскаго ордена Меджидіэ 2-й степени и вмѣстѣ съ тѣмъ сабли; въ ознаменованіе же особеннаго благоволенія нашего къ Мирлива-Пашамъ и къ другимъ начальникамъ и офицерамъ, мы приказали доставить тебѣ знаки разныхъ степеней нашего царскаго ордена Меджидіэ, какъ и почетныхъ военныхъ орденовъ для награжденія тѣхъ, которые удостоились оныхъ своею храбростью. Вполнѣ признаемъ усердіе и мужество оказанное всѣми жителями Карса, за что и получатъ они награду.

Заслуги оказанныя всѣми вами, достойны похвалы и одобренія почему въ знакъ благоволенія нашего, какъ и въ знакъ признательности, мы приказали послать черезъ Диванъ настоящую грамату, украшенную подписью нашей державной руки.

По полученіи сего достославнаго повелѣнія, ты гласно объявишь наше царское удовольствіе всѣмъ нашимъ начальникамъ, забитамъ и нижнимъ чинамъ арміи; и ты приложишь все свое стараніе дабы они и впредь вели себя въ согласность съ нашимъ царскимъ желаніемъ и съ ихъ вѣрною обязанностью, поддерживая съ преданностью и мужествомъ государство, дабы вящше возросло къ нимъ наше царское благоволеніе.

Да будетъ сіе извѣстно тебѣ, и вполнѣ положись на державную подпись.

Дано въ половинѣ мѣсяца Сефера благопріятнаго, въ 1272-мъ году.

2.

Султанская грамата.

Нашему достойному Визирю, Мегмедъ-Васифъ-Пашѣ.

Мы Высочайше оцѣнили и одобрили заслуги оказанныя нашею царскою арміею, начиная отъ главнокомандующаго до солдата, со времени начала обороны крѣпости; въ особенности же признаемъ мужество оказанное ими по случаю великой побѣды дарованной Божественною милостью, какъ значится далѣе въ семъ фирманѣ.

Оборона столь важнаго мѣста какъ Карсъ, который въ нѣкоторомъ отношеніи можно считать пограничнымъ ключемъ Малой Азіи, противъ повторенныхъ нападеній непріятеля, есть великая заслуга оказанная нашей державѣ; и тѣ, которые съ самоотверженіемъ приняли участіе въ семъ великомъ дѣлѣ, достойны всякой похвалы и заслужили наше благоволеніе. Они пріобрѣли полное право на признательность и военную славу.

По сему всѣхъ ихъ поздравляя, посылаю всѣмъ имъ наше царское привѣтствіе. Всемогущій Богъ, Единый Святый, да сохранитъ ихъ во всей чести, какъ въ семъ мірѣ такъ и въ будущемъ и да удостоитъ Онъ своего милосердія тѣхъ изъ нихъ, которые положили жизнь свою въ семъ дѣлѣ.

Аминь! Благословеніемъ Господа и Его Пророковъ.

3.

Султанская грамата.

Моему достойному Визирю Мегмедъ-Васифъ-Пашѣ.

Намъ давно извѣстна вѣрность карскаго народа.

Любовь къ отчизнѣ и твердость оказанныя онымъ, какъ мущинами, такъ и женщинами во время осады и въ особенности тогда какъ оно присоединилось къ нашей царской арміи для отраженія послѣдняго приступа, возвысило доброе имя коимъ они пользуются и увеличило права ихъ на наше благоволеніе—даже много увеличило ихъ.—Они всѣ достойны нашего доброжелательства.

Царская воля наша положительно состоитъ въ томъ, чтобы въ вознагражденіе столь знаменитыхъ заслугъ, ты бы привелъ въ надлежащее исполненіе льготы дарованныя имъ нашимъ державнымъ фирманомъ.

Т.

Переводъ турецкихъ писемъ, перехваченныхъ нашими разъѣздами, послѣ штурма 17-го Сентября.

1.

Отъ 23-го Мугарема.

«17-го Мугарема, въ Субботу, произошло сраженіе между нами и московомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, такого сраженія еще не было. Съ утра, въ укрѣпленіяхъ, во рвахъ, за рвами, штыкъ скрестился со штыкомъ, небесные ангелы заплакали за мусульманскій народъ и Богъ даровалъ побѣду. Гяуры поражены и разбиты Жители и войско три дня зарывали ихъ тѣла. По составленному списку, они потеряли убитыми до 10,000; кромѣ того, раненыхъ и попавшихся въ плѣнъ будетъ болѣе 700 человѣкъ. Народъ мусульманскій топталъ тѣла русскихъ генераловъ, маіоровъ и драгунскихъ офицеровъ. Вся вообще потеря ихъ въ этотъ день составляетъ болѣе 25,000. Мы ждали помощи отъ Вели-Паши, Гафизъ-Паши и изъ Эрзрума; но ангелы отъ Бога поспѣли на нашу помощь. Богъ своею милостію и пророкъ своимъ благословеніемъ, въ снисхожденіи къ малолѣтнимъ, даровалъ намъ такое торжество. Убитыхъ карскихъ жителей 93, а раненыхъ 150. Изъ войскъ убито и ранено до 500 чел. О лазахъ, если спросишь, то какъ аджарцы, такъ и ливанцы— да помрачатся лики ихъ — убѣжали за крѣпость. Прошу Бога Всевышняго, чтобы прекратилъ жизнь этихъ лазовъ и даровалъ бы ее молодцамъ чернобрючникамъ (низаму и артиллеристамъ). Мы отомстили гяурамъ за пятьдесятъ годовъ. Добыча досталась значительная. Есть такіе изъ нижнихъ чиновъ, которымъ досталась до 150 киссе (кошельковъ изъ коихъ каждый считается въ 500 курушей), считая въ томъ числѣ стоимость часовъ, золотыхъ перстней и т. д. Я еще мало пишу; въ официальныхъ извѣстіяхъ вы получите полное описаніе. Мы находились также въ сраженіи, но Богъ сохранилъ насъ; кому суждено было — тотъ умеръ. Непріятель по прежнему стоитъ у Чифтлигая».

«Въ этомъ сраженіи отъ 70-ти до 80-ти женщинъ, съ покрывалами на головахъ, съ босыми ногами, приносили хлѣбъ и раздавали его войскамъ во время дѣла».

Печ. «Забитъ-Аги».

2.

Отъ 23-го Мугарема.

«17-го Мугарема, русскіе, въ числѣ 40,000 штурмовали карскія укрѣпленія двумя колоннами, изъ которыхъ одна состояла изъ 10,000 и шла противъ Инглисъ-Табіэ, находящейся надъ сел. Чакмахомъ; другая, имѣвшая около 30,000 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи и со всею своею артиллеріею, атаковала Тахмасъ-Табіэ. Утромъ въ 10-ть часовъ, съ обѣихъ сторонъ началось сраженіе, продолжавшееся непрерывно до $5\frac{1}{2}$ часовъ дня; всего $7\frac{1}{2}$ часовъ. Въ теченіи этого времени съ обѣихъ сторонъ выстрѣлы не прекращались ни на минуту. Русскіе три раза овладѣвали Тахмасъ и Инглисъ-Табіями. Падишахское войско каждый разъ вытѣсняло ихъ изъ укрѣпленій. Въ четвертый разъ, русскіе возобновили приступъ со всѣми своими силами и завладѣли снова укрѣпленіями. Положеніе наше было отчаянное; но въ эту минуту, съ надеждою на Божію помощь и на благословеніе пророка, падишахское войско оказало величайшее мужество и неустрашимость, и съ крикомъ Аллахъ! Аллахъ! устремясь на непріятеля, выбило его изъ укрѣпленія. Противу этого стремительнаго натиска, Гяуры не могли болѣе устоять; пораженные и разбитые, они отступили въ свой лагерь. Въ укрѣпленіяхъ и за ними, отъ множества труповъ гяуровъ, не было прохода; въ пять дней едва мы успѣли ихъ похоронить. Чиновники, назначенные начальствомъ для сосчитанія ихъ труповъ, показали убитыхъ 8,100; взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 150 челов. Въ теченіи семи-часоваго сраженія, 500 арбъ у невѣрныхъ безпрерывно отвозили раненыхъ и убитыхъ въ ихъ лагерь. Приблизительно, ихъ потеря состоитъ, исключая раненыхъ, изъ 15,000 челов. Изъ падишахскаго войска едва будетъ 800 убыли. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ русскіе, они не видали такого огня. Со времени Адама и до сихъ поръ, на лицѣ земномъ не происходило такого сраженія. Всякій человѣкъ выстрѣлилъ по двадцати связокъ патроновъ. Благодареніе Богу Всевышнему, что онъ удостоилъ насъ такого торжества. Зная, что это пріятное извѣстіе порадуетъ васъ и другихъ, я считаю особеннымъ удовольствіемъ сообщить вамъ оное, дражайшій родитель».

Печать «Нури».

3.

Отъ 21-го Мугарема.

Изложеніе хода штурма и сверхъ того: «войска пріобрѣли большую добычу; у насъ осталось множество ружей, перевязей, патроновъ. Изъ государственныхъ людей генералъ Абдулъ Керимъ-Паша получилъ раны въ лѣвое плечо и въ ногу, но не опасныя. Изъ штабъ-офицеровъ убитъ командиръ 1-го пѣхотнаго полка, Кара-Ахмедъ-Бекъ, а два другіе полковые командиры ранены».

Печать «Рушти».

4.

Тоже что въ 3-мъ, съ прибавленіемъ, что: «убитъ командиръ 1-го пѣхотнаго полка, Кара-Ахмедъ-Бекъ, и ранены: 2 миралая, 1-нъ каймакамъ и 3 бимбаши» *).

5.

Отъ 25-го Мугарема.

Пишетъ о сраженіи кратко и говоритъ, что: «о числѣ убитыхъ русскихъ, можно судить по тому, что платя работникамъ за похороны каждаго тѣла по 40 паръ, издержано 10,000 курушей».

Печать «Али-Аги».

6.

Отъ 21-го Мугарема.

«Русскія войска съ 4-хъ сторонъ штурмовали карскія укрѣпленія. Падишахское войско мужественно встрѣтило ихъ натискъ. Изъ русскихъ погибло болѣе 10,000 и осталось у насъ въ плѣну 680 человѣкъ. Перомъ нельзя описать мужества падишахскаго вой-

*) Миралай — полковой командиръ; каймакамъ — подполковникъ; бимбаши — баталіонный командиръ.

ска въ этомъ сраженіи; русскіе были разбиты и отступили на свою позицію. Съ нашей стороны потеря слѣдующая: изъ жителей Карса— убито и ранено 250, изъ падишахскаго же войска 500 человѣкъ. Русскіе оставили въ нашихъ рукахъ 4 орудія и 1-нъ ящикъ. О числѣ ружей можете судить по числу ихъ убтыхъ и раненыхъ».

Печать «Ахмедъ-Аги».

(*Приписка*) «Говорятъ, что русскіе уйдутъ; если это подтвердится, то я пришлю требуемыя вами деньги, если не уйдутъ, то дѣло наше остается только на волю Божію».

7.

Въ Эрзрумъ отъ 22-го Мугарема.

Послѣ подобнаго же описанія штурма: «при Тахмасъ-Табіэ взято нами 5 орудій и 5 пустыхъ зарядныхъ ящиковъ Потеря гяуровъ, за исключеніемъ подобранныхъ ими тѣлъ, простирается до 8,447 убитыми. Наша потеря, вмѣстѣ съ карскими жителями, состоитъ изъ 800 челов. убитыхъ и раненыхъ. Русскіе стоятъ лагеремъ у дер. Чифтлигая».

Печать «Тосунъ Зааде».

8.

Отъ 25-го Мугарема Хаджи Ибрагиму.

«Богъ дастъ дорога откроется. Въ умъ не приходило, чтобы невѣрные были разбиты; однако же Богъ послалъ это. Такимъ же образомъ Богъ пошлетъ и благоденствіе».

Печать «Али-Аги».

9.

Луна Мугарема.

«Невѣрные, 17-го Мугарема съ разсвѣтомъ, въ десять часовъ, штурмовали карскія укрѣпленія, называемыя Тахмасъ-Табіэ, Вели-Паша-Табіэ, Инглисъ-Табіэ и Канлы-Табіэ. Пушечный и ружейный огонь не прекращался до пяти часовъ по восхожденіи солнца. Невѣрные три раза брали Тахмасъ и Инглисъ-Табіэ; падишахское вой-

ско оказало мужество, заставя ихъ отступить пораженными. Потеря ихъ ранеными и убитыми около 20,000; жители Карса вмѣстѣ съ войскомъ три дня уже заняты похоронами ихъ тѣлъ».

Печать «Магомедъ»

10.

Отъ купца Мулла-Сеидъ своему брату Авесъ-Хамидъ-Агѣ.

«Со стороны Тахмасъ-Табіэ и Чакмахъ-Табіэ, гяуры произвели штурмъ. Началось сраженіе, для котораго русскіе двинули всю свою армію. Богъ даровалъ торжество Исламу; невѣрные были разбиты. Что же касается до торговли, то она въ такомъ положеніи, какъ я тебя увѣдомилъ передъ симъ. Вся провизія мною уже продана; остается у меня только десять ящиковъ сахару; впрочемъ въ нѣсколько дней и это будетъ продано».

Печать «Мулла-Сеидъ».

11.

Отъ 25-го Мугарема. Отъ Дервишъ-Магомеда своему зятю.

«Пишу вамъ это письмо, какъ очевидецъ. Семь дней тому назадъ, гяуры, съ разсвѣтомъ, штурмовали тремя колоннами Тахмасъ, Инглисъ и Канлы Табіэ. Атака была страшная. Сраженіе продолжалось отъ десяти часовъ ночи до пяти часовъ дня, на штыкахъ, пушечнымъ и батальнымъ огнемъ. Подобной битвы до сихъ поръ не было видно. Русскіе два раза намѣревались завладѣть и удержать Тахмасъ и Инглисъ-Табіэ; но милостію Божіею, благословеніемъ пророка, счастьемъ падишаха, визири, всѣ вообще офицеры и побѣдоносное войско оказали примѣръ мужества и неустрашимости, противъ которыхъ не могли устоять русскіе. Число тѣлъ ихъ въ укрѣпленіяхъ и за оными простирается до 10,000, о раненыхъ можно судить по числу убитыхъ. Падишахское войско потеряло 500 человѣкъ ранеными и убитыми. Изъ карскихъ жителей, 100 человѣкъ убито и ранено. Въ числѣ убитыхъ замѣчательнѣйшія лица: Шеихъ-Хаджи, Эминъ-Эфенди, Хаджи-Гечекъ, Зааде-Юсуфъ-Эфенди; другихъ вы не знаете почему и не называю ихъ».

12.

Числа нѣтъ.

Тоже самое, слово въ слово, какъ предъидущее, только разница въ потерѣ: у русскихъ показано 9,693 убитыхъ и 10,000 раненыхъ, у турокъ убитыми и ранеными: въ войскѣ 500, изъ жителей Карса 120. «Изъ числа замѣчательныхъ лицъ убиты: Чубукчи-Хаджи Уста-Ага-Баба, Хаджи-Сулейманъ Дага-Ага, Коджа-Ага, Молла-Сулейманъ и Махмудъ-Ага».

Печать «Исмаила».

13.

Безъ числа.

«17-го Мугарема, гяуры штурмовали Карсъ со стороны Тахмасъ, Инглизъ и Вели-Табіэ. Для этого выдвинута была вся ихъ армія. При началѣ сраженія гяуры взяли двѣ табіэ, но были выбиты изъ нихъ; чрезъ полчаса имъ опять удалось взять оныя; словомъ, три раза эти двѣ табіэ переходили изъ рукъ въ руки. Большая часть ихъ войска дѣйствовала противъ Тахмасъ-Табіэ. Вообще восемь часовъ продолжался бой. Орудія изъ укрѣпленій Тесъ-Хараба и Суварп-Табіэ способствовали къ оттѣсненію гяуровъ изъ Тахмасъ-Табіэ. Въ Чакмахской табіэ, они также имѣли много потери. Противъ Канлы-Табіэ, хотя они производили пальбу изъ орудій, но это было безполезно. Всей ихъ потери съ тѣлами, оставшимися во рвахъ и палаткахъ, считается болѣе 20,000 человѣкъ. Съ нашей стороны убитыхъ и раненыхъ: въ падишахскомъ войскѣ 450 человѣкъ и немного изъ жителей Карса».

Печать «Али-Аги».

V.

Аванпостныя стычки подъ Карсомъ въ началѣ Октября.

2-го Октября, передъ разсвѣтомъ, сотенный командиръ Карабагскаго конно-мусульманскаго полка штабсъ-капитанъ Магмедъ-Бекъ, подошелъ съ партіею изъ 50-ти всадниковъ, подъ самыя укрѣпленія Карса и отбилъ пасшихся тамъ десять лошадей.

Того же числа разъѣздъ сего полка напалъ на непріятельскихъ фуражировъ. Въ происшедшей перестрѣлкѣ, у непріятеля убито три человѣка и два ранено; съ нашей стороны никакой потери не было.

3-го Октября большое количество турецкихъ фуражировъ разсыпалось отъ Карадагскихъ высотъ вдоль фронта нижняго лагеря. Тотъ же штабсъ-капитанъ Магмедъ-Бекъ, усмотрѣвъ ихъ, поскакалъ со своею сотнею къ Карсу. Фуражиры, замѣтивъ приближеніе нашихъ, начали поспѣшно удаляться подъ защиту прикрытія, выдвинувшагося впередъ. Но не смотря на несоразмѣрность силъ, карабагцы атаковали сперва прикрытіе, и, отбросивъ его къ Карадагскимъ высотамъ, устремились за уходившими фуражирами. Турки во время этого преслѣдованія, кромѣ спасшихся раненыхъ, оставили на полѣ семь тѣлъ и имѣли двухъ раненыхъ изъ регулярныхъ войскъ. При этой встрѣчѣ отбито у нихъ 37 лошадей.

4-го Октября, разъѣзды того же конно-мусульманскаго № 1-го полка, замѣтивъ, что турки, въ числѣ 150 человѣкъ вышли фуражировать около Карадагскихъ высотъ, скрылись въ балкѣ и выждавъ приближеніе ихъ, внезапно на нихъ напали. Въ этой схваткѣ у непріятеля убито семь человѣкъ, взято въ плѣнъ два баши-бозука и отбито 18 лошадей и четыре штуки рогатаго скота.

Въ ночь съ 4-го на 5-е число, 50 человѣкъ изъ команды охотниковъ Лориса-Меликова, скрытно подошли отъ моста, что при с. Кичикъ-Кевъ, къ карскимъ укрѣпленіямъ и, сдѣлавъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, съ крикомъ бросились къ валу. Турки, услышавъ пальбу, поспѣшно начали выбѣгать изъ палатокъ и открыли батальный и артиллерійскій огонь; но охотники достигнувъ своей цѣли—произвести тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ, отъѣхали безъ потери.

Тоже самое было повторено ими въ ночь съ 5-го на 6-е Октября, со стороны Канлы-Табіэ, причемъ въ укрѣпленіе пущены двѣ гра-

натныя ракеты, коими, какъ отъ перебѣжчиковъ узнано, у турокъ было ранено два человѣка.

6-го числа по утру, десять всадниковъ Карабагскаго конно-мусульманскаго полка, открывъ непріятельское стадо, бросились было къ оному, но были встрѣчены тридцатью человѣками турецкой пѣхоты; при этомъ захватили однако же у турокъ трехъ пастуховъ въ плѣнъ. Съ нашей стороны урона не было.

Въ этотъ же день, въ первомъ часу по полудни, разъѣздъ того же полка атаковалъ человѣкъ до 60-ти турецкихъ фуражировъ, изъ которыхъ трехъ изрубили и одного взяли въ плѣнъ.

11-го Октября было замѣчено сотеннымъ командиромъ сего же полка, корнетомъ Тангри-Верди-Бекъ-Ахвердовымъ, находившимся въ разъѣздѣ съ 30-ю всадниками, что подъ непріятельскими укрѣпленіями паслось стадо, прикрываемое 30-ю человѣками пѣхоты. Турки, увидѣвъ приближеніе нашихъ, сдѣлали залпъ изъ ружей; но всадники, опрокинувъ прикрытіе, порубили нѣсколько человѣкъ и отбили тринадцать штукъ рогатаго скота.

V.

Копія съ письма Омеръ-Паши къ генералу Вилліамсу.

Au Quartier général
Soukoum Kale le 14
Octobre 1855.

Mon général.

J'ai l'honneur d'accuser la reception de votre lettre du 2 Oct. pour laquelle je vous offre mes meilleurs remerciments.

Il me fait le plus grand plaisir que le commencement de nos Communications est si heureux et je vous félicite sur la victoire glorieuse du 29 du mois passé, à laquelle vous avez beaucoup contribué par votre présence avec l'armée et par la constance avec laquelle vous avez partagé avec eux les privations d'un long blocus, leurs fatigues et leurs dangers.

*

Quoique je n'ai pas le plaisir de vous connaitre personnellement, j'espère, mon Général, que vous continuerez vos communications avec moi, qui ont commencé d'un si bon augure et que les évenements ou l'union des deux corps d'armée peuvent me donner l'occasion de faire votre connaissance et de vous remercier de ma personne.

Agréez mon général l'assurance de ma très haute considération.

Le Généralissime de l'armée Ottomanne

Omer.

Au général Williams. C. B.
Commissaire de la Reine
etc. etc. etc.

Переводъ.

Главная квартира Сухумъ-Кале
$\frac{14}{2}$ Октября 1855.

Ваше Превосходительство.

Честь имѣю увѣдомить Васъ о полученіи письма Вашего отъ $\frac{2\text{ Октября}}{10\text{ Сентября}}$, за которое много благодарю Васъ.

Для меня очень пріятно, что первыя сношенія наши начинаются такъ благополучно, и вмѣстѣ съ тѣмъ поздравляю Васъ со славною побѣдою $\frac{29}{17}$ числа прошедшаго мѣсяца, къ коей Вы много способствовали присутствіемъ Вашимъ при арміи и постоянствомъ, съ которымъ раздѣляли, переносимыя войсками лишенія при продолжительной блокадѣ, ихъ труды и опасности.

Хотя я не имѣю удовольствія лично васъ знать, надѣюсь однакоже Ваше Превосходительство, что сношенія между нами, начавшіяся подъ столь пріятнымъ предзнаменованіемъ, не прекратятся и что событія или соединеніе нашихъ двухъ корпусовъ, доставитъ мнѣ случай познакомиться съ Вами и лично благодарить Васъ.

Примите, Ваше Превосходительство, увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи

Генералиссимусъ Оттоманской арміи

Омеръ.

Генералу Вилліамсу
Коммисару Королевы.
и проч. и проч. и проч.

W.

Стычки подъ Карсомъ съ 12-го по 22-е Октября.

12-го Октября конно-мусульмане Карабагскаго полка, подъ командою Али-Бека Михмандарова, отбили изъ подъ карскихъ батарей тридцать пять турецкихъ лошадей и захватили оружіе, брошенное въ бѣгствѣ баши-бозуками и регулярными кавалеристами, изъ коихъ нѣсколькихъ изрубили.

13-го Октября, графъ Households усмотрѣвъ, что человѣкъ до двухъ сотъ непріятельскихъ фуражировъ вышло изъ Карса по направленію къ с. Гани-Кёвъ, послалъ конно-мусульманскаго Карабагскаго полка прапорщика Ростомъ-бекъ-Ляла-Бекова съ 20-ю всадниками, дабы воспрепятствовать фуражировкѣ непріятеля. Скрытно приблизившись, всадники бросились на турокъ, которые въ замѣшательствѣ побѣжали къ своимъ укрѣпленіямъ, оставивъ на полѣ двухъ человѣкъ убитыми и въ нашихъ рукахъ, шесть плѣнныхъ и восемь лошадей.

16-го и 17-го Октября, разъѣздами того же полка, высылаемыми изъ Хаджи-Вали и с. Гани-Кёвъ, было отбито у самыхъ карскихъ укрѣпленій 18-ть лошадей.

18-го Октября, разъѣздомъ блокаднаго отряда при с. Меликъ-Кёвъ, захвачено 17-ть человѣкъ жителей Карса, вышедшихъ фуражировать, какъ они показали, собственно для своего пропитанія.

Въ ночь съ 19-го на 20-е число, около 11-ти часовъ пополудни, партія въ 14-ть человѣкъ безъ оружія, вышла изъ Карса и была взята на аванпостахъ отряда при с. Меликъ-Кёвъ. Спустя часъ послѣ этого, другая партія, около 40-ка человѣкъ лазовъ, хотѣла прорваться черезъ туже цѣпь. Въ происшедшей схваткѣ съ казаками, лазы потеряли 23 человѣка убитыми, двухъ ранеными и десять плѣнными; у насъ убитъ одинъ и ранено два казака.

Въ ночь съ 20-го на 21-е Октября, 25-ть человѣкъ команды охотниковъ Лориса-Меликова, подойдя къ Канлы-Табіэ, пустили въ турецкій лагерь двѣ ракеты и открыли ружейный огонь по стоявшимъ на валу часовымъ, что произвело общую тревогу въ непріятельскихъ войскахъ, послѣ чего охотники отступили безъ потери.

X.

Копія съ письма Джемалъ-Эддина къ генералъ-маіору Барону Николай.

На условія Ваши на счетъ торговли отецъ согласенъ, только не знаю на долго ли будутъ существовать они. Мнѣ сказали мачихи: Муссу болѣе одного раза въ Хасавъ-Юртъ, не пуститъ отецъ.

Въ пятницу, 30-го Октября, я запечаталъ письмо къ турецкому Султану. Очень хотѣлось приписать къ нему нѣсколько словъ, что при слѣдующемъ случаѣ непремѣнно сдѣлаю, чтобы онъ пересталъ морочить горцевъ. Въ Маѣ, Абдулъ-Меджидъ прислалъ брату Кази-Магомету, *знамя* съ изображеніемъ луны со звѣздой, а вокругъ сіяніе; изображеніе это бѣлое, а остальная часть знамени свѣтло-зеленая. Такъ какъ оно оказалось менѣе здѣшнихъ значковъ, то обшили съ трехъ сторонъ широкою красною полосой; *медаль* овальной формы около двухъ вершковъ длины и полтора ширины, серебряная, вызолоченная; на серединѣ луна со звѣздой алмазными; также и ободочикъ, съ бантомъ, сверхъ того еще чинъ Паши.

Отцу же обѣщано по взятіи Тифлиса, короля Закавказскаго.

Въ недавно полученныхъ изъ Азіятской Турціи письмахъ, ничего особеннаго нѣтъ—оттуда обѣщаютъ прислать людей, свѣдущихъ по горной части.

Еслибъ не отецъ, право самъ чортъ не удержалъ бы меня здѣсь.

Y.

Стычки подъ Карсомъ въ первыхъ числахъ ноября.

2-го Ноября, днемъ, четыре человѣка конныхъ охотниковъ разныхъ командъ, отогнали 112 штукъ вьючнаго скота пасшагося у самой

Канлы-Табіэ, подъ прикрытіемъ шести всадниковъ. Утрата сія тѣмъ чувствительнѣе была для турокъ, что посредствомъ этого вьючнаго скота, доставлялась вода для людей въ нагорные лагери и для больныхъ въ госпиталяхъ; но непріятельскіе всадники завидя, нашихъ людей, скрылись въ укрѣпленіе, ни сколько не оспаривая забранную у нихъ добычу.

Нѣсколько дней послѣ того, векиль (урядникъ) конно-мусульманскаго Карабагскаго полка, правившій разъѣздомъ изъ пятнадцати милиціонеровъ, подъѣхалъ къ самымъ укрѣпленіямъ, гдѣ отдѣлившись отъ своей команды съ однимъ всадникомъ, напалъ на двухъ солдатъ стоявшихъ впереди вала, захватилъ и повлекъ ихъ было за собою; по сдѣланному въ это время однимъ изъ турецкихъ часовыхъ выстрѣлу, выскочили изъ укрѣпленія восемь солдатъ для выручки своихъ, почему векиль бросилъ захваченный имъ плѣнъ, но строевыя ружья ихъ, представилъ по начальству.

Z.

Свѣдѣнія обнародованныя англичанами о состояніи Карса въ послѣднее время блокады.

Изъ дневника доктора Сандвита.

$\frac{5}{17}$ Октября. У насъ погибло въ войскѣ около 1,000 человѣкъ отъ холеры, которая теперь исчезаетъ. Городскіе обыватели потерпѣли еще болѣе чѣмъ войска; но теперь угрожаетъ намъ злѣйшій врагъ отъ страшной нужды претерпѣваемой войсками. Люди видимо исхудали, и вновь открытые госпитали ежедневно наполняются больными, коихъ страданіе происходитъ единственно отъ недостатка въ пищѣ. Многіе, увлекаясь высокою цѣною хлѣба, продаютъ половину суточной дачи своей, и тѣ, которыхъ соблазняетъ прибыль, стоя на часахъ падаютъ и потомъ умираютъ.

$\frac{9}{21}$ Октября. Стаи хищныхъ птицъ парятъ надъ нашими линіями, питаясь трупами, которые вырыты изъ могилъ собаками оставившими

городъ. Пока животныя сіи пресыщаются на семъ отвратительномъ пиршествѣ, городскіе жители, женщины и дѣти отыскиваютъ себѣ что либо на пропитаніе. На всѣхъ прогалинахъ народъ и солдаты вырываютъ изъ земли и пожираютъ травяные коренья. Толпы женщинъ осаждаютъ присутственныя мѣста требуя хлѣба, который выдается имъ бережливою рукою.

11/23 Октября. Какой-то отважный поселянинъ пробрался въ прошедшую ночь въ городъ съ однимъ вьюкомъ лука, который онъ продалъ по 60-ти піастровъ за око (по одному руб. сер. за фунтъ).

13/25 Октября. Въ госпиталь поступаетъ много людей полумертвыхъ отъ холода, который легко поражаетъ ихъ слабое и изнуренное тѣло.

16/28 Октября. Несчастнымъ остаткамъ кавалеріи нашей былъ сдѣланъ смотръ, и какъ лошади едва могли стоять на ногахъ, то ихъ приказано перерѣзать. Мясо же ихъ сдѣлалось роскошною пищею.

21-го Октября/2-го Ноября. Паекъ уменьшенъ до 86 драхмъ хлѣба въ сутки (настоящая дача состояла изъ 300 драхмъ). Найденъ большой запасъ сахару и кофе, который розданъ въ войска для поддержанія силъ, ослабѣвшихъ отъ уменьшенія хлѣбной дачи. Вся земля вокругъ укрѣпленій нашихъ изрыта ножками чинами и жителями, которые выкапываютъ себѣ травяные корни для пищи. Изъ нихъ 20 человѣкъ, объѣвшихся черной бѣлены, доставлены въ госпиталь.

22-го Октября/3-го Ноября. Сегодня повѣсили двухъ армянъ за шпіонство.

23-го Октября/4-го Ноября. Въ госпиталь поступило необыкновенно большое число людей умирающихъ отъ голода; но нѣкоторые изъ нихъ оживаютъ подкрѣпивъ силы наваромъ изъ конины, и по обогрѣніи рукъ и ногъ. Въ разныя части лагеря разосланы фельдшера съ подобнымъ наваромъ, подъ видомъ и названіемъ лекарства. Берутся въ казну всѣ отыскиваемыя лошади для варенія изъ нихъ пищи на больныхъ.

26-го Октября/7-го Ноября. Послѣ строгихъ розысканій, открываютъ спрятанные запасы зерна, которые немедленно раздаютъ толпамъ умирающихъ женщинъ и дѣтей; небольшая булка хлѣба, величиною въ кулакъ, продается за одинъ шиллингъ (около 25 коп. сер.).

28 Октября/9 Ноября. Множество побѣговъ. Пойманныхъ съ намѣреніемъ бѣжать, разстрѣливаютъ. Госпитали наполняются людьми, которые умираютъ отъ голода и холода, прежде одного часа послѣ поступленія. Непріятельскіе посты стѣсняютъ насъ болѣе чѣмъ когда нибудь такъ, что нельзя получить извнѣ никакого извѣстія. Люди наши такъ утомлены и упали духомъ, что ихъ нельзя побудить къ постройкѣ себѣ балагановъ. У русскихъ же всѣ палатки исчезли и замѣнены теплыми бараками.

$\frac{\text{29 Октября}}{\text{10 Ноября}}$. Въ госпиталяхъ умираетъ въ сутки около 100 человѣкъ. Сегодня опять было нѣсколько военныхъ экзекуцій. Каждый изъ насъ старается показать себя веселымъ; но сдва ли у кого-нибудь на сердцѣ весело. Вилліамсъ назначилъ прибавку 30-ти драхмъ хлѣба въ сутки на каждаго человѣка.

$\frac{\text{30 Октября}}{\text{11 Ноября}}$. Слышны по городу вопли отчаянія. Множество дѣтей умираетъ отъ голода. По утрамъ находятъ валяющіеся въ разныхъ частяхъ лагеря трупы. Люди наши бродятъ съ унылымъ взглядомъ, выражающимъ голодъ.

$\frac{1}{13}$ Ноября. Какому—то поселянину удалось ввести въ городъ хромаго буйвола со вьюкомъ муки и этимъ онъ обогатился.

$\frac{2}{14}$ Ноября. Госпитали не вмѣщаютъ болѣе всѣхъ больныхъ; мечети, караванъ-сараи и большіе дома ими переполнены. Женщины собираютъ пыль около тѣхъ мѣстъ, гдѣ были склады муки и употребляютъ ее въ пищу. На улицахъ лежатъ люди, со стономъ жалующіеся что умираютъ съ голоду. По городу бродятъ полуживые ослы и многіе изъ нихъ издыхаютъ. Карсвіе жители не ѣдятъ ихъ по отвращенію къ непривычной для нихъ пищи.

$\frac{6}{18}$ Ноября. Народъ изъявляетъ неудовольствіе свое, говоря что долѣе не можетъ переносить такого бѣдствія. Женщины приносятъ дѣтей своихъ въ правленіе и кладутъ ихъ къ ногамъ начальниковъ, восклицая: *возьми и держи дѣтей этихъ, потому что намъ нечѣмъ, ихъ болѣе кормить.*

$\frac{7}{19}$ Ноября. Побѣги увеличиваются страшнымъ образомъ. Мы затрудняемся доставленіемъ воды въ госпитали, съ тѣхъ поръ какъ лошади наши всѣ пали и ежедневно издыхаютъ замѣнившіе ихъ ослы, потому что все покрылось снѣгомъ и имъ нельзя болѣе питаться кореньями. Нѣкоторые изъ жителей откапываютъ палыхъ лошадей и пожираютъ ихъ. Сегодня вечеромъ пришло извѣстіе, что передовое войско Селимъ-Паши прибыло уже въ Чиплахлу (верстахъ въ 30-ти отъ Карса).

$\frac{8}{20}$ Ноября. Въ лагерѣ оказался ропотъ. Прошедшую ночь бѣжало 25 человѣкъ съ Карадага. На часы будутъ становить офицеровъ, Совѣщаются о возможности оставить Карсъ и уйти горами. Въ госпиталѣ лежитъ около 2,000 человѣкъ. Хлѣба осталось только на семь дней. Нѣтъ ни артиллерійскихъ ни кавалерійскихъ лошадей. Люди наши не вынесутъ одного часа похода; все покрыто снѣгомъ, ночи очень холодныя, отступленіе безнадежно.

$\frac{9}{21}$ Ноября. Мы достигли предѣловъ человѣческаго терпѣнія. Солдаты наши лежатъ мертвые или умираютъ во всѣхъ частяхъ лагеря.

Обыватели какъ бы упрекаютъ насъ говоря: *выйдемъ на бой*; *зачѣмъ умирать здѣсь*.

$\frac{10}{22}$ Ноября. Ночью непріятель пустилъ къ намъ въ лагерь противъ Канлы-Табіэ нѣсколько гранатъ; но на тревогу не вышло въ ружье болѣе 6 или 7 человѣкъ изъ палатокъ. Получено извѣстіе изъ Эрзрума отъ Бранта, что Селимъ-Паша не хочетъ идти впередъ и что Омеръ-Паша медленно подвигается изъ Сухумъ-Калэ. Умирающихъ въ лагерѣ людей товарищи раздѣваютъ наголо, дабы воспользоваться ихъ рубищами.

Вотъ что пишетъ Лекъ о послѣднемъ состояніи Карса:

Такъ какъ побѣги преимущественно оказывались по ночамъ изъ числа часовыхъ находившихся впереди укрѣпленій, то признано за лучшее ставить ихъ совсѣмъ позади вала; вдоль же линій патрулями, отъ восхожденія до захожденія солнца, ходили офицеры. Сверхъ того офицеръ съ небольшою командою становился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ передовыхъ укрѣпленій, для наблюденія не только за непріятелемъ, но и за своими людьми, которые намѣревались бѣжать. Но сіи средства оказались недостаточными для удержанія часовыхъ отъ побѣговъ на высотахъ Тахмаса, почему убѣдили офицеровъ, обѣщаніями повышенія ихъ въ чинахъ, становиться по ночамъ самимъ съ ружьемъ на часы, вмѣсто нижнихъ чиновъ, что они исполняли до сдачи крѣпости.

Послѣдствія голода ежедневно болѣе и болѣе обнаруживались. Люди выкапывали небольшіе корни, которые они жадно пожирали съ приставшею къ нимъ землею. Дома занимаемые англійскими офицерами, были осаждены обывателями города, жалостно умолявшими о пищѣ. Видали какъ по ночамъ женщины выдирали потроха у дохлыхъ лошадей, которыхъ люди не въ силахъ были закопать или стащить за ретраншаменты. Нѣкоторыя приносили дѣтей своихъ въ меджлисъ (городское правленіе) и повергая ихъ къ ногамъ присутствующихъ, говорили что кормить ихъ нечѣмъ.

Ген. Вилліамсъ приказалъ по ночамъ рѣзать лошадей подлѣ своей квартиры и посылать мясо для навара въ госпиталь. Нѣсколько бутылокъ сего лакомаго навара, посылалось съ фельдшерами въ лагерь для поддержанія силъ умирающихъ отъ голода. Такъ какъ магометанская религія запрещаетъ употреблять въ пищу конину, то городской шейхъ-исламъ или первосвященникъ, далъ на это разрѣшеніе, которое было принято войскомъ.

Около половины Ноября выпалъ снѣгъ и ген. Муравьевъ, какъ бы желая показать свое твердое намѣреніе вовсе не сходить съ мѣста, началъ строить каменныя пирамиды, для означенія дороги отъ своей палатки до Александрополя. Холодъ былъ такъ силенъ, что не было почти возможности спать въ палаткахъ иначе какъ кучками, почему старшіе офицеры вырыли себѣ позади палатокъ ямки, которыя нагрѣвались небольшимъ очагомъ.

Дровяной запасъ наконецъ истощился, такъ что къ трудамъ людей прибавилась еще разборка на топливо городскихъ домовъ оставленныхъ хозяевами; но городъ лежалъ на равнинѣ, а дальніе лагери находились на горѣ въ трехъ миляхъ разстоянія. Лошадей и лошаковъ для перевозки дровъ давно уже небыло, и ни за какія деньги нельзя было нанять голодныхъ горожанъ, для доставленія дровъ въ лагерь къ своимъ защитникамъ. Между тѣмъ, обезсиленные солдаты не были болѣе въ состояніи сами носить къ себѣ на гору дрова, и ежедневно находили въ палаткахъ многихъ безъ движенія и оцѣпенѣвшими отъ холода.

Къ счастію ген. Вилліамсъ скупилъ весь сахаръ, кофе и табакъ, которые имѣлись въ городѣ, и онъ, по временамъ, раздавалъ запасы сіи въ полки.

Суточное продовольствіе солдата состояло изъ 100 драхмъ хлѣба, что составляло нѣсколько менѣе $^3/_4$ фунта. Къ сему прибавлялась похлёбка, на которую отпускались сухари, мука и пшеница, всего 5 драхмъ на человѣка. Тѣ изъ людей, которые были не такъ строги въ соблюденіи правилъ закона, присоединяли къ тому еще конину.

У непріятеля въ лагеряхъ, ежедневно выростали новые бараки, и часто приходили къ нему изъ Александрополя большіе транспорты съ продовольствіемъ. Слишкомъ уже явно стало, что какого-бы рода ни были движенія Омера и Селимъ-Паши, они не безпокоили ген. Муравьева, коего бдительность возрастала по мѣрѣ того, какъ въ городѣ увеличивались нужды.

Около того времени, гарнизонъ постоянно былъ тревожимъ непріятельскими партіями, которыя въ темныя ночи подъѣзжали къ укрѣпленіямъ и пускали къ намъ ракеты, а однажды и ядра. Ночныя тревоги сіи достигли цѣли своей, ибо онѣ до крайности изнуряли гарнизонъ, вынуждавшійся всю ночь стоять подъ ружьемъ. При первомъ выстрѣлѣ всегда являлись: ген. Вилліамсъ, Муширъ Васифъ-Паша, Керимъ-Паша и всѣ старшіе начальники; по окончаніи же тревоги, всѣ оставались насторожѣ остатокъ длинной и утомительной ночи, пока холодная утренняя заря не открывала имъ лагеря русскихъ и удобные балаганы въ коихъ они покоились.

Aa.

Предварительныя условія о сдачѣ Карса.

Conditions

de la réddition de la ville et de la forteresse de Kars, proposées par le général Williams et acceptées par le général en chef de l'armée russe le général Aide de camp Mouravieff.

Article 1. Réddition de la forteresse avec tout son matériel intact.

Article 2. La garnison de Kars, se rendant prisonnière de guerre avec le général en chef de l'armée Turque et toutes les autorités militaires, sortira de la place avec les honneurs de la guerre et déposera ses armes, chapeaux etc., dans un endroit convenu d'avance, d'où elle se rendra à la déstination qui lui sera indiquée par le général-en-chef de l'armée Russe.

En témoignage de la valeureuse résistance déployée par la garnison de Kars, les officiers de tout grade conserveront leurs épées.

Article 3. Les propriétés privées des membres de l'armée de tout grade seront respéctées.

Article 4. La milice (Rediff, Baschi-bozouks, Lazes), après que leur nombre sera préalablement déterminé et sanctionné—reçoit l'autorisation de rentrer dans ses foyers.

Article 5. La même permission sera accordée aux non combattants de l'armée, tels que: écrivains, interprètes, infirmiers etc., après que leur nombre sera préalablement déterminé.

Article 6. Au général Williams est réservé le droit de désigner à son choix dans une liste soumise d'avance à la sanction du général Mouravieff, un certain nombre de personnes, auxquelles sera accordée l'autorisation de retourner dans leurs foyers.

Article 7. Toutes les personnes mentionnées dans les articles 4, 5 et 6 devront s'engager sur leur honneur, à ne pas porter les armes contre Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, pendant toute la duréé de la guerre actuelle.

Article 8. Les habitants de la ville sa livrent à la générosité du gouvernement Russe, qui leur accordera sa protection.

Article 9. Les monuments et les édifices de la ville appartenants au gouvernement, seront respectés et conservés intactes.

Article 10. Seront stipulés pas plus tard que dans la journée de demain dans une convention spéciale, tous les détails de la dite réddition.

Suivant les signatures du général Williams et du colonel Kauffman, chef de la chancellerie militaire du général en chef de l'armée du Caucase.

Ce $\frac{13}{25}$ Novembre 1855 au camp de Tchiftly-gaya.

Bb.

Выписка изъ депеши Вилліамса къ Кларендону отъ $\frac{29}{11}$ ноября.

The Mushir then deputed me to treat with general Mouravieff, and I consequently waited on his Excellency on the 25 instant. He at first seemed determined to make prisoners of all who defended the place, but as the Rediff, or Militia, and the townspoople formed a large portion of the Infantry, I made a successful appeal to his humanity, which, coupled with the obrious measure of destroying our artillery and stores, to which we should have had recourse previous to an unconditional surrender, brought about the Convention which I have now the honour to inclose for gour Lordship's information, without the expression of unavailing regret.

Переводъ.

«Генералъ-Муравьевъ сначала кажется имѣлъ намѣреніе взять въ плѣнъ всѣхъ тѣхъ, которые защищали крѣпость; но такъ какъ большая часть пѣхоты нашей состояла изъ редифа или милиціи и городскихъ обывателей, то я прибѣгъ къ его человѣколюбію, въ чемъ имѣлъ успѣхъ. Это обстоятельство въ соединеніи съ очевидно предстоявшею намъ возможностью истребить артиллерію и запасы, къ чему мы бы приступили прежде чѣмъ сдаться безусловно, привело къ заключенію договора, который имѣю честь при семъ препроводить,

устраняя при семъ выраженіе тщетнаго моего сожалѣнія о случившемся».

(Истребить артиллерію не было возможности: можно было ее лишь нѣсколько попортить, еслибъ турки сіе допустили. Безспорно впрочемъ то, что подобная мѣра, когда дѣло уже шло о сдачѣ, не только не могла улучшить положеніе гарнизона, но ввергла бы Анатолійскую армію въ совершенную гибель).

Cc.

Актъ о сдачѣ Карса.

A C T E

de réddition de la ville et de la forteresse de Kars, redigé sur les bases convenues entre le commandant en chef de l'armée du Caucase, l'aide de camp général Mouravieff et le général Williams, commissaire de sa Majesté la reine d'Angleterre, le $\frac{13}{25}$ Novembre 1855, au quartier général de Tchiftly-gaya.

Article 1. «Réddition de la forteresse avec tout son matériel intact».

Les pièces remises ne doivent pas être encloueés; les affûts et les autres armes, doivent être rendus dans l'état où ils se trouvent actuellement; les munitions, la poudre, les arsénaux, les dépots d'équipement militaire et les magazins, doivent être remis tels qu'ils se trouvent être d'après les états officiels jusqu'au jour de la réddition de la place. Rien ne doit être pris, ni anéanti aux archives.

Les troupes en évacuant Kars, laissent des postes de trois hommes chacun, avec un caporal aux endroits suivans: à chaque fort, redoute ou batterie munie d'artillerie; auprès de chaque magazin à poudre, arsénal ou dépot militaire, hôpital, archive ou trésorerie et mosquée. Il sera nommé pas les autorités Turques pour chaque partie du matériel, tels que trésors, arsenaux, artillerie, hôpitaux, magazins de vivres et archives, des commissaires spéciaux, chargés de remettre le dit matériel aux commissaires nommés à cet effet par le général en chef de

l'armée Russe. Immédiatement après la sortie des troupes, les postes ci-dessus mentionnés devront être relevés par les troupes Russes en présence du ci-devant commandant Turc et du nouveau commandant Russe, nommé à cet effet. Les soldats Turcs livrent leurs armes et attirail militaire aux postes Russes et, sous les ordres de leur commandant, se dirigent vers la redoute de Kaïnly, où ils attendent les dispositions pour leur déstination future. La remise par les commissaires des articles susmentionnés, doit avoir lieu le lendemain de l'évacuation de la place.

Article 2. «La garnison de Kars se rendant prisonnière de guerre avec le général-en-chef de l'armée Turque et toutes les autorités militaires, sortira de la place avec les honneurs de la guerre et déposera ses armes, drapeaux etc: dans un endroit convenu d'avance, d'où elle se rendra à la déstination, qui lui sera indiquée par le général-en-chef de l'armée Russe. En témoignage de la valeureuse résistance déployée par la garnison de Kars, les officiers de tout grade conserveront leurs épées».

Toutes les troupes formant la garnison de Kars, excepté ceux, qui se trouvent dans les hôpitaux, par cause de maladie, sont tenues de sortir de la forteresse en plein équipement militaire, tambour battant et drapeaux deployés, ayant préalablement déchargé leurs armes, et de se rassembler pour les 10 heures du matin près des ruines du village de Gaumbet. Là elles se déployent en une seule ligne en colonnes par battaillons. Les artilleurs forment des colonnes separées par regiments. Les Rédiffs, Lazes et Bashi-bozouks se forment separément à une distance d'une demi-verste du flanc droit des autres troupes. La garnison dépose ses armes en faisceaux, ainsi que les drapeaux et tout l'attirail militaire et se range dans l'ordre précédent en avant de la ligne des fusils.

Le Mouchir, Commandant en chef de l'armée d'Anatolie, se rend en ce moment auprès du général en chef de l'armée Russe et lui remet le rapport numérique de ses troupes, ainsi que les états de tout le matériel, stipulé dans l'acte de réddition. Les délégués de l'armée Russe procèdent alors à l'appel nominal et à l'enrégistrement des officiers et soldats de l'armée Turque, à l'effet de quoi, les autorités turques sont tenues de présenter les régistres de leurs commandements respectifs. L'enrégistrement terminé, tous les prisonniers de guerre ayant leurs officiers en tête, se rendent en colonnes près du pont de Tchïftly-gaya, où ils sont reçu par les troupes Russes, désignées pour leur servir d'éscorte.

Les troupes Turques mentionnées dans les articles qui suivent, comme avant l'autorisation de rentrer dans leurs foyers, prennent la route de

Tomra, sous une éscorte spéciale et s'arretent pour la nuit près du village de Kotanly, elles s'engagent à respecter les habitans de ce village et de ne commettre aucun excès. La colonne poursuit sa marche le lendemain dans le même ordre et fait halte pour la nuit auprès du village de Tosanly. Le troisième jour, arrivées au pied du Soganloug, les troupes Russes s'arrètent, et les Turcs continuent leur marche à travers la chaine des montagnes dans la direction d'Erzeroum. Les Turcs s'engagent à ne pas pénétrer dans le village de Bardouss, où se trouvent des milices du camp Russe. Les trainards Turcs, qui dans l'espace de 24 heures après la dernière étape, n'auront pas dépassé le Soganloug, seront considérés comme prisonniers de guerre.

En évacuant la ville et la forteresse de Kars, les autorités militaires de l'armée Turque, s'engagent à y laisser un nombre suffisant de médecins et d'infirmiers, pour soigner les malades restés dans les hôpitaux jusqu'à l'entier rétablissement de ces derniers.

Article 3. «Les propriétés privées des membres de l'armée de tout grade seront respectées».

Chaque individu appartenant au personnel de l'armée, est autorisé à vendre son avoir ou à le conserver en prenant à sa charge les moyens de transport.

Article 4. «La milice (Rediffs, Baschi-bosouks, Lazes), après que leur nombre aura été préalablement déterminé et approuvé, reçoit l'autorisation de retourner dans ses foyers».

Les Rediffs, Baschi-bosouks et Lazes se trouvant dans les hôpitaux, après leur guérison jouissent des mêmes droits et sont soumis aux mêmes conditions.

Article 5. «Les non-combattants de l'armée, tels que les écrivains, interprêtes, infirmiers, jouissent de la facultè de retourner dans leurs foyers, après que leur nombre aura été préalablement fixé et approuvé».

Article 6. «Au général Williams est réservé le droit de désigner à son choix, dans une liste soumise d'avance à la sanction du général Mouravieff, un certain nombre de personnes auxquelles sera accordé l'autorisation de retourner dans leurs foyers».

Sur cette liste ne doivent pas figurer les militaires d'une des puissances belligérantes.

Article 7. «Toutes les personnes indiquées dans les articles 4, 5 et 6, s'engagent sur parole d'honneur, à ne pas porter les armes contre sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies pendant toute la durée de la guerre actuelle».

Article 8. «Les habitans de la ville se livrent à la générosité du gouvernement Russe, qui leur accorde sa protection».

Immédiatement après la remise des armes par la troupe, les habitants de la ville, doivent envoyer au général-en-chef de l'armée Russe, une députation composée des notables de la ville pour lui en remettre les clefs et se soumettre à discrétion à la générosité de l'Auguste souverain de Russie.

Article 9. «Les monumens et les édifices publics de la ville appartenants au gouvernement seront respectés et conservés intacts».

Le gouvernement Russe ayant pour principe de respecter les usages et les traditions des peuples soumis à sa domination, et surtout les édifices voués au culte, évitera de porter toute atteinte aux monumens religieux et aux souvenirs historiques de Kars.

L'acte actuel est approuvé et reconnu valable par les signataires.

Suivent les signatures: du général-Major Williams, comme commissaire militaire de sa Majesté la Reine d'Angleterre et par procuration du Moushir Vassif-Pasha, commandant en chef de l'armée d'Anatolie, et celle du colonel Kauffman, chef de la chancellerie militaire du général en chef de l'armée du Caucase.

$\frac{15}{27}$ Novembre 1855 au quartier général de Tchiftly-gaya.

Dd.

Омеръ-Паша.

Омеръ-Паша, австрійскій подданный, родомъ изъ Кроаціи, родился въ 1801-мъ году въ селеніи Власки, лежащемъ въ Огулинскомъ округѣ верстахъ въ 50-ти отъ Фіума. Прозвище его Латтасъ. Отецъ его заступалъ мѣсто управляющаго округомъ, дядя былъ священникъ греко-уніятскаго исповѣданія. Съ молодыхъ лѣтъ, Латтасъ поступилъ въ школу математики, находившуюся въ Турмѣ, что близъ Карлштата въ Трансильваніи. Съ успѣхомъ окончивъ ученіе свое, онъ вступилъ въ корпусъ путей-сообщенія, состоящій въ Австріи на военномъ положеніи. Въ 1830 году, по встрѣтившемуся у него неудовольствію съ начальствомъ, онъ ушелъ въ Турцію, гдѣ принялъ исламисмъ. Бывшій тогда въ Царѣградѣ сераскиромъ Хозревъ-Паша, принялъ

Латтаса подъ свое покровительство и опредѣлилъ его въ регулярныя войска, съ назначеніемъ состоять при своей особѣ. Онъ даже женилъ его на одной изъ наложницъ своихъ, имѣвшей большое состояніе; отецъ ея былъ въ числѣ янычаръ обезглавленныхъ Сераскиромъ въ 1827-мъ году, когда сословіе сіе бунтовало. Въ 1833-мъ году, Латтасъ, принявшій имя Омера, былъ назначенъ Сераскиромъ состоять при Ген. Муравьевѣ, начальствовавшемъ десантнымъ отрядомъ, высадившимся на Босфорѣ, для защиты Царяграда противъ вторженія Мегмедъ-Али-Паши Египетскаго. Омеръ зналъ по турецки, и какъ къ десантному отряду было прикомандировано нѣсколько турецкихъ войскъ, которыя должны были вмѣстѣ съ нашими получать приказанія и отъ коихъ требовались въ управленіе десанта срочные отчеты о людяхъ, то Омеръ-Ага, какъ его тогда называли, хорошо знавшій по нѣмецки, былъ отданъ въ распоряженіе исправлявшаго должность оберъ-квартирмейстера отряда, полковника Менде и исполнялъ возложенную на него обязанность съ усердіемъ и отчетливостію—велъ же себя тихо и скромно. При отплытіи обратно въ Россію десантнаго отряда, Ген. Муравьевъ, оставаясь довольнымъ службою Омеръ-Аги, представилъ его турецкому правительству съ другими лицами къ наградѣ. Онъ получилъ званіе баталіоннаго командира, и былъ назначенъ адъютантомъ и переводчикомъ къ Ген. Хржановскому, занимавшемуся, по отбытіи нашемъ, образованіемъ султанскихъ войскъ въ лагерѣ около Царяграда. Послѣ того, самому Омеру поручено было заняться образованіемъ турецкой арміи. Пользуясь покровительствомъ Хозревъ-Паши, на него возлагали различныя важныя порученія и онъ достигъ значительнаго повышенія въ арміи. Въ 1846-мъ году онъ съ успѣхомъ усмирилъ возстанія въ Сиріи и Албаніи. Султанъ послалъ его въ Курдистанъ, гдѣ онъ покорилъ страну сію, вовсе почти отложившуюся отъ владычества Порты. Въ 1848-мъ году, Омеръ-Пашѣ поручено было командованіе арміею въ Придунайскихъ княжествахъ, которыя турки занимали вмѣстѣ съ нашими войсками во время венгерской войны. Въ 1851-мъ году, Омеръ-Паша, назначенъ былъ главнокомандующимъ арміею, занявшею Боснію, гдѣ онъ усмирялъ возстаніе и послѣ того былъ посланъ въ Черногорье съ 30,000 войскомъ. Дальнѣйшее появленіе его на военномъ поприщѣ, извѣстно по войнѣ 1853-го, 54-го и 55-го годовъ, гдѣ онъ сначала командовалъ турецкою арміею въ Шумлѣ и на Дунаѣ, потомъ находился съ Султанскими войсками въ Крыму, и наконецъ, съ 1855-го года предводительствовалъ экспедиціею турокъ на нашихъ Закавказскихъ берегахъ Чернаго моря и въ Мингреліи.

Ee.

Копія съ письма Омеръ-Паши къ полковнику князю Дмитрію Шерваншидзе.

Général.

Madame Votre mère Vous remettra cette lettre. Elle avait conçu des inquiètudes, je me suis haté de me rendre auprès d'elle pour les dissiper.

Je ne porte les armes victorieuses de mon souverain dans ces contrées, ni pour faire des conquêtes inutiles à un si vaste empire, ni pour déposseder les habitans de quelle nationalité et de quel culte qu'ils soient de leurs biens et de leurs droits; le but de la guerre actuelle n'est que de soustraire ces pays à la domination Russe et de leur rendre leurs anciens droits.

Vous portez les armes contre nous, mais croyez le, votre famille et vos biens seront aussi saufs, que si vous combattiez dans nos rangs.

Je ne fais point appel à vous. Vous jugerez vous même si dans les circonstances actuelles, vous devez prêter votre bras et vos connaissances à votre pays natal.

Je n'ai qu'à vous dire, qu'à votre retour dans vos foyers, rien ne s'oppose, et que, s'il vous conviendrait prendre service, vos connaissances et votre bravoure, vous assurent le grade que vous avez obtenu dans l'armée Russe.

Quelle que soit votre décision, rien ne changera les miennes. Je vous salue, Général, en ennemi loyal; il ne tient qu'à vous, que je le fasse en ami.

Le Maréchal Serdar-Ekrem-Omer.

Soukhoum le 24 Septembre 1855.

Переводъ.

Ваше Превосходительство!

Матушка Ваша передастъ Вамъ это письмо. Она стала было безпокоиться; но я поспѣшилъ заѣхать къ ней, чтобъ ее успокоить.

Прибывъ въ эту страну съ побѣдоноснымъ войскомъ Государя моего, я не имѣю въ предметѣ завоеваній, безполезныхъ Его обширной Имперіи; я не намѣренъ подавлять народности жителей, измѣнять вѣроисповѣданіе ихъ, какое-бы оно ни было, и касаться ихъ имущества и правъ. Цѣль настоящей войны состоитъ только въ томъ, чтобы отторгнуть отъ русскаго владычества страны сіи, съ возвращеніемъ имъ древнихъ правъ.

Вы служите противъ насъ; но вѣрьте, что семейство и имѣніе Ваше останутся столько же обезпеченными, какъ бы Вы сражались въ рядахъ нашихъ.

Не призываю Васъ. Вы сами разсудите должны ли Вы въ настоящихъ обстоятельствахъ посвятить роднѣ, силы Ваши и познанія.

Нахожу только нужнымъ сказать Вамъ, что къ возвращенію Вашему въ Абхазію не предстоитъ никакихъ препятствій; если же Вы пожелаете служить у насъ, то будете пользоваться тѣмъ же чиномъ, который Вы пріобрѣли познаніями Вашими и храбростію въ русской арміи.

Чтобы Вы ни предприняли, я не измѣню своего рѣшенія. Примите Ваше Превосходительство поклонъ мой—хотя отъ врага, но врага правдиваго; отъ Васъ будетъ зависѣть принять сей привѣтъ мой—какъ отъ друга.

Фельдмаршалъ Сердаръ-Экремъ-Омеръ.

Сухумъ $\frac{24}{12}$ Сентября 1855 г.

Копія съ отвѣта князя Дмитрія Шервашидзе къ Θмеръ-Пашѣ.

Excellence,

Permettez moi de répondre sans détours à la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser.

Ma patrie, rattachée à la Russie par une suite de faits accomplis depuis longtems, est entrée spontanément dans la famille des races

Chrétiennes du Caucase, qui jouissent de la protection et des bienfaits du gouvernement Russe. Des influences passagères ne font pas dévier un honnète homme de la ligne de conduite, que ses convictions lui ont tracée.

Ma manière de comprendre les devoirs d'un Abhasien, ainsi que le but de votre invasion, est diamétralement opposée à la votre.

Inaccessible à la contagion de l'exemple, je trouve ma patrie là, où se trouve mon gouvernement légal; officier de l'armée Russe, je ne puis admettre la pensée d'abandonner le drapeau de mon Souverain. Je ne mériterais pas les suffrages, que votre Excellence veut bien donner à mes qualités militaires, si je tournais l'epée contre ceux, dont j'ai partagé plus d'une fois les triomphes. Toujours et partout la désertion est traitée d'infamie.

Je reconnais votre générosité à l'égard de ma famille et de mes biens; je n'attendais pas moins des sentimens élevés, qui caractèrisent votre Excellence.

Je suis fier d'être complimenté par un ennemi comme vous; je regrette que mes convictions m'interdisent jusqu'à la fin de la guerre votre amitié et je fais des voeux, pour que vous ne me la refusiez pas plus tard.

Agréez, Excellence, l'expression de ma haute et parfaite considération.

Signé Prince Demitry Cherwachidze.

Colonel de cavalerie de la garde Impériale Russe.

Переводъ.

Ваше Превосходительство!

Позвольте мнѣ отвѣчать безъ обиняковъ, на письмо коимъ Вы меня удостоили.

Отечество мое, связанное съ Россіею событіями давно совершившимися, произвольно вступило въ семью христіанскихъ племенъ Кавказа, которыя пользуются покровительствомъ и благодѣяніями Русскаго правительства. Временныя впечатлѣнія не могутъ отклонить честнаго человѣка отъ путей начертанныхъ ему собственными его убѣжденіями.

Мои понятія объ обязанностяхъ Абхазца и о цѣли Вашего вторженія совершенно противны Вашему взгляду на сей предметъ.

Я недоступенъ заразѣ вызываемой дурными примѣрами и нахожу, что отечество мое тамъ, гдѣ пребываетъ законное мое правительство.

Какъ офицеръ русской арміи, я не могу допустить мысли объ оставленіи знаменъ моего Государя и конечно не заслужилъ бы выраженій которыми Вашему Превосходительству угодно одобрить мои военныя достоинства, если бъ я обратилъ оружіе свое противъ тѣхъ, въ побѣдахъ которыхъ я не одинъ разъ участвовалъ. Всегда и вездѣ позоренъ побѣгъ и уклоненіе отъ своихъ знаменъ.

Признаю великодушіе Ваше въ отношеніи къ моему семейству и имѣнью; я и ожидалъ того отъ возвышенныхъ чувствъ знаменующихъ правила Вашего Превосходительства.

Горжусь привѣтствіемъ врага Вамъ подобнаго; сожалѣю, что убѣжденія мои не позволяютъ мнѣ прежде окончанія войны воспользоваться Вашею дружбою и желалъ бы не лишиться ея въ свое время.

Примите Ваше Превосходительство выраженія глубокаго и совершеннаго моего уваженія.

Князь Дмитрій Шервашидзе
Полковникъ Гвардейской Императорской кавалеріи.

Ff.

Копія съ письма Фергадъ-Паши къ графу Розмардюкъ.

Monsieur le Comte.

Ci-joint j'ai l'honneur de vous remettre la lettre de mon ami Monsieur Champoisson.

Ancien officier de l'armée française, je vous parlerai franchement et vous pouvez compter sur ma droiture.

Nous ne venons ni pour faire des conquêtes, ni pour ruiner le pays; nous n'en voulons qu'aux Russes; les peuplades qui ne s'identifient pas avec notre ennemi, n'auront aucun trouble à éprouver; les princes, qui se réunissent à notre cause, auront leur souveraineté et la protection des puissances alliées qui les sauvegardera contre toute agression ultérieure de la Russie.

Le Czar sera refoulé audelà du Couban et du Tereck. Voila ce qui aura lieu.

Une résistance quelconque, que nos troupes éprouveraient, de quelle part que ce soit, amenerait les conséquences les plus fâcheuses.

Peut-être fait on croire aux habitans Chrétiens que nous attentons à leur culte.

Cela ne se pourra autant moins, que des nombreux Chrétiens de toute nationalité seront dans nos rangs, que nous avons des régimens tout composés de Chrétiens volontaires. Nous autres avons fait aussi nos progrès et le tems du fanatisme, si jamais il y en avait en réalité est bien passé. Monsieur le Comte, vous rendriez un grand service à l'humanité en voulant donner part de ce que j'ai l'honneur d'émettre à qui cela pourait être utile.

Agréez l'assurance de mon éstime particulière.

Le général, chef d'état-Major, général commandant l'avant garde Ferhad.

Quartier général de Condava
le 18 Octobre 1855.

Переводъ.

Ваше Сіятельство!

Имѣю честь приложить у сего письмо пріятеля моего Господина Шампуасонъ.

Какъ старый офицеръ французской арміи, буду съ Вами говорить откровенно, и Вы можете положиться на мою правоту.

Мы пришли сюда ни для завоеваній, ни для раззоренія края; нужны намъ только одни русскіе. Народы не сочувствующіе врагу нашему, ни чѣмъ не будутъ обезпокоены; князья, которые къ намъ присоединятся, сохранять владѣнія свои и воспользуются покровительствомъ союзныхъ державъ, которыя охранятъ ихъ противъ всякаго нападенія со стороны Россіи.

Мы отодвинемъ Русскаго Царя за Кубань и за Терекъ. Это непремѣнно сбудется.

Всякое сопротивленіе, которое бы наши войска встрѣтили, повлечетъ за собою горестныя послѣдствія.

Стараются можетъ быть увѣрить жителей изъ христіанъ, что мы хотимъ коснуться ихъ вѣроисповѣданія.

Это тѣмъ менѣе должно ожидать, что въ рядахъ нашихъ служитъ много христіанъ различныхъ племенъ, и что у насъ есть цѣлые полки состоящіе изъ вольноопредѣляющихся христіанъ. Мы также подвинулись въ образованіи *) и прошло уже время фанатизма—если толь-

*) Французъ, вѣроятно отуречившійся.

ко когда либо существовалъ фанатизмъ. Ваше Сіятельство оказали бы важную услугу человѣчеству, еслибы благоволили передать содержаніе письма сего тѣмъ, которымъ бы оно могло быть полезно.

Примите увѣреніе въ особенномъ моемъ уваженіи.

Генералъ, Начальникъ Главнаго Штаба
и командующій авангардомъ Фергадъ.

Главная квартира при Кондава $\frac{18}{6}$ Октября 1855 г.

Gg.

Офиціальное свѣдѣніе объ уронѣ въ сраженіи на Ингурѣ.

ИМЯННОЙ СПИСОКЪ

Штабъ и оберъ-офицерамъ убитымъ и раненымъ въ сраженіи 25-го Октября.

	убитыхъ.	раненыхъ.
Лейбъ-Карабинер. Эриванскаго Его Величества полка.		
Прапорщикъ Шимановскій	1	—
Егерскаго Князя Воронцова полка.		
Маіоръ Ивинъ	—	1
Поручикъ Чернышевъ.	—	1
Прапорщики:		
Пхакадзе	—	1
Іоновъ	—	1
Пташкинъ.	—	1
Черноморскаго Линейнаго № 11-го баталіона.		
Подполковникъ Званбай	1	—
Штабсъ-капитанъ Кобелевъ.	1	—
Поручикъ Рубцовъ	1	—
Грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона.		
Командиръ баталіона Полковникъ Іоселіани . . .	1	—
Прапорщикъ Винцерскій.	—	1
Батарейной № 1-й батареи 13-й артил. бригады.		
Поручикъ Высоцкій.	1	—
Легкой № 1-й батареи той же бригады.		
Поручикъ Шкляревскій	1	—
Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.		
Войсковой старшина Назаренко	—	1
Хорунжій Сухоруковъ.	—	1
Итого. . .	7	8

ПЕРЕЧНЕВАЯ ВѢДОМОСТЬ

нижнимъ чинамъ: убитымъ, раненымъ и безъ вѣсти пропавшимъ въ сраженіи 25-го Октября.

	убитыхъ.	Раненыхъ.	Безъ вѣсти пропавшихъ.
Литовскаго Егерскаго полка	10	7	1
1-го и 3-го баталіоновъ Егерскаго князя Воронцова полка.	23	73	6
Черноморскаго линейнаго № 11-го баталіона.	75	71	6
Грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона . .	13	31	21
Батарейной № 1-й батареи 13-й артиллерійской бригады	8	14	—
Легкой № 1-й батареи 13-й артиллерійской бригады.	4	17	4
Горной № 1-й батареи Кавказской Гренад. артиллер. бригады	2	6	—
Кавказскаго линейнаго казачьяго войска . .	5	18	—
Черноморскаго линейнаго № 10-го баталіона.	—	—	4
Итого . .	140	237	42

Hh.

Копія съ письма Омеръ-Паши къ правительницѣ Мингреліи княгинѣ Дадіанъ.

Zugdidi le 31 Octobre / 12 Novembre 1855.

Altesse.

En entrant dans le pays dont votre Altesse est la Princesse régnante au nom de son fils, je crois de mon devoir de Lui commuiquer les desseins du Sultan, mon Auguste Souverain et des hautes puissances ses alliées.

La guerre actuelle, comme votre Altesse le sait, est entreprise avec la juste intention de résister et de mettre fin à l'agression de l'Empereur de Russie.

C'est dans ce but, que je suis ici avec des forces qui par l'aide de Dieu et en pleine confiance à la justice de la cause pour laquelle nous combattons, suffiront pour chasser l'ennemi du pays, dans lequel votre Altesse règne; mais en envahissant la Mingrélie, je suis autorisé d'assurer à votre Altesse, que mon Auguste Souverain et les hautes puissances ses alliées, ne veulent point déranger son gouvernement, ni acquérir des droits sur la Mingrélie.

Ce qu'ils désirent, c'est que la Mingrélie et les pays voisins d'elle soient indépendants de la Russie et de toute autre puissance et librés sous leurs propres gouvernements.

Mon armée est entrée dans la Mingrélie et a trouvé une partie de la population les armes à la main; le reste s'est enfui, laissant leurs maisons et leurs biens, qui selon les droits des nations, pourraient être considérés comme prise de guerre.

C'est avec regret que j'ai su que quelques étrangers des provinces voisines, ont suivi l'armée et commencé à piller et à faire sentir aux paysans les horreurs de la guerre.

Pour diminuer autant que possible les souffrances de ces pauvres gens, j'ai fait de mon mieux pour renvoyer ces étrangers dans leurs provinces, et par des punitions sévères j'ai empeché mes soldats de piller. Déjà une partie de la population, reprenant la confiance, est retournée à ses foyers. Mais pour achever ce travail humain, j'invite

votre Altesse de retourner à son palais et de continuer le gouvernement du pays et ainsi de le tranquilliser et de rassurer la population sur les intentions de mon Souverain et sur l'objet de son armée, qui est de combattre les Russes et de rétablir l'indépendance complète de la Mingrélie sur son ancien systême de gouvernement.

En attendant l'arrivée de votre Altesse, j'accèpte comme gérant à sa place le Prince Nico, qu'Elle a envoyé à Zugdidi; mais je l'invite dans l'interêt de son fils et de ses sujets, de se porter elle même aussitot qu'Elle pourra à son palais à Zugdidi, pour reprendre Elle même le timon de l'état.

Agréez Altesse, l'assurance de ma très haute considération.

Le Généralissime de l'armée Ottomane.

Omer.

Переводъ.

Зугдиди.

31-го Октября / 12-го Ноября 1855 г.

Ваша Свѣтлость!

Вступая въ страну, гдѣ Вы владычествуете именемъ сына Вашей Свѣтлости, считаю обязанностью передать Вамъ намѣренія Государя моего Султана и всѣхъ союзныхъ ему державъ.

Вашей Свѣтлости извѣстно, что настоящая война предпринята съ справедливою цѣлію сопротивляться и положить конецъ притязательнымъ дѣйствіямъ Россійскаго Императора.

При помощи Божіей, многочисленное войско наше, убѣжденное въ правотѣ дѣла за которое оно сражается, изгонитъ непріятеля изъ страны Вамъ подвластной; но покоряя Мингрелію, я долженъ увѣрить Вашу Свѣтлость, что Государь мой, какъ и высокія державы ему союзныя, не желаютъ разрушить правленія Вашего и пріобрѣсти какія либо права на обладаніе Мингреліею.

Единственное желаніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы Мингрелія и сосѣдственныя ея земли, были бы независимы отъ Россіи и всякой иной державы, а вмѣстѣ съ тѣмъ свободны въ своемъ собственномъ управленіи.

При вступленіи моей арміи въ Мингрелію, часть жителей вооружилась, другая же уклонилась, бросивъ дома свои и имущество, съ которыми по народному праву можно бы было поступить какъ съ воинскою добычею.

Съ сожалѣніемъ узналъ я, что нѣсколько инородцевъ изъ сосѣдственныхъ областей, присоединившись къ арміи, начали грабить земледѣльцевъ, подвергшихся черезъ то ужасамъ войны.

Съ желаніемъ сколь можно болѣе устранить бѣдствія постигающія этихъ несчастныхъ, я позаботился о высылкѣ сихъ иноземцевъ обратно на ихъ родину и строгими въ моихъ войскахъ наказаніями, превратилъ грабежи. Часть народонаселенія уже съ довѣріемъ возвратилась въ свои дома. Но для довершенія такого человѣколюбиваго подвига, я приглашаю Вашу Свѣтлость возвратиться въ свой дворецъ и по прежнему управлять страною, которую Вы успокоите; вмѣстѣ съ тѣмъ Вы увѣрите жителей въ намѣреніяхъ моего Государя и объясните имъ цѣль нашу, состоящую въ томъ чтобы сражаться съ русскими и вполнѣ возстановить прежнюю независимость Мингреліи и ея правленія.

Въ ожиданіи пріѣзда Вашей Свѣтлости, буду признавать правящимъ на мѣсто Васъ, князя Нико, присланнаго Вами въ Зугдиди; повторяю при семъ убѣжденія мои не замедлить возвращеніемъ Вашимъ въ Зугдиди, какъ для пользы сына Вашего и его подданныхъ, такъ и для того, чтобы вновь принять бразды правленія въ собственныя Ваши руки.

Примите Ваша Свѣтлость, увѣренія въ глубочайшемъ моемъ уваженіи.

Генералиссимусъ Отоманской арміи
Омеръ.

Ii.

Хищническіе набѣги около Ахалцыха.

24-го Сентября нѣсколько хищниковъ, придя въ деревню Хуро (Ковбліанскаго участка) ограбили одного изъ жителей сего селенія.

Того же числа, партія аджарцевъ въ 200 человѣкъ, ограбила жителей дер. Чегла, (того же участка). Въ перестрѣлкѣ происходившей во время грабежа, убитъ одинъ аджарецъ; съ нашей же стороны раненъ одинъ человѣкъ изъ обывателей.

24-го Сентября, нѣсколько аджарскихъ хищниковъ угнали за границу 78 штукъ рогатаго скота, принадлежащаго жителямъ дер. Иджаретъ.

12-го Октября, три хищника, напали въ 5-ти верстахъ отъ деревни Накалакевъ (Хертвисскаго участка), на священника и причетника, ограбили ихъ и ранили священника.

17-го Октября, 40 аджарцевъ напали ночью на дер. Чвинта (Ацхурскаго участка). Когда они ворвались въ домъ старшины, то сынъ его выстрѣломъ убилъ предводителя партіи Уста-Али, и тѣмъ спасъ отца и всю деревню отъ разграбленія.

Того же числа партія аджарцевъ угнала 40 быковъ, принадлежащихъ жителямъ дер. Дерцель (Ковбліанскаго участка). Въ бывшей при этомъ случаѣ перестрѣлкѣ, убитъ одинъ дерцельскій житель.

Узнавъ о появленіи въ Поцховскомъ санджакѣ партіи аджарцевъ въ числѣ 80-ти человѣкъ, генералъ-маіоръ Будбергъ командировалъ туда, для преслѣдованія этой партіи, помощника управляющаго Поцховскимъ санджакомъ коллежскаго регистратора Гаспарова съ 10-ю казаками и 25-ю милиціонерами ахалцыхской конной милиціи. 18-го Октября Гаспаровъ прибылъ къ подошвѣ горы Аріанъ; между тѣмъ непріятельская партія, узнавъ о прибытіи казаковъ и милиціонеровъ, стала уходить и раздѣлилась на двѣ части: одна изъ нихъ направилась въ Шаушетскій санджакъ, а другая къ южнымъ деревнямъ Поцховскаго санджака, въ Банорисхехское ущелье. Гаспаровъ преслѣдуя послѣднихъ, перешелъ черезъ горы и настигъ хищниковъ близъ дер. Верхней Чаборіи, гдѣ послѣ завязавшейся перестрѣлки, двое аджарцевъ были схвачены, а остальные успѣли скрыться въ лѣсу. Другая же партія была открыта въ ущельи близъ дер. Кали-Цхаль, при чемъ захватили еще двухъ аджарцевъ.

Jj.

Копія съ доклада кн. Бебутова о сожженіи хлѣбныхъ запасовъ ген.-маіоромъ кн. Багратіономъ Мухранскимъ въ Усть-Цхенисъ-Цхали.

30 Января 1856 г. Г. Тифлисъ.

Во исполненіе словеснаго приказанія Вашего Высокопревосходительства имѣю честь представить свѣдѣнія собранныя мною во время

бытности моей въ Гурійскомъ отрядѣ, о сожженіи провіантскихъ запасовъ въ Усть-Цхенисъ-Цхали.

Во время отступленія Гурійскаго отряда отъ р. Ингура къ р. Цхенисъ-Цхали, находились въ м. Усть-Цхенисъ-Цхали 1½ роты Черноморскаго линейнаго № 10-го баталіона, военнорабочая № 20-го рота инженернаго вѣдомства и подвижная инвалидная № 96-го рота (скопцовъ). Воинскимъ начальникомъ этого мѣстечка былъ командиръ послѣдней роты подполковникъ Гегидзевъ, а старшимъ изъ начальниковъ частей войскъ, командиръ Черноморскаго линейнаго № 10-го баталіона полковникъ Писаревскій.

30-го Октября, ген.-маіоръ кн. Багратіонъ Мухранскій, прислалъ въ Усть-Цхенисъ-Цхали маіора Бертье-де-ла-Гардъ, съ приказаніемъ къ полковнику Писаревскому: вывозить оттуда всѣ находившіяся тамъ тяжести войскъ.

1-го Ноября прибылъ туда, по предписанію князя Мухранскаго, ген.-маіоръ Мироновъ, которому поручено было принять въ свое вѣдѣніе всѣ находившіяся тамъ войска и наблюдать за вывозомъ оттуда казеннаго имущества. По объясненію ген.-маіора Миронова, перевозка казеннаго имущества началась до его пріѣзда и продолжалась до 5-го Ноября, для чего назначено было 450 арбъ и нѣсколько десятковъ чарвадарскихъ лошадей. Въ продолженіи этого времени, вывезены были въ Кутаисъ весь артиллерійскій паркъ и часть сухарнаго провіанта. Транспорты конвоировались командами отъ 1½ роты Черноморскаго линейнаго № 10-го баталіона, отъ которой 6-го числа оставалось въ Усть-Цхенисъ-Цхали не болѣе 45-ти человѣкъ.

6-го числа выведены были въ Кутаисъ, военно-рабочая № 20-го рота и подвижная инвалидная № 96-го рота, съ которою отправился и подполковникъ Гегидзевъ. Тогда ген.-маіоръ Мироновъ предписалъ полковнику Писаревскому вступить въ должность воинскаго начальника Усть-Цхенисъ-Цхали.

7-го числа, ген. Мироновъ получилъ отъ кн. Багратіона Мухранскаго предписаніе за № 924-мъ *), при семъ въ копіи представляемое, въ которомъ онъ требовалъ немедленнаго отправленія въ Марань одной роты Черноморскаго линейнаго № 10-го баталіона и предписывалъ остальныя войска раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ меньшую оставить при складахъ, для истребленія ихъ въ случаѣ появленія турокъ, а большую часть перевести на лѣвый берегъ Ріона и оттуда зажечь ріонскій мостъ, если непріятель подойдетъ къ

*) Копія съ сего предписанія значится въ слѣдующемъ за симъ приложеніи, подъ букв. Кк.

устью р. Цхенисъ-Цхали, для спасенія же первой части назначить каюки.

Передъ тѣмъ прислана была въ Усть-Цхенисъ-Цхали одна рота Грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона, въ слабомъ составѣ, и возвратились изъ Кутаиса нѣкоторыя конвойныя команды, но по показанію генер. Миронова, всѣ части вмѣстѣ не превышали 150-ти человѣкъ.

Получивъ вышеозначенное предписаніе, ген.-маіоръ Мироновъ отдалъ приказаніе полковнику Писаревскому приготовить провіантскіе бунты, магазинъ и мостъ къ сожженію, для чего обложить ихъ хворостомъ, но не зажигать до особаго приказанія. Это происходило вечеромъ, когда вдругъ показалось зарево пожара со стороны Марани, гдѣ по приказанію кн. Мухранскаго зажжены были военный госпиталь на правомъ берегу рѣки Цхенисъ-Цхали, мостъ на этой рѣкѣ и почтовая станція съ казачьимъ постомъ на лѣвомъ ея берегу.

Не смотря на этотъ пожаръ, который могъ подать генералу Миронову поводъ думать, что непріятель уже наступаетъ, а также и на то, что предписаніе кн. Мухранскаго, указывая на такую предосторожность, какъ переводъ на лѣвый берегъ Ріона большой части слабой команды изъ 150-ти человѣкъ, могло привести къ заключенію, что со стороны непріятеля угрожаетъ, если не близкая, то по крайней мѣрѣ внезапная опасность—генералъ Мироновъ не приступалъ еще къ истребленію запасовъ. Положеніе его было затруднительное. Не имѣя за р. Цхенисъ-Цхали передовыхъ постовъ, которые бы могли извѣстить его о приближеніи непріятеля и располагая только небольшою частію войскъ въ числѣ 150-ти человѣкъ, растянутою на протяженіи цѣлой версты отъ крайнихъ провіантскихъ бунтовъ близь устья рѣки до ріонскаго моста, находившагося почти противъ дома воинскаго начальника подполковника Гегидзева, онъ не могъ не предвидѣть опасности со стороны непріятеля прежде, чѣмъ она сдѣлалась бы неотвратимою, ни задержать его, по слабости силъ, на столько времени чтобы истребить всѣ запасы. Рѣка Цхенисъ-Цхали была тогда отъ продолжительной засухи мелководна и имѣла удобные броды для переправы, а противоположный лѣсистый берегъ недопускалъ видѣть впереди ничего далѣе самаго берега.

Полковникъ Писаревскій передалъ полученное отъ генерала Миронова приказаніе ротному командиру своего баталіона поручику Никифорову, который съ своей стороны распредѣлилъ свою часть командами, по разнымъ мѣстамъ, для обложенія строеній и бунтовъ хворостомъ.

Выше сказано, что ріонскій мостъ находился противъ дома подполковника Гегидзева. Далѣе по теченію рѣки топографическое по-

ложеніе предметовъ было слѣдующее: подлѣ дома Гегидзева находился провіантскій магазинъ съ запасомъ сухарей, потомъ строенія артиллерійскаго парка, слободка роты сконцовъ, цейхгаузъ Черноморскаго линейнаго № 12-го баталіона и наконецъ два большихъ провіантскихъ бунта, за которыми мѣстность, въ углу, между сліяніемъ двухъ рѣкъ, оканчивалась построеннымъ тамъ редутомъ. Въ провіантскомъ магазинѣ было 1,500 четвертей сухарей, а въ бунтахъ болѣе 8,800 четвертей муки.

Къ бунтамъ послана была команда изъ 1-го унтеръ-офицера и 20-ти рядовыхъ Черноморскаго линейнаго № 10-го баталіона, къ которой потомъ присоединена была другая команда въ такомъ же числѣ, отъ роты Грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона.

Генералъ-маіоръ Мироновъ и полковникъ Писаревскій, находившіеся ближе къ мосту, показываютъ, что пожаръ начался около полуночи близь бунтовъ въ одномъ изъ строеній, которое было зажжено по случаю появленія на р. Ріонѣ нѣсколькихъ каюковъ, принятыхъ за начало переправы непріятеля. Но спрошенный мною унтеръ-офицеръ Черноморскаго линейнаго № 10-го баталіона, бывшій съ командою при бунтахъ, объяснилъ, что онъ каюковъ этихъ не видѣлъ, хотя ночью и обходилъ съ патрулями мѣстность въ углу вдоль берега обѣихъ рѣкъ и что пожаръ начался съ цейхгауза Черноморскаго линейнаго № 12-го баталіона, откуда пламя было переброшено на бунты. Ему неизвѣстно отъ чего начался этотъ пожаръ, но когда цейхгаузъ загорѣлся, то онъ слышалъ, что нѣсколько человѣкъ издали обращались къ нему съ вопросомъ: зачѣмъ онъ не зажигаетъ бунтовъ, когда войска начинаютъ уже отступать. Онъ утверждаетъ, что несмотря на то, онъ старался потушить пожаръ, но безуспѣшно. Пожаръ ограничился только бунтами и ближайшими къ нимъ строеніями, а домъ Гегидзева, ріонскій мостъ, сухарный магазинъ и слободка остались въ эту ночь цѣлыми. Не подлежитъ сомнѣнію, что часть провіанта была расхищена мѣстными жителями, но во время ли пожара, прежде того или послѣ, этого я не могъ узнать положительно по однимъ распросамъ.

Своевольство жителей было причиною, что на другой день кн. Мухранскій прислалъ въ Усть-Цхенисъ-Цхали 3-й баталіонъ Брестскаго пѣхотнаго полка подъ командою полковника Осипова, для возстановленія тамъ порядка. Генералъ Мироновъ, просившійся въ отрядъ, получилъ дозволеніе отправиться, а на полковника Осипова возложено было начальство надъ собранными въ Усть-Цхенисъ-Цхали частями войскъ. Въ прежнемъ предписаніи кн. Мухранскаго генералу Миронову, назначено было отступить этимъ войскамъ, въ случаѣ появленія непріятеля, лѣвымъ берегомъ Ріона къ Кутаису, а полков-

никъ Осиповъ получилъ другое приказаніе въ измѣненіе прежняго: слѣдовать въ такомъ случаѣ вдоль праваго берега Ріона въ с. Кулаши.

Полковникъ Осиповъ прибылъ съ баталіономъ въ Усть-Цхенисъ-Цхали во 2-мъ часу пополудни 8-го Ноября, и вскорѣ послѣ того получилъ отъ исправлявшаго при Гурійскомъ отрядѣ должность начальника штаба, полковника Услара, записку, въ которой изложено было приказаніе кн. Мухранскаго: сжечь мостъ, все что еще уцѣлѣло отъ ночнаго пожара въ Усть-Цхенисъ-Цхали и отступить на соединеніе съ отрядомъ. Такимъ образомъ ночной пожаръ, отъ чего бы онъ ни произошелъ—отъ нечаянности ли или отъ торопливости истребить запасы, чтобы они не попали въ руки непріятеля, ускорилъ только полусутками ихъ истребленіе, которое во всякомъ случаѣ послѣдовало бы 8-го числа, потому что оно входило въ соображеніе кн. Мухранскаго.

Соображеніе его о необходимости истребить всѣ запасы въ Усть-Цхенисъ-Цхали, основано было на стратегической невыгодѣ этого пункта, для обороны его. Большая редутъ-кальская дорога, пересѣкая р. Цхенисъ-Цхали у Марани, идетъ вдоль лѣваго берега этой рѣки отъ Марани до Ганири, гдѣ она поворачиваетъ на Кутаисъ. Рѣки Ріонъ и Цхенисъ-Цхали, составляютъ при своемъ сліяніи уголъ, въ которомъ было бы весьма опасно располагать войска, потому что непріятелю стоило бы только перейти послѣднюю рѣку при с. Ганири или выше, чтобы отрѣзать войска отъ Кутаиса и заставить ихъ принять невыгодный бой въ углу между двумя рѣками, или поспѣшно отступить. Въ случаѣ успѣха, непріятель въ обоихъ случаяхъ могъ бы предупредить насъ на большой дорогѣ въ Грузію въ Чхерамельскомъ ущельи, а въ случаѣ неудачи, онъ имѣлъ бы для своего отступленія верхнюю мингрельскую дорогу.

Запасы въ Усть-Цхенисъ-Цхали были истреблены большею частію въ ночь съ 7-го на 8-е, и окончательно послѣ полдня 8-го Ноября, а передовая кавалерія непріятеля показалась на р. Цхенисъ-Цхали только 10-го числа того же мѣсяца и 12-го отступила, уничтоживъ за собою устроенный непріятелемъ мостъ на р. Кобзе. Должно полагать, что первое движеніе Фергадъ-Паши къ Цхенисъ-Цхали, было только рекогносцировкою; но слѣдуетъ также заключить, что съ нимъ была не одна кавалерія, а шла пѣхота и что послѣдняя доходила до Кобзе; въ противномъ случаѣ не было бы надобности строить мостъ на этой рѣкѣ. Князь Багратіонъ Мухранскій, конечно не могъ знать, что движеніе Фергадъ-Паши будетъ только одною рекогносцировкою и что главныя силы непріятеля не послѣдуютъ далѣе р. Техура, но судя о событіи, послѣ того какъ оно исполнилось, нельзя не

пожалѣть, что къ истребленію Маранскаго магазина приступлено было столь преждевременно.

Подписалъ генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ 1-й.

Kk.

Копія съ предписанія начальника Гурійскаго отряда, генералъ-маіору Миронову, изъ Марани отъ, 7-го Ноября 1855-го года за № 924-мъ.

(весьма нужное).

Одну роту Черноморскаго № 10-го баталіона, прошу Ваше Превосходительство отправить съ полученія сего на Маранскую станцію для присоединенія къ отряду.

За симъ предлагаю Вамъ остальныя команды, остающіяся въ Усть-Цхенисъ-Цхали, раздѣлить на два отдѣленія: одно, меньшее, оставить на правомъ берегу Ріона, для того чтобы въ случаѣ приближенія турокъ къ устью, зажжены были всѣ строенія тамъ находящіяся, въ особенности же провіантскій магазинъ. Для этого отдѣленія приготовить нѣсколько каюковъ, чтобы послѣ зажженія, люди могли переправиться на лѣвый берегъ Ріона. Другое же отдѣленіе перевести на лѣвый берегъ Ріона и приготовить его, чтобы оно зажгло и уничтожило мостъ, въ случаѣ приближенія турокъ къ устью. За тѣмъ, всѣ части должны по лѣвому берегу Ріона пробраться къ Кутаису и присоединиться къ главнымъ силамъ тамъ, гдѣ будутъ онѣ находиться.

Подписалъ генералъ-маіоръ князь Багратіонъ Мухранскій.

ДВА ТОМА И АТЛАСЪ

ЦѢНА 8 руб.

